КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА:

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ИДЕОЛОГИЯ

1974

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА в 1974 г.

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ИДЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

К 45 **Китайская Народная Республика в 1974 г. Политика, экономика, культура.** Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». М., 1977.

295 с.

В книге содержатся основные информационно-справочные сведения политического и экономического характера, касающиеся КНР, дается анализ важнейших процессов общественной жизни страны.

К $\frac{11103\text{-}153}{013(02)\text{-}77}$ 63-46-14-77 32И+33И+37И

ОТ РЕДАКЦИИ

Сборник «Китайская Народная Республика в 1974 г. Политика, экономика, идеология» содержит основные сведения о социально-экономическом устройстве, политике и культуре КНР, о деятельности партий и другие данные, относящиеся к 1974 г.[1].

Из многочисленных событий, происходивших в 1974 г. внутри страны, в выпуске выделены следующие: 25-я годовщина образования КНР, подготовка к 1-й сессии ВСНП четвертого созыва, кампания «критики Линь Бяо и Конфуция».

1974 год, как и предыдущий, характеризовался неустойчивостью внутриполитического положения в Китае. Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», особенно получившая размах с февраля, вызвала новое политическое брожение в стране.

Материалы сборника вскрывают истинное положение в стране — тяжелые условия существования китайского народа, трудности в экономике (отчасти вызываемые усиленным наращиванием военно-промышленного потенциала), серьезные негативные явления в области культуры.

Для внешней политики КНР по-прежнему были характерны такие тенденции, как сближение с империалистическими странами и обострение антисоветизма, противодействие разрядке международной напряженности, активизация раскольнической деятельности в международном рабочем и коммунистическом движении.

На 1-й сессии ВСНП четвертого созыва, состоявшейся в январе 1975 г., разрядка международной напряженности была объявлена «несуществующей». В новую конституцию КНР, принятую на этой сессии, включены призывы «готовиться к войне».

Ни сессия ВСНП, ни новая конституция не дали китайскому народу позитивной научно обоснованной программы строительства социалистического общества.

В 1974 г. усилился поток антисоветской пропаганды. Открыто заявляя, что Китай «не может говорить о мире и дружбе с Советским Союзом», китайская печать пыталась клеветнически изобразить Советский Союз классовым врагом китайского пролетариата, национальным врагом китайского народа.

Однако попытки очернить первое в мире социалистическое государ-

---

[1] Исторический очерк КНР, охватывающий период 1949—1973 гг., см. в предыдущем выпуске — «Китайская Народная Республика: политическое и экономическое развитие в 1973 году». М., 1975.

ство неизбежно терпят крах. Всему миру известно, какой большой вклад внесли КПСС и Советский Союз в дело освобождения народов, находившихся под игом империализма (в том числе народов Китая), и строительство социализма в КНР. Советский народ твердо уверен в том, что жизненные интересы народов Советского Союза и Китая не противоречат друг другу. Напротив, они диктуют необходимость добрососедства и сотрудничества, которые в конечном счете восторжествуют. Советский народ полностью поддерживает выработанный XXIV и развитый XXV съездом КПСС курс в отношении Китая, выступления Л. И. Брежнева, выражающие уверенность в том, что если в Пекине возвратятся к политике, действительно основанной на марксизме-ленинизме, станут на путь сотрудничества и солидарности с миром социализма, то откроется возможность для развития добрых отношений между СССР и КНР.

Данный сборник подготовлен научным коллективом сотрудников Института Дальнего Востока. Вследствие отсутствия официальных публикаций статистических данных в КНР при составлении сборника встретились известные затруднения. Несмотря на то что авторы использовали материалы китайской и иностранной прессы, а также оценочные данные советских и зарубежных ученых, некоторые стороны жизни КНР оказались освещенными недостаточно. Коллектив института будет благодарен всем читателям за объективную критику, советы и пожелания в связи с выходом в свет данного сборника.

25 ЛЕТ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Четверть века отделяет нас от исторического события в жизни китайского народа — образования Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. К моменту создания КНР китайский народ под руководством КПК вопреки маоистской теории «новой демократии» об особом пути развития (невозможность строительства социализма, неприемлемость для Китая в качестве основы политического строя диктатуры пролетариата) избрал социалистический путь. В начале 50-х годов ЦК КПК разработал генеральную линию в переходный период к социализму, предусматривавшую в течение трех пятилеток проведение социалистического преобразования китайской деревни и создание индустриально-аграрного государства.

25 лет существования Китайской Народной Республики представляют собой достаточный срок для того, чтобы сделать некоторые обобщения о социально-экономическом и политическом развитии страны.

В эти годы в развитии КНР прослеживаются две различные линии экономической политики: в 1949—1957 гг.— последовательного развития по социалистическому пути, а с 1958 г.— коренного изменения генеральных установок VIII съезда КПК. Первый период охватывает годы восстановления (1949—1952) и первую пятилетку (1953—1957); второй период — «большой скачок» (1958—1960), годы «урегулирования» (1961—1965), «культурную революцию» (1966—1969) и последующий отрезок времени вплоть до наших дней.

В первый период экономическое строительство в стране осуществлялось на основе генеральной линии партии в переходный период, сформулированной в 1953 г. (впоследствии подтвержденной конституцией КНР 1954 г. и решениями 1-й сессии VIII съезда КПК 1956 г.). Генеральная линия, выработанная в результате активной деятельности социалистических, интернационалистских сил партии, соответствовала марксистско-ленинскому учению о переходе к социализму, отвечала насущным потребностям народа, отражала реальные возможности в темпах развития экономики, социально-экономических преобразований, намечала обоснованные изменения в народнохозяйственных пропорциях.

Во введении к конституции 1954 г. говорилось: «Период от создания Китайской Народной Республики до построения социалистического общества есть переходный период. Основными задачами государства в переходный период являются постепенное осуществление социалистической индустриализации, постепенное завершение социалистических преобразований в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, а также капиталистической промышленности и торговле»[1].

В этот период были проведены качественные преобразования в базисе и надстройке, которые коренным образом изменили социально-экономический и политический облик страны, открыв перспективу развития к социализму.

За первые восемь лет после образования КНР были достигнуты значительные успехи в развитии производительных сил и осуществлении социально-экономических преобразований в городе и деревне. В эти годы национальный доход КНР возрос более чем в 2,5 раза, совокупная валовая продукция промышленности и сельского хозяйства — в 3 раза, среднегодовые темпы роста соответственно составили 12 и 15%, а среднегодовой темп роста валовой продукции промышленности — 23,5%[2]. Высокие темпы свидетельствовали об успешном проведении курса на социалистическую индустриализацию.

В то же время произошли качественные сдвиги в социально-экономической структуре народного хозяйства, в развитии страны по пути к социализму. Была ликвидирована феодальная и полуфеодальная эксплуатация подавляющего большинства населения страны — крестьян; покончено с господством иностранного и бюрократического капитала; был создан государственный сектор, который занял решающие позиции в ведущих отраслях промышленности, в современных видах транспорта и связи, в сфере денежного обращения и кредита, в оптовом товарообороте. Были осуществлены кооперирование в сельском хозяйстве и кустарной промышленности, государственно-капиталистическое преобразование частной промышленности и торговли. В итоге доля государственного сектора в создании национального дохода за годы первой пятилетки возросла с 19,1 до 33,2%, кооперативного хозяйства — с 1,5 до 56,4%, государственно-капиталистического сектора — с 0,7 до 7,6%. На долю единоличного сектора в 1957 г. приходилось всего 2,8% в структуре национального дохода[3].

---

[1] «Конституция КНР». М., 1954, с. 3—4.

[2] Рассчитано на основании данных кн. «Развитие экономики стран народной демократии Европы и Азии (Статистический сборник)». М., 1961, с. 239, 247, 257.

[3] Там же, с. 239.

Одним из определяющих условий движения Китая по пути к социализму в первые годы явилась широкая материальная и моральная поддержка стран социалистического содружества, и прежде всего Советского Союза.

К концу первой пятилетки в стране была заложена материальная база для планомерной социалистической индустриализации, укрепления и развития основ социалистических производственных отношений, значительного повышения материального и культурного уровня трудящихся масс, совершенствования политических форм народной демократии и т. д.

Перспективы поступательного развития Китая по пути к социализму были сорваны в результате навязанного стране пекинским руководством мелкобуржуазного по своей сущности курса.

Второй период, начавшийся в 1958 г., характеризуется отказом китайского руководства от прежней линии социалистического строительства и переходом на рельсы «особого курса», на путь подчинения экономического развития великодержавно-шовинистическим устремлениям.

Определяющая черта этого периода социально-экономического развития КНР состоит в том, что в результате проведения подобной внутренней и внешней политики поставлены под угрозу социалистические завоевания китайского народа.

Изменения в Китае за 25 лет свидетельствуют о чрезвычайно сложном, порой противоречивом и болезненном процессе становления нового способа производства в экономически и политически отсталой стране с архаичной социальной структурой, с низким культурным уровнем.

Усилия были направлены на максимальное подчинение функционирования народнохозяйственного организма страны целям реализации националистических устремлений. Для этого пекинское руководство проводило политику милитаризации общественной жизни, экономика страны искусственно разделялась на две сферы: сферу, связанную с наращиванием военно-экономического потенциала, и сферу нужд гражданского производства и потребностей широких масс трудящихся. При этом первая сфера прежде всего обеспечивалась материальными и финансовыми средствами, высококвалифицированными кадрами, передовой технологией, современными видами транспортного обслуживания и т. д.

Политика милитаризации все более обостряла диспропорции между производством и потреблением, производством средств производства и производством предметов потребления, потреблением и накоплением и т. д., затрудняя тем са-

мым процесс общественного воспроизводства и снижая темпы экономического роста. Так, за второй период, т. е. с 1958 по 1974 г. включительно, среднегодовые темпы роста национального дохода по сравнению с годами первой пятилетки составили 4,8% (против 8,9%), совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — 4,6% (против 11%), валовой продукции промышленности — 6,3% (против 18%), сельского хозяйства — 1,5% (против 4,5%). Особо следует отметить положение в экономике КНР в последующие восемь лет (1967—1974), включая период «культурной революции». Среднегодовой темп прироста в производстве национального дохода за эти годы составил всего 4,3%, совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — 4,3, валовой продукции промышленности — 4,8%.

Удельный вес промышленности в создании национального дохода КНР в 1974 г. составил 36,6% против 18% в 1952 г., последнем году восстановительного периода, когда в важнейших отраслях материального производства в основном был достигнут максимальный уровень производства до провозглашения КНР. Стоимость валовой продукции промышленности в 1974 г. возросла в 6,3 раза, сельского хозяйства — в 1,6 раза, совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — в 3,5 раза, физический объем национального дохода — в 3,4 раза по сравнению с уровнем 1952 г. В целом это сравнительно высокие темпы экономического роста страны за четверть века. Однако они достигнуты в значительной мере за счет чрезвычайно высоких темпов развития в первые годы после провозглашения КНР (1949—1957) [4].

До сих пор в КНР отраслевая структура народного хозяйства продолжает оставаться отсталой. Сельское хозяйство вместе с отраслями промышленности, перерабатывающими сельскохозяйственное сырье, в 1974 г. давало более 50% национального дохода. В общих затратах труда продолжает абсолютно преобладать ручной труд. Обостряются общехозяйственные диспропорции.

Политика руководства КНР в области экономического строительства после 1957 г., направленная на ограничение уровня потребления населения, наращивание военно-промышленного потенциала, насаждение полунатуральных, самообеспечивающихся хозяйственных комплексов, на свертывание торговых и научно-технических связей с Советским

---

[4] Все расчеты выполнены: за 1949—1957 гг. — на основе официальных данных ГСУ КНР (см. «Великое десятилетие».— «Вэйдады шинянь», Пекин, 1960); за 1958—1974 гг. — на основе оценочных данных ИДВ АН СССР.

Союзом и некоторыми другими социалистическими странами, привела к понижению объективно возможных темпов экономического роста страны, поставила под угрозу социалистические завоевания китайского народа.

В целом экономическое положение КНР было напряженным. Оно характеризовалось неустойчивостью, колебаниями уровней производства в различных отраслях народного хозяйства, постоянным дефицитом некоторых важнейших товаров, нарушением снабженческо-сбытовых связей и т. п.

Во внутренней политике китайское руководство, игнорируя общие объективные закономерности развития социалистического общества, жизненные интересы китайского народа, продолжало свой авантюристический курс, подчиненный великодержавно-гегемонистским устремлениям. В 1974 г. внутриполитическая ситуация оставалась неустойчивой, хотя стоящему у власти руководству удалось обеспечить контроль над всеми основными звеньями политической системы страны.

Китайские руководители упорно навязывали свое идейное господство партии и народу, обрабатывали население в духе великодержавного шовинизма и антисоветизма.

На состоявшейся в январе 1975 г. сессии ВСНП четвертого созыва была принята, по сути дела, совершенно новая по своему содержанию конституция КНР, которая явилась документальным свидетельством утраты части важных социалистических завоеваний китайского народа. Эта конституция принципиально отличается от предшествующей (1954 г.). Провозглашая господство в обществе двух форм собственности (государственной и коллективной), она не содержит никаких реальных социально-политических, правовых и экономических гарантий, которые обеспечили бы реализацию в интересах трудящихся общественной по форме собственности на средства производства в современном Китае. С целью узаконения методов «культурной революции», о которой на X съезде КПК говорилось, что она будет проводиться в стране периодически через каждые семь-восемь лет, в новую конституцию включены «права» на «широкие дискуссии и дацзыбао», «забастовки». Это понадобилось пекинскому руководству для сохранения возможностей подавления оппозиции на основе лозунгов «бунт — дело правое», «огонь по штабам», которые активно использовались при разгроме цзаофанями и хунвэйбинами КПК, органов народно-демократической власти, массовых общественных организаций. Газета «Правда» писала по этому поводу: «Это — права не для трудящихся Китая, а для борьбы против них. Кампания „критики Линь Бяо и Конфуция“ характеризовалась безудержной апологией насилия, прославлением деспотов древ-

него Китая вроде императора Цинь Ши-хуана, отличавшегося особой жестокостью»[5].

В новой конституции узаконены волюнтаристские принципы организации и управления народного хозяйства страны и среди них такие, как «политика — командная сила», «подготовка на случай войны» и др. Вместе с тем в явном противоречии с ними включены также положения, нацеленные на известную стабилизацию экономики, ее плановое развитие, использование материальных стимулов и т. д. В новую конституцию внесены многозначительные изменения, касающиеся сферы государственного строительства. В конституции законодательно закреплен статус «народных коммун», созданных в ходе «культурной революции» после разгрома законных органов власти, а также статус «ревкомов».

В основе внешней политики китайского руководства попрежнему лежали антисоветизм и великодержавно-гегемонистские цели. Потерпев неудачу в попытках навязать мировому антиимпериалистическому фронту свою линию, руководители КНР в начале 70-х годов пошли на сближение с определенными кругами развитых капиталистических стран.

Для реализации великоханьских целей на международной арене использовался напряженный труд сотен миллионов китайцев, который направляется прежде всего на форсированное наращивание военно-промышленного потенциала. Поэтому китайское руководство враждебно воспринимало происходящую в мире разрядку международной напряженности и прокладывающую себе дорогу тенденцию к сокращению вооружений, видя в этих явлениях укрепление мощи и престижа СССР и других социалистических стран.

Пекинские руководители стремились сохранить состояние международной напряженности. Они усилили пропаганду «угрозы с Севера» (т. е. со стороны СССР) и неизбежности новой мировой войны. На X съезде КПК была выдвинута формула: «Разрядка — явление временное и поверхностное, а колоссальные беспорядки будут продолжаться и дальше». На январской сессии ВСНП международная разрядка объявлена «несуществующей». По сути дела, при всех демагогических заверениях Пекина о приверженности принципам мирного сосуществования стран с различными социальными системами внешняя политика китайского руководства преследовала цели не развития дружбы и равноправия народов, а сохранения очагов существующих конфликтов и раздувания противоречий между странами.

Составной частью внешней политики КНР являлся курс на подчинение Пекину в экономическом, политическом и

---

[5] «Правда», 5.II.1975.

идеологическом плане развивающихся стран как средство подкрепления своих гегемонистских планов. Официальные круги Пекина неустанно повторяли, что «Китай — развивающаяся социалистическая страна», что он относится к «третьему миру». Однако, изображая себя борцами против «сверхдержавного гегемонизма», маоисты пытались навязать Китай в качестве лидера «третьего мира». Китайские руководители манипулировали декларациями о социализме и диктатуре пролетариата, но все бóльшему числу стран, большинству революционных сил мира становилось очевидным, что внешняя политика Пекина была враждебна силам исторического прогресса, силам, выступающим за сохранение мира, укрепление демократии, социализм.

За 25 лет существования Китайской Народной Республики страна добилась значительных успехов в экономике, культуре, науке. Фундамент этих успехов был заложен в основном в период 1949—1957 гг., когда руководство КПК и государства придерживалось марксистско-ленинских принципов социалистического строительства, выступало в едином строю с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, прогрессивными силами всего мира. Весь последующий период в истории КНР, начиная с «большого скачка», наглядно показал, к чему ведут измена принципам марксизма-ленинизма, отход от стран социалистического содружества, вступление на путь великоханьского шовинизма. Огромная страна, с многочисленным народом, обладающая богатейшими природными ресурсами, снизила темпы экономического роста, оказалась во внешнеполитической изоляции, под гнетом военно-бюрократического режима.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Территория — 9 597 520 кв. км (т. е. менее 25% площади Азии и около $^1/_{14}$ всей мировой суши). Протяженность страны в широтном направлении — 5700 км, в меридиональном — 3650 км.

Протяженность границ — 36,5 тыс. км, в том числе свыше 21,5 тыс. км по суше и около 15 тыс. км — морские границы; протяженность советско-китайской границы — 7518 км. Китай граничит с КНДР, СССР, МНР, Афганистаном, Индией, Непалом, Бирмой, Лаосом и ДРВ.

Поверхность страны — преимущественно гористая: $^2/_3$ территории расположено выше 1000 м над уровнем моря и лишь $^1/_6$ территории — равнины. Самая высокая точка — вершина Джомолунгма (в Гималаях) — 8882 м.

Крупнейшие реки: Янцзы (5800 км), Сицзян (2129 км), Хуанхэ (4845 км).

Города КНР: столица — Пекин (население в 1970 г. — 7,6 млн.); другие крупные города: Шанхай — 10,8 млн., Тяньцзинь — 6,9 млн., Шэньян — 2,8 млн., Ухань — 2,6 млн., Гуанчжоу — 2,5 млн., Чунцин — 2,4 млн., Нанкин — 1,75 млн., Харбин — 1,7 млн., Люйда (Порт-Артур — Дальний) — 1,7 млн., Сиань — 1,6 млн.

В КНР насчитывается 43 города с населением, превышающим 500 тыс., и 21 город с населением свыше 1 млн. человек.

Население. Китай находится на первом месте в мире по числу жителей, которое составляет 22—23% общей численности населения земного шара.

Оценка численности населения КНР (без о-ва Тайвань), *млн. человек*

1949 г. — 541,6	1958 г. — 659	1967 г. — 750
1950 г. — 551,9	1960 г. — 686	1968 г. — 760
1951 г. — 563	1961 г. — 692	1969 г. — 772
1952 г. — 574,8	1962 г. — 698	1970 г. — 785
1953 г. — 587,9	1963 г. — 702	1971 г. — 797
1954 г. — 601,7	1964 г. — 715	1972 г. — 809
1955 г. — 614,6	1965 г. — 729	1973 г. — 820
1956 г. — 627,8	1966 г. — 739	1974 г. — 833
1957 г. — 647		

Прирост населения за последние годы составляет примерно 1,4% (12—13 млн. в год); средняя плотность населения в 1972 г. — 84 человека на 1 кв. км.

Административное деление КНР. В административном делении КНР имеется четыре уровня.

1) Провинциальный уровень, куда относятся: провинции — 21 (без Тайваня); национальные автономные районы — 5; города центрального подчинения — 3.

2) Окружной уровень, куда относятся: национальные автономные округа — 29; административные районы — 1; округа — 174; аймаки — 7.

3) Уездный уровень, куда относятся: уезды — 2007; национальные автономные уезды — 66; хошуны — 53; национальные автономные хошуны — 3; села уездного разряда («чжэнь») — 1.

4) «Народные коммуны».

Города центрального подчинения

Пекин (Бэйцзин) — столица КНР, городских районов — 9, уездов — 9.

Тяньцзинь, городских районов — 12, уездов — 5.

Шанхай, городских районов — 10, уездов — 10.

Провинции

1. Аньхой (площадь 130 тыс. кв. км), провинциальный центр — г. Хэфэй.
2. Ганьсу (530 тыс. кв. км) — Ланьчжоу
3. Гуандун (220 тыс. кв. км) — Гуанчжоу
4. Гуйчжоу (170 тыс. кв. км) — Гуйян
5. Ляонин (230 тыс. кв. км) — Шэньян
6. Сычуань (560 тыс. кв. км) — Чэнду
7. Фуцзянь (100 тыс. кв. км) — Фучжоу
8. Хубэй (180 тыс. кв. км) — Ухань
9. Хунань (210 тыс. кв. км) — Чанша
10. Хэбэй (190 тыс. кв. км) — Шицзячжуан
11. Хэйлунцзян (710 тыс. кв. км) — Харбин
12. Хэнань (160 тыс. кв. км) — Чжэнчжоу
13. Цзилинь (290 тыс. кв. км) — Чанчунь
14. Цзянси (160 тыс. кв. км) — Наньчан
15. Цзянсу (100 тыс. кв. км) — Нанкин (Наньцзин)
16. Цинхай (720 тыс. кв. км) — Синин
17. Чжэцзян (100 тыс. кв. км) — Ханчжоу
18. Шаньдун (150 тыс. кв. км) — Цзинань
19. Шаньси (150 тыс. кв. км) — Тайюань
20. Шэньси (190 тыс. кв. км) — Сиань
21. Юньнань (380 тыс. кв. км) — Куньмин

Всего в КНР насчитывается 22 провинции (в том числе Тайвань).

Автономные районы

1. Внутренняя Монголия (400 тыс. кв. км) — Хух-Хото
2. Гуанси-Чжуанский автономный район (230 тыс. кв. км) — Наньнин.
3. Нинся-Хуэйский автономный район (170 тыс. кв. км) — Иньчуань.
4. Синьцзян-Уйгурский автономный район (1600 тыс. кв. км) — Урумчи.
5. Тибетский (1200 тыс. кв. км) — Лхаса.

Минерально-сырьевые ресурсы. Китай занимает одно из первых мест в мире по разведанным запасам важнейших видов полезных ископаемых, таких, как уголь, горючие сланцы, руды многих цветных металлов, особенно вольфрам и сурьма, алюминиевое сырье, молибден, марганец, магнезит, фосфорит, графит и др.

Однако выявленные минеральные ресурсы по важнейшим их видам распределены на территории Китая неравномерно. Так, основные запасы угля, бóльшая часть железной руды, молибдена, хрома, никеля и магнезита расположены в северных областях страны, к северу от линии хребет Циньлин — р. Хуайхэ. Преобладающая часть запасов руд цветных металлов, медных и марганцевых руд, плавикового шпата, асбеста, крупные залежи фосфоритов находятся в южных районах; самые значительные ресурсы природного газа имеются в пров. Сычуань на юго-западе, основные месторождения хрома — в пров. Цзилинь на северо-востоке.

Подобное размещение полезных ископаемых предопределяет и возможные направления поисковых работ: угля и железной руды — на юге страны, цветных металлов — на севере, фосфоритов — на северо-западе, севере и северо-востоке, нефти — на востоке и на юге. Основной целью новых исследований является обеспечение надежной сырьевой базой тяжелых отраслей промышленности. Это направление особенно отчетливо проявилось после «культурной революции» в связи с курсом китайских руководителей на милитаризацию страны. Фронт геологоразведочных работ не только расширился и изменился в сторону всестороннего изучения минеральных богатств и выявления новых месторождений, но и приобрел новый качественный характер — изыскания остродефицитных видов стратегического сырья.

При всем многообразии и значительности большинства видов имеющихся в стране полезных ископаемых промышленность Китая испытывает в последнее время острый недостаток в ряде важных минералов. Например, металлургическая промышленность не полностью обеспечена рудами марганца, хрома, никеля, кобальта и титана; ускоренное развитие военных отраслей сдерживается узкой сырьевой базой радиоактивных и редких элементов — циркония, тантала, висмута, бериллия, урана, радия, о ресурсах которых в стране еще очень мало известно. В цветной металлургии по-прежнему ощущается нехватка алюминия, меди, свинца и цинка, их импорт примерно равен производству[1].

---

[1] «Mining Journal Annual Review», London, 1975. с 374.

В промышленности КНР сказывается острая нужда в алмазах; не полностью удовлетворяются потребности химической и других отраслей промышленности в серном сырье. До последнего времени одним из самых дефицитных видов сырья для Китая была нефть. Геологи КНР разведали много новых крупных месторождений, что значительно расширило представление о нефтяных залежах Китая. В настоящее время площадь нефтеносных районов, по некоторым данным, составляет примерно 40% всей территории страны. Наиболее перспективными по добыче нефти оказались Сунгарийская равнина (Сунляо) на северо-востоке и Северокитайская равнина в Северном Китае. С конца 1959 г. начали действовать Дацинские промыслы, расположенные на границе провинций Цзилинь и Хэйлунцзян с центром в г. Аньда. Эксплуатация этих месторождений существенно изменила географию нефтяной промышленности страны; сейчас на Дацин приходится примерно 25% всей нефтедобычи КНР. С 1964 г. началась добыча нефти на промыслах Шэнли на побережье Бохайского залива, с 1972 г.— на промыслах Даган, недалеко от Тяньцзиня. В 1974 г. открыто месторождение нефти в уезде Наньхай пров. Гуандун у побережья Южно-Китайского моря, где строится крупный нефтехимический комплекс[2].

Определенный промышленный интерес представляют нефтеносные поля, расположенные вдоль всего китайского побережья, но их исследование сдерживается из-за слабости технической базы и отсутствия необходимого числа кадров специалистов-нефтяников в КНР.

Земельные ресурсы. КНР, располагая огромным земельным фондом — 959,7 млн. га, занимает по общей площади третье место в мире (после СССР и Канады), а по площади сельскохозяйственных угодий — четвертое место (после СССР, США и Австралии). Однако по природным условиям КНР находится в менее благоприятных условиях, чем многие другие страны: $^2/_3$ ее территории расположены выше 1000 м над уровнем моря и лишь $^1/_6$ часть занята равнинами, лежащими на абсолютных уровнях 0—500 м. Около 60% территории страны находится в областях с преобладанием холодного климата, свыше 15% — в пустынных, где при обилии тепла количество осадков крайне ограниченно. Районы с благоприятным сочетанием тепла, влаги и почв, пригодных для земледелия, охватывают примерно 22% территории страны.

Площадь сельскохозяйственных угодий КНР на 1974 г. оценивается в 300 млн. га (без лесов), т. е. 30% территории страны[3]. Сравнительно низкий удельный вес использования

---

[2] «Far Eastern Economic Review», Hongkong, 1975, November, 7, vol. 90, № 45, с. 32.

[3] «Сельское хозяйство КНР. 1966—1973». М., 1975, с. 57.

территории в сельскохозяйственных целях является одной из особенностей структуры земельного фонда КНР. Она обусловлена не столько природными условиями, сколько низким уровнем материально-технической базы страны и экономической политикой маоистского руководства. В составе сельскохозяйственных угодий преобладают луга и пастбища — 67%, пашня занимает 28%, сады и виноградники — около 5%. Небольшая доля пашни, которая по отношению к общей площади страны составляет 11,5%, характеризует вторую особенность структуры земельного фонда КНР. Особенно в невыгодном положении оказывается Китай по обеспеченности пашней на душу населения — 0,14 га, что в 5 раз меньше, чем в США, и в 2,5 раза меньше, чем в соседней густонаселенной Индии.

Размещение сельскохозяйственных угодий вследствие указанных природных особенностей КНР отличается крайней неравномерностью: в отдельных провинциях и автономных районах показатель распаханности земель колеблется от 0,7 до 60,3%. Самые крупные массивы пахотных земель (приблизительно 80% всего пахотного фонда) сосредоточены в восточной, наиболее экономически развитой части страны, обладающей значительными участками равнин и благоприятными почвенно-климатическими условиями. Западная территория страны, занимающая более половины (58%) общей площади, располагает лишь $^1/_5$ частью пашни; здесь находятся основные площади пастбищ и лугов (200 млн. га, или 20% территории страны), которые служат базой для скотоводства. Площади многолетних насаждений распределены по территории страны относительно равномерно: сады и ягодники преимущественно сконцентрированы в северных и северо-восточных провинциях, виноградники — в оазисах на северо-западе, посадки цитрусовых — в южных и юго-западных провинциях.

За годы существования КНР структура земельного фонда неоднократно менялась, но соотношение угодий характеризовалось незначительными колебаниями, которые касались в первую очередь пахотного фонда.

В 1974 г., по официальным китайским данным, пахотная площадь страны составила 107 млн. га, по другим данным — 127 млн. га[4]. Большинство исследователей Китая пахотный фонд оценивают в 110—112 млн. га, т. е. на уровне 1957 г.

Лесные ресурсы. В КНР леса занимают площадь около 100 млн. га[5] (или 10% территории), составляя 2,5% лесо-

---

[4] «China Now». London, 1974, № 39, с. 14.

[5] S. Richardson, Forestry in Communist China. Baltimore, 1966, c. 237.

покрытой площади земного шара. Общий запас древесины достигает 7,5 млрд. куб. м[6], или 2,3% мировых запасов. По оценочным данным, в 1974 г. в Китае на душу населения приходилось 0,12 га лесной площади и 9,1 куб. м древесины против соответствующих 22,7 га и 1224,6 куб. м в Канаде, 18,2 га и 191 куб. м в Австралии. Однако по разнообразию древесных пород Китаю принадлежит первое место в мире. В его лесах произрастает свыше 2500 видов деревьев, 4500 видов кустарников, имеется около 500 ценных древесных пород, 50 эндемиков.

Удельный вес хвойной древесины в лесозаготовках равен примерно 45%, что соответствует доле хвойных пород в составе лесов. Выход деловой древесины в Китае очень низок и едва превышает 25% общего объема заготовок (в США — 91%, в Канаде — 95, в Японии — 85%). Использование деловой древесины производится весьма нерационально: свыше ³/₄ расходуется в шахтах (в качестве крепежного материала) и на железных дорогах (для изготовления шпал) и только 4—5% — в бумажной промышленности.

Водные ресурсы. По обеспеченности водными ресурсами КНР занимает четвертое место в мире после СССР, Бразилии и США. Средний объем стока основных рек Китая превышает 2,5 тыс. куб. км в год[7], или 6,75% стока рек земного шара. Но водообеспеченность на душу населения невысока — всего 3,3 тыс. куб. м в год[8] (почти в 3 раза меньше, чем в среднем на земном шаре). Известно, что ресурсы подземных вод в КНР весьма значительны, но их запасы точно не определены.

Расположение водных ресурсов по территории страны очень неравномерно и в целом не соответствует размещению населения, промышленного и сельскохозяйственного потенциала. 38,5% водных ресурсов приходится на бассейн р. Янцзы, более 17% — на бассейны рек Южного Китая (Чжуцзян, Миньцзян, Цяньтанцзян) и лишь 5% стока — на плотнонаселенную Северокитайскую равнину (реки бассейнов Луаньхэ, Хайхэ, Хуанхэ и Хуайхэ), которая служит важной сельскохозяйственной базой страны. Наиболее развитой в промышленном отношении Северо-Восточный Китай имеет лишь 7,7% годового стока (реки бассейнов Амура и Ляохэ). Почти ²/₃ площади Китая, в их числе степные районы Северо-Восточного Китая, пустынные территории Северо-Западного Китая и Тибета, в течение года постоянно испытывают

---

[6] Там же.

[7] Подсчитано по данным кн.: «Физическая география Китая». М., 1964, с. 206.

[8] Подсчитано на основании оценки населения Китая в 1974 г.— 833 млн.

острый недостаток воды. Особенно большой дефицит воды характерен для северо-западной части страны, включающей Синьцзян-Уйгурский автономный район и пров. Ганьсу, где выпадает от 5 до 600 мм осадков в год. Возобновляемые поверхностные водные ресурсы формирующихся здесь рек (Или, Яркенд, Тарим, Черный Иртыш) составляют менее 3,5% годового стока Китая. И только $^1/_3$ территории, охватывающая юго-восточное побережье и острова Тайвань и Хайнань, относится к зоне, богатой поверхностными водами.

Чрезвычайно актуальной становится проблема обеспечения водой крупных промышленных комплексов как в засушливых северо-западных районах, так и в среднеобеспеченных водой районах на северо-востоке и востоке страны. Напряженность в обеспечении водой объясняется не только количественной недостачей воды, но и загрязнением поверхностных, а в ряде случаев и подземных вод промышленными стоками и химикатами, применяемыми в сельском хозяйстве [9].

Охрана и воспроизводство природных ресурсов все чаще служат предметом обсуждения для китайской прессы. Недавно из сообщений печати стало известно о создании при Государственном совете КНР нового Управления по охране окружающей среды; журнал «Хунци» посвятил данной проблеме пространную статью; в этой области ведут работы крупные научно-исследовательские институты и частично учебные заведения страны. В качестве основных задач исследовательской работы Института географии в Нанкине, например, значатся такие направления, как разработка способов защиты окружающей среды от загрязнения, методы борьбы с эрозией почв, засухами и наводнениями, песчаными бурями, предотвращения засоления и заболачивания почв [10].

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

С конца 60-х годов в КНР осуществлялся новый этап демографической политики, направленной на снижение темпов роста населения. В последнее время отмечалась наибольшая активность в этой области. В отличие от прошлых кампаний по ограничению рождаемости, когда преобладали чисто пропагандистские мероприятия, для данного периода характерно воздействие на население с помощью более ра-

---

[9] «Current Scene. Development in the People's Republic of China». 1974, vol. XII, № 12, с. 19—21.

[10] «Revue géographique». Montreal, 1974, № 2, с. 169—177.

дикальных мер, дающих непосредственные результаты. Движение приняло общенациональные масштабы, особенной интенсивностью оно отличалось в многонаселенных провинциях страны. Согласно сообщению агентства Синьхуа, «плановое деторождение, проводимое по предложению правительства и на добровольных началах, имеет в Китае широкую массовую основу».

Для выполнения целей кампании при Государственном совете, а также во всех провинциях, городах центрального подчинения, округах, уездах и «народных коммунах» созданы организации по «плановому деторождению», которые вместе с различными учреждениями здравоохранения приняли на себя руководство деятельностью по ограничению рождаемости. Обеспечивая «контроль за рождаемостью» в каждом уличном комитете, учреждении, предприятии, бригаде, специально выделенные активисты ведут наблюдение за определенной группой населения. На своем участке они собирают сведения о количестве детей в семьях, родившихся в течение года, проводят беседы, распространяют средства ограничения рождаемости. Периодически созываемые собрания по месту жительства и работы планируют сроки вступления в брак, рождения детей, решают, кому из женщин в текущем году следует иметь ребенка, и т. д. Между отдельными улицами, предприятиями, «коммунами» проводится соревнование по снижению рождаемости. Так, жителями одной из пекинских улиц было принято коллективное обязательство снизить коэффициент рождаемости за год на 7,5‰.

В 1974 г. в китайской печати появились сообщения о том, что государство берет на себя все расходы, связанные с ограничением деторождения, включая расходы на осмотр, госпитализацию, хирургические операции. В широком масштабе проводились мероприятия по распространению среди населения средств контрацепции. По мнению западных ученых, в настоящее время все население репродуктивного возраста в КНР обеспечено противозачаточными средствами. Каждая пациентка на предприятиях и в учреждениях, в «народных коммунах» прикреплена к медицинскому работнику, который ежемесячно выдает ей определенную норму. В городских центрах заведены индивидуальные карточки на всех женщин репродуктивного возраста и отчетность об использовании различных средств. Женщинам, имеющим двух-трех детей, рекомендуются операции по стерилизации и прерыванию беременности.

Повсеместный жесткий контроль за рождаемостью приносит ощутимые результаты. В городских районах, где меры наиболее эффективны, «планированием семьи» охвачены 90% населения репродуктивного возраста. Общий коэффициент

рождаемости по стране в настоящее время сократился до 22—24‰[11] (примерно на 40% по сравнению с периодом 50-х годов[12]). Естественный прирост населения составляет: в Шанхае (включая пригородные уезды) — 0,48%, в Пекине (включая пригородные уезды) — 0,97; в провинциях Сычуань — 0,3%, Аньхой — 1,1, Шаньдун — 1,2, Цзянсу — 1,2, Хэнань — 1,3%. Оценивая в общенациональном масштабе темпы естественного прироста населения в КНР в 1974 г., можно указать уровень 1,2—1,4%.

Снижение рождаемости и темпов роста населения КНР, несомненно, окажет свое воздействие на социально-экономическое развитие страны, в какой-то мере облегчив бремя текущих экономических трудностей. Но коренное решение как экономических проблем, так и проблем народонаселения возможно лишь на основе последовательных и постепенных социально-экономических преобразований в духе марксистско-ленинского учения.

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ

В 1974 г. численность трудоспособного населения в КНР составляла 485,9 млн. человек, или примерно 57%. Как и в предыдущем году, темпы роста численности лиц этой категории равнялись приблизительно 1,7%, т. е. 8—9 млн. человек. Рассмотрение тех же показателей за минувшее десятилетие позволяет сделать вывод о том, что постепенно проявляется тенденция к медленному снижению темпов роста численности населения трудоспособного возраста.

Для возрастной структуры трудовых ресурсов, как и всего населения страны, был характерен высокий удельный вес «молодых» групп. В 1974 г. лица 15—39 лет составляли около 72% общей численности трудоспособного населения, причем больше половины из них приходилось на возраст от 15 до 24 лет. Процесс дальнейшего «омоложения» возрастной структуры трудовых ресурсов принимает устойчивый характер.

«Молодой» состав трудовых ресурсов, естественно, обусловливает высокий удельный вес молодежи на промышленных предприятиях и в сельскохозяйственном производстве. Так, например, на 3-м заводе полупроводниковой аппаратуры г. Пекина из 1200 рабочих и служащих половину составляет молодежь, пришедшая на завод после окончания средней школы; на 2-м цементном заводе г. Цзямусы — 80% всего

---

[11] «Проблемы Дальнего Востока», М., 1974, № 1, с. 38.
[12] «Китай на стройке», М., 1974, № 11.

рабочего коллектива. На первой в Китае фабрике козьего пуха среди всех занятых 75% молодежи, на Дацинских нефтяных промыслах 85% рабочих моложе 30 лет. В сельскохозяйственном производстве удельный вес молодежи нередко достигает еще более высокого уровня. Например, в отдельных хозяйствах уезда Пусянь пров. Шаньси рабочая сила почти на 100% состоит из молодежи. В административно-управленческом аппарате процент молодых людей намного ниже.

Увеличение числа лиц молодого возраста в структуре трудовых ресурсов являлось одной из причин низкого процента уходящих на пенсию. В Шанхае, например, за год на пенсию вышло 20 тыс. человек, т. е. 0,6% общей численности рабочих этого города (3,1 млн. человек).

Что касается соотношения численности мужчин и женщин в структуре трудовых ресурсов в целом по стране, то в 1974 г. оно характеризовалось преобладанием мужчин почти на 22 млн. Наибольший разрыв в численности трудоспособных мужчин и женщин имелся в возрастной группе 25—34 года, т. е. среди потенциально самых здоровых и физически сильных людей.

По сведениям китайской печати, в этом году трудовые ресурсы между городом и деревней распределялись следующим образом: около 400 млн. человек — в сельской местности и примерно 86 млн. — в городах.

Общая численность занятых в народном хозяйстве приближалась к 350 млн. человек, из них в сельскохозяйственном производстве — 288—293 млн., вне сельского хозяйства — 57—62 млн., в том числе 5—7 млн.— в сфере услуг. О распределении занятых по отдельным отраслям производственной сферы (без сельского хозяйства) можно судить по нижеприведенным данным: в целом в промышленности было занято примерно 40—42 млн. человек, в капитальном строительстве — 6,5—7,5 млн., на транспорте и в связи — 4,5—5,5 млн. По материалам некоторых источников, в сельскохозяйственном машиностроении КНР насчитывалось около 3 млн. занятых, в текстильной промышленности — 2 млн., в отраслях непроизводственной сферы — культуре и просвещении — примерно 3,5—4 млн., в здравоохранении — 1,4 млн., в их числе 150 тыс. специалистов современной медицины.

В последние годы широкое распространение получило использование рабочей силы городов (выпускники школ и вузов, рабочие, учителя, медики, кадровые работники) в сельскохозяйственном производстве. Это явление китайская печать объясняет лишь нехваткой рабочих рук в деревне. Однако побудительной причиной «перелива» рабочей силы в деревню является дефицит товарного зерна в стране. К тому

же содержание городских жителей в деревне обходится государству дешевле.

Горожан посылают в деревню как на сезонные работы, так и на постоянное жительство. Весной 1974 г. в пров. Хэйлунцзян, например, несколько сотен кадровых работников из городов было направлено «на передовую линию весенних полевых работ» с целью «ускорить темпы освоения новых земель», а также использовать в качестве политических наставников в деле «идеологического перевоспитания» определенной на постоянное жительство в деревне «грамотной молодежи».

К началу года 67% преподавателей Гуандунского института сельского и лесного хозяйства проходили «трудовую закалку» в деревне; Ланьчжоуский медицинский институт отправлял студентов в «учебные пункты», расположенные в «народных коммунах», где более 60% учебного времени отводилось «практическим занятиям»; несколько десятков преподавателей различных вузов Шанхая были отправлены в сельскую местность с целью «создания условий» для заочного обучения поселившейся здесь «грамотной молодежи».

Кампания по высылке молодых людей в сельские районы приобрела общегосударственный характер. В масштабе всей страны разрабатываются пятилетние планы переселения «грамотной молодежи» в деревню.

Весной 1974 г. от 85 до 100% выпускников средних школ городов были отправлены в деревню[13]. Тогда же по всей стране из городов в деревню было выслано около 400 тыс. человек. На основании сообщений китайской печати можно предположить, что в целом за год в деревню было переселено более 1 млн. человек, или около 50% подрастающего поколения в городах. Общая численность «грамотной молодежи», вынужденной трудиться в сельской местности, достигла несколько десятков млн. человек, что составило $^1/_3$ молодежи страны в возрасте 15—24 лет и $^1/_4$ в возрасте 15—29 лет.

Условия, в которых приходилось жить и работать «грамотной молодежи» в деревне, оставались очень трудными; жилыми домами было обеспечено лишь 30% переселенцев. За исключением редких случаев, когда приехавшей молодежи предоставлялись орудия труда, на нее возлагались обязанности самим добывать себе необходимый инвентарь. Для тех же целей силами «грамотной молодежи» строились маленькие «заводы» по производству мотыг, серпов, корзин.

В деревне «грамотную молодежь» направляли на самую разную работу, которая была связана и с использованием мускульной силы (рытье каналов, дорожные работы, посад-

[13] В 1972 г. всего 20% выпускников средней школы поступалк в вузы.

ка деревьев, выпас скота, сбор удобрений), и, что случалось гораздо реже, с применением полученных ею знаний (обучение грамоте местных жителей, сборка и ремонт сельскохозяйственной техники, вождение автомашин, топографическая съемка местности, участие в конструкторских работах на строительстве местных ГЭС, лечение и профилактика легких заболеваний).

Для «грамотной молодежи», окончившей среднюю школу, на селе было организовано заочное обучение, которое, по заявлению китайской печати, «имеет важное значение в деле повышения научно-технических знаний и культуры грамотной молодежи». На этих занятиях молодежь приобретала специальности электриков, механизаторов, работников медико-санитарной службы. Это свидетельствовало о том, что наряду с задачей «перевоспитания» уделялось внимание и производственной деятельности «грамотной молодежи».

Производительность труда «грамотной молодежи» продолжает находиться на низком уровне. Отдельные факты увеличения производства сельскохозяйственной продукции связаны скорее с ростом численности работников, чем с повышением производительности труда. Развитие сельскохозяйственного производства носит экстенсивный характер. Например, в одной из «народных коммун» пров. Ганьсу «грамотная молодежь» за два года (1972—1974) заново распахала 340 му земли, или в 4 раза больше, чем за предыдущие восемь лет, а производство продовольственных культур поднялось лишь на 13%.

Как утверждает китайская печать, направляемая в деревню молодежь не только является важным источником трудовых ресурсов для сельскохозяйственного производства, но и «играет важную роль в деле технического усовершенствования сельскохозяйственного производства, в развитии сельскохозяйственной науки, в культурном строительстве в деревне, в обновлении привычек и обычаев». Однако очевидно, что массовая высылка «грамотной молодежи» в деревню подчинена решению китайским руководством проблемы избытка рабочей силы в городах, а также дефицита механических средств труда в деревне.

Организованная миграция молодежи использовалась и в политических целях. Так, активно «китаизировались» Внутренняя Монголия, Синьцзян, Тибет и другие районы посредством массового переселения молодежи ханьской национальности в районы национальных меньшинств.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

В области государственного строительства 1974 год проходил под знаком подготовки 1-й сессии ВСНП четвертого созыва во исполнение решений X съезда КПК (август 1973 г.). Проводя подготовку к сессии ВСНП, китайское руководство стремилось закрепить результаты «культурной революции».

Начатая в стране кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» привела к искусственному обострению противоречий внутри китайского общества. Ссылаясь на это обстоятельство, в Китае пытались «доказать верность» положения о «продолжении классовой борьбы» при социализме. Обострившуюся политическую борьбу стремились также использовать для дискредитации своих противников — действительных или мнимых. В печати раздавались призывы к изучению доклада на II пленуме ЦК КПК седьмого созыва (начало 1949 г.), где Мао Цзэ-дун говорил, что после уничтожения открытого противника остается «неоткрытый противник», готовый якобы вести смертельную борьбу. А потому, по его мнению, послереволюционный период в Китае должен оказаться еще более длительным, чем продолжительный период китайской революции, а «работа предстоит еще более великая, более трудная» [1].

Развертывание кампании «критики» связывали также с созданием «благоприятной обстановки» для созыва сессии Всекитайского собрания народных представителей, экономического развития страны, для усиления сплоченности промаоистских сил. Столкнувшись со значительным сопротивлением так называемых «левых», решительно настаивавших на последовательном проведении «чистки» партийно-государственного аппарата от сторонников Линь Бяо и добивавшихся ослабления позиций группы «умеренных» во главе с Чжоу Энь-лаем, пекинское руководство вынуждено было пойти на известные компромиссы. В это же время, в октябре 1974 г., был разослан на места «документ ЦК КПК № 26», в котором говорилось о необходимости дальнейшей реабилитации опытных кадровых работников, знания которых нуж-

[1] «Жэньминь жибао», 17.IV.1974.

ны в деле экономического развития страны. Это решение также непосредственно связывалось с планами подготовки 1-й сессии ВСНП четвертого созыва.

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В течение 1974 г. китайское руководство продолжало использовать номинально сохранявшиеся высшие органы государственной власти, предусмотренные принятой в 1954 г. конституцией КНР,— Всекитайское собрание народных представителей, Постоянный комитет ВСНП, а также статут председателя Китайской Народной Республики. Эти институты государственной власти, поставленные на службу военно-бюрократической диктатуре, оказались в сильно деформированном виде.

На протяжении всего года китайскому руководству не удалось созвать сессию ВСНП, на необходимость проведения которой, по имеющимся данным, оно указывало еще в марте 1970 г. В официальных сообщениях из Китая неоднократно говорилось об участии отдельных групп депутатов ВСНП третьего созыва в осуществлении церемониальных мероприятий (встречи, проводы, похороны и т. п.). Однако в печати не появилось ни одного упоминания о проведении депутатских обследований на местах, о работе комиссий, о запросах в центральные органы государственного управления, об участии депутатов ВСНП с правом совещательного голоса в сессиях местных органов государственной власти. Депутаты ВСНП третьего созыва, избранные осенью 1964 г. собраниями народных представителей провинций, автономных областей и городов центрального подчинения, а также вооруженными силами, национальными меньшинствами и китайцами, проживающими за границей, фактически оказались лишенными депутатских полномочий. Эти полномочия были предусмотрены конституцией КНР 1954 г. и законом об организации Всекитайского собрания народных представителей и местных собраний народных представителей.

В 1974 году производился подбор депутатов ВСНП четвертого созыва путем так называемых «демократических консультаций», заменивших демократические выборы при формировании «революционных комитетов» во время «культурной революции». Тем самым право выдвижения кандидатур присвоили себе эти «ревкомы». Предложенные кандидатуры обсуждались на консультативных совещаниях подобранного «ревкомами» определенного контингента граждан. По материалам зарубежной печати, и в данном случае сохранялись

прежние нормы представительства, принятые на выборах осенью 1964 г. Подбор депутатов ВСНП сопровождался обострением борьбы между различными политическими группировками. По сведениям зарубежных наблюдателей событий в Китае, «левые» решительно отказывались поддерживать кандидатов в депутаты ВСНП, представляющих «умеренных». Поэтому пекинские руководители оказывали нажим на местные партийные и государственные органы с целью ускорить «избрание» делегатов на предстоящую сессию ВСНП[2]. Такой порядок формирования ВСНП не мог не иметь влияния на состав и характер деятельности предстоящей сессии Всекитайского собрания народных представителей.

В период подготовки к сессии ВСНП иностранные наблюдатели высказывали предположения, что сессия обсудит и одобрит проект новой конституции Китайской Народной Республики, утвердит новых лиц на вакантных министерских постах или произведет смещения в составе Государственного совета. При этом, как полагали, главное внимание должно было быть уделено проблемам экономического развития КНР. Подготовительная работа к сессии ВСНП велась в обстановке строгой секретности.

В конце лета 1974 г. некоторые зарубежные информационные агентства сообщили о том, что в КНР распространялся в виде закрытого документа и обсуждался кадровыми работниками новый проект конституции КНР, утвержденный I пленумом ЦК КПК десятого созыва[3]. Новый проект продолжил линию на закрепление выгодных руководству результатов «культурной революции».

В течение всего 1974 года деятельность Всекитайского собрания народных представителей и его органов была парализована. Постоянный комитет ВСНП был лишен возможности реализовать предусмотренную конституцией КНР организационно-правовую обязанность проведения выборов депутатов по истечении четырехлетнего срока полномочий ВСНП третьего созыва (конец 1968 г.), а также сессии ВСНП нового созыва (ст. 31). Организация «выборов» была поручена «ревкомам», возникшим как органы военно-бюрократической диктатуры и не подчиненным Постоянному комитету ВСНП.

Постоянный комитет не мог контролировать работу Государственного совета, Верховного народного суда, а также «ревкомов» провинциального звена, решать до созыва сессии ВСНП вопросы относительно отдельных назначений и

---

[2] Напр., «Le Monde», 5.XII.1974.

[3] «Daily Telegraph», 4.IX.1974. «Чжунхуа юэбао», декабрь 1974, № 117, с. 31—33.

смещений заместителей премьера Государственного совета, министров, председателей государственных комитетов и комиссий, а также выполнять многие другие полномочия, возложенные на него конституцией. В 1974 г. продолжалась маоистская практика издания директив общегосударственной важности помимо Постоянного комитета ВСНП.

Законом об организации ВСНП (ст. 23) установлено, что решения Постоянного комитета принимаются большинством всех его членов. 1-я сессия ВСНП третьего созыва в январе 1965 г. избрала в состав Постоянного комитета ВСНП 115 человек. Таким образом, по закону заседания Постоянного комитета могут проводиться при наличии минимального кворума в 58 членов. Однако в 1974 г. публиковались сообщения о деятельности лишь 38 членов Постоянного комитета, что не обеспечивало требуемого законом кворума для принятия решений.

Тем не менее руководители использовали авторитет Постоянного комитета для официального представительства КНР в области внешних сношений. Постоянный комитет номинально привлекался для связей на паритетных началах с соответствующими коллегиальными органами государственной власти социалистических стран. Представительские функции Постоянного комитета чаще всего осуществлялись председателем Постоянного комитета и его заместителями. Функции председателя ПК с 1970 г. снова стал исполнять Чжу Дэ, избранный на этот пост 1-й сессией ВСНП третьего созыва в январе 1965 г. и подвергавшийся критике во время «культурной революции».

Из 18 заместителей председателя Постоянного комитета, избранных 1-й сессией ВСНП третьего созыва, осталось только семь (Кан Шэн, Лю Бо-чэн, Сайфуддин, Сюй Сян-цянь, Го Мо-жо, Чжоу Цзянь-жэнь и Нгапод Нгагванцзигмэд).

Деятельность председателя Постоянного комитета ВСНП и его заместителей, как и оставшихся членов ПК, сводилась главным образом к участию в церемониальных мероприятиях. Председатель принимал верительные грамоты от иностранных дипломатических представителей, участвовал во встречах, проводах, приемах иностранных гостей, положение которых соответствовало статусу главы государства или его представителя, подписывал телеграммы от имени Постоянного комитета ВСНП. Об иного рода деятельности председателя ПК ВСНП и его заместителей, выходящей за указанные протокольно-церемониальные рамки, в течение года в печати не упоминалось.

Подобное же положение лишенного реальной власти номинального представителя государства на различных протокольно-церемониальных встречах занимал исполняющий обя-

занности председателя КНР 86-летний Дун Би-у. В ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» часто обращали внимание на многократные указания Мао Цзэ-дуна о том, что «не нужно учреждать должность председателя государства»[4], а Линь Бяо обвиняли в «настойчивых требованиях сохранить пост председателя государства»[5]. По всему было видно, что в новой конституции готовились вовсе упразднить пост председателя КНР.

В 1974 г. продолжался процесс нормализации деятельности системы органов государственного управления. Он был связан с проявлением тенденции к восстановлению прежней организационной структуры Государственного совета КНР. Возобновили свою деятельность многие министерства, государственные комитеты и специальные ведомства, исчезнувшие во время «культурной революции». Во многих из них были воссозданы прежние структурные единицы. Восстановилась связь подразделений центральных отраслевых органов государственного управления с органами государственного управления провинциального звена.

В ходе нормализации деятельности центрального исполнительного аппарата военно-бюрократической диктатуры продолжался курс на реабилитацию опытных административно-управленческих кадров, подвергавшихся различного рода репрессиям во время «культурной революции». При этом добивались также передачи их опыта и знаний политически лояльным новым кадрам, призванным в конечном счете заменить старые кадры, проявлявшие колебания в служении маоистской верхушке. Противоречия, возникшие в связи со «сменой поколений» руководящих кадров, были одной из главных причин тех трудностей, которые по-прежнему существовали на пути нормализации деятельности системы высших органов государственного управления. В силу указанных обстоятельств многие министерства и центральные ведомства оставались без ответственных руководителей.

В Государственном совете из 16 заместителей премьера в 1974 г. оставалось только пять (Ли Сянь-нянь, Дэн Сяо-пин, Чэнь Юнь, Ли Фу-чунь, Не Жун-чжэнь). Премьером был Чжоу Энь-лай. Однако в связи с его болезнью и пребыванием в госпитале многие важные функции премьера оказались поделенными между Дэн Сяо-пином и Ли Сянь-нянем. К концу года Дэн Сяо-пин, кооптированный после X съезда КПК в состав Политбюро, фактически исполнял основные обязанности премьера, хотя, по его же заявлениям, Чжоу Энь-лай продолжал давать указания по наиболее важным

---

[4] «Жэньминь жибао», 4.VII.1974.
[5] «Жэньминь жибао», 20.II.1974.

вопросам в то время, когда он чувствовал себя достаточно хорошо[6]. Довольно быстрое выдвижение Дэн Сяо-пина, подвергавшегося серьезным нападкам во время «культурной революции», рассматривалось многими наблюдателями как попытка сделать его переходной фигурой между Чжоу Эньлаем и кандидатом «левых» на пост премьера.

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В области государственного строительства на местах предпринимались попытки выполнить решения X съезда КПК — «в полной мере развивать роль ревкомов». При этом отмечались две противоречивые тенденции: в одних случаях местные руководители считали, что «ревком» должен пользоваться автономией в решении местных вопросов государственного управления и «не доставлять хлопот парткому»; другие полагали, что «ревком» должен получать согласие руководства парткома при решении всех вопросов. Делались попытки распределения компетенций между «ревкомами» и парткомами. В низовом звене за образец выдавался «ревком народной коммуны» Яочжай в Гуанси-Чжуанском автономном районе, где партком решал все вопросы, связанные с политической линией, с обеспечением проведения основного политического курса, а «ревком выполнял решения парткома, докладывал парткому план своей работы». Партком контролировал выполнение плана «ревкомом». «Ревком» вносил предложения в партком по вопросам, которые считал необходимым передать на его рассмотрение[7].

В уездном звене образцом считался «ревком» уезда Жудун пров. Цзянсу, который рассматривался как местное народное правительство, имеющее «свои собственные функции». По сообщению пекинской пропаганды, здесь партийный комитет «руководит всем, но не монополизирует все»[8]. Это противоречило ранее данному «указанию» руководства о том, что партком «монополизирует все», и разъяснению «Жэньминь жибао», что «методы монополизации могут привести уездный партком к делячеству, он не сможет браться за большие дела», а это, в свою очередь, не способствует «усилению единого руководства партии и исполнению ревкомом своих функций». Здесь функции распределились следующим образом: уездный партком выдвигал задачи перед

---

[6] «Киодо цусин», 6.XII.1974.
[7] «Жэньминь жибао», 11.I.1974.
[8] Там же.

«ревкомом» на основе курса и политики партии, заслушивал отчеты о его деятельности, проводил идейно-политическое воспитание его работников, руководил созданием «революционизированной» руководящей группы, фактически обладавшей реальной властью в «ревкоме».

«Ревком» несет ответственность перед парткомом за все виды управленческой деятельности в пределах своей компетенции, в том числе за руководство и организацию промышленного и сельскохозяйственного производства, планирования на местах и т. п. Обсуждение важнейших вопросов велось в постоянном комитете «ревкома» или на оперативных совещаниях. Об итогах обсуждения неизменно докладывалось руководству парткома. «Ревком» тщательно изучал и активно выполнял предложения уездного парткома о работе системы органов государственной власти и государственного управления на местах [9].

Относительное повышение роли «ревкомов» вовсе не означало ослабления тенденции укрепления бюрократического централизованного механизма политической власти. Одновременно отмечалось усиление контроля вышестоящих органов за нижестоящими. Средствами такого контроля являлись «система трех третей» (при которой одна треть должностных лиц аппарата управления постоянно «проверяла» деятельность нижестоящих органов), а также «совместительство», при котором вышестоящий партийно-административный орган выделял группу должностных лиц из числа руководителей органов, управлений, канцелярий для работы «по совместительству» заместителями секретарей парткомов и председателей «ревкомов» нижестоящего звена [10]. Применение подобной системы контроля имело в виду и уменьшение числа заседаний, количества различной документации, но рабочие заседания государственных органов зачастую подменялись мобилизационными совещаниями, на которых зачитывали указания вышестоящих органов.

Некоторое возрастание активности «ревкомов» связано с возвращением опытных администраторов, подвергшихся репрессиям или критике во время «культурной революции» и занявших места вытесненных из «ревкомов» представителей «революционных масс». Как свидетельствовали авторы дацзыбао, вывешенной ночью 12 июня 1974 г. перед зданием пекинского горкома партии и «ревкома», из 24 представителей рабочих в первоначальном составе «ревкома» остался лишь один. Тенденция к повышению роли «ревкомов» выразилась также в характере их организационной структуры,

---

[9] Там же.

[10] «Жэньминь жибао», 14.I.1974.

в стремлении восстановить прежние структурные подразделения, существовавшие в прежних органах государственного управления — народных комитетах. Так, в «ревкомах» провинциального звена вместо четырех крупных отделов, созданных во время «культурной революции», вновь появилось шесть отраслевых канцелярий (политико-юридическая, внешних сношений, торговли и финансов, промышленности и коммуникаций, сельского и лесного хозяйства, культуры и просвещения), направлявших работу комиссий (плановая, экономическая, по физкультуре и спорту и др.), а также бюро (гражданской администрации, кадров, общественной безопасности, труда, просвещения, культуры, здравоохранения, изданий, легкой промышленности, торговли, продовольствия, коммуникаций, строительства, сельского и лесного хозяйства и др.).

Структурные подразделения «ревкомов» служили одновременно отделами парткомов. Однако в конце 1974 г. стали появляться сведения о наличии собственных отделов партийных комитетов. Например, известно о существовании отдела финансов и торговли парткома г. Харбина наряду с канцелярией по делам финансов и торговли городского «ревкома». Одновременно раздавались неоднократные призывы к упрощению организационной структуры, сокращению государственного аппарата. При этом за образец выдавалась структура «ревкома» уезда Линбао пров. Хэнань [11]. Это показывало наличие противоречивых тенденций также и в области государственного строительства современного Китая.

ОРГАНЫ СУДА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В КНР формально восстановлены четыре ступени судов — Верховный народный суд, суды высшей ступени, средней ступени, низшей ступени. Судьи назначались «ревкомами» соответствующих ступеней. Кадры юридических работников готовились в политико-юридических институтах и на юридических факультетах университетов. Дела рассматривались в судах по двум инстанциям, но не исключалась возможность обращения в Верховный народный суд [12].

После «культурной революции» закреплена практика судебного разбирательства на местах с широким привлечением «масс» в соответствии с объявленной «линией масс» и тради-

---

[11] «Жэньминь жибао», 8.XI.1974.
[12] «Адзия кэйдзай дзюмпо». Токио, 1974, № 934, с. 3—9.

циями Освобожденных районов. В практику вошли также массовые судилища, которые проводились, в частности, во время кампании «критики Линь Бяо и Конфуция»[13].

Были открыто провозглашены лозунги: «Управлять страной путем насилия — историческая необходимость». Поэтому особое место в механизме китайского государства занимали специальные органы, ведающие внесудебными расправами. Первое место среди них занимала Комиссия по расследованию специальных дел при ЦК КПК. На местах созданы группы по расследованию специальных дел. Общее руководство политико-юридическими органами осуществлял Социальный отдел ЦК КПК. Под его контролем находилось министерство общественной безопасности.

Органы общественной безопасности, повсеместно восстановленные в КНР, заменили органы прокуратуры в части ведения следствия и поддержания обвинения в суде. Эти органы пользовались правом самостоятельного (внесудебного) преследования пяти видов «классовых врагов» (бывших помещиков, кулаков, «контрреволюционеров», «вредных элементов» и «правых»), охватывающих, по заявлению Мао Цзэ-дуна, 5% населения Китая. В ведении органов общественной безопасности находились исправительно-трудовые учреждения.

---

[13] «Economist», April 20, 1974, vol. 251, № 6817, c. 31.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КНР

ОБЩИЙ ОБЗОР

Внутренняя обстановка в Китае в 1974 г. характеризовалась прежде всего политической неустойчивостью, которая определялась влиянием ряда противоречивых тенденций.

Главным фактором, мешавшим добиться стабильности китайского общества и повышения жизненного уровня трудящихся, являлся антинародный, антисоциалистический курс китайского руководства. Подобная политика, находясь в коренном противоречии с существующим экономическим базисом, порождала внутреннюю борьбу как в самом руководстве, так и среди широких масс трудящихся, отстаивающих свои права.

В целях поддержания своего режима китайское руководство продолжало поощрять пропаганду обострения «классовой борьбы», которая, по Мао Цзэ-дуну, составляла якобы основную закономерность общественного развития на весь «исторический период социализма». Прикрываясь этой «теорией», власти силами государственного аппарата подавляли здоровые силы внутри КПК и китайского народа. В 1974 г. в КНР такая линия проявлялась главным образом в форме массовой кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», продолжавшей политические кампании предыдущего года; этот курс был окончательно закреплен в конституции КНР, принятой в 1975 г.

Политико-организационная деятельность китайского руководства заключалась в основном в продолжении начатой в 1972—1973 гг. работы по созданию новой политической системы. Производились организационная перетасовка низовых парткомов, выдвижение нового слоя кадровых работников, работа по восстановлению на новой основе союза молодежи, профсоюзов, женских и других общественных организаций и т. д. По-прежнему значительное внимание пекинское руководство уделяло преодолению тенденции к сепаратизму и децентрализации со стороны местного партийного, военного и административного руководства.

В социально-экономической сфере характерной чертой года оставалась жесткая экономическая политика, рассчитан-

ная на подъем производства в городе и деревне за счет усиления интенсивности труда при крайне низком жизненном уровне народа. Наряду с этим проходила усиленная подготовка Китая к войне: наращивание военного потенциала, укрепление военизированных форм управления и милитаризация жизни трудящихся.

Расстановка классовых сил. Характер новой власти в Китае проявлялся в том, что руководство постоянно лавировало между отдельными социальными группами, слоями и образованиями.

Рабочий класс Китая искусственно раскалывался на множество социальных групп (так называемые старые рабочие, молодые рабочие, ученики и пр.) [1]. Китайское руководство использовало это деление не только в сфере фабричного труда для дифференциации в оплате этого труда, но и для контроля силами специально отобранных рабочих отдельных частей китайского общественного механизма. Так, по примеру прошлых лет часть рабочих находилась в вузах и «местах скопления интеллигенции» в составе так называемых «рабочих отрядов пропаганды идей Мао Цзэ-дуна», которые осуществляли надзор за учащейся молодежью и творческой интеллигенцией. Наибольшее количество сообщений о деятельности таких отрядов поступило в мае, июле и августе 1974 г. (в связи с 6-й годовщиной псевдопролетарского лозунга Яо Вэнь-юаня о «руководящей роли» рабочих). Рабочие в составе заново созданных «групп наставников» командировались в деревни для контроля настроений и «идеологического уровня» «грамотной молодежи», отправленной на поселение в отдаленные сельские районы.

В 1974 г. парткомы готовили так называемых «теоретиков» — активистов из рабочих для кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Особенно большой размах такая работа приняла с июня—августа, когда эти функции были частично переданы профсоюзным комитетам.

Значительная часть промышленных рабочих с 1973 г. была записана в отряды городского ополчения, где они проходили обязательную военную подготовку. Рабочее ополчение в некоторых городах теперь осуществляло также полицейско-патрульные функции и оперативное наблюдение за поведением «классовых врагов» (т. е. лиц, недовольных режимом, бывших репрессированных, бежавших к родным из мест надзора и т. п.). Все эти мероприятия позволили китайскому руководству держать рабочих в повиновении, прикрываясь демагогией о «ведущей роли» рабочего класса.

---

[1] С августа 1974 г. китайская пропаганда вновь начала превозносить пресловутый социальный гибрид «и рабочий и крестьянин».

С 1973 г. в Китае приступили к воссозданию на новой основе профсоюзов, однако в 1974 г. рабочие в профсоюзных организациях были заняты только кампанией «критики Линь Бяо и Конфуция» и военными занятиями как ополченцы.

Как показывают данные официальной китайской печати, после разгрома КПК в период «культурной революции» не удалось вовлечь в новую партию значительного числа китайских рабочих. По подсчетам гонконгских китаеведов [2], которые основывались на китайских открытых печатных изданиях, с 1969 по август 1973 г. в партию было вовлечено не более 700—750 тыс. рабочих. Это составило около 2,5% общего количества членов КПК (28 млн.).

Рабочие не осуществляли своей руководящей роли через партию, а новые профсоюзы не защищали их права и были заняты в основном политико-идеологическими кампаниями.

Крестьянство в Китае, составляющее свыше 80% населения, подразделялось на ряд искусственно выделяемых и сохраняемых категорий. Главная политическая роль отводилась так называемым «крестьянам-беднякам и низшим середнякам», которые в 1974 г. по решению свыше продолжали объединяться в особые союзы. Немалую роль играли так называемая «грамотная молодежь» (городская молодежь, насильно или полудобровольно выселенная в малообжитые места), сельская интеллигенция — учителя, врачи (в том числе категория «босоногих врачей», окончивших ускоренный курс простейшей медицинской подготовки и оплачиваемых «коммунами»).

Кроме того, на селе искусственно сохранялись другие категории: помещики, кулаки, «контрреволюционные элементы», «плохие элементы» и другие лица из числа пяти «вредных категорий», а также их дети, которые с рождения оказывались в числе «эксплуататоров», хотя трудились и жили наравне с другими крестьянами. Консервация отсталой классовой структуры для деревни Китая характерна в большей степени, чем для города. Эта политика раскола в деревне использовалась властями для поддержания обстановки постоянной борьбы с «классовыми врагами», для продолжения репрессий и беззаконий. Такая политика не раз вызывала сопротивление, и прежде всего работников местного управленческого состава «коммун» и уездов. Наглядным проявлением такого сопротивления было также замедление темпов создания «союзов бедняков и низших середняков» по сравнению с 1973 г. Насколько острым оставалось положение в деревне, свидетельствовала китайская печать, в которой в ноябре — декабре пропагандировалась идея Мао Цзэ-дуна о

---

[2] «China News Analysis», № 940, 6.XI.1973.

том, что для достижения «единства» придется применять даже «крестьянские восстания».

Интеллигенция в Китае уже давно разделена на две якобы неравнозначные категории — техническую и гуманитарную, причем последняя испытывала на себе всю тяжесть политического давления и «перевоспитания», а первая практически полностью выведена из сферы политических кампаний и занята решением научно-технических задач (в первую очередь военного значения).

Продолжалось начавшееся осенью 1973 г. идеологическое наступление в области культуры в рамках кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Это осуществлялось, во-первых, путем прославления «благотворного» воздействия «культурной революции» на сферу культуры, а во-вторых, посредством обличения произведений, отрицающих «культурную революцию». Газеты писали о «возвратной волне ревизионистской черной линии в литературе и искусстве», тем самым свидетельствуя, что оппозиция режиму со стороны гуманитарной интеллигенции сохраняется. Одновременно какая-то часть интеллигенции, в частности специалистов по древней истории и литературе, использовалась в подготовке обширных материалов для кампании «критики Линь Бяо и Конфуция».

Власти поддерживали буржуазию как класс, сохраняя ее нетрудовые доходы в виде процента с доходов принадлежавших когда-то ей предприятий. В конце 1974 г. представители буржуазии были приглашены для участия в работе ВСНП и впоследствии вошли в его руководящие органы. Все цифры, касающиеся положения буржуазии в КНР, пропаганда тщательно скрывала от своего народа и мирового общественного мнения, выдавая свой режим за «пролетарский». Однако факты о далеко идущих политических комбинациях Пекина, который использовал деньги, связи и влияние как отечественной, так и китайской эмигрантской буржуазии, стали известными всему миру.

Реализация директивных политических установок тесно связана с позицией различных социальных слоев и групп китайского общества, в том числе военных, учащейся и рабочей молодежи, женщин.

Военные, которые составляли основу партийного и административного аппарата, по-прежнему относились к привилегированной части китайского общества. Офицеры и солдаты, а также их семьи пользовались ощутимыми льготами (в снабжении, освобождении от налогов и др.). Армия являлась самой организованной частью китайской политической системы; в ней сохранялся реализм в подходе к политическим решениям. В среде командования НОАК ощущались

оппозиционные настроения, с которыми «левые» не могли справиться; военных иносказательно критиковали в печати.

Однако следует сказать, что уже в течение более трех лет (с конца 1971 г.) армия была объектом ударов и чисток со стороны китайского руководства. В отношении ее командного состава частично возрождены методы «критики» командиров солдатами, высылки командиров на физические работы и т. п. Командование от имени Мао Цзэ-дуна обещало солдатскому и сержантскому составу повышение по службе за счет отстраняемых командиров. Это прямо следовало из речи заместителя председателя ЦК КПК Ван Хун-вэня на учебных курсах при ЦК КПК 14 января 1974 г.[3].

В 1974 г. в печати появились сообщения о широкой демобилизации из НОАК, которая коснулась в первую очередь «неблагонадежных» военнослужащих. Вместе с тем, чтобы сохранить эту важную социальную силу или хотя бы удержать от сопротивления своим мероприятиям в отношении военных, пекинское руководство проводило осторожную линию, задабривая их, играя на националистических чувствах, разлагая антисоветской пропагандой.

Судя по китайским материалам, известная политика высылки «грамотной молодежи» в деревню, отсутствие перспективы получения образования и права на получение квалификации и свободного трудоустройства вызывали наибольшее недовольство молодежи.

С целью разобщения молодежи, воспитания слепой преданности режиму наряду с КСМК сохранялись несколько маоистских форм организации, например хунвэйбиновские отряды. Одновременно среди молодежи постоянно формировались отдельные группы активистов: в 1974 г. это были «костяки», отряды, группы так называемых «теоретиков» кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Молодежь воспитывалась в шовинистическом, великоханьском духе; в ходе пропаганды и политучебы ей внушались антисоветские, антисоциалистические идеи, щедро приправленные национализмом и великодержавием, сопровождавшиеся обещаниями о выдвижении в руководство.

Тяжелые моральные и материальные условия, особенно в сельских «коммунах», разочарование, явный произвол и беззаконие приводили к тому, что в среде молодежи зрели и проявлялись настроения протеста. Так, основную часть бежавших в Гонконг из КНР эмигрантов составляла «грамотная молодежь».

В 1974 г. китайское руководство уделяло повышенное внимание женскому вопросу. Прежде всего это объяснялось

---

[3] «Чжаньван», № 310, 1.I.1975, с. 19—21.

объективными потребностями китайского общества, где женщины составляют значительную потенциальную силу. Китайские женщины не успели получить в первом десятилетии КНР полного равенства с мужчинами в браке и общественном положении, а также облегчения материальных условий и освобождения от конфуцианских пережитков. И теперь «левые», изображая себя защитниками женского равноправия, стремились нажить себе политический капитал.

Особенно это проявлялось в кадровой политике: женщин выдвигали на руководящую работу во многих общественных организациях КНР, а затем на 1-й сессии ВСНП четвертого созыва (январь 1975 г.) они были выдвинуты в руководящие органы КНР. В организационном отношении женское движение мало изменилось по сравнению с 1973 г.

Характеризуя в целом расстановку социальных сил в 1974 г. в китайском обществе, можно сделать вывод, что во многом она была обусловлена активной политикой раскола основных классов Китая, недоверия к рабочему классу, консервации прежней социальной структуры города и деревни, искусственного раздувания противоречий среди социальных слоев.

Внутриполитическая борьба и характеристика основных группировок китайского руководства. В 1974 г., как и в предыдущие годы, политическая власть оставалась в руках группы руководителей во главе с Мао Цзэ-дуном. Эта группа сохраняла с 1973 г. почти постоянный состав и условно может быть разделена на группировки (фракции). Такая дифференциация проистекала из различия позиций группировок, которое наблюдалось в тактических моментах, методах и способах достижения поставленных целей.

Наиболее четко обозначенными были сложившиеся в предыдущие годы группировки «леворадикальных лидеров» («шанхайцы») и «администраторов» (или «умеренных»). Не утратила полностью своего значения группировка военных, которая доминировала до 1972 г. Первые (Цзян Цин, Яо Вэнь-юань, Чжан Чунь-цяо, Ван Хун-вэнь и др.) проявили большую политическую активность, пользуясь покровительством самого Мао Цзэ-дуна. «Умеренные» (большая группировка государственных деятелей прагматического склада во главе с Чжоу Энь-лаем) были на политической арене менее заметны, но выполняли значительный объем практической работы. Между этими группировками не наблюдалось заметных расхождений относительно основных лозунгов маоизма, его антисоциалистической и антисоветской направленности. Однако между ними по-прежнему были разграничены сферы политического руководства, государственной деятельности, продолжалась борьба за высшую власть в стране.

«Левые», опираясь на поддержку Мао Цзэ-дуна, используя ЦК КПК и органы политической разведки, стремились утвердиться у власти, поставить под контроль партийный аппарат. Они выступали с позиций ортодоксальных маоистов и провозглашали своей задачей увековечение маоизма в китайском народе. К концу 1974 г. представителям «левых» удалось несколько укрепиться в высшем аппарате ВСНП и НОАК. «Умеренные» также провозглашали верность «идеям Мао Цзэ-дуна» и сосредоточивали в своих руках практическую государственную деятельность (экономика, военное дело, внешняя политика), стремясь повлиять на формирование и функционирование политической структуры КНР.

Нападки на «умеренных» и Чжоу Энь-лая в завуалированной форме прослеживались в китайской печати на протяжении всего года, однако больших персональных перемещений в руководстве не последовало. Это свидетельствует о наличии определенного равновесия сил в руководящих кругах КНР, так как и окружению Мао не удалось полностью достичь своих целей.

Политическая ситуация 1974 г., как и в предыдущие годы, выявила ожесточенную борьбу между фракциями за власть в КНР, а также за преемство высшей власти от Мао Цзэ-дуна.

Внутриполитическая борьба не давала возможности вплоть до 1975 г. провести давно обещанную сессию ВСНП и организационно оформить на высшем уровне государственные органы. В 1974 г. так и не были проведены всекитайские съезды комсомола, профсоюзов, женской федерации. Формирование центральных органов этих общественных организаций не было завершено, и они не функционировали.

Ожесточенная борьба продолжалась как в связи с формированием политической системы, так и кадровой политикой. Но главная борьба шла за высшее командование армией. Объектами борьбы за власть между основными группировками китайского руководства были центральные органы, парткомы и «ревкомы» провинциального уровня, вся система управления вооруженными силами сверху донизу, где позиции «левых» пока недостаточно сильны.

В политическом отношении группировка военных несколько отошла на задний план. В ней происходили перестановка сил и некоторое расслоение. Вместе с тем продолжалось политическое выдвижение новых военных лидеров (например, Чэнь Си-ляня и его сторонников); местные военные — командующие не утратили своего влияния и после перестановок, они вновь играют важную политическую роль на местах. Из всего этого следует, что группировки военных сбрасывать со счетов преждевременно. В дацзыбао, которые

вывешивались открыто в феврале — августе в Китае, говорилось, например, о том, что «левые» и их сторонники стремились освободить места в «ревкомах» и парткомах провинций для членов своей фракции. Но впоследствии стало ясно, что политический демарш «левых» не удался: кампания дацзыбао была свернута, а большинство критикуемых военных остались на своих местах.

В июле группировка «левых» проводила усиленную обработку командного состава военных округов в целях политического компромисса с ними. Согласно тайбэйским источникам, Ван Хун-вэнь в июле—августе по поручению Мао Цзэдуна объезжал военные округа и вел переговоры с местными командующими. Результаты этих переговоров выявились позднее. Видимо, эта группировка временно отступила от некоторых своих требований, согласилась на реабилитацию многих военных и партийных работников, репрессированных в 1966—1968 гг., в основном по инициативе Цзян Цин и Группы по делам культурной революции. Судя по дальнейшим сообщениям, тогда же пекинское руководство заверило военных, что армия получит новое вооружение и будет усилена оборонная промышленность.

Со своей стороны, «левым» удалось добиться продвижения Чжан Чунь-цяо, Чэнь Си-ляня и Дэн Сяо-пина на важные командные посты в НОАК, что тоже явилось частью компромисса, демонстрировавшего показное «единство» в правящем лагере.

В условиях политической и экономической нестабильности в стране праздник 25-летия КНР отмечался предельно скромно. Руководство Пекина, не имея возможности афишировать экономические успехи Китая, сконцентрировало усилия на показе «единства» в центре. В Пекине был устроен многолюдный прием, на котором присутствовали реабилитированные деятели. Среди них были жертвы «культурной революции», в том числе Сяо Хуа, Ян Чэн-у, Юй Ли-цзинь, Фу Чун-би, Лю Чжи-цзянь. Были реабилитированы лица из окружения маршала Хэ Луна — его жена Сюэ Мин, бывший начальник оперативного управления Генштаба НОАК Ван Шан-жун и др. Вновь появились видные военные, в том числе и учившиеся ранее в СССР: У Кэ-хуа, Лю Шао-вэнь, Сяо Сян-жун, Фу Цю-тао, Фу Чжун, Чжан Най-гэн, Ван Хуэй-цю.

Вместе с ними впервые на политическую арену вышли известные партийные и государственные деятели, исчезнувшие после 1966 г.: У Сю-цюань, Ху Цяо-му, Сун Жэнь-цюн, Люй Чжэн-цао, Оуян Цинь, Линь Те, Ху Шэн, Ху Ли-цзяо, Ма Вэнь-жуй, Ян Ци-цин, Цзян Нань-сян, Ци Янь-мин, Сунь Да-гуан, Чжан Цзинь-фу, Шэнь Ци-чжэнь и др. Види-

мо, такая широкая реабилитация была связана и с приближением сессии ВСНП, которая стала возможной на основе компромисса различных сил внутри китайского руководства.

Некоторые проблемы внутренней политики. Как известно, в качестве основных методов политического манипулирования, к которым прибегали в КНР, использовались различные «кампании», следующие в Китае одна за другой. В 1974 г. развернулась массовая идейно-политическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция».

Формально она была обращена против древнего мудреца Конфуция и сошедшего с политической арены «мертвого тигра» Линь Бяо, на самом же деле была направлена против реальных противников режима.

«В конечном счете политическая кампания „критики Линь Бяо и Конфуция" явилась выражением противоречий между коренными интересами трудящихся Китая и антинародным курсом руководства, стремящегося любыми средствами сохранить и укрепить свое господство» [3а] .

Характер обвинений в адрес современных «конфуцианцев» и «мошенников типа Линь Бяо» не оставлял сомнений, что кроме столкновений интересов различных фракций в руководстве Пекина, разногласий между центром и провинциями, а также различными частями военно-бюрократического режима существовала действительная борьба «двух линий». Это борьба за социалистический путь развития страны. И хотя здоровые силы в КНР разобщены и организационно не оформлены, их влияние постоянно чувствуется.

Каковы же те главные проблемы, по которым шли споры в руководстве КПК и которые в открытой печати отразились иносказательно в содержании далеких, казалось бы, от современности статьях о феодальных уделах, о деятелях конфуцианства и легизма, об императоре Цинь Ши-хуане, полководце Цао Цао и др.?

Прежде всего это проблема отношения к «культурной революции» и созданным ею «новым явлениям». «Культурная революция» и появление в результате военно-бюрократического режима не только воплощали идеологические ценности «левых теоретиков» в китайском руководстве, но и составляли смысл их существования как политической группировки. Однако «культурная революция» и ее результаты не пользовались популярностью среди старых членов партии и в китайском народе, встречали бойкот и сопротивление. Чтобы преодолеть это сопротивление, «левым» нужно было обладать политической властью. Таким образом, борьба в

[3а] «Коммунист», 1975, № 12, с. 105.

защиту «культурной революции» и ее «новых явлений» явилась, в сущности, борьбой за власть.

В передовой «Жэньминь жибао» от 20 февраля 1974 г. были обобщены явления (под видом «преступлений мошенников типа Линь Бяо и Конфуция»), которые «леворадикальное» крыло стремилось не допустить: 1) отрицание «культурной революции»; 2) отрицание политической практики и методов, применяемых Мао Цзэ-дуном; 3) попытки «вернуться к прошлому», т. е. к линии 1-й сессии VIII съезда КПК; 4) отрицание «новых явлений»[4]; 5) отрицание «курса председателя Мао — независимость и опора на собственные силы»; 6) «попытка капитулировать перед советским ревизионизмом» (сюда заносятся все попытки сотрудничества и политических контактов с содружеством социалистических стран и коммунистическими партиями этих стран).

Отсюда нетрудно понять, какое значение приобретал для леваков вопрос о выдвижении своих сторонников на ключевые должности в руководящих органах всех уровней, в частности, под лозунгом предоставления дороги молодым.

Проблема выдвижения молодых кадров (тоже одно из «новых явлений») была важнейшим пунктом программы «левых». Они считали выдвижение молодых кадров «важным вопросом истинности и ошибочности», «мерилом» для определения отношения отдельных лиц к «культурной революции» и «линии председателя Мао» («Хунци», 1973, № 12). Принцип «сочетания кадров пожилого, среднего и молодого возраста» закреплен в новом уставе КПК, принятом X съездом, а в материалах кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» этому принципу подыскивали «исторические» аналогии.

Помня уроки «культурной революции», когда активно использовались в качестве своих штурмовиков отряды хунвэйбинов, многие ветераны партии считали молодых руководителей «раскольниками» и «смутьянами», а поэтому задерживали их рост. Китайская печать не раз выражала тревогу по этому поводу. Например, «Жэньминь жибао» писала, что сложилась обстановка, когда в ряде уездных «ревкомов» продолжают вытеснять молодых кадровых работников, выдвинувшихся во время «культурной революции»[5]. Особенно откровенно говорилось в шанхайской газете «Цзефан жибао»:

---

[4] К числу «новых явлений» относятся разнообразные идеологические и политические методы и приемы, например: «изучение идей Мао», «образцовые революционные оперы», «босоногие врачи», посылка на физические работы руководящих работников и т. п.

[5] «Жэньминь жибао», 12.IV.1974.

«Мы обнаружили много препон на пути продвижения новых кадров, обладающих мужеством вести борьбу и идти против течения. Небольшая кучка классовых врагов боится, что для нее настанут трудные времена, когда такие кадры займут ответственные посты... Отдельные члены партии в силу эгоистических мотивов опасаются, что, если эти кадры займут ответственные посты, они не будут поддаваться контролю и могут вызвать беспорядки» [6].

Несмотря на то что среди ветеранов широко распространялось требование «продвигать по старшинству и продолжительности службы», «левым» удалось достигнуть некоторых результатов по захвату власти в низовом звене. Например, по официальным данным, в провинциях Ляонин, Хэйлунцзян, Хэбэй, в городах Пекине, Шанхае и Тяньцзине на руководящие должности было выдвинуто 200 тыс. «передовых рабочих». В Шанхае таких «выдвиженцев» в руководстве административными органами города, в руководстве управлений, компаний и заводов насчитывалось 25 тыс. человек, т. е. половина общего числа руководителей такого ранга.

Не следует думать, что речь шла о выдвижении способной молодежи. Даже в китайской печати приводились факты, из которых можно заключить, что нередко «левые» покровительствовали «молодым выдвиженцам» 35 лет и старше, а «молодые» ганьбу вскоре становились гораздо бóльшими бюрократами, чем смещаемые «старые» кадры.

Вполне понятно, что «левые» старались настоять на продвижении своих приверженцев. Вопрос о «новых» кадрах рассматривался во многих «антиконфуцианских» статьях. Например, в статье «О политических заслугах Шан Яна» [7] утверждалось, что конфуцианцы выступали за назначение чиновников на основе их опыта, продолжительности службы и общественного положения, в то время как легисты вроде Шан Яна требовали назначать чиновников в соответствии с их способностями и заслугами.

В статье говорилось, что Шан Ян заменил «ни на что не годных аристократов» и тех, кто «почил на лаврах», людьми, «добившимися признания». Эти аллегории понятны, если учесть, что в ходе кампании «левые» присвоили себе название «легистов», а своим противникам приклеили ярлык «конфуцианцев». Тема выдвижения молодых кадров «по способностям» муссировалась в десятках и сотнях статей и дацзыбао.

В то же время не переставала существовать и противоположная тенденция. Восстановление на руководящих долж-

---

[6] «Цзефан жибао», 13.III.1974.
[7] «Гуанмин жибао», 14.VI.1974.

ностях реабилитированных старых кадров влекло за собой не только вытеснение более молодых и менее опытных, появившихся на политической арене в результате «культурной революции», но и ставило под сомнение законность «культурной революции», символизировало «восстановление старого». Отсюда — настойчивая критика якобы конфуцианского положения о «регрессе и реставрации», явившегося одной из главных тем в кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Нападки на тезис Конфуция «возродить государства, пришедшие в упадок, восстановить семьи, в которых был нарушен порядок наследования, и призвать на службу тех, кто был предан забвению», начались с первого этапа кампании — в августе 1973 г. В 1974 г. было заявлено, что Линь Бяо якобы взял этот тезис на вооружение и нужно его критиковать. Несомненно, что нападки «левых идеологов» были направлены в первую очередь против реабилитации старых кадров.

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» использовалась также в целях идеологического обоснования ограничения власти местных органов и снижения политической роли командования НОАК до определенного уровня.

Не случайно «радикалы» привлекли классическую книгу Лю Цзун-юаня «Трактат об уделах», комментируя которую они восхваляли строгую централизацию и борьбу с сепаратизмом региональных командующих [8]. Этот трактат использовался в течение всего года для доказательства, что существование удельных княжеств и самостоятельных вотчин представляет угрозу для безопасности государства, так как они являются источником смут и беспорядков, и что центральная власть обеспечивает развитие экономики и культуры. Вплоть до декабря комментарии канона Лю Цзун-юаня изучались на политзанятиях в НОАК.

В мае 1974 г. в китайской печати в иносказательной форме на основе древнего трактата «О соли и железе» критиковались некие военные, «выступающие за раздробленность страны», «капитулирующие перед великими иностранцами», «нападающие на политику отпора гуннам» [9]. За этими весьма прозрачными намеками читателям нетрудно было узнать командующих военными округами, которые более реалистично, чем «леворадикальные» деятели, оценивали опасную провокационную игру Пекина с пограничными конфликтами и наскоками на СССР и других соседей Китая.

Вслед за этими материалами последовали другие статьи с «историческими» примерами: «Поговорим о реформах

---

[8] См. «Хунци», 1974, № 2; «Жэньминь жибао», 11.II.1974.

[9] «Жэньминь жибао», 18.V.1974; «Хунци», 1974, № 5.

У Ди» и «Борьба Чао Цо против реставрации»[10], в которых прямо говорилось об уничтожении «местных милитаристов», о переводе недовольных «удельных князей» на окраинные земли, о лишении «владетельных князей» политической власти. Умудренный китайский читатель понимал аллегорию, сопоставлял такой факт, как перевод восьми командующих военными округами и ряда их заместителей и политкомиссаров в другие округа, с «реформами» У Ди и Чао Цо и мог делать вывод об участи, которая ожидает других «недовольных» руководителей.

К 1 августа (день годовщины НОАК) было приурочено начало широкой критики «буржуазной военной линии Линь Бяо». В многочисленных публикациях[11] уделялось особое внимание критике «местных милитаристов, которые связывают действия центра», говорилось, что «феодальные военные князья превращают доверенные им войска в частную собственность. Эти генералы совсем не слушаются указаний из центра о передислокациях, открыто саботируют их. Опираясь на оказавшуюся в их руках военную власть, они узурпируют право назначать на должности, поддерживают друг друга, сопротивляются центральной власти».

В статьях, посвященных разоблачению военной «линии» Линь Бяо, всячески чернились военные заслуги Линь Бяо и одновременно преследовалась явная цель поднять авторитет Мао Цзэ-дуна как военного деятеля. Тем самым пекинские руководители рассчитывали ослабить позиции военной группировки в борьбе за власть. Критика военной «линии» Линь Бяо была направлена на создание предпосылок к усилению политической власти центра, к усилению централизованного командования армией.

И в последующем китайская печать продолжала обыгрывать «исторические» темы для обоснования курса на ограничение политической роли военных. Например, ноябрьские статьи хвалили средневекового реформатора Ван Ань-ши за то, что он «создавал условия для постепенного перехода от наемной армии к обязательной воинской повинности», и трактовали его как первого создателя ополчения. Центральные газеты КНР писали, что невозможно проводить «патриотическую внешнюю политику» без «единой внутренней политики», препятствием для которой были «неверные генералы, недостаточная боевая подготовка армии, отсутствие сплочения нацменьшинств на границе»[12].

---

[10] «Гуанмин жибао», 3.VII.1974 и 23.VII.1974.

[11] Например, см. «Жэньминь жибао», 19.VIII.1974; «Гуанмин жибао», 15.VIII.1974, и др.

[12] «Жэньминь жибао», 21.XI.1974.

Чтобы обуздать слишком «самостоятельных» местных командующих, пекинская пропаганда стала печатать заметки и статьи о жизни и деятельности древних полководцев (например, полководца Хань Синь), известных изменой императору и своей раскольнической деятельностью. Уже сам этот прием показывал, насколько острой для пекинского руководства оставалась проблема политической самостоятельности военных.

Итак, события этого года показали, что «левым» не удалось полностью взять под контроль кампанию «критики Линь Бяо и Конфуция». Видимо, еще рано давать окончательную оценку ходу событий, так как политическая борьба, лежащая в их основе, не прекращается.

* * *

Долговременные направления во внутренней политике, которых Мао Цзэ-дун и его сторонники придерживались в течение ряда лет, заключались в курсе на милитаризацию и подготовку к войне, в национализме, антисоветизме, гегемонизме. Огромное число мероприятий было связано с реализацией курса Пекина «готовиться на случай войны, готовиться на случай стихийных бедствий», гегемонистского курса, провозглашенного на IX съезде в 1969 г. и вошедшего в документы X съезда КПК в 1973 г. Еще до X съезда этот лозунг был дополнен призывом «рыть глубокие тоннели, всюду запасать зерно». Для выполнения провозглашенных целей власти мобилизовали все трудоспособное население на рытье бомбоубежищ, подземных складов и ходов сообщения, на прокладку военных дорог и строительство оборонных сооружений. Зерно в больших количествах изымалось из хлебных пайков трудящихся и принудительно закладывалось в склады «на случай войны». Специальные контролеры периодически проверяют, как запасается продовольствие для войны.

Объявленный политический курс позволял принудительно направлять трудящихся в необжитые районы для стратегического строительства, для перебазирования целых заводов и производств по планам подготовки к войне. Фактическое «военное положение» давало возможность китайским властям использовать даровой труд миллионов работающих, расходуя средства лишь на прокормление трудовой армии. Всякое проявление недовольства китайских трудящихся подавлялось силами карательно-репрессивного аппарата режима.

Тщательное рассмотрение материалов 1974 г. показало, что левацкие лозунги (например, «бороться с экономизмом», «бунт — дело правое», «пошлем молодежь в горные

и сельские районы», «планировать семью» и т. п.), провозглашенные в ходе «культурной революции», по-прежнему оставались в силе. В то же время крайне незначительное количество старых лозунгов, сохранивших демократические и социалистические черты, содержавшихся в программах и уставах массовых организаций первого десятилетия КНР («профсоюзы — школа коммунизма», «заботиться о жизни рабочих и безопасности труда», «сплачивать рабочих и крестьян», «бороться за социализм», «очиститься от великодержавного шовинизма», «развивать интернационализм» и т. д.), было предано забвению.

Крупное политическое событие, имевшее место на грани 1974 и 1975 гг.,— 1-я сессия ВСНП четвертого созыва — своим содержанием, характером принятых документов, в первую очередь текстом новой конституции КНР, отражало специфику политической обстановки этих лет. На документах сессии ВСНП лежит печать явной непоследовательности как результата противоречий в руководстве Китая и его политике.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Национальный вопрос — одна из важных и острых проблем политической жизни современного Китая, крупного многонационального государства мира. В стране кроме ханьцев проживает примерно 50 млн. человек свыше 50 неханьских национальностей. Численность ряда неханьских народов достигает нескольких миллионов, среди них — чжуанцы (9 млн.), уйгуры (5 млн.), мяо (3 млн.), тибетцы (около 3 млн.) и др. Они компактно проживают на значительной территории. В целом районы расселения неханьских народов занимают до 60% всей территории КНР, причем во многих областях страны неханьское население составляет большинство.

Неханьские народы по своей культуре, историческому прошлому, этническим и языковым особенностям заметно отличаются от ханьцев. Некоторые из них, например чжуанцы, уйгуры, тибетцы, монголы, обладали в прошлом государственностью.

В 1974 г., как и в предыдущие годы, обстановка в национальных районах КНР оставалась сложной.

Естественно, великоханьская национальная политика Пекина наталкивалась на сопротивление неханьских народов. Это признавала и официальная китайская печать. Наряду с восхвалением «национальной политики председателя Мао» в ней можно встретить упоминания, и достаточно час-

тые, о так называемых «классовых врагах», которые «всеми способами проводят подрывную деятельность» в Синьцзяне, Тибете, Гуанси, Нинся, в автономных округах и уездах различных провинций Китая. Китайская печать при этом подчеркивала, что особенно острая и напряженная обстановка сложилась в пограничных районах, в частности в Синьцзяне и Внутренней Монголии. Нередки случаи стихийных выступлений коренного населения, саботажа на предприятиях и в «коммунах». Не случайно железнодорожные составы и автоколонны следовали под усиленной вооруженной охраной. Продолжался уход неханьского населения из национальных районов (Синьцзяна, Тибета, Внутренней Монголии) за пределы КНР.

Продолжалась идеологическая обработка населения национальных районов, осуществляемая, как правило, в рамках проводимых в КНР политических кампаний. Одной из них является кампания «критики Линь Бяо и Конфуция».

Главное внимание в этой кампании, как можно судить по специальным статьям по национальному вопросу, опубликованным в журнале «Хунци» и газете «Жэньминь жибао»[13], приуроченным к 25-летию КНР и имеющим установочный характер, уделялось «усилению сплоченности» всех национальностей, в особенности неханьских народов с ханьцами; изоляции и подавлению «классовых врагов», т. е. прежде всего противников политического курса Мао Цзэ-дуна; дальнейшему расширению антисоветской пропаганды.

Что касается «критики Линь Бяо», то наряду с обвинениями в попытке захватить власть, намерении «реставрировать капитализм» и использовать для достижения этих целей учение Конфуция на Линь Бяо возлагалась вся ответственность за эксцессы, которые имели место в годы «культурной революции» в национальных районах.

В то же время «Хунци» пытался строго ограничить «критику» рамками дозволенного, с тем чтобы «критика преступных деяний Линь Бяо» в национальных районах в период «культурной революции» не перешла в осуждение ее самой. Характерно, что один из главных акцентов в этой политической кампании направлен на восхваление «культурной революции», открывшей, по словам китайской печати, путь к «процветанию» национальных окраин.

«Критика Конфуция» сопровождалась всемерным оправдыванием легистских методов управления, основанных на насилии, прославлением войн, возвеличением экспансионист-

---

[13] «За дальнейшее усиление великой сплоченности национальностей всей страны».— «Хунци», 1974, № 10; «Укреплять и усиливать великую сплоченность национальностей нашей страны».— «Жэньминь жибао» 27.IX.1974.

ской политики китайских императоров (в частности, Цинь Ши-хуана), в результате которой были лишены самостоятельности многие неханьские народы — давние соседи ханьцев. Тем самым организаторы кампании пытались как бы «теоретически» подкрепить старый шовинистический тезис об «особой» миссии ханьцев, якобы призванных «руководить» другими нациями и народностями.

Не менее характерно, что основным объектом критики в национальных районах стали не Линь Бяо и Конфуций, а так называемые «классовые враги». В частности, в совместной юбилейной статье «Хунци», «Жэньминь жибао» и «Цзефанцзюнь бао», опубликованной в день 25-летия КНР, подчеркивалось, что «классовые враги» постоянно всеми способами подрывают сплоченность национальностей в стране.

Политические кампании, прежде всего кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», использовались также для подготовки «новых» национальных кадров, привлекаемых к административной и партийной работе. Активность в этих политических кампаниях стала важнейшим критерием отбора национальных кадров. «Нужно выдвигать на все руководящие посты лучших людей, выявленных в ходе критики Линь Бяо и Конфуция»,— писал журнал «Хунци» о кадровой политике в национальных районах.

Привлечение некоторого количества национальных кадров к управлению пекинская печать выдавала за доказательство того, что неханьские народы якобы обладают самоуправлением. Однако, и это не скрывала официальная пропаганда, «национальным кадрам» отводилась роль послушных исполнителей приказов, получаемых из Пекина. Там не особенно доверяли и этим «новым», воспитанным в определенном духе национальным кадрам. Вся их деятельность контролировалась работниками-ханьцами, каково бы ни было распределение постов.

Вместе с тем вновь продолжались репрессии в отношении неугодных национальных кадров, особенно тех из них, которые в прошлом принимали активное участие в национально-освободительной борьбе неханьских народов и выступали за дружбу с Советским Союзом. Так, по некоторым зарубежным данным, расстрелян бывший заместитель председателя правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района М. Иминов — известный партийный, государственный деятель.

1974 год характеризовался дальнейшей милитаризацией национальных районов, в особенности таких, как Синьцзян, Внутренняя Монголия, Тибет. По-прежнему широко пропагандировался «великий стратегический курс»: «готовиться к войне», «стимулировать подготовку к войне».

Важнейшая роль в поддержке и осуществлении всех мероприятий Пекина в национальных районах отводилась армии. Под видом «взаимопомощи», «взаимной учебы» армия усиливала контроль над всеми сторонами жизни неханьских национальностей. Военные не только организовывали «собрания критики», но и осуществляли военное обучение населения, привлекали его к ведению разведки, патрулированию (в приграничных районах), вмешивались в производственную деятельность крестьян. В военных частях создавались специальные «группы по работе с массами». Так, одна из армейских частей, расквартированных в Юньнани, направила в места расселения неханьских национальностей свыше 400 военных.

Практически все трудоспособное население национальных районов, как мужчины, так и женщины, зачислено в состав «ополчения». Маоистская печать пропагандировала «успехи» тех национальных районов, в которых «каждый человек — солдат-охранник, каждый дом — дозорный пост». Местные власти использовали ополченцев также для агитационной работы, проведения массовых политических кампаний. Однако главная цель, которую преследовали маоисты, создавая ополчение,— это дальнейшая милитаризация национальных районов, максимальное ужесточение контроля над местным населением в этих беспокойных для Пекина областях.

В целях дальнейшего усиления антисоветизма лиц неханьских национальностей принуждали выступать с антисоветскими заявлениями, которые затем широко рекламировались в печати и по радио. Так, например, «Жэньминь жибао» 25 февраля 1974 г. поместила пространные материалы, будто бы исходящие от «крестьян бедняков и низших середняков» Или-Казахского автономного округа (Синьцзян-Уйгурский автономный район), содержащие клеветнические измышления в адрес Советского Союза.

Продолжалось массовое переселение ханьцев в национальные районы, в частности «грамотной молодежи», которое вызывало враждебное отношение местного населения. Как писали пекинские газеты, «классовые враги» в национальных районах «разлагают прибывающую на поселение грамотную молодежь», «подрывают ее работу», «обостряют ее взаимоотношения с крестьянами бедняками и низшими середняками».

Одновременно в Китае широко применяли принудительное переселение и коренных народов. В частности, подавляющее большинство выпускников школ неханьской национальности направлялись на «вечное поселение» в сельскую местность и горные районы. В стране искусственно создавали

«многонациональные» деревни, мобилизованных в ряды НОАК направляли для прохождения службы в другие национальные районы (например, 20 тыс. новобранцев-тибетцев были посланы на границы с СССР и МНР).

В сельском хозяйстве и промышленности национальных районов продолжалось внедрение курса «опоры на собственные силы», «учебы у Дачжая и Дацина». Это означало, что неханьские народы в Китае по-прежнему были лишены даже той минимальной экономической помощи, которая предоставлялась им в первые годы после образования КНР.

Линия «опоры на собственные силы» в сельском хозяйстве национальных районов наталкивалась, однако, на трудности, объяснявшиеся кроме всего прочего значительно менее благоприятными природными условиями многих районов проживания неханьских национальностей по сравнению с районами расселения ханьцев. Стихийные бедствия 1974 г. создали дополнительные трудности для сельского хозяйства ряда национальных районов. Небывалая за много лет засуха наблюдалась в Синьцзяне; сообщалось о трудностях в проведении курса «зерно — основа» во Внутренней Монголии. Чтобы «стимулировать» кампанию «сельскому хозяйству учиться у Дачжая», власти направляли в национальные районы специальные армейские группы.

Вместе с тем официальная печать призывала «бойкотировать и критиковать» такие «капиталистические взгляды»: «уделять больше внимания подсобным промыслам, нежели земледелию», «обращать внимание на деньги и пренебрегать производством зерна». Несмотря на все эти меры, в национальных районах постоянно ощущался острый недостаток зерна не только для удовлетворения минимальных нужд местного населения, но и для снабжения размещенных здесь воинских частей. Так, производимого в Тибете зерна хватало лишь для удовлетворения 70% потребностей автономного района, остальное ввозилось из-за границы, главным образом из Непала. Коренное население национальных районов (например, в Синьцзяне, Тибете) далеко не всегда может получить причитающийся ему паек — 12 кг зерна в месяц на работающего.

В Тибетском автономном районе, где создание «коммун» началось позже, чем в других национальных районах Китая (первые тибетские «коммуны» были созданы в 1965 г., насаждение их усилилось в период «культурной революции»), проведение кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» сопровождалось новым нажимом на крестьян с целью скорейшего завершения организации «коммун». Это вызвало массовое недовольство и сопротивление тибетцев. Как писали китайские газеты, «классовые враги мутили массы, пытались

развалить коммуны». Для наведения «порядка» китайские власти прибегали к помощи отрядов «народного ополчения». В результате процент волостей, в которых были созданы «коммуны», достиг в Тибете к концу года 93[14].

Курс «опоры на собственные силы», ориентация прежде всего на создание мелких, в большинстве полукустарных предприятий силами уездов и «коммун» давали возможность лишь частичного удовлетворения нужд неханьских народов в изделиях промышленного производства, простейшем сельскохозяйственном инвентаре. Примечательно, что пекинская пропаганда, твердившая о «расцвете экономики» в районах проживания малых народов, избегала приводить конкретные данные о состоянии промышленного производства в этих районах, обычно предпочитая этому простое перечисление отраслей промышленности, созданных там после образования КНР.

Великодержавная политика китайского руководства в отношении малых народов страны находила свое проявление и в других областях. Например, принимались конкретные меры, направленные на дальнейшую китаизацию школы в национальных районах. В частности, обращает на себя внимание указание Госсовета КНР относительно отправки в Тибетский автономный район нескольких сот китайских «революционных учителей... для проведения в Тибете революционной линии председателя Мао». Это свидетельствовало о стремлении китайского руководства не только усилить контроль над деятельностью местных тибетских учителей, но и расширить внедрение китайского языка в тибетских школах.

Продолжалась кампания по принудительному переводу уйгурского и казахского языков на новую письменность, к участию в которой привлечены руководящие работники Синьцзяна.

Главной силой здравоохранения в национальных районах оставались так называемые «босоногие врачи», т. е. люди, не получившие сколько-нибудь достаточной профессиональной подготовки. «Экспедиционные» же методы обслуживания коренного населения национальных окраин силами медперсонала из крупных городов или армейских частей, о которых много писалось в китайской печати, представляли собой лишь полумеры. Как признавалось в китайской прессе, во многих национальных районах были сделаны пока только «первые шаги» к «изменению обстановки» в медико-санитарном обслуживании населения.

Рекламируя тем не менее «большие изменения» в медицинском обслуживании неханьских национальностей, китай-

---

[14] «Жэньминь жибао». 15.XI.1974.

ская пропаганда пытается подкрепить свои доводы данными о росте численности неханьского населения КНР. «О быстром росте численности населения» в районах нацменьшинств заявил, в частности, глава китайской делегации Хуан Шу-цзэ на конференции ООН по вопросам народонаселения, проходившей в Бухаресте. Китайская печать сообщала, например, о росте численности казахов (на 45% по сравнению с 1950 г.) и монголов Внутренней Монголии (в 3,27 раза). В данной связи обращает на себя внимание тот факт, что в КНР в течение длительного периода не приводилось абсолютных данных как о численности отдельных неханьских национальностей, так и о численности малых народов Китая в целом. В китайских изданиях обычно фигурировали устаревшие сведения об общей численности неханьских народов КНР, основанные на неточных, а зачастую заниженных данных о численности населения той или иной национальности. Очевидно, это необходимо для того, чтобы приуменьшить место и роль малых народов в структуре китайского общества.

Одновременно Пекин стремится к тому, чтобы изменить соотношение численности неханьского и ханьского населения в национальных районах в пользу ханьцев. В частности, известно, что монгольское население Внутренней Монголии в результате недавнего передела территории этого автономного района значительно сократилось и составляет в настоящее время уже не 1172 тыс., как в начале 60-х годов, а «свыше 300 тыс.» человек [15].

---

[15] «Шицзе диту цзи», Пекин, 1972.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И МАССОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ

В 1974 г. исполнилось 53 года со времени основания Коммунистической партии Китая (I съезд состоялся в июле 1921 г.). За этот период КПК прошла большой исторический путь — от первых малочисленных пропагандистских кружков до массовой партии, ставшей во главе народа, создавшего в 1949 г. Китайскую Народную Республику и приступившего к строительству основ социалистического общества[1].

Однако в ходе развития КПК развернулась острая борьба между марксистскими, интернационалистическими силами, выступавшими за тесное сплочение с мировым рабочим и коммунистическим движением, за союз и дружбу с СССР, и мелкобуржуазными, националистическими элементами в КПК.

Последние съезды КПК (IX съезд в апреле 1969 г. и X съезд в августе 1973 г.) показали, что националистическим элементам удалось утвердиться в руководстве партии и навязать ей в качестве теоретических и организационных основ «идеи Мао Цзэ-дуна», т. е. враждебную марксизму-ленинизму «теорию» и практику, насквозь проникнутые духом национализма, великоханьского шовинизма и ярого антисоветизма.

В 1974 г. руководство КПК по-прежнему рассматривало в качестве своей главной задачи борьбу за дальнейшее осуществление политического курса «культурной революции». Основной ареной этой борьбы стала реорганизованная маоистами партия, в которой, как были вынуждены признать сами руководители КПК, развились оппозиционные настроения в отношении проводимой в стране политики. Специально этому вопросу был посвящен закрытый доклад заместителя председателя ЦК КПК Ван Хун-вэня, сделанный им 14 января в «Группе ЦК КПК по учебе». Ван Хун-вэнь акцентировал внимание слушателей на наличии в партии, и прежде

---

[1] Краткий исторический очерк КПК см. в предыдущем выпуске «КНР — 1973».

всего в среде партийных кадров высшего и среднего звена, оппозиционных настроений, проявившихся в крайне негативной оценке самой «культурной революции», когда ее называли «реакционной», «глубоко ошибочной» и отвергали ее целесообразность как для прошлого, так и для будущего.

Центральное место в докладе заняла проблема утверждения на руководящих постах в партии и государственном аппарате «стойких приверженцев» курса «культурной революции», и в частности так называемых новых кадровых работников. При этом главными силами, противодействовавшими выдвижению «новых» кадров, были признаны армейское командование и «старые» кадры, значительная часть которых была реабилитирована в 1971—1972 гг. Для преодоления этого противодействия докладчик фактически призвал вернуться к некоторым формам и методам борьбы начального периода «культурной революции».

Новое политическое наступление сторонников курса «культурной революции» в руководстве КПК было развернуто под вывеской кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Официально о начале этой новой политической кампании было объявлено в передовой статье газеты «Жэньминь жибао» от 2 февраля 1974 г. То, что эта кампания направлена против определенной части партийного руководства, открыто признал официальный теоретик партии, член Политбюро Яо Вэнь-юань, который заявил, что она проводится «внутри партии, а не вне ее», «нацелена главным образом на верхи, а не на низы» и призвана «решать вопрос о руководящих органах провинциального уровня (в войсках — дивизионного) и выше»[2].

Объявив кампанию «критики Линь Бяо и Конфуция» делом первостепенной важности для «всей партии и всех партийных комитетов», те деятели из состава китайского руководства, которые сами назвали себя «фракцией культурной революции», рассчитывали закрепить доминирующее положение в КПК, опираясь на значительную по численности массу новых рядовых членов партии и кадровых работников из активистов «культурной революции». При этом учитывалась возможность повторения некоторых приемов разжигания политической борьбы, характерных для начального периода «культурной революции».

Хотя в самом начале кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» от имени ЦК КПК, по сообщениям некоторых источников, был издан специальный циркуляр, «серьезно запрещавший» повторение таких моментов «культурной революции», как «организацию фракции» и «персональные

---

[2] Цит. по: «Чжунгун яньцзю», т. 9, 1975, № 1 (97), с. 17, 18, 24.

выпады», «вооруженную борьбу» и «смычки», а также «создание организаций типа хунвэйбиновских», почти все это имело место в ходе ее развития.

Во время кампании происходили, хотя и в меньших, чем во время «культурной революции», масштабах, вооруженные стычки между враждовавшими группировками. Большое распространение вновь получили дацзыбао с персональной «критикой» руководства партийных комитетов провинциального уровня и среднего звена и даже отдельных деятелей из состава высшего руководства.

Но наиболее показательным явилось то обстоятельство, что, как и во времена «культурной революции», была, очевидно, сформирована своего рода полускрытая «инфраструктура», осуществлявшая действительное руководство проведением кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Главным ее элементом были, судя по всему, так называемые канцелярии по делам «критики Линь Бяо и Конфуция», созданные как при ЦК КПК, так и при партийных комитетах последующих звеньев. Она включала также отряды «теоретиков», которым фактически отводилась ударная роль в проведении кампании. Так, в установочных статьях особо подчеркивалось, что эти отряды призваны в «практической борьбе» «сражаться с классовыми врагами» и играть роль главной силы, что они должны формироваться из числа «активистов» кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Поскольку при этом акцентировалась их роль в организации и проведении кампании, можно предположить, что написание дацзыбао, направленных против руководства партийных органов, также было исключительной прерогативой этих отрядов.

Очевидно, именно эти отряды были главным орудием борьбы против оппозиции курсу «культурной революции» в составе руководящих органов КПК. Формально обязанные оказывать содействие в проведении кампании парткомам соответствующих ступеней, отряды «теоретиков» фактически использовались, по-видимому, как орудие давления на парткомы извне и в этом своем качестве скорее всего подчинялись непосредственно «канцеляриям по делам критики Линь Бяо и Конфуция».

С началом развертывания кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» резкому осуждению был подвергнут процесс частичной реабилитации партийных кадров — жертв «культурной революции», который получил значительное развитие в Китае в 1971 — первой половине 1972 г. В открытой печати это было сделано в иносказательной форме «критики Линь Бяо» за приписанное ему стремление восстановить власть некогда «могущественных», но «свергнутых... кланов». В упомянутом докладе Ван Хун-вэня это нашло выражение в на-

падках на «старые» кадры, которые он обвинил в стремлении после реабилитации «свести счеты с массами» (т. е. со своими преследователями) и «вернуть долг» за «культурную революцию» («пусть даже и без процентов»). Ван Хун-вэнь инкриминировал партийному руководству ряда местных организаций стремление расправиться с «молодыми» кадрами под предлогом объявления их «правыми элементами».

Поэтому, расценив реабилитацию «старых» кадров и игнорирование «новых» как отход от курса «культурной революции», Ван Хун-вэнь призвал фактически вернуться к осуществлению соответствующих установок этого курса. Реализация названной задачи в процессе «критики Линь Бяо и Конфуция» приняла форму решения проблем партийного строительства, при этом на первый план выдвигалась кадровая политика. Основным принципом кампании по-прежнему провозглашалось так называемое «соединение» представителей «трех поколений» в составе руководящих органов КПК всех ступеней. Однако в материалах установочного характера фактически признавалось, что в действительности смысл этого лозунга заключался в подготовке «революционной смены», т. е. речь шла о решении все той же задачи — продвигать «новые» кадры, отождествляемые с активными и последовательными сторонниками курса «культурной революции».

В условиях широкого политического наступления на руководящие органы КПК, в которое вылилась кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», это означало фактически постановку вопроса об их чистке и реорганизации путем выдвижения «новых» кадров или усиления уже занятых ими там позиций. Ведущая роль в решении этой задачи принадлежала тем же «отрядам теоретиков», призванным, очевидно, в первую очередь подавлять в парткомах оппозицию курса на «выдвижение новых кадров».

Аналогичную роль играли и разного рода общественные организации, воссозданные в КНР в 1973 г. на новых началах,— профсоюзные, комсомольские, женские, а также «союзы крестьян бедняков и низших середняков», «народное ополчение»,— в которых, как известно, ведущие позиции захватили сторонники «культурной революции». В печати были, например, сообщения об использовании в пров. Цзилинь местной профсоюзной организации для развертывания кампании «критики» провинциального парткома. Упоминалось также о непосредственном формировании такого рода организациями, в частности профсоюзами, и отрядов «теоретиков». По всей видимости, эти организации служили своеобразным резервуаром «новых» кадров для отрядов «теоретиков» и будущего руководства «реорганизованных парткомов». Этим же целям служил в 1974 г. и прием новых

членов в ряды КПК, многие из которых сразу же в качестве «новых» (или «молодых») кадров выдвигались в состав руководящих органов. Следует, однако, отметить, что данные о приеме в КПК в этом году выглядели значительно скромнее соответствующих показателей за 1973 г.

Немаловажное значение для решения поставленных в 1974 г. задач китайское руководство по-прежнему отводило установкам на «развитие роли ревкомов» в рамках «единого централизованного руководства партии». Как и раньше, ставилась задача добиться фактического организационного размежевания соответствующих парткомов и «ревкомов» и разделения между ними функций политического руководства. Подлинный смысл этого оставался, вне всякого сомнения, прежним: сформировать новые «ревкомы» из числа сторонников курса «культурной революции» и затем осуществить «передачу» власти им от нелояльных парткомов. О такого рода тенденции свидетельствовали и дацзыбао, авторы которых под предлогом активизации деятельности «ревкомов» также фактически ставили вопрос об их новом формировании за счет представителей политического лагеря «культурной революции».

В борьбе пекинских руководителей с оппозицией курсу «культурной революции» в руководящих партийных органах и за усиление позиций «новых» кадров — сторонников этого курса особое место было отведено мероприятиям, направленным против представителей армии в составе партийного руководства. Эти мероприятия по-прежнему осуществлялись под флагом утверждения «руководства армией („винтовкой“) со стороны партии». От армейских кадров потребовали даже невыполнения приказов командования, идущих вразрез с официальными установками, а также был поставлен вопрос о замене (по крайней мере, частично) командующих большими военными округами.

Активизация сторонников курса «культурной революции» в руководстве КПК в 1974 г. вызвала сопротивление со стороны армейского командования и определенных кругов руководящих кадровых работников парткомов. Как сообщали дацзыбао и другие источники, местные парткомы предпринимали действия, непосредственно направленные на подавление выступлений активистов кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Масштабы и серьезность такого рода действий вызвали тревогу в центре, немедленно обвинившем партийное руководство на местах в провоцировании «очень острой борьбы» и «натравливании масс на массы».

Пекинское руководство выдвигало требования покончить с проявлениями «центробежных тенденций», «с непониманием» руководящими партийными кадрами основных целей и

задач «критики Линь Бяо и Конфуция». Оно квалифицировало это как уклонение от «главного направления» кампании, т. е. фактически как ее саботаж.

Китайское руководство, по сути дела, признало также, что развертывание «критики Лянь Бяо и Конфуция» не достигло требовавшихся масштабов. Так, на начальной стадии кампании официально констатировалось, что она распространилась «во многих местах», но отнюдь не повсеместно. Характерно, что к концу года ни о каких сдвигах в этом плане не сообщалось. К тому же в совместной новогодней передовой трех редакций от 1 января 1975 г. упоминалось о «немногих организациях», в которых «критика Линь Бяо и Конфуция» оказалась «не доведенной до должного уровня». С учетом тех стереотипов, которые применялись в таких случаях официальными органами печати КПК, можно заключить, что на самом деле речь шла отнюдь не о «немногих» организациях.

Тем не менее необходимо признать, что кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» в 1974 г. привела к известному укреплению в КПК позиции сторонников курса «культурной революции» накануне предстоявшей сессии ВСНП.

* * *

Таким образом, в 1974 г. КПК, по-прежнему лишенная возможности самостоятельно определять и разрабатывать политический курс страны, оставалась в целом инструментом проведения в жизнь «линии Мао Цзэ-дуна» и играла роль важного политического механизма. Но в то же время КПК оставалась ареной острой борьбы группировок за власть и источником оппозиционных настроений в отношении маоистского политического курса, воплощенного в «культурной революции».

Отсюда следует, что завершенное в общем формирование новой организационной структуры КПК после ее «упорядочения» в ходе «культурной революции», утверждение в качестве основы ее деятельности идейно-теоретических и организационных принципов маоизма не обеспечили тем не менее достаточно надежного, с точки зрения пекинского руководства, функционирования ее в качестве проводника «линии Мао Цзэ-дуна».

Китайское руководство, несомненно, и впредь будет прилагать все усилия для решения этих задач. Ясно, однако, что невозможность их окончательного решения обусловлена самим характером политического курса, все более обнаруживающего свою политическую несостоятельность и по этой причине постоянно вызывающего рост оппозиционных настроений, и в первую очередь в «упорядоченной» КПК.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ КИТАЯ

Коммунистический союз молодежи Китая ведет свою историю от I съезда Социалистического союза молодежи, который проходил в Гуанчжоу в мае 1922 г. В январе 1925 г. в Шанхае III съезд Социалистического союза молодежи принял решение переименовать организацию в Коммунистический союз молодежи Китая (КСМК).

В ходе «культурной революции» КСМК был разгромлен хунвэйбинами, а руководство союза репрессировано. Лишь в 1973 г. начался процесс восстановления провинциальных комитетов китайского комсомола. Воссоздание КСМК в целом проходило под эгидой «левого» крыла ЦК КПК — Чжан Чунь-цяо, Яо Вэнь-юаня, Ван Хун-вэня и других руководителей. Однако проблема восстановления, а точнее, создания заново организации КСМК до сего времени пока не решена. В 1974 г. все еще отсутствовал центральный руководящий орган союза, не был разработан устав перестроенной организации.

В этих условиях задачи перед новым КСМК ставились главным образом в резолюциях по докладам первых секретарей парткомов, сделанным на съездах КСМК провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. В связи с тем что печатные органы КСМК — газета «Чжунго циньнянь бао» и журнал «Чжунго циньнянь» — не были восстановлены, дополнительно конкретные задачи выдвигались на страницах партийного журнала «Хунци», центральных и местных газет. В газетах упоминалось лишь о целях КСМК в самой общей форме: стать «организацией, объединяющей и воспитывающей молодых юношей и девушек», обеспечивать, чтобы «молодые люди были здоровыми, усиленно учились и хорошо работали», заботиться «о политической учебе молодых рабочих и крестьян, о повышении их идеологического и культурного уровня».

В течение всего 1974 г. было заметно подчеркнутое внимание китайского руководства к КСМК и молодежи вообще. В этом чувствовалось стремление стабилизировать политическую обстановку в стране, использовать огромные трудовые ресурсы молодежи для подъема сельскохозяйственного и промышленного производства. Отсюда и постановка такой задачи перед комсомолом, как «быть здоровым, хорошо работать и учиться».

Но, очевидно, главное, чего хотели добиться в Пекине,— это окончательно превратить китайскую молодежь в опору, наследника и глашатая маоцзэдуновских «идей». Для исполнения своих замыслов был использован комсомол — один

из основных источников, откуда они могли черпать кандидатов в члены своей партии.

Прежде всего китайские руководители хотели быть уверенными, что их длительная, кропотливая «работа» по воспитанию преданных «идеям» Мао Цзэ-дуна последователей из среды молодого поколения не пропала даром. Их беспокоило, смогут ли комсомольцы «продолжить дело Мао Цзэ-дуна».

Центральные и местные газеты в течение всего года неоднократно призывали молодежь активнее участвовать в политической кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», развернутой в стране: на предприятиях, в учреждениях и вузах в городах и «коммунах» в деревне, с целью решения «кадровой политики» активизации политической и трудовой деятельности молодежи. При этом пекинское руководство тревожилось, что молодежь, которая пережила последствия разгрома КСМК, уже не так рьяно, как прежде, откликнется на выдвигаемые лозунги.

Хотя и не в таких масштабах, как это было в годы «культурной революции», все же удалось привлечь к участию в кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» молодежь, ей было предоставлено право расправляться с инакомыслящими[3]. Во многих учебных заведениях началась новая волна выпуска дацзыбао и репрессий в отношении преподавателей, которых отправляли на «трудовое перевоспитание» и «промывку мозгов» в «школы 7 мая».

Перед КСМК помимо «воспитательной работы» были поставлены задачи, связанные с отправкой «грамотной молодежи» в горные и сельские районы. Местные и центральные газеты призывали улучшить работу с молодежью в деревне и указывали на необходимость борьбы с «препятствиями», которые все еще имели место при отправке образованной молодежи в деревню, проведения критики «нездоровых взглядов», т. е. заботы молодежи о себе и своем благополучии.

Чтобы удержать молодежь в деревне и усилить воздействие на нее партии и комсомола, была завершена организация многослойного контроля за молодежью — партийно-комсомольского актива, парткомов всех ступеней, групп, специально направленных кадровых работников, а также «союзов крестьян бедняков и низших середняков».

На страницах газет развернулась острая критика родителей, пытавшихся не допустить отправки своих детей в деревню или вернуть их назад. В «организованных» редакциями материалах дети давали отповедь «старой гвардии», пытав-

---

[3] «Жэньминь жибао», 6.II.1974.

шейся воспрепятствовать отправке в деревню[4]. Критике подверглись также преподаватели, которые считали, что «отправка молодежи в деревню обрекала эту молодежь на долгие лишения»[5].

Организованная по всей стране кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» распространилась и на «грамотную молодежь» в деревне и приобрела здесь свою специфику. Наряду с подъемом трудовой и политической активности молодых людей и отвлечением их внимания от общеэкономических проблем она имела цель переложить вину за судьбу хунвэйбинов в «культурной революции» и тяготы молодежи в деревне на Лю Шао-ци, Линь Бяо и даже на древнего мудреца Конфуция.

Усилиями властей к концу 1974 г. в деревню было отправлено 10 млн. молодых людей, окончивших средние и высшие учебные заведения[6]. В то же время кампания направления молодежи в отдаленные сельские и горные районы была объявлена одним из главных «новых социалистических явлений», которое рассчитано на длительное время.

Детская организация хунсяобинов («красных солдатиков») была сразу передана после восстановления КСМК под его контроль, но молодежная организация хунвэйбинов, объединяющая школьников старших классов и студентов вузов, продолжала оставаться самостоятельной. Все шло к тому, что организованные отряды хунвэйбинов постепенно должны были самоликвидироваться. Однако пекинские лидеры и пресса периодически выводили их на сцену, упоминали в выступлениях и статьях их «заслуги в обеспечении победы культурной революции». В этом, видимо, проявился уже не новый прием, когда одна часть молодежи противопоставлялась «на всякий случай» другой, а сама молодежь — другим группам китайского общества.

В системе идеологического воздействия на молодежь широко использовались самые различные формы и методы: многочисленные «движения», кампании, учебные сборы и курсы, собрания и политзанятия, массовые митинги и слеты, спортивные мероприятия и индивидуальная работа. Все эти средства были призваны заставить молодежь безропотно покориться режиму и превратить ее в слепое орудие антинародной политики.

---

[4] «Жэньминь жибао», 5.I.1974.
[5] «Жэньминь жибао», 16.I.1974.
[6] «Гуанмин жибао», 23.IX.1974.

В мае 1925 г. была образована Всекитайская федерация профсоюзов (ВКФП). После создания Китайской Народной Республики были определены задачи и принципы работы профсоюзов в новых условиях. Решения VI Всекитайского съезда профсоюзов (август 1948 г.), закон о профсоюзах Китайской Народной Республики (июнь 1950 г.), устав профсоюзов КНР, принятый на VII Всекитайском съезде профсоюзов (май 1953 г.), определяли место и роль профессиональных союзов в системе политической организации КНР как помощника КПК в проведении демократических, а затем социалистических преобразований. В целом эти решения и документы исходили из ленинского определения роли профсоюзов как «школы коммунизма».

Но по мере укрепления позиций китайского руководства в КПК профсоюзы стали все более превращаться в орудие «идей Мао Цзэ-дуна». Уже на первом этапе «культурной революции» Всекитайская федерация профсоюзов и местные организации профсоюзов были распущены. На их месте появились так называемые «конференции представителей революционных рабочих» («гундайхой») — организации, занимавшиеся главным образом распространением «идей Мао Цзэ-дуна» среди трудящихся.

Нестабильность политического режима в КНР, борьба за власть в среде руководителей, отразившаяся в кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», не позволили китайскому руководству завершить в 1974 г. планировавшееся воссоздание системы профсоюзных органов на новой основе: не созданы национальный профсоюзный центр и отраслевые профсоюзы, не принят устав профсоюзов КНР.

В 1974 году профсоюзные организации имелись на всех крупных предприятиях страны, а также на небольших предприятиях районного подчинения в больших городах, в некоторых городах провинциального подчинения и на отдельных предприятиях местного значения. На предприятиях уездного и районного уровня, как правило, профсоюзные организации не создавались.

Во всех провинциях, городах центрального подчинения и автономных районах функционировали руководящие профсоюзные органы — федерации или советы профсоюзов. Всекитайские и территориальные комитеты отраслевых профсоюзов находились на стадии формирования. В китайской печати появились сведения об образовании некоторых отраслевых профсоюзных органов, в частности Всекитайского комитета профсоюзов работников первого министерства машиностроения и территориальных комитетов профсоюза железнодорож-

ников. Созданные комитеты отраслевых профсоюзов всех уровней получили весьма ограниченные права: они не вмешивались в непосредственное руководство профсоюзными организациями. Руководство же первичными организациями осуществляли федерации профсоюзов. Фактически такое положение упраздняло производственно-отраслевой принцип построения профсоюзов КНР, превращало комитеты отраслевых профсоюзов в номинальные органы, выполнявшие чисто представительские (как внутри страны, так и за рубежом) функции. В связи с этим правильнее говорить об образовании в КНР не отраслевых профсоюзов, а системы отраслевых профсоюзных органов.

Как подчеркивалось на состоявшихся в 1974 г. различных совещаниях и конференциях профсоюзных организаций предприятий, городов и провинций, основной задачей профсоюзов являлась организация «критики Линь Бяо и Конфуция», распространение в массах «идей Мао Цзэ-дуна» и так называемая «классовая борьба» с противниками существующего режима. Эта установка на практике реализовалась прежде всего путем организации профкомами различных уровней кружков, курсов и семинаров.

Вследствие выдвижения на первый план в деятельности профсоюзов вопросов идеологической и политической работы продолжались ограничения в приеме рабочих в члены профсоюзов по политическим мотивам. В газетах сообщалось, например, что на шелкоткацкой фабрике в Ханчжоу, насчитывавшей 1700 рабочих, 200 молодых людей, принятых на работу после «культурной революции», не состояли в профсоюзе, так как, по мнению руководителей парткома и профкома фабрики, их «политическая сознательность недостаточна». В целом на ряде крупных предприятий страны не могли вступить в члены профсоюзов по той же причине около 30—40% рабочих.

Профсоюзы продолжали развивать активную деятельность по формированию и обучению так называемого городского ополчения. Солдаты ополчения выполняли полицейско-надзирательские функции на улицах городов, осуществляли контроль над жизнью и деятельностью коллективов промышленных предприятий. Вопросу укрепления ополчения были посвящены многочисленные совещания в провинциях и крупных городах в сентябре 1974 г.

Из сообщений печати известно, что совместно с партийными комитетами, «ревкомами» и военными представителями профкомы пытались организовать среди рабочих трудовое соревнование. Но их деятельность, по всей видимости, в этой области приняла противоречивый характер: пропагандируя «идеи Мао Цзэ-дуна» и объясняя рабочим вред «буржуазного

индивидуализма» и «эгоизма», они вынуждены были отмечать «образцовых рабочих» и передовиков труда, т. е. прибегать к их моральному поощрению; борясь с «экономизмом», призывая к «бескорыстию», они в ряде случаев выступали за материальное поощрение рабочих, добившихся высоких производственных показателей.

Деятельность профсоюзов КНР в 1974 г. в социально-бытовой сфере по-прежнему не получила своего развития. Хотя на совещаниях и конференциях нередко признавалось необходимым заботиться о жизни масс, эта деятельность профсоюзов, регламентированная военно-партийным аппаратом, носила чисто декларативный характер.

«СОЮЗЫ БЕДНЯКОВ И НИЗШИХ СЕРЕДНЯКОВ»

Существование «союзов бедняков и низших середняков» как одного из составных элементов политической структуры Китая было официально подтверждено в новом уставе партии, принятом на X съезде КПК (1973 г.). Само название — «союз бедняков и низших середняков» — не ново.

После провозглашения КНР в годы аграрной реформы 1950 г. по Закону о земельной реформе КНР основными организациями для проведения ее на местах явились крестьянские союзы. Сыграв роль органов аграрной реформы, они в дальнейшем фактически не проявляли никакой активности, их костяк вошел в различные органы власти на селе.

К идее об использовании крестьянских организаций во внутренней борьбе Мао Цзэ-дун и его сторонники вернулись в период острых разногласий внутри руководства КПК в начале 60-х годов. В проекте «Решения ЦК КПК по некоторым вопросам нынешней работы в деревне» Мао Цзэ-дун для проведения «четырех чисток» (идеологической, политической, организационной и экономической) среди кадровых работников в деревне предлагал повсеместно создать «союзы бедняков и низших середняков» и наделить их правами контроля за деятельностью руководящих органов «коммун» и бригад.

Направляемые из центра «рабочие группы» союзов, включавшие работников партийных органов, органов безопасности, суда и прокуратуры, обязаны были выявлять противников «идей Мао Цзэ-дуна» и формировать из активистов «союзов бедняков и низших середняков» так называемое «ядро» нового руководства местных органов партии и власти. Следовательно, была ставка на политический раскол в среде крестьянства, беднейшие слои деревни с их стихийной

тягой к уравниловке рассматривались в качестве источника преданных кадров, а давление этих слоев — как рычаг для навязывания своих военно-казарменных схем. Не случайно в ходе этого движения рекомендовалось всемерно пропагандировать лозунг «учиться у Дачжая».

Эксцессы «культурной революции» не получили широкого распространения в сельских районах, и можно утверждать, что в них не существовало организационной сети «союзов бедняков и низших середняков». Однако остатки актива крестьянских союзов, по-видимому, сохранились.

В документах X съезда КПК термин «союзы крестьян бедняков и низших середняков» официально был утвержден в качестве обозначения формы крестьянского объединения в новой политической системе КНР. В то время за этим названием не стояла реальная сеть союзов крестьян — она еще только начала создаваться.

Пекинские власти через систему провинциальных комитетов КПК начали подготовительную работу по созыву съездов (конференций) представителей «бедняков и низших середняков» провинциального звена, на которых до конца года были избраны несколько руководящих органов — комитеты «союзов бедняков и низших середняков» провинций.

Результаты работы по созданию в 1973 и 1974 гг. руководящих органов «союзов бедняков и низших середняков» провинциального уровня представлены в табл. 1.

В организационно-политической работе по формированию «союзов бедняков и низших середняков» встретились значительные трудности уже в силу того, что эти организации должны были охватить почти 70% населения Китая. Прежде

Таблица 1

Создание комитетов «Союзов бедняков и низших середняков» в 1973—1974 гг.*

Провинция	Дата создания	Число делегатов на конференции	Провинция	Дата создания	Число делегатов на конференции
	1973 г.			1974 г.	
Хунань	ноябрь—декабрь	4000	Цзянсу	январь	нет св.
			Юньнань	сентябрь	нет св.
Аньхой	ноябрь	1766	Гуандун	декабрь	4024
Шэньси	декабрь	1240	Гуанси-Чжуанский автономный район	»	3006
Хубэй	»	4046			

* Составлена главным образом по материалам иностранной печати.

всего трудности внутриполитического плана: местные сельские кадровые работники, по-видимому отдавая отчет в том, что создание союзов означало политический раскол крестьянства, сопротивлялись проведению этой кампании. Тем не менее, преодолевая сопротивление, в течение всего 1974 г. парткомы провинций продолжали эту работу. Провинциальные конференции (съезды) представителей «бедняков и низших середняков» созывались после того, как в большинстве уездов данной провинции уже были избраны уездные комитеты и отобраны делегаты на конференцию. В 1974 г. темпы создания «союзов бедняков и низших середняков» были такие же, как и в предыдущем году. За весь год было образовано четыре комитета: в провинциях Цзянсу, Юньнань, Гуандун и Гуанси-Чжуанском автономном районе.

Анализ обращений конференций к крестьянам, повесток дня конференций позволяет утверждать, что в основе создаваемых союзов лежали прежние замыслы руководства, восходящие к 60-м годам, правда, с отдельными частными поправками, учитывающими современный этап внутренней борьбы в Китае. Так, например, 3-я конференция представителей «бедняков и низших середняков» пров. Хубэй в своем обращении 26 декабря 1973 г. выдвинула следующие задачи перед крестьянами: 1) активно участвовать в кампании «критики Линь Бяо и Конфуция»; 2) укреплять и развивать коллективное хозяйство; 3) следовать «генеральной линии»; 4) контролировать осуществление кадровыми работниками различных степеней в сельских «коммунах» партийной линии и политики; 5) под руководством организаций «союза бедняков и низших середняков» крепить сплоченность.

Примерно через год на расширенном заседании постоянного комитета «союза бедняков и низших середняков» уезда Баокан пров. Хубэй вновь упоминались те же программные пункты, но главное внимание акцентировалось на лозунге «учиться у Дачжая» и на том, что «нужно контролировать кадровых работников, чтобы они претворяли в жизнь... линию и политику председателя Мао». Наличие подобной информации и по другим провинциям говорило о единой линии, исходящей из Пекина.

В 1974 г. на конференциях «бедняков и низших середняков» наряду со старыми политическими лозунгами все большее значение стали приобретать лозунги последнего периода борьбы «левых» за власть: «критиковать Линь Бяо и Конфуция», создавать отряды «крестьян-теоретиков», поддерживать «новые явления», которые появились в период «культурной революции» в Китае, воспитывать в духе «линии» Мао Цзэ-дуна и т. п. Все это свидетельствовало о том, что «союзы бедняков и низших середняков» использовались

как особый крестьянский резерв во внутриполитической борьбе и в попытках начать новую чистку низового партийного аппарата в китайской деревне.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

К моменту образования КНР в 1949 г. в стране существовали демократические партии, входившие в состав Единого народно-демократического фронта. К их числу относились:

Революционный комитет гоминьдана — образован в 1948 г. из числа бывших гоминьдановских офицеров, чиновников, представителей высших и средних слоев национальной буржуазии.

Демократическая лига Китая — организована в 1941 г. из представителей интеллигенции, работников культуры и просвещения, студентов, инженерно-технических работников, лиц свободных профессий.

Крестьянско-рабочая демократическая партия Китая — основана в 1927 г. под названием Китайской революционной партии, включает представителей интеллигенции, главным образом в области медицины и здравоохранения.

Общество «3 сентября» — создано в 1944 г., объединяет демократическую интеллигенцию — профессоров, врачей, инженеров.

Китайская партия справедливости — ведет свою историю со времен тайных обществ тайпинского восстания. В нее входили патриотически настроенные китайцы-эмигранты в различных странах.

Ассоциация содействия развитию демократии — создана в 1945 г., объединяла работников печати, культуры и просвещения. Ряд членов этой Ассоциации одновременно входили и в Демократическую лигу Китая.

Ассоциация демократического национального строительства Китая — создана в 1945 г. главным образом из представителей торгово-промышленных кругов буржуазии.

Лига демократической автономии Тайваня — создана в 1947 г. из уроженцев о-ва Тайвань. Своей задачей Лига считала освобождение Тайваня и возвращение его Китаю.

1974 год не внес каких-либо существенных изменений в политику китайского руководства в отношении демократических партий. По-прежнему нет оснований говорить о действительной активности этих партий. Анализ имеющейся информации показал, что власти продолжали проводить двойственную политику в этой области. С одной стороны, в отличие от устава КПК, принятого на VIII съезде, партийные уставы IX и X съездов КПК уже не содержали пункта о сотрудничестве с демократическими партиями и группиров-

ками. В печати отсутствовали сведения о съездах, пленумах или каких-либо иных организационных формах работы этих партий. С другой стороны, не было никаких официальных сообщений о роспуске этих партий или притеснениях в отношении их руководителей даже в годы «культурной революции».

По-видимому, правители КНР продолжали проводить курс на сотрудничество с демократическими партиями, что, в частности, проявилось в деятельности отдела Единого фронта ЦК КПК, сохранении института Всекитайского комитета НПКС и местных организаций Единого фронта в крупных городах, а также в привлечении отдельных представителей демократических партий к участию в официальных мероприятиях.

Есть основания предполагать, что китайское руководство до сих пор придерживалось в этом вопросе ряда установок, выдвинутых в свое время Мао Цзэ-дуном. В последние годы в китайской печати упоминалась его работа «О правильном разрешении противоречий внутри народа» (1957), в которой обосновывался курс на «длительное сосуществование компартии с различными демократическими партиями и группировками»[7].

Известно также высказывание Мао Цзэ-дуна на информационном совещании ЦК КПК по вопросам политической работы в октябре 1966 г.: «Демократические партии и группировки все же нужны. Политический консультативный совет тоже все-таки нужен».

В 1973 г. в журнале «Хунци» приводились слова Мао Цзэ-дуна о демократических партиях: «Руководящие классы и партия должны осуществлять свое руководство по отношению к руководимым классам, слоям, партиям и народным организациям... давать руководимым материальное благополучие, по крайней мере не наносить ущерба их интересам, но и в то же время политически воспитывать руководимых».

Практические шаги китайского руководства в отношении демократических партий говорили о том, что оно использовало (начиная с визита Никсона в Китай в 1972 г.) каждый удобный случай для демонстрации «активности» «деятелей различных кругов», т. е. в большинстве своем представителей демократических партий. Однако партийная принадлежность того или иного деятеля не указывалась. Названия большинства партий в китайской печати также не упоминались. Исключение составляли лишь партия Революционного комитета гоминьдана и Лига демократической автономии Тайваня.

---

[7] Прямая ссылка на указанный курс, в частности, содержалась в журнале «Хунци» (1967, № 10).

В течение 1974 г. представителям демократических партий была предоставлена возможность проявить показную активность. Так, в конце февраля «деятели различных кругов столицы и тайваньские соотечественники, находящиеся в Пекине», по сообщениям центральной печати, во второй раз после «культурной революции» провели собеседование, посвященное 27-й годовщине восстания (28 февраля 1947 г.) на Тайване. В этом собеседовании, организованном Всекитайским комитетом НПКС, приняло участие свыше 100 человек. Председательствовал на нем заместитель председателя Всекитайского комитета НПКС Сюй Дэ-хэн, являющийся вместе с тем председателем одной из демократических партий — Общества «3 сентября».

Дважды в течение года в Пекине, Шанхае, Нанкине, Гуанчжоу и Ухани отмечались годовщины, посвященные памяти Сунь Ят-сена: в марте состоялись церемонии по случаю 49-й годовщины со дня смерти, на которых присутствовали руководящие деятели демократических партий, в ноябре — церемонии по случаю 108-й годовщины со дня его рождения. В обоих случаях в Пекине председательствовал член Постоянного комитета ЦК Революционного комитета гоминьдана Чэнь Цы-шэн.

Сравнительно широко привлекались представители демократических партий и к участию в праздничных мероприятиях 1 Мая и 1 Октября. Так, на приеме по случаю 25-й годовщины КНР в качестве членов Постоянного комитета ВСНП, членов Постоянного комитета Всекитайского комитета НПКС, депутатов и членов НПКС и представителей различных кругов присутствовало 50 деятелей руководящих органов демократических партий Китая. Практически были представлены все партии, входящие в состав Единого фронта Китая. Наибольшее количество представителей было от партии Революционный комитет гоминьдана (14 человек) и Демократической лиги Китая (10 человек).

Во всех мероприятиях, проводимых совместно с представителями демократических партий, участвовали ответственные работники отдела Единого фронта ЦК КПК — Лю Ю-фа, Ли Цзинь-дэ и Тун Сяо-пэн. В мае отдел Единого фронта ЦК КПК, воспользовавшись проходившими в Пекине отборочными состязаниями к VII Азиатским играм, устроил встречу уроженцев Тайваня, проживающих в США, Японии и Китае.

Косвенным свидетельством внимания, уделяемого пекинским руководством деятелям демократических партий, явилась церемония по случаю кончины члена Постоянного бюро ЦК партии Революционный комитет гоминьдана, Постоянного комитета ВСНП третьего созыва и Постоянного комитета

Всекитайского комитета НПКС Лу Ханя в мае 1974 г. Венки были присланы от имени Дун Би-у, Чжу Дэ, Чжоу Энь-лая, Ван Хун-вэня, Кан Шэна, Е Цзянь-ина, Ли Сянь-няня, Дэн Сяо-пина, Лю Бо-чэна, Го Мо-жо; Е Цзянь-ин и Ли Сянь-нянь присутствовали на похоронах.

В целом создалось впечатление, что пекинское руководство не утратило заинтересованности в сотрудничестве с сохранившимися представителями демократических партий Китая, что объяснялось как внутренними, так и внешними факторами.

Во-первых, в связи с подготовкой сессии ВСНП четвертого созыва пекинское руководство, очевидно, было заинтересовано в том, чтобы получить поддержку от депутатов этих партий, которые пользовались влиянием среди части интеллигенции и представителей национальной буржуазии.

Во-вторых, пекинское руководство явно стремилось использовать представителей демократических партий для расширения своих связей с китайской эмиграцией в различных странах, и особенно в странах Юго-Восточной Азии, а также для поддержания контактов с соответствующими кругами Гонконга и Макао.

В-третьих, продолжение политики сотрудничества с демократическими партиями имело прямую связь с проблемой «мирного присоединения Тайваня», поскольку представители демократических партий, располагая широкими связями с тайваньцами, могли быть использованы для налаживания контактов в поддержку пекинского режима.

Наконец, политика сотрудничества с демократическими партиями в целом может содействовать налаживанию контактов с буржуазными кругами как развивающихся, так и капиталистических стран.

ЖЕНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Всекитайская федерация женщин (ВФЖ), входившая в Единый народно-демократический фронт Китая, была создана в 1949 г.

ВФЖ ставила перед собой задачу объединить женщин всех национальностей, всех слоев населения, мобилизовать их на активное участие в социалистическом строительстве, защищать права и интересы женщин и детей. Всекитайская федерация женщин была организована на принципах коллективного членства. Ее низовыми организациями являлись сельские и городские квартальные делегатские собрания женщин. Исполком ВФЖ выпускал свой печатный орган — ежемесячный журнал.

ВФЖ входила в Международную демократическую федерацию женщин, активно поддерживала дружественные связи с демократическими организациями женщин других стран, а также прогрессивные движения женщин мира. Почетным председателем Всекитайской федерации женщин была видная общественная деятельница Китая Сун Цин-лин (вдова Сунь Ят-сена).

Однако в период «культурной революции» Всекитайская федерация женщин была разгромлена одновременно с другими общественными организациями. До настоящего времени Всекитайская федерация женщин не восстановлена. Имеются некоторые данные об образовании провинциальных и городских федераций женщин (табл. 2).

Судя по имеющимся данным, процесс повсеместного создания женских организаций еще не завершен. В китайской печати появлялись отрывочные сведения об учреждении в 1974 г. комитетов федераций женщин на уровне городов и районов.

Например, сообщалось о создании Комитета федерации женщин Муданьцзянского района. В 1974 г. происходило создание низовых комитетов китайских женщин, включая деревню[8]. В газетах печатались некоторые материалы, освещавшие работу отдельных комитетов.

В 1974 г. деятельность женских организаций, развертывавшаяся под лозунгом «критики Линь Бяо и Конфуция», осуществлялась под строгим контролем со стороны партийных комитетов.

С целью пропаганды этой кампании ряд комитетов федераций женщин провинций и городов провели совещания, семинары и митинги. Такие мероприятия, например, по сообщению китайского радио, были организованы комитетами федераций женщин провинций Ганьсу, Хэйлунцзян, Цзилинь, городов Бэньси и Цицикар.

Перед женскими организациями ставились задачи «повышения активности, сплочения кадровых работников и народных масс, последовательное претворение в жизнь революционной линии Мао Цзэ-дуна, ведение революции, стимулирование развития производства».

В связи с началом кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» женские организации занимались формированием отрядов «теоретиков» из числа женщин.

Правящая верхушка КНР в целях расширения своей социальной опоры и укрепления связей с основными слоями населения страны уделяла известное внимание выдвижению новых женских кадров. Подтверждением этому явились мате-

---

[8] «Жэньминь жибао», 8.I.1974.

Таблица 2

Создание комитетов федераций женщин в 1973 г.*

№	Место организации	Время сформирования	Число делегатов конференции	Председатель
1	г. Пекин	15—20 сентября, на 6-й городской конференции	1201	Фу Юй-фан — член Пекинского городского комитета КПК, ответственный работник Пекинского «ревкома», член Постоянного комитета ВСНП четвертого созыва
2	г. Тяньцзинь	27 июня — 1 июля, на 6-й городской конференции	1204	Цай Шу-мэй — член ЦК КПК, член бюро Тяньцзиньского городского комитета КПК, член бюро Тяньцзиньского городского «ревкома», представитель рабочих 4-й тяньцзиньской текстильной фабрики
3	г. Шанхай	17—22 сентября, на 6-й городской конференции	1598	Ван Сянь-цзюнь — кандидат в члены ЦК КПК десятого созыва, ответственный работник Шанхайского «ревкома», член бюро Шанхайского городского комитета КПК
4	пров. Аньхой	30 июня — 7 июля, на 4-й провинциальной конференции	1800	Цян Юй-фэн — член бюро парткома пров. Аньхой
5	пров. Ганьсу	16 июля — 4 августа, на 5-й провинциальной конференции	1025	Ли Вэй — член бюро народного комитета пров. Ганьсу (с 1954 г.), член бюро «ревкома» пров. Ганьсу
6	пров. Гуандун	16 июля — 4 августа, на 4-й провинциальной конференции	—	Фан Лань
7	пров. Гуйчжоу	30 ноября — 4 декабря, на 3-й провинциальной конференции	1200	Мэн Су-фэнь — национальности буи, депутат ВСНП от пров. Гуйчжоу (третьего созыва), член Комиссии национальностей ВСНП (1964 г.)
8	пров. Ляонин	15—19 августа, на 2-й провинциальной конференции	1403	Вэй Фэн-ин — член ЦК КПК десятого созыва, заместитель председателя «ревкома» пров. Ляонин, работница Дунбэйского станкостроительного завода
9	пров. Сычуань	1—12 августа, на 4-й провинциальной конференции		Дай Кэ-юй

№	Место организации	Время сформирования	Число делегатов конференции	Председатель
10	пров. Фуцзянь	30 июля — 4 августа, на 4-й провинциальной конференции		Ло Чунь-ди — кандидат в члены ЦК КПК, член парткома, заместитель председателя «ревкома» пров. Фуцзянь, крестьянка.
11	пров. Хубэй	5—11 июля, на 3-й провинциальной конференции	1400	Дин Фэн-ин — член бюро парткома, заместитель председателя «ревкома» пров. Хубэй, крестьянка «народной коммуны» «Бэйлин» уезда Лотянь
12	пров. Хунань	23—27 сентября, на 4-й провинциальной конференции	1500	Ло Цю-юэ — член бюро парткома пров. Хунань
13	пров. Хэбэй	13—18 июля, на 5-й провинциальной конференции		Ван Гуй-хуа — член Хэбэйского провинциального «ревкома», член «ревкома» г. Чжанцзякоу
14	пров. Хэйлунцзян	27 июля — 2 августа, на 4-й провинциальной конференции	1306	Чжан Сю-чжи — член бюро парткома пров. Хэйлунцзян, бригадир буровой бригады № 1205 на Дацинских нефтепромыслах
15	пров. Хэнань	27—29 сентября, на 5-й провинциальной конференции	1201	Вэнь Сянь-лань — кандидат в члены ЦК КПК десятого созыва, заместитель председателя «ревкома», член бюро парткома пров. Хэнань
16	пров. Цзилинь	13—17 июля, на 4-й провинциальной конференции		Чжан Сун-тин
17	пров. Цзянси	27 августа — 1 сентября, на 5-й провинциальной конференции	1400	Фань Сяо-цзюй — кандидат в члены ЦК КПК десятого созыва, заместитель председателя «ревкома» уезда Сюшуй пров. Цзянси, член бюро парткома уезда
18	пров. Цзянсу	1—6 августа, на 4-й провинциальной конференции	2015	Цинь Су-пин — ответственный работник подготовительной группы конференции женщин пров. Цзянсу
19	пров. Цинхай	28 августа — 1 сентября, на 4-й провинциальной конференции	700	Син Бин-цай — председатель подготовительной группы Цинхайской провинциальной федерации женщин
20	пров. Чжэцзян	12—17 августа, на 5-й провинциальной конференции	1515	Хуа Инь-фэн — заместитель председателя «ревкома» пров. Чжэцзян, член парткома пров. Чжэцзян

№	Место организации	Время сформирования	Число делегатов конференции	Председатель
21	пров. Шаньси	30 июня — 18 июля, на 4-й провинциальной конференции		Шэнь Цзи-лань — депутат ВСНП от Шаньси (1965 г.), заместитель секретаря Пиншуньского уездного комитета КПК, заместитель секретаря партячейки большой производственной бригады «Сигоу»
22	пров. Шэньси	20—24 августа, на 5-й провинциальной конференции	1200	Бай Фэн-у — заместитель председателя федерации женщин пров. Шэньси, член народного комитета, член исполкома Всекитайской федерации женщин (1953 г.)
23	пров. Юньнань	15—21 августа, на 3-й провинциальной конференции	1331	Бао Я-фан — заместитель председателя Дунчуаньского городского «ревкома»
24	Автономный район Внутренняя Монголия	21—26 сентября, на 4-й районной конференции	709	Цинь Шу-чжэнь — маньчжурка, ответственный работник парткома автономного района Внутренняя Монголия
25	Гуанси-Чжуанский автономный район	16—21 июля, на 5-й районной конференции		Цзэн Сяо-пин
26	Нинся-Хуэйский автономный район	1—12 августа, на 3-й районной конференции		Хэ Линь-цин — национальность хуэй
27	Синьцзян-Уйгурский автономный район	26 августа — 5 сентября, на 3-й районной конференции	600	Айим — уйгурка
28	Тибетский автономный район	25—28 июля, на 2-й районной конференции		Пасан — член ЦК КПК десятого созыва, секретарь парткома, заместитель председателя «ревкома» Тибетского автономного района.

* Составлена по данным китайской печати.

риалы 1-й сессии ВСНП четвертого созыва, состоявшейся в январе 1975 г. Из 22 заместителей председателя Постоянного комитета ВСНП 3 женщины, из 144 членов Постоянного комитета ВСНП 38 женщин. По сообщению агентства Синьхуа, женщины составили свыше 22% делегатов этой сессии.

Женские организации, появившиеся в 1973—1974 гг., отнюдь не были теми общественными демократическими организациями, которые существовали до «культурной революции». Китайское руководство поставило своей целью создать систему женских организаций, основанную лишь на маоистской идеологии. Роль женских организаций в современной общественной жизни КНР невелика.

ДРУГИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Кроме названных выше организаций в китайской печати в течение 1974 г. упоминались следующие общественные организации.

В области связей с зарубежными странами: Всекитайская ассоциация реэмигрировавших в КНР китайских эмигрантов; Китайское народное общество дружбы с заграницей; Общество китайско-японской дружбы; Общество китайско-советской дружбы (проводит только протокольные, весьма редкие мероприятия); Общество китайско-латиноамериканской дружбы; Общество дружбы КНР — Африка; Общество китайско-кубинской дружбы; Общество китайско-вьетнамской дружбы; Общество китайско-лаосской дружбы; Китайский комитет солидарности стран Азии и Африки.

В области торговли и международных отношений: Китайский комитет содействия развитию международной торговли; Китайско-японский комитет торговли по меморандуму; Китайское народное общество изучения международных отношений.

В области научных и технических связей: Всекитайское научно-техническое общество; Китайское общество автоматизации; Китайское общество океанского транспорта; Китайское общество медицины; Китайское общество электроники; Китайское общество ирригации; Китайское общество архитектуры; Китайская ассоциация работников рыбного хозяйства; Китайское астрономическое общество; Китайское геологическое общество; Китайское общество изучения металлов; Китайское геофизическое общество; Китайское физическое общество; Китайское общество стандартизации; Китайское общество эсперанто.

Китайская печать называла также Общество Красного Креста и многочисленные спортивные организации: Всекитайская ассоциация физкультуры и спорта; ассоциации: настольного тенниса, тяжелой атлетики, легкой атлетики, водного спорта, гимнастики, конькобежного спорта, волейбола, бадминтона, баскетбола, футбола, зимних видов спорта.

Из религиозных организаций упоминались Китайское буддийское общество и Китайское общество исповедующих ислам.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

25-летие Китайской Народной Республики отмечалось в условиях, когда коренные социально-экономические и политические проблемы страны не были решены, поскольку китайские руководители не могли дать китайскому обществу какой-либо позитивной программы. Реализация на практике установок Мао Цзэ-дуна вызвала лишь углубление основных противоречий в развитии народного хозяйства и всей общественной жизни Китая.

В 1974 г. китайское руководство вместо конкретной и перспективной экономической программы по-прежнему преподносило обществу набор политических постулатов. «Мы должны ухватиться за нынешний благоприятный момент и, напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу „больше, быстрее, лучше и экономичнее“»,— писала газета «Жэньминь жибао» 1 января 1974 г. Как и раньше, имели хождение призывы придерживаться курса «на независимость и самостоятельность», «опоры на собственные силы», вести упорную и самоотверженную борьбу, проявлять трудолюбие и бережливость в строительстве страны, развивать вглубь массовое движение под лозунгом «В промышленности учиться у дацинских нефтяников, в сельском хозяйстве — у Дачжайской производственной бригады». При этом замалчивалась необходимость осуществления таких принципов, как создание материально-технической базы социализма, планомерное пропорциональное развитие народного хозяйства, удовлетворение материальных потребностей трудящихся.

Определив 1974 г. как «ключевой год в выполнении четвертого пятилетнего плана», китайское руководство для достижения высоких производственных показателей продолжало навязывать прежние политико-административные формы хозяйствования, дискредитировавшие себя уже в годы «большого скачка» и «культурной революции». Использование же экономических форм воздействия на производство (даже в урезанном виде!), которое, несомненно, принесло

положительные результаты в последние несколько лет, снова подвергалось ожесточенной критике.

«Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы явления, раскритикованные в ходе культурной революции, вновь появились в жизни, нельзя возвращаться ко всему регрессивному, к ревизионистской линии в управлении предприятиями»,— особо предупреждала «Жэньминь жибао» 25 марта 1974 г. В печати продолжалась широкая критика тех, кто отстаивал и использовал преимущества материального стимулирования, сдельной оплаты труда, прибыли, тех, кто настаивал на введении принципа единоначалия, необходимости управления предприятиями настоящими специалистами. Вновь прозвучали призывы о необходимости промышленным предприятиям следовать указаниям так называемой «конституции Аньшаньского металлургического комбината»[1]. В то же время со страниц китайских газет исчезли упоминания о пользе и необходимости экономических методов воздействия на производство.

В области промышленности в этом году особое внимание уделялось отраслям, имевшим значение для обеспечения целей милитаризации, например добыче угля и развитию металлургии. Так, «Жэньминь жибао» 10 апреля отмечала, что «угольная, металлургическая промышленность и транспорт должны идти вперед в развитии революции и стимулировать производство». Важное место отводилось развитию нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей и химической промышленности.

В капитальном строительстве все усилия также были направлены на укрепление металлургической и топливно-энергетической базы страны. На протяжении всего года в китайской печати сообщалось не только о строительстве и реконструкции объектов угольной и металлургической промышленности, но и об увеличении нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих мощностей. Сравнительно много материалов помещалось о строительстве гидроэлектростанций за счет как государственных, так и местных средств. О капитальном строительстве в других отраслях народного хозяйства сведений почти не публиковалось.

Развитие ведущих отраслей тяжелой промышленности попрежнему в первую очередь было подчинено важнейшей задаче китайского руководства — обеспечению дальнейшего укрепления военно-промышленного потенциала страны. Об этом свидетельствовали прямой призыв «форсировать подготовку к войне» и проведению в июле очередного, 16-го по

[1] Имеется в виду свод правил, основной смысл которых заключался в отрицании материальных стимулов на производстве.

счету, испытания ядерного оружия, а также строительство ядерных центров, радарных баз и других военных сооружений в пограничных районах Китая [2].

Со второй половины года все чаще на страницах китайской печати (см. журнал «Хунци», № 8) стали появляться статьи, которые призывали «по-настоящему изучать военные произведения председателя Мао Цзэ-дуна», «твердо придерживаться установок Мао Цзэ-дуна относительно подготовки к войне и стихийным бедствиям во имя народа», «натянуть струну классовой борьбы, не ослаблять подготовку к войне».

В сельском хозяйстве по-прежнему проявлялось стремление к сужению сферы использования экономических методов воздействия на производство. В качестве стимулов развития производства маоисты выдвигали старый набор лозунгов: «Развивать дух — идти вперед навстречу трудностям!», «Укреплять единство крестьян, бедняков и низших середняков!», «Ухватившись за революцию, стимулировать производство!» и т. д.

Забота о развитии сельского хозяйства, как и прежде, возлагалась на самих крестьян. «Главная роль в подъеме сельского хозяйства,— подчеркивало агентство «Синьхуа»,— принадлежит усилиям самих коммун и производственных бригад, а помощи государства отводится второстепенная роль». Поэтому до сих пор решающим фактором в обеспечении сельского хозяйства необходимыми ему средствами производства оставалась местная промышленность. «Согласно единому плану, спущенному центром,— отмечал журнал «Хунци» (№ 3),— и во имя ускоренного развития сельского хозяйства необходимо и впредь как следует развивать местную промышленность». А основополагающим принципом развития местной промышленности закреплялся курс «опоры на собственные силы», о чем свидетельствовало указание, также помещенное в упомянутой статье: «Фонды для местной промышленности изыскиваются на местах, поступления от нее тоже в основном распределяются на местах».

Одновременно широкие масштабы в конце 1974 г. приняла кампания «За мобилизацию масс на развертывание полеводческого капитального строительства своими силами», которая вновь включила в капитальное строительство в деревне огромные массы крестьян, оторвав их от основных сельскохозяйственных работ. К этому строительству в 1974 г., по словам Хуа Го-фэна, было привлечено около 100 млн. человек [3].

---

[2] В частности, сообщалось о строительстве таких объектов в районе Тибета и Синьцзяна.

[3] «Жэньминь жибао», 21.X.1975.

С начала года на страницах китайской печати широко пропагандировалось движение «критики Линь Бяо и Конфуция» как одно из главных условий «содействия развитию производства». «Указание председателя Мао Цзэ-дуна и ЦК КПК относительно проведения критики Линь Бяо и Конфуция» было издано в начале декабря 1973 г. и распространено на местах в первой половине января 1974 г. Эту кампанию китайское руководство намеревалось проводить «постепенно», «шаг за шагом». Характерно, что кампания связывалась с наличием определенных тенденций в партии, направленных на внедрение «ревизионистских», т. е. экономических, методов хозяйствования.

«Левые» усмотрели «ревизионистскую линию» в промышленности, выражавшуюся якобы в «погоне за валом в ущерб ассортименту», в «нерациональном разделении труда, не отвечающем производственным задачам данного этапа», в «иждивенческих настроениях» и «недостаточной опоре на собственные силы предприятий», в «нежелании идти на выполнение сверхплановых заданий» и т. п.

Китайская печать всячески стремилась показать «благотворное влияние» этой кампании на производство. «Жэньминь жибао» неоднократно отмечала, что «волна критики Линь Бяо и Конфуция» стимулировала производительность труда на предприятиях, способствовала повышению качества продукции, реализации рационализаторских предложений.

В 1974 г. было форсировано наступление на жизненный уровень трудящихся. Со страниц китайских газет не сходил лозунг «Ешьте по плану, ешьте экономно». Китайское руководство прибегало к уже известным мерам, преследовавшим ограничение и замораживание уровня потребления. Это достигалось прежде всего осуществлением мероприятий по внедрению «рационально низкой заработной платы» в промышленности, сдачей излишков зерна и созданием запасов «на случай войны и голода» в деревне, принудительным изъятием денежных средств предприятий, «коммун» и населения в форме коллективных и личных вкладов в сберегательные кассы и т. д.

Как же отражалась на экономике КНР широкая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция»? Вопреки стремлениям Пекина она принесла отрицательные результаты.

Развитие народного хозяйства отличалось крайней неравномерностью. В первом квартале в промышленном и сельскохозяйственном производстве не удалось достигнуть сколько-нибудь заметных сдвигов. В марте в Пекине состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КПК, на которое были вызваны секретари комитетов КПК ряда провинций. В своем выступлении на этом заседании Чжоу Энь-лай вы-

сказал опасение, что кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» нарушает достигнутую в последние годы относительную стабилизацию экономики, вызывает дезорганизацию и падение производства. (Сообщение китайского радио 8—10.III.)

Вероятно, именно в целях обеспечения нормального развития производства в промышленности и сельском хозяйстве пекинское руководство уже со второго квартала было вынуждено несколько ограничить масштабы кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» и направить ее якобы непосредственно на «содействие развитию промышленного производства» и на «стимулирование производства в сельском хозяйстве». 3 марта и 4 апреля «Жэньминь жибао» обратилась к промышленным рабочим с призывом проводить «критику» только «в свободное от работы время», а к крестьянам — использовать эту кампанию «для ударного проведения весенних полевых работ».

Однако и в этом квартале не удалось добиться улучшения в работе промышленности. Об этом свидетельствовал «Документ ЦК КПК № 21» от 1 июля 1974 г., в котором китайское руководство указывало, что в добыче угля за первые пять месяцев данного года имело место сокращение на 8,35 млн. т, т. е. примерно на недельную норму, а также ухудшилось положение на шахтах в провинциях Шаньдун, Аньхой, Цзянсу, Хэнань и Хэбэй. В «Документе» был приведен перечень предприятий четырех главных промышленных центров Китая, где производство «резко сократилось... из-за фракционной борьбы, плохой трудовой дисциплины и отказа руководителей от ответственности».

Одновременно отмечалось, что на четырех главных железнодорожных линиях, в том числе Пекин — Гуанчжоу, возникли заторы и пробки, которые «серьезно сказались на работе транспорта по всей стране». В результате этих срывов «многие предприятия были вынуждены прекратить или сократить производство», а плановые задания по производству стали, чугуна, цветных металлов, химических удобрений, цемента и вооружения «выполнялись недостаточно хорошо».

Большие опасения китайскому руководству внушали и усилившиеся беспорядки на отдельных предприятиях, в частности на металлургических заводах в городах Ухань, Тайюань и Баотоу, на станкостроительных заводах в Ухани и Тайюани и на военном заводе № 1302 в Чэнду, вызванные якобы тем, что отдельные партийные и кадровые работники так и «не поняли критики Линь Бяо и Конфуция» и «отдалились от основного направления борьбы».

В связи с тем что многие руководители предприятий в результате беспорядков покинули свои рабочие посты, китайское руководство стало принимать срочные меры к их

возвращению. «Руководящие кадры, которые оставили свои посты без разрешения, должны вернуться на работу через две недели после того, как до их сведения доведут это уведомление,— говорилось в „Документе“.— Если они этого не сделают, то им перестанут выплачивать жалованье. Если после этого они по-прежнему не вернутся на работу, то они могут быть подвергнуты серьезным дисциплинарным взысканиям со стороны масс или уволены» [3а].

В китайской печати появились сообщения о том, что со второго полугодия отраслевые министерства и провинциальные органы проводили массовые производственные совещания, на которых обсуждались представленные во втором квартале отчеты об объеме производства продукции, вопросы о потребностях и возможностях производства и перспективах развития. Все эти совещания, как на общекитайском, так и на провинциальном уровне, предназначались для выработки «необходимых мер, с тем чтобы досрочно выполнить годовые плановые задания».

В целях некоторого ограничения масштабов проведения кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» рабочим и крестьянам еще весной 1974 г. было предложено проводить дискуссии по поводу «критики» в нерабочее время. Но, по всей вероятности, это указание не выполнялось. Как сообщала западная печать, в течение обычной 48-часовой недели около семи часов рабочего времени все еще отводилось «критике Линь Бяо и Конфуция». Поэтому руководство в ряде провинций настойчиво призывало рабочих «соблюдать восьмичасовой рабочий день».

С начала ноября в китайской печати широкое распространение получила пропаганда кампании «участия кадровых работников в коллективном производительном труде». Так, «Гуанмин жибао» (24.XI) подчеркивала, что на данном этапе эта кампания является «делом первостепенной важности». Уже в первой половине ноября, как писала «Жэньминь жибао» (11.XI), этой кампанией были охвачены кадровые работники в 18 провинциях Китая. Анализ последующей прессы показал, что участие кадровых работников в физическом труде ограничилось очень узкой сферой, а именно погрузочно-разгрузочными работами в различных железнодорожных управлениях и работой на металлургических, угледобывающих и рудных предприятиях страны. В июле появились сообщения о созыве совещаний на отдельных предприятиях, на которых всех кадровых работников обязывали выполнять «указания по участию в системе коллективного производительного труда». Эта кампания ставила цель вы-

---

3а «New York Times», 15.XI.1974.

править положение в базовых отраслях производства и на транспорте, подорванное проведением кампании «критики Линь Бяо и Конфуция».

Однако, несмотря на принимаемые меры, в целом экономическое положение в Китае продолжало оставаться напряженным, и, по всей вероятности, 1974 год был менее благополучным для Китая, чем предыдущий.

Подводя итоги года, китайская печать в отличие от прошлых лет не опубликовала никаких показателей, характеризующих состояние промышленного и сельскохозяйственного производства. «Жэньминь жибао» 1 января 1975 г. лишь отмечала, что в этом году «по сравнению с 1973-м зарегистрирован новый рост валовой продукции промышленности и сельского хозяйства», умолчав, однако, о том, каков же этот «новый рост». Отсутствовали и обычные показатели роста промышленного производства за девять, десять и одиннадцать месяцев по провинциям, крупным промышленным городам и отраслям. Имевшиеся сведения касались лишь относительного роста производства на отдельных предприятиях и в нефтедобывающей промышленности.

Неспособность китайского руководства решить на основе определенных концепций важные проблемы социально-экономического развития порождала рост общественного недовольства и оппозиционные настроения. Несмотря на это, китайское руководство не имело намерений вносить какие-либо принципиальные изменения в свою экономическую политику. Народнохозяйственное развитие страны по-прежнему подчинялось «стратегическому курсу» на подготовку к войне и развитие военно-промышленного комплекса.

Вместе с тем неблагоприятное положение в экономике заставляет китайское руководство время от времени менять некоторые акценты в народнохозяйственной политике. Об этом, вероятно, может свидетельствовать возврат в расстановке отраслей народного хозяйства по степени их важности к схеме: сельское хозяйство — легкая промышленность — тяжелая промышленность,— характерной для экономической политики китайского руководства в периоды наибольших экономических трудностей (после провала «большого скачка», в период «культурной революции»). Если вслед за восстановлением экономики после «культурной революции», на X съезде КПК, промышленность по степени важности была вновь названа ведущей силой, то в конце 1974 г. в китайской печати указывалось на «необходимость планировать народное хозяйство в порядке: сельское хозяйство — легкая промышленность — тяжелая промышленность».

В 1974 г., судя по имеющимся данным, китайская промышленность столкнулась с новыми трудностями. Это, как уже отмечалось выше, связано в первую очередь с повсеместным проведением в масштабе всей страны кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Эта кампания, в которую на начальном этапе в той или иной степени были непосредственно втянуты рабочие и служащие многих предприятий, привела к большим потерям рабочего времени, к ослаблению планового начала на производстве, падению трудовой дисциплины и в конечном счете создала предпосылки для сокращения темпов роста производства.

Обеспокоенное ухудшением положения в промышленности, китайское руководство было вынуждено провести экстренные мероприятия. Руководителям промышленных предприятий вменялось в обязанность «усиливать руководство производством». Особое внимание обращалось на подъем производства в угольной и металлургической промышленности, а также на улучшение работы транспорта.

Во втором квартале вмешательство «активистов» кампании в сферу производства в какой-то мере стало ограничиваться. Осуждению подвергались рабочие, совершавшие прогулы под предлогом участия в «революционной деятельности».

В китайских газетах и по радио усилились призывы к проведению «критики» только в свободное от работы время, к необходимости увязывать кампанию «критики» непосредственно с производством. Однако мероприятия по «критике Линь Бяо и Конфуция» за счет рабочего времени на многих предприятиях продолжались вплоть до августа.

Согласно информации, содержащейся в одном из внутренних документов ЦК КПК, опубликованном в зарубежной печати, кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» нанесла большой ущерб промышленному производству. Фракционная борьба среди руководящих работников промышленности, нерешенные хозяйственные вопросы, ухудшение руководства предприятиями и т. д. вызвали сокращение производства, особенно на ряде крупных металлургических и станкостроительных заводах. Падение добычи угля и заторы на железных дорогах вынудили многие промышленные предприятия «прекратить или сократить производство»[4]. В этом же документе отмечалось, что плановые задания по производству стали, чугуна, цветных металлов, химических удобрений, цемента и вооружений «выполнялись недостаточ-

---

[4] «New York Times», 15. XI. 1974, и др.

но хорошо» (лондонская газета «Файнэншл Таймс» уточняла, что планы производства этих видов продукции не были выполнены). Судя по сообщениям китайских газет за июль 1974 г., многие промышленные предприятия не смогли выполнить ранее принятые производственные планы.

По данным иностранной печати, лишь в августе положение в китайской промышленности начало несколько стабилизироваться[5]. В значительной мере это было связано с улучшением руководства промышленностью, включая усиление помощи администрации предприятий со стороны местных властей. Однако в материалах китайской прессы, а также гонконгской и западной печати отмечалось, что обстановка в промышленности КНР оставалась достаточно сложной и в последние месяцы текущего года. Об этом, в частности, свидетельствовали многочисленные призывы к единству среди работников промышленности, направленные на развитие производства. Так, газета «Хунань жибао» 17 октября в своей передовой требовала достижения единства среди рабочих и служащих, необходимого для выполнения годовых заданий в промышленности. О единении среди рабочих промышленности говорилось в информации, поступившей в октябре из провинций Сычуань, Аньхой, Цзянсу и др. Редакционная статья газеты «Аньхой жибао» в номере от 8 октября признавала наличие в промышленности, а также на транспорте провинции многих трудностей и нерешенных проблем.

В иностранной печати появились сообщения о продолжительной забастовке рабочих на втором по значению в стране металлургическом комбинате — Уханьском[6]. В ряде провинций местные власти выступили с угрозами в адрес недовольных и «саботажников». Так, в пров. Цзянсу 9 сентября население предупреждалось, что «средства пролетарской диктатуры и армии будут применяться против тех, кто саботирует критику Линь Бяо и Конфуция, либо промышленное и сельскохозяйственное производство, и тех, кто дезорганизует транспорт».

О наличии трудностей в промышленности в последние месяцы года свидетельствовало неослабное внимание к экономическим вопросам в китайской печати. Во многих провинциях были проведены специальные производственные совещания. Обычным явлением на страницах газет стали призывы к повышению производительности труда. Иностранная пресса отмечала растущие трудности в угольной и ряде других отраслей промышленности.

---

[5] «Far Eastern Economic Review», 4. X. 1974.
[6] «China News Analysis», 22.XI.1974.

В 1974 г. наблюдалось явное усиление борьбы между так называемыми «левыми» и «умеренными» в вопросах руководства и организации производства. Пользуясь отсутствием в отчетном докладе на X съезде КПК сколько-нибудь четко сформулированной программы промышленного развития, а также ограниченным характером достигнутой в течение 1970—1973 гг. относительной экономической стабилизации в стране, «левое» крыло китайского руководства повело широкое наступление на сторонников «регрессивного течения», возникшего после «культурной революции». Критике подверглись экономические мероприятия, способствовавшие стабилизации и некоторому росту производства в 70-е годы, в частности внедрение элементов материальной заинтересованности, необходимость усиления трудовой и технологической дисциплины, расширение специализации и кооперирования, мнимое «ослабление» методов идеологического и политического стимулирования производства и т. д. Явно усилились волюнтаризм и субъективизм в руководстве китайской промышленностью.

Все это также оказывало негативное воздействие на состояние промышленности КНР.

Развитие промышленности в КНР затруднялось и такими факторами, как растущая милитаризация экономики, подрывающая общественное производство, обострение ряда межотраслевых и внутриотраслевых диспропорций в промышленности, усиление дефицита многих видов сырья, угля, электроэнергии, острый недостаток машин и оборудования. Все более сказывалась техническая отсталость промышленности, нехватка квалифицированных научных, инженерно-технических, административно-хозяйственных кадров и квалифицированных рабочих.

Анализ всех этих обстоятельств, подтверждаемый сообщениями, опубликованными в китайской и зарубежной печати, позволяет сделать вывод, что в 1974 г. темпы роста промышленного производства сократились. Уже в первом квартале, как это видно из информации китайской прессы, прирост промышленного производства в таких ведущих промышленных центрах страны, как Шанхай, Тяньцзинь, и в пров. Ляонин оказался несколько ниже, чем в целом за 1973 г.

Во втором квартале произошло ухудшение положения в промышленности, в результате чего в ряде провинций, а также в Шанхае (и, видимо, в Пекине и Тяньцзине) наблюдалось дальнейшее снижение темпов роста производства за все первое полугодие. Если в Шанхае, по официальным китайским данным, прирост промышленного производства за 1973 г. составил 8%, то за первый квартал 1974 г.— 7,8, а за

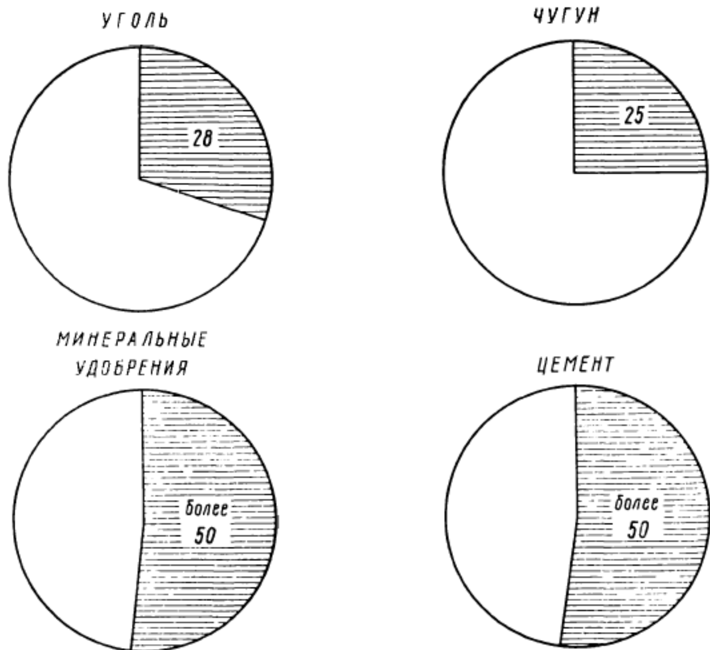

Схема 1. Удельный вес мелких предприятий в производстве некоторых важнейших видов промышленной продукции

первое полугодие — 6% [7]. В пров. Хэйлунцзян прирост выпуска промышленной продукции за первый квартал 1974 г. составил 11,9%, а за все первое полугодие — 9%. В Шэньси промышленность увеличила выпуск продукции за первое полугодие на 5%, тогда как за весь 1973 г.— на 12%. В пров. Хубэй не добились успехов в росте промышленного производства, а в пров. Цзянсу валовой объем промышленной продукции, выпущенной за первую половину 1974 г., оставался на уровне первой половины 1973 г.

Анализируя сообщения, поступившие из КНР, об итогах развития промышленности за первое полугодие, английская газета «Дейли Телеграф» делала вывод, что «показатели прироста продукции и повышения производительности труда в ключевых отраслях промышленности были разочаровывающими» [8].

---

[7] Здесь и ниже прирост производства показан в сравнении с соответствующим периодом предшествующего года.

[8] «Daily Telegraph», 5.VIII.1974.

По материалам иностранной печати, к концу года наиболее неблагополучное положение в промышленности оставалось в ряде провинций Восточного (Шаньдун, Цзянси) и Центрального Китая (Хунань, Хубэй), а также провинции Сычуань.

Итоги развития промышленности за 1974 г. в китайской печати не были опубликованы. В новогодней статье «Слово к Новому году», одновременно перепечатанной в газетах «Жэньминь жибао» и «Цзефанцзюньбао», а также в журнале «Хунци», голословно говорилось об успехах, якобы одержанных в 1974 г. в промышленности. Сообщалось, что «по сравнению с 1973 г. зарегистрирован новый рост валовой продукции промышленности... Достигнуты новые успехи в промышленности, капитальном строительстве, в науке и технике»[9]. Однако в подтверждение этих заявлений не приводилось каких-либо конкретных фактов или цифровых данных. По мнению иностранных наблюдателей, подобное положение (т. е. отсутствие сообщений о выполнении годовых производственных показателей) «может означать, что экономические результаты в 1974 г. оказались менее благоприятными, чем планировалось».

Крайне немногочисленны сведения китайской печати о темпах прироста промышленного производства по отдельным отраслям на местах. Сообщалось, например, что промышленность пров. Ляонин увеличила выпуск промышленной продукции на 6,3%, а выпуск такой продукции, как удобрения, автомобили, тракторы, полупроводниковые радиоприемники,— более чем на 10%[10]. Заметим, что в 1973 г. прирост промышленного производства в пров. Ляонин был равен 9%.

В информации агентства Синьхуа об итогах развития промышленности г. Шанхая, самого крупного индустриального центра страны, говорилось о досрочном выполнении годового плана без указания конкретных цифр. За 11 месяцев по сравнению с тем же периодом предшествующего года выпуск продукции легкой, текстильной и кустарной промышленности г. Шанхая возрос на 9,9%.

В условиях острого дефицита материально-технических ресурсов большое внимание обращалось на их всемерную экономию. Как отмечалось в печати, в 1974 г. было сэкономлено более 10 млн. т угля, 1,6 млн. т горюче-смазочных материалов, свыше 5 млрд. квт·ч электроэнергии, 700 тыс. т стали, 2 млн. куб. м лесоматериалов[11].

---

[9] «Жэньминь жибао», 3.I.1975.
[10] Там же.
[11] «Жэньминь жибао», 12.I.1975.

Развитие промышленности КНР за 1974 г. в оценочном порядке может быть охарактеризовано данными табл. 3.

Таблица 3

Производство валовой продукции и основных видов промышленной продукции в 1973—1974 гг.*

Вид продукции	1973 г.	1974 г.
Валовая продукция промышленности, млрд. юаней	187	196
Уголь, млн. т	325	340
Нефть, млн. т	38	45
Электроэнергия, млрд. квт·ч	92	102
Чугун, млн. т	26	26
Сталь, млн. т	25	25
Металлорежущие станки, тыс. шт.	65	70
Автомобили, тыс. шт.	70	82
Цемент, млн. т	19	20
Минеральные удобрения, млн. т	24	26
Хлопчатобумажные ткани, млрд. м	8,7	8,9
Сахар, млн. т	2,2	2,3

* Оценка.

К числу крайне сложных проблем, реально существующих в промышленности КНР, продолжали относиться: во-первых, создание новых производственных мощностей в ряде базовых отраслей промышленности и, во-вторых, модернизация и обновление производственных фондов на многих заводах, фабриках, шахтах, электростанциях. Имевшиеся ранее не использованные производственные мощности и заделы в капитальном строительстве во многих отраслях уже исчерпаны. В создавшихся условиях все более усиливалась зависимость дальнейшего промышленного развития страны от масштабов нового капитального строительства. Однако из-за антинаучной, волюнтаристской экономической политики китайских руководителей страна испытывала острую нехватку материально-технических и финансовых ресурсов, что лишало возможности развернуть капитальное строительство в промышленности в требуемых размерах. Предпочтительно финансировались объекты, представляющие интерес с точки зрения милитаризации экономики или в экспортных целях.

Капитальное строительство концентрировалось в таких базовых отраслях, как нефтяная, угольная, электроэнергетическая, металлургия, машиностроение, а также в промышленности минеральных удобрений. В нефтяной промышленности были сданы в эксплуатацию новые скважины и дру-

гие производственные объекты на нефтепромыслах Дацин, Даган и Шэнли. Введены новые производственные мощности по переработке нефти. Сообщалось, что в 1974 г. происходило сооружение 60 новых угольных шахт, часть из которых была введена в строй. Большинство новостроек угольной промышленности приходилось на Восточный, Центрально-Южный и Северо-Западный Китай. В некоторых угольных бассейнах (в частности, в Кайлуаньском) осуществлялись реконструкция и расширение действующих угольных шахт.

В 1974 году несколько расширились масштабы строительства новых объектов в электроэнергетической промышленности. По данным печати, были сданы в эксплуатацию две самые крупные электростанции в КНР — ГЭС Люцзяся мощностью 1225 тыс. квт на р. Хуанхэ и ГЭС Даньцзянкоу мощностью 900 тыс. квт на р. Ханьцзян. На одной из тепловых электростанций был установлен и начал давать ток турбогенераторный агрегат отечественного производства мощностью 300 тыс. квт.

В черной металлургии велось сооружение и реконструкция нескольких металлургических предприятий и группы объектов по производству сырья, материалов, кокса. Во внутренних районах страны были введены в эксплуатацию новые мощности по выплавке чугуна и стали, производству проката. Новое прокатное оборудование было смонтировано на некоторых небольших металлургических заводах. Однако продолжающиеся крупные закупки на внешних рынках черных металлов свидетельствовали об отставании китайской черной металлургии и явно недостаточных темпах ее развития.

По сообщению агентства Синьхуа, в 1974 г. было построено или расширено более 20 крупных и средних заводов химических удобрений, и в результате прирост мощностей на 20% превысил прирост прошлого года. Увеличились масштабы строительных работ в отраслях по производству химических волокон и сахара. В Гуанси-Чжуанском автономном районе осуществлялось строительство пяти крупных и средних сахарных заводов. В Тяньцзине построен нефтехимический завод, установлен новый паротурбинный агрегат на одной из электростанций города, расширены Синьганская судостроительная верфь, тракторный завод, завод тяжелого машиностроения.

На 20% против 1973 г. возросли капиталовложения в расширение мощностей по производству наручных часов, швейных машин, велосипедов и некоторой другой продукции легкой промышленности.

С середины 1972 г. Китай вновь начал закупать в других странах комплектное оборудование для ряда отраслей, преж-

де всего для нефтехимической промышленности. По подсчетам американских экономистов, к концу 1973 г. было закуплено около 60 предприятий на сумму более 1 млрд. ам. долл.[12]. Закупки комплектного оборудования в меньших масштабах продолжались и в 1974 г. (Наиболее важные сделки осуществлены по закупке оборудования для черной металлургии.) В целом за 1973 г. и первый квартал 1974 г. было закуплено более 70 промышленных объектов. Несмотря на важность для КНР импорта иностранного промышленного оборудования, а также лицензий и патентов на передовую технологию, обострилась борьба между сторонниками закупок оборудования и лицензий и их противниками. В китайской печати появился ряд статей, в которых прославлялся курс «опоры на собственные силы» и критиковались те, кто «полагался на иностранную технику».

Беспорядки, вызванные кампанией «критики Линь Бяо и Конфуция», более всего отразились на работе *угольной промышленности*. По имеющимся данным, добыча угля за первые пять месяцев сократилась на 8,4 млн. т. Тяжелое положение сложилось на шахтах провинций Шаньдун, Аньхой, Цзянсу, Хэнань, Хубэй[13]. К числу немногих провинций, угольная промышленность которых дала прирост добычи топлива за первое полугодие, относились: Цзилинь (рост на 5%), Хэбэй (6%), Шэньси (7%)[14]. Среди объединений угольной промышленности, выполнивших полугодовой план и обеспечивших рост добычи по сравнению с 1973 г., китайская печать упоминала крупнейший в стране Кайлуаньский угольный бассейн и сравнительно небольшие угольные шахты Мучэньцзянь, под Пекином. Сообщалось, что в первой половине 1974 г. по сравнению с первой половиной 1973 г. добыча угля в Кайлуаньском угольном бассейне возросла на 13,9%, а на шахтах Мучэньцзянь — на 5,3%. Полугодовой план добычи угля был выполнен шахтоуправлениями Фусинь, Янцюань.

В июне — июле в ряде провинций ухудшилось положение со снабжением углем. Газета «Хунань жибао» в июне отмечала возникновение проблемы с углем в пров. Хунань. Там же говорилось, что угольная проблема должна быть решена путем использования скрытых возможностей шахт, что необходимо прилагать больше усилий для добычи угля. На совещании по вопросам промышленности в пров. Цзянси в середине июля была поставлена задача добиться выполнения плана по производству угля и электроэнергии и стремиться бережно расходовать топливо. В пров. Цзянсу добыче угля

[12] «Monthly Economic Letter», December 1974.
[13] «New York Times», 15.XI.1974.
[14] «Far Eastern Economic Review», 4.X.1974.

было также посвящено специальное совещание, которое подчеркнуло, что заинтересованные партийные комитеты должны сконцентрировать свое внимание на производстве угля.

Сообщения о нехватке угля во второй половине 1974 г. поступали из провинций Гуандун, Цзянси, Чжэцзян, Хэнань, Шаньси, Фуцзянь, Цзянсу, Хунань. В конце года перебои в работе железнодорожного транспорта привели к нарушениям планов перевозок народнохозяйственных грузов, включая уголь, в ряде районов страны.

Следует отметить, что в КНР, несмотря на быстрое развитие нефтедобычи и рост добычи газа, угольная промышленность продолжает сохранять решающую роль в топливном балансе страны. На долю угля в 1974 г. приходилось около $^3/_4$ добычи минерального топлива в пересчете на условное. Однако длительное время развитие угольной промышленности не отвечало потребностям экономики страны. В числе главных причин этого — недостаточные финансовые и материально-технические ресурсы, выделяемые на развитие угольной промышленности, вследствие предпочтительного отношения к нефтяной отрасли. Масштабы строительства крупных и средних шахт современного типа ограниченны. По подсчетам зарубежных специалистов, мощность всех введенных в 1973 г. шахт и разрезов не превышала 8 млн. т угля в год. Сообщения о вводе в эксплуатацию новых шахт в 1974 г. немногочисленны. В частности, имелась информация о вводе в строй угольных шахт мощностью 600 тыс. т в год каждая в шахтоуправлениях Бэйпяо и Яоцзе, двух шахт мощностью 150 тыс. и 100 тыс. т в шахтоуправлении Цзянсу. Видимо, объем введенных в 1974 г. новых производственных мощностей по добыче угля был меньше, чем в 1973 г.

С середины 60-х годов в угольной промышленности был сделан упор на сооружение и эксплуатацию мелких шахт и открытых разработок, добыча на которых за 1966—1973 гг. возросла в 2,2 раза и составила 28% всей добычи угля. Но развитие малоэффективной добычи угля на мелких шахтах не может решить проблему обеспечения экономики КНР углем в необходимых размерах.

С 1973 г. в политике китайского руководства по отношению к развитию отечественной *нефтяной промышленности* военно-экономические соображения дополнялись внешнеполитическими.

По иностранным источникам, Китай ныне располагает значительными ресурсами нефти, хотя данные о ее запасах крайне противоречивы. По минимальным оценкам, запасы нефти составляют 2,7 млрд. т [15], по максимальным — несколь-

---

[15] «New York Times», 5.I.1975.

ко десятков миллиардов тонн. Как сообщало агентство Синьхуа, в 1974 г. продолжалась интенсивная работа по разведке новых нефтеносных залежей. Дальнейшее развитие получила разведка нефти в море.

Основные нефтепромыслы расположены на равнине Сунляо (в основном в пров. Хэйлунцзян), в пров. Шаньдун (нефтепромыслы Шэнли), в районе Тяньцзиня (нефтепромыслы Даган), а также в Синьцзяне, в провинциях Ганьсу, Цинхай, Сычуань. Главные нефтепромыслы в настоящее время — Дацин (равнина Сунляо), на которые приходится 35—40% всей добычи нефти в КНР. Добыча нефти Дацинскими нефтепромыслами увеличилась на 22% против 1973 г. Для улучшения транспортировки нефти с Дацинских нефтепромыслов построены и введены в эксплуатацию нефтепроводы Дацин — Циньхуандао (1152 км) и Дацин — Телин.

В китайской печати появились сообщения о новых, Даганских нефтепромыслах, расположенных в районе Тяньцзиня. Подземные недры Даганского месторождения рассечены сбросами, геологические структуры отличаются сложностью, глубина многих скважин достигает 3 км. Работы на промыслах начались с середины 60-х годов, сюда были переброшены 10 тыс. нефтяников из Дацина. В Даган также было перемещено большое количество техники, много нефтяников с нефтепромыслов в Ганьсу, Цинхае, Синьцзяне. На Даганских промыслах завершено строительство ряда производственных объектов и сдана в эксплуатацию новая группа скважин. По сообщению газеты «Жэньминь жибао» от 24 декабря, добыча нефти на промыслах возросла на 25% по сравнению с 1973 г.

В рассматриваемое время на нефтепромыслах Дацин, Шэнли (здесь добыча за 1974 г. возросла на 16%) и Даган добыча нефти быстро увеличивается, на них приходится около $^2/_3$ добычи всей нефти в КНР. Что касается нефтепромыслов, находящихся в западной части (Юймынь, Цинхай, Карамай), а также в Сычуани, то добыча нефти здесь растет медленно (на Юймыньских нефтепромыслах с 1970 г. она стабилизировалась). Это связано с трудными природно-климатическими условиями, ограниченными возможностями транспортировки добытой нефти, нехваткой оборудования.

В целом в развитии нефтяной промышленности КНР главными проблемами остаются: низкий уровень отечественного машиностроения, прежде всего в области производства оборудования для глубокого и морского бурения, дефицит материально-технических ресурсов, в частности труб нефтяного сортимента, недостаточная пропускная способность транспорта, особенно слабое развитие трубопроводного транспорта, систематическое отставание нефтеперерабатывающих

мощностей от нефтедобывающих. Последнее подтверждается официальными данными о динамике роста добычи и переработки нефти (в %):

	1971 г.	1972 г.	1974 г.
Добыча нефти	28	16	20
Мощности по переработке нефти	16	5	13

Следует отметить, что, несмотря на сравнительно быстрый рост добычи и переработки нефти, душевой уровень потребления жидкого топлива очень низок. Китай, по существу, ограничивается удовлетворением лишь минимальных потребностей своей экономики в нефтепродуктах. Удельный вес нефти и газа в топливно-энергетическом балансе КНР составляет всего около 15%.

С 1973 г. начался экспорт нефти из КНР, в 1974 г. было вывезено около 4 млн. т нефти в Японию, а также 1—2 млн. т в Сянган, Таиланд, на Филиппины и в другие страны. Прогнозы некоторых зарубежных специалистов о возможном экспорте нефти из КНР в объеме 20—30 млн. т в 1976 г. и 50 млн. т или больше в 1978 г.[16] лишены реальных оснований и представляются сильно завышенными.

К наиболее значительным событиям минувшего года в развитии *электроэнергетической* промышленности относится завершение строительства самой крупной в Китае ГЭС Люцзяся на р. Хуанхэ в пров. Ганьсу[17]. Общая мощность станции — 1225 тыс. квт — позволяет вырабатывать в год 5,7 млрд. квт·ч электроэнергии. На ГЭС установлено пять крупных агрегатов китайского производства, в том числе первый в Китае гидроагрегат мощностью 300 тыс. квт с внутренним водяным охлаждением.

После ввода в строй первого агрегата, в 1970 г., началось сооружение высоковольтной линии ГЭС Люцзяся — Ланьчжоу — Тяньшуй — уезд Мэйсянь (пров. Шэньси) напряжением 330 кв, которое было завершено в июне 1972 г. (схема 2). Пропускная способность линии — 420 тыс. квт. Ежегодно по ней планируется передавать 1,6 млрд. квт·ч электроэнергии. ГЭС Люцзяся связана также высоковольтной

---

[16] «Daily Telegraph», 29.VII.1974, и др.

[17] Решение о строительстве ГЭС Люцзяся было принято еще на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей в июле 1955 г. Планом первоочередных работ предусматривалось до 1968 г. завершение строительства станции. В период пятилетки (1953—1957) начались изыскательские работы на месте предполагаемого строительства. Однако вследствие политики «большого скачка» сооружение ГЭС Люцзяся, несмотря на ее большое военно-экономическое значение, было законсервировано и возобновилось лишь весной 1964 г. Первый гидроагрегат был смонтирован только в 1969 г. («Жэньминь жибао», 5.II.1975).

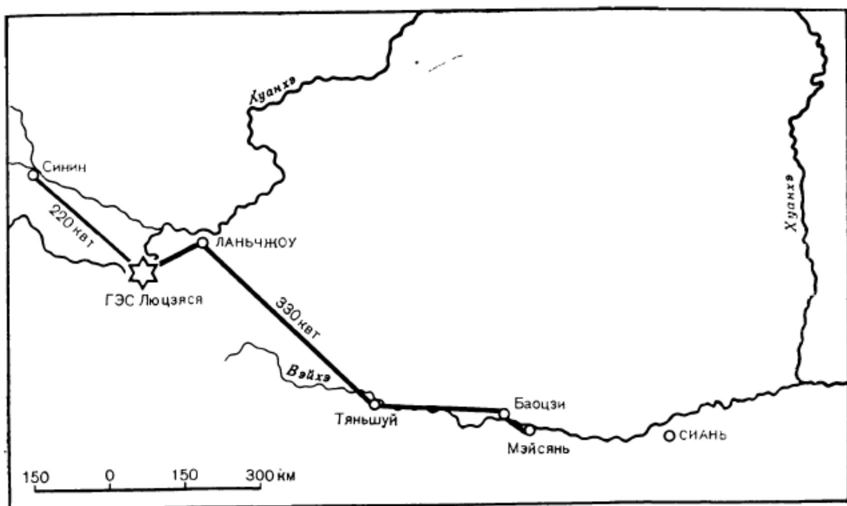

Схема 2. Высоковольтная линия электропередач Лютяньгуань

линией электропередач напряжением 220 кв с г. Синином (пров. Цинхай).

Завершение строительства ГЭС Люцзяся и новой высоковольтной ЛЭП образовало новую крупную энергосистему, охватившую провинции Цинхай, Ганьсу и Шэньси, где, по данным иностранной печати, расположен ряд важнейших военно-промышленных центров КНР, в том числе заводы атомной промышленности. Не исключено, что созданная новая энергосистема объединена с энергосистемой Саньмынься.

Строительство ГЭС Люцзяся создаст предпосылки для увеличения площади орошаемых земель, улучшения водоснабжения промышленных центров, в том числе г. Баотоу, регулирования в целом стока р. Хуанхэ. Последнее, в частности, обусловливает более благоприятный режим работы гидроэлектростанций в нижнем и среднем течении реки. Например, использование воды Люцзясяского водохранилища в период межени позволит ежегодно вырабатывать дополнительно 70 млн. квт·ч электроэнергии на ГЭС Цинтунся, строящейся ниже по течению реки в Нинся-Хуэйском автономном районе.

Китайская печать сообщала о возобновлении работ на гидроузле Саньмынься, который в результате непоследовательных действий руководства в 1962 г. был выведен из строя, а оборудование созданной здесь ГЭС демонтировано. В течение ряда лет на водохранилище велись работы по очи-

стке от песка и ила. В декабре 1973 г. на ГЭС Саньмынься был смонтирован первый энергоблок мощностью 50 тыс. квт, который дал ток. Нынешняя мощность ГЭС составляет 200 тыс. квт против 1 млн. квт по первоначальному проекту.

К числу начатых в 50-х годах и не завершенных в свое время ГЭС относится Даньцзянкоу в пров. Хубэй. В начале 1974 г. сообщалось о вводе в эксплуатацию в сентябре 1973 г. мощностей в 900 тыс. квт. Это вторая по величине (после Люцзясяской) ГЭС в КНР. На станции установлено шесть агрегатов мощностью по 150 тыс. квт каждый. Первый агрегат дал ток в 1968 г.

По официальным китайским данным, в 1974 г. были построены: ГЭС Хуанлунтань на р. Духэ (приток р. Ханьцзян) в пров. Хубэй мощностью 150 тыс. квт; водохранилище ГЭС вмещает 1015 млн. куб. м воды. ГЭС снабжает электроэнергией северо-западную часть пров. Хубэй; ГЭС Фэншуба в верховье р. Дунцзян пров. Гуандун — введен в строй первый агрегат мощностью 75 тыс. квт; на ГЭС Тяньдун (Гуанси-Чжуанский автономный район) в мае был пущен агрегат мощностью 13 тыс. квт; электростанция Хунъянь на р. Мяотяохэ, на которой к сентябрю было установлено несколько агрегатов средней мощности.

Китайская печать упоминала о создании первой в Китае экспериментальной энерготермальной системы, работающей на подземных водах, поступающих по буровым скважинам.

Несмотря на внимание китайского руководства к решению энергетической проблемы, темпы роста электроэнергетики явно недостаточны для обеспечения быстро растущих потребностей экономики и военно-промышленного комплекса. По утверждению иностранной печати, огромные проблемы стоят на пути развития электроэнергетики КНР: нехватка денежных средств и технического опыта. Свидетельством тому служит, в частности, продолжающийся курс на самообеспечение электроэнергией сельского хозяйства и местных предприятий путем строительства мелких ГЭС за счет местных ресурсов. По официальным данным, в КНР, по состоянию на 1973 г., насчитывалось примерно 50 тыс. мелких электростанций, которые по своей мощности превысили все электростанции страны, имевшие в 1949 г. примерно 1,8 млн. квт.

В 1974 г. темпы роста *металлургической промышленности* снизились по сравнению с предыдущим годом. В печати не было сообщений о вводе в эксплуатацию каких-либо крупных объектов. Некоторое увеличение производственных возможностей осуществлялось за счет расширения мощностей, модернизации оборудования, а также выявления так называемых скрытых резервов.

Характерную черту развития черной металлургии КНР после «культурной революции» составило наращивание мощностей путем преимущественного строительства мелких и средних предприятий (как собственно металлургических, так и горнодобывающих) на базе местных ресурсов. Как отмечала китайская пресса, в настоящее время «все провинции, города центрального подчинения и автономные районы, за исключением Тибета, строят свою металлургическую промышленность за счет местных ресурсов». При этом особо подчеркивалось, что «только собственная сырьевая база может служить прочной основой для неуклонного развития национальной экономики».

По заявлению китайской печати, в КНР «в основном сформировалась целостная система черной металлургии, которая удовлетворяет потребности других отраслей промышленности, сельского хозяйства, строительства национальной обороны и научно-исследовательской работы в металлах».

Реальные факты, однако, свидетельствуют о том, что для решения этой насущной проблемы Китаю предстоит сделать еще очень много. КНР далеко не полностью удовлетворяет свои потребности в стали за счет собственного производства. Ежегодно она импортирует из Японии и других стран более 3 млн. т проката черных металлов и стального скрапа.

Дальнейшее наращивание мощностей металлургической промышленности китайское руководство предполагает осуществить в значительной степени за счет оборудования, купленного за рубежом. С Японией и ФРГ подписаны контракты на поставку для металлургического комбината в Ухани стана холодной прокатки мощностью 1 млн. т в год, стана горячей прокатки (3 млн. т/год), стана для производства листовой кремнистой стали (68 тыс. т/год), агрегатов лужения (100 тыс. т/год) и цинкования (150 тыс. т/год), установки для непрерывной разливки стали (1,6 млн. т/год). Закупленное оборудование позволит Китаю увеличить выпуск стального листового проката, в том числе холоднокатаного стального листа для автомобильной промышленности.

В *машиностроении* в 1974 году также произошел некоторый спад темпов роста производства, исключая отрасли, выпускающие продукцию сельскохозяйственного назначения: тракторы, электромоторы, дизели и т. д. Агентство Синьхуа 6 мая сообщило о реконструкции самого крупного в КНР Лоянского тракторного завода, где дополнительно установлены 42 поточные и 7 автоматических линий. В результате выпуск тракторов увеличился в 2,4 раза по сравнению с уровнем, достигнутым в 60-х годах.

Значительные усилия направлялись на увеличение производства оборудования для нефтяной, химической, электро-

энергетической и горнорудной промышленности, а также выпуска электронной техники, крупных и прецизионных станков, подвижного состава железных дорог и морских судов. Сообщалось, в частности, о продолжающемся строительстве вагоностроительного завода в Гуйяне, вводе в строй завода по производству зубчатых колес (северо-восток страны), который выпускает комплектующие изделия для тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники, а также запасные части к ней.

В течение года китайское машиностроение в опытном и серийном порядке освоило ряд новых видов продукции: паровые и гидравлические турбоагрегаты мощностью 300 тыс. квт, котлы высокого и сверхвысокого давления производительностью 670 т пара в час для комплектации агрегатов мощностью 200 тыс. квт, конвертеры с верхним кислородным дутьем емкостью 150 т, масляный пресс с усилием 30 тыс. т, односекционный тепловоз мощностью 4 тыс. л. с. (начался серийный выпуск), ЭВМ на интегральных схемах, выполняющую 1 млн. операций в секунду, малогабаритную ЭВМ, плавучий кран грузоподъемностью 500 т. Создан первый в Китае плавучий док для ремонта судов грузоподъемностью 25—30 тыс. т. В прессе сообщалось о выпуске ряда новых прецизионных и автоматических станков, в том числе горизонтального расточно-фрезерного станка с числовым программным управлением, прецизионного электронно-оптического гравировального станка, заточного станка для червячных фрез с точностью обработки до 0,003 мм и т. д.

Однако, несмотря на известный прогресс в машиностроении, оно полностью не обеспечивало потребностей народного хозяйства во многих важных видах машин и оборудования. Китай вынужден в больших количествах импортировать транспортные средства, в том числе автомобили, локомотивы, морские суда, самолеты гражданской авиации, оборудование для предприятий нефтяной, химической, металлургической, оборонной промышленности, средств связи, дорожного строительства и других отраслей.

Химическая промышленность по-прежнему оставалась объектом внимания китайских руководителей. В ведущей отрасли химической индустрии — производстве удобрений,— несмотря на заметное увеличение мощностей, темпы прироста по сравнению с 1973 г., видимо, снизились. Об этом косвенно свидетельствовал тот факт, что китайская печать сообщила о темпах прироста производства удобрений в стране лишь за первый квартал, когда они составили всего 6,1% (в том числе в производстве азотных удобрений — 12,2%) [18]. За

[18] «Жэньминь жибао», 3.V.1974.

11 месяцев 1973 г. по сравнению с тем же периодом 1972 г. производство химических удобрений увеличилось на 25,8%.

В связи с проведением реконструкции ряда крупных предприятий отрасли в городах Нанкине, Даляне, Гирине, Ланьчжоу, Тайюани отмечался рост производства. Значительная часть произведенной продукции приходилась по-прежнему на долю мелких предприятий[19] (схема 1).

В целом объем производства минеральных удобрений в КНР продолжал значительно отставать от потребностей сельского хозяйства. Образовавшийся дефицит частично восполнялся ввозом удобрений (главным образом из Японии).

Важным новым направлением в химической промышленности является постепенный переход на нефтехимию, связанный с заменой угля и пищевого сырья нефтехимическим.

В ближайшие годы в КНР возможен значительный рост данной отрасли. По некоторым оценкам зарубежной печати, Китай закупил заводы по производству удобрений общей мощностью 12,5 млн. т в год. Заключен ряд контрактов на поставку комплектного оборудования и заводов по производству сырья для промышленности — пластмасс и синтетических смол, химических волокон и синтетического каучука.

Касаясь итогов развития *легкой промышленности* в 1974 г., агентство Синьхуа сообщало, что она «добивается новых успехов в увеличении объема и ассортимента выпускаемой продукции», и приводило при этом несколько цифр, характеризовавших рост производства отдельных видов продукции по сравнению с 1949 или 1965 г. Например, выпуск хлопчатобумажных тканей, сахара, сигарет и сукна возрос против 1949 г. «соответственно в 4—12 раз». Правда, в том же году китайская печать заявила об увеличении валовой продукции легкой промышленности в 10 раз по сравнению с 1949 г., а несколько ранее то же самое она утверждала относительно 1970 г. Вместе с тем отмечалось также, что с 1949 по 1971 г. производство хлопчатобумажной пряжи и хлопчатобумажных тканей возросло соответственно более чем в 5 и 4 раза, а валовая продукция сельского хозяйства — более чем в 2 раза (по состоянию на 1970 г.). Как известно, сельское хозяйство поставляет 70% сырья для легкой промышленности, где на долю текстильной и пищевой отраслей приходится подавляющая часть валовой продукции. Остается неясным, за счет чего объем продукции легкой промышленности мог бы возрасти более чем в 10 раз. В КНР до сих пор сохраняется карточная система на важнейшие продукты питания и ширпотреба, включая хлопчатобумажные ткани.

---

[19] По официальным данным, к концу 1973 г. в стране насчитывалось примерно 1000 мелких заводов, которые дали 54% валового выпуска синтетического аммиака.

В целом перед китайской промышленностью встали острые проблемы повышения темпов роста производства и ускорения научно-технического прогресса в стране. Все еще не решены объективно назревшие сложные вопросы: изыскание дополнительных финансовых и материальных ресурсов для отраслей гражданского производства, совершенствование системы управления и планирования производством, ускорение темпов научно-технического прогресса. Однако радикальное осуществление этих задач вряд ли возможно без коренного поворота в принципах и направлении экономической политики нынешнего пекинского руководства.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В 1974 г. сельское хозяйство КНР, как и прежде, испытывало большие трудности в своем развитии. Особенности истекшего года характеризовались рядом моментов, отрицательно повлиявших на сельское хозяйство. К их числу относились политическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», а также неблагоприятные погодные условия.

Пытаясь создать впечатление о благополучии в сельском хозяйстве, печать КНР утверждала, что, несмотря на стихийные бедствия, валовой сбор зерна «достиг нового уровня» и в стране «тринадцатый год подряд собирается богатый урожай». Однако эти заявления не были подтверждены опубликованием официальных данных.

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», развернувшаяся в сельском хозяйстве, преследовала цель удержать его развитие в русле осуществляемого курса организации производства и распределения в деревне. В целях ликвидации неустойчивости внутриполитической обстановки китайское руководство неоднократно подчеркивало, что систему «народных коммун» должно внедрять на основе трехступенчатой собственности с производственной бригадой в качестве основы и что необходимо критиковать «закрепление заданий за каждым двором» как попытку реставрации капитализма [20].

В ходе кампании широкой политической критике на страницах центральной печати подверглась шаньсийская драма «Три посещения Таофэна» [21], в которой усмотрели попытки

---

[20] Ли Цзинь, Деревня 60-х годов — арена борьбы двух линий. Критика установки «закрепления производственных заданий за каждым двором», проповедуемой Лю Шао-ци и Линь Бяо.— «Жэньминь жибао», 16.I.1974.

[21] См., например, «Жэньминь жибао» (подборка заметок критики пьесы «Три посещения Таофэна», одна из которых называется «Развивать дух Дачжая, критиковать «вонючий» опыт Персикового сада»), 28.II, 7.IV, 29.IV, 22.V.1974; «Гуанмин жибао», 26.IV.1974, и др.

противопоставления бригады Таоюань, организованной в начале 60-х годов на принципах помощи государства в развитии производства, Дачжайской бригаде, представляющей образец основных установок в развитии сельского хозяйства путем «опоры на собственные силы».

Апеллируя к крестьянам беднякам и низшим середнякам, власти призывали развивать дух лозунгов: «Идти вперед — навстречу трудностям», «Укреплять единство крестьян бедняков и низших середняков», «Ухватившись за революцию, стимулировать производство» и т. д.

Статья Хун Цяо «Увеличивать производство, соблюдать режим экономии, всюду запасать зерно» признавала наличие трудностей в сельском хозяйстве страны, подчеркивая, что «всемерное развитие зернового производства, планомерное и экономное расходование зерна, старательное увеличение производственных запасов — это задача длительная и важная». Отмечая неудовлетворительность продовольственного баланса страны, статья призывала «прилагать неустанные усилия к повсеместному созданию запасов зерна», чтобы тем самым «повышать подготовленность на случай войны и стихийных бедствий»[22].

Усиленно насаждая опыт Дачжайской бригады в деревне, китайское руководство особое внимание обращало на изучение ее «революционного», а не только «производственного опыта». Этот опыт заключался в том, что Дачжай с 1968 г. ничего не получал от государства, а сдавал 33% урожая[23].

В течение 1974 г. вновь проявлялось настойчивое стремление освободить государство от помощи в организации системы здравоохранения и народного просвещения на селе, с тем чтобы сами коллективные хозяйства заботились о здоровье и образовании крестьян[24].

Политическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» нанесла ущерб сельскому хозяйству страны, она отвлекала крестьян от полевых работ, а руководящие кадры — от управления производством. Вследствие нарушения ритма деятельности промышленных предприятий в ходе этой политической кампании китайская деревня недополучила значительное количество сельскохозяйственной техники, удобрений и ядохимикатов.

В 1974 году погодные условия для сельского хозяйства на преобладающей части территории страны складывались неблагоприятно. В северных провинциях Китая площадь 50 млн. га (из 112 млн. га) была охвачена засухой,

---

[22] «Хунци», 1974, № 5, стр. 55, 56.
[23] «Жэньминь жибао», 30.VIII.1974.
[24] «Жэньминь жибао», 21.IV, 28.V.1974.

длившейся в разных районах три — восемь месяцев. В ряде восточных приморских провинций (Шаньдун, Цзянсу и др.) урожай пострадал от наводнений. По сообщениям печати, подобные стихийные бедствия в важнейших провинциях, производящих зерно и хлопок, «не наблюдались последние десятки лет» [25].

В сложившихся условиях руководство КНР вынуждено было принимать некоторые меры, пытаясь обеспечить рост сельскохозяйственного производства. Угроза снижения урожая заставила уже с весны ограничить масштабы политической кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» в деревне.

Установки центра предписывали проводить политическую кампанию в «народных коммунах» только во внерабочее время, чтобы не мешать выполнению в срок всех агротехнических мероприятий. Критерием успешного проведения кампании в сельских районах стало считаться своевременное проведение полевых и уборочных работ [26].

Противоречивые тенденции проявились в применении принципа материального стимулирования в деревне. Судя по всему, по этому вопросу развернулась борьба внутри руководства КНР, а также между центральными и местными властями. Начало года характеризовалось резкими нападками на практику материального стимулирования. Печать утверждала, что оно «разлагает» ряды крестьян и «затрудняет развитие производства», делая упор на «социалистическое воспитание крестьян» в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». По заявлениям газет, «серьезной проблемой является воспитание крестьянства», у которого еще «не изжиты остатки частнособственнических идей», которые «не хотят упорно трудиться и поднимают черный вихрь экономизма» (т. е. добиваются улучшения условий и оплаты труда).

Однако во второй половине года появились напоминания о необходимости оплаты по труду и даже премировании крестьян за производственные успехи [27]. В принятой 1-й сессией ВСНП четвертого созыва (январь 1975 г.) новой конститу-

---

[25] «Хунци», 1974, № 12.

[26] Эти установки нашли свое отражение в передовой «Хорошо провести весенние полевые работы в ходе критики Линь Бяо и Конфуция».— «Жэньминь жибао», 3.III.1974.

[27] Так, например, в пров. Хубэй было распространено указание о премировании крестьян за высокий урожай хлопка. На совещании по вопросам развития свиноводства в пров. Аньхой, в соответствии с указаниями ЦК КПК, было принято решение о материальном поощрении крестьян, занимающихся выращиванием свиней («Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1).

ции Китая были зафиксированы такие принципы, как «кто не работает, тот не ест», «от каждого — по способностям, каждому — по труду», направленные на известную стабилизацию экономики. Но сохранение прежнего экономического курса и известных установок «политика — командная сила», «подготовка на случай войны» означало, что в полной мере эти принципы не осуществлялись. Об этом же свидетельствовали предупреждения печати о том, что в Китае «могут зародиться капитализм и буржуазия», так как в деревне имеются «буржуазные тенденции к обогащению», «приверженность к свободному севу», к «принципу материальной заинтересованности»[28].

Указывалось, что среди определенной части работников в деревне принцип материальной заинтересованности понимается как «неправильный, но соответствующий в определенной мере нынешним условиям и даже необходимый». Именно такой подход якобы препятствовал развитию активности, тормозил социалистическое строительство в деревне в целом.

Хозяйственные трудности вынудили китайское руководство наряду с обращением к мерам политико-административного воздействия вновь подчеркнуть в ходе сессии ВСНП, состоявшейся в начале 1975 г., курс «сельское хозяйство — основа».

Еще в 1974 г. партийным и административным органам различных ступеней рекомендовалось перенести центр тяжести всей работы на развитие сельского хозяйства. Была увеличена отправка в деревню рабочих, служащих и учащихся, а в период сева и уборки урожая — воинских подразделений. В пров. Хэйлунцзян, например, на полях трудилось на 400 тыс. человек больше, чем в предыдущем году. Судя по материалам китайской печати, только в первом полугодии этого года в деревню было направлено 1,6 млн. человек городской молодежи. Агентство Синьхуа сообщало, что «бойцы и командиры многих воинских частей НОАК отправились в сельские районы, чтобы завершить летнюю жатву и сев».

Все это свидетельствовало о серьезных затруднениях в сельском хозяйстве КНР, что обострило проблему обеспечения промышленности сырьем, отразилось на выполнении народнохозяйственных планов и продовольственном положении в стране[29].

---

[28] «Жэньминь жибао», 12.V.1975.

[29] В Китае сельское хозяйство является основным источником бюджетных поступлений (свыше 50%), главным поставщиком сырья для легкой промышленности (более 70%), а также товаров на экспорт (около 70%). Это обусловило большую зависимость экономики и финансовых поступлений от состояния сельского хозяйства.

Пахотный фонд и материально-техническое оснащение сельского хозяйства

На протяжении последних 15 лет пахотные площади КНР оставались неизменными, что вело к сокращению землеобеспеченности на душу сельского населения (менее 0,2 га). В 1974 г. китайская печать сообщила лишь о том, что в ходе зимне-весеннего сельскохозяйственного строительства в 1973—1974 гг. было выровнено около 5,2 млн. га земли, сооружено 930 тыс. га террасированных полей, орошено или улучшено орошение на площади 4 млн. га. При этом объем земляных и каменных работ составил около 6 млрд. куб. м[30].

Как и в предыдущие годы, данные об отчуждении пахотных земель для несельскохозяйственных целей (строительства промышленных предприятий, гражданских объектов и др.) на равнинах, которые практически давно распаханы и где сосредоточены основное население страны и промышленность, не публиковались. Печать 1974 г. подчеркивала, что орошаемые площади являются базами гарантированного урожая «товарного зерна». В качестве примера приводился район Дуцзяньянской ирригационной системы, орошающей 530 тыс. га, которые дают гарантированный от стихийных бедствий урожай.

В этом году, очевидно, сохранялся курс на строительство в основном мелких ирригационных систем при «опоре на собственные силы народных коммун». Вместе с тем государство в некоторых случаях стало выделять средства на сооружение отдельных крупных ирригационных объектов, благодаря чему была завершена, например, реконструкция водохранилища Саньмынься — одного из крупнейших в Китае. В целом по стране орошаемые площади составляли 33—34 млн. га (т. е. менее $^1/_3$ всей пашни).

Большое внимание уделялось борьбе с засухой. Для этой цели осуществлялось сооружение оросительных колодцев с механической подачей воды и небольших ирригационных сооружений. Печать сообщала, что число механизированных колодцев достигло 1,3 млн., с помощью которых орошалось 7,3 млн. га пашни. Однако все эти меры были недостаточно эффективны, в частности из-за нехватки подземных вод.

По-прежнему остро стояла проблема материально-технического оснащения сельского хозяйства Китая, решение которой возлагалось главным образом на местную промышлен-

[30] По данным китайской печати, за 25-летний период после 1949 г. в целом по стране подготовлены для сельскохозяйственного использования 16,6 млн. га ранее заболоченных земель в бассейнах крупнейших рек.

ность. Механизацию сельского хозяйства руководство КНР, как и в предыдущие годы, стремилось осуществлять силами и средствами «народных коммун». В статье агентства Синьхуа о развитии сельского хозяйства, опубликованной в феврале, прямо говорилось о том, что «денежные средства на развитие сельского хозяйства накапливаются главным образом самими народными коммунами и лишь некоторую долю составляют государственные ассигнования».

В отличие от 1972—1973 гг., когда в печати имелись сведения об ограничении строительства мелких предприятий, в 1974 г. вновь отмечалось развитие мелких промышленных предприятий на средства «народных коммун» и больших производственных бригад.

В 1974 г. механизация сельского хозяйства все еще находилась на низком уровне, с помощью тракторов обрабатывалось лишь 15% пашни, не решены такие важные вопросы механизации земледелия, как глубокая вспашка, пересадка и уборка риса и т. д. В декабре китайская печать впервые отмечала, что якобы «созданы предпосылки для механизации рисоводства на юге Китая». Однако сведений, подтверждающих это заявление, кроме сообщений о том, что в южных рисоводческих провинциях на высадке риса работало более 277 тыс. рисопосадочных устройств, не было опубликовано. По данным агентства Синьхуа, заводы и научно-исследовательские институты Шанхая совместно с 12 южными провинциями сконструировали 17 видов таких механизмов, однако только часть из них успешно прошла испытания.

Невозможность обеспечить сельское хозяйство химическими удобрениями за счет внутреннего производства, а также резкое повышение цен на минеральные удобрения на мировом рынке вынудили китайское руководство заключить за границей крупные контракты на закупку оборудования для производства химических удобрений, в основном азотных. Если контракты будут полностью выполнены и закупленные предприятия вступят в строй в 1978—1980 гг., то их продукция составит, по оценкам иностранных экспертов, свыше 60% производства химических удобрений в КНР в 1974 г. В истекшем году на 1 га посевной площади вносилось лишь 25 кг химических удобрений (в пересчете на действующее вещество), это означает сохранение соответствующего уровня предыдущего года.

Земледелие

Производство зерновых. Мероприятия, направленные на подъем сельского хозяйства в 1974 г., в основном касались развития зернового производства в соответствии с курсом

китайского руководства «на всестороннее развитие сельского хозяйства с упором на производство зерна». В первую очередь осуществлялось расширение посевных площадей под летними зерновыми, особенно под пшеницей. Как сообщала китайская печать, площадь посевов пшеницы и других летних зерновых культур была увеличена на 270 тыс. га [31], что составило около 0,2% всех посевных площадей. Однако неблагоприятные погодные условия в первом полугодии 1974 г. на большей части КНР для роста озимой пшеницы и весенней посевной кампании раннего риса [32] повлияли на результаты летнего урожая.

Для компенсации потерь в урожае озимой пшеницы из-за засухи в северных районах страны было проведено некоторое расширение посевных площадей под озимой и яровой пшеницей в южных и юго-западных районах страны. Например, в пров. Гуандун озимой пшеницей было засеяно 380 тыс. га [33]. В ряде провинций и пригородов практиковался новый метод посева пшеницы с использованием высадки рассады в грунт, что, однако, требовало дополнительного труда китайских крестьян. Засуха также отрицательно повлияла и на своевременную высадку раннего риса в южных провинциях в период его вегетационного роста.

Китайская печать летом писала о сборе «богатого» урожая летних зерновых культур. Однако некоторые зарубежные специалисты выражали сомнение в правдивости заявлений китайской пропаганды о сборе высокого урожая озимой пшеницы и других культур, в том числе и раннего риса. Поводом для подобных сомнений могла послужить задержка сообщения о сборе раннего риса на несколько недель против обычных сроков опубликования. Провинции, занимавшие важное место в производстве риса, в публикуемых данных о его сборе не упоминались. Все это говорило о неблагополучном положении в этой области, несмотря на сообщения китайской печати о том, что в ряде районов урожай риса на 30 и даже на 50% превысил уровень 1973 г. По нашей оценке, урожай летних зерновых культур, который составлял $^1/_3$ валового сбора зерновых (около 70—75 млн. т), дал прирост по сравнению с 1973 г. на 2—3% (схема 3).

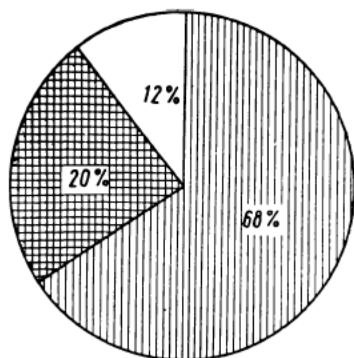
Некоторый рост валового сбора пшеницы был достигнут за счет повышения урожайности этой культуры. Сообщалось, что 80 уездов Китая (из общего числа свыше 2 тыс.) собрали

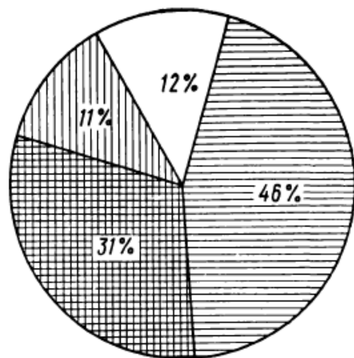

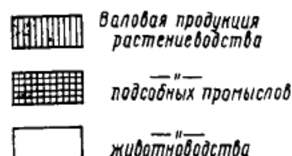
[31] «Жэньминь жибао», 23.VII.74.

[32] В Китае в ряде районов собирают по два урожая в год. Например, озимая пшеница высевается зимой для сбора ее летом следующего года. В оставшийся период года, учитывая климатические условия, сеют технические культуры, рис, кормовые культуры, грубое зерно и т. д.

[33] «Китай», 1974, № 9, с. 6.

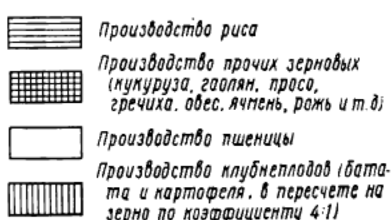

Схема 3. Структура валовой продукции сельского хозяйства и производства зерновых КНР в 1974 г.

пшеницы по 22,5—37,5 ц с 1 га. Однако, как отмечала печать, таких уездов немного, а урожайность в других уездах неравномерна.

Оценки осеннего урожая зерновых в Китае менее положительны. Рассада позднего риса, на который приходилось около 25% сбора всех зерновых, была высажена с опозданием на две недели против агрономических сроков, что, естественно, могло сказаться на его валовом производстве. В августе «небывалое», по свидетельству китайской прессы, наводнение охватило восточные провинции Китая (Шаньдун, Цзянсу и т. д.) — крупные производители позднего риса, кукурузы, гаоляна и т. д.

В сообщении о выполнении плана закупок на 1974 г. в перечне провинций, выполнивших годовой план, отсутствовали такие крупные провинции, производящие зерно, как Сычуань, Хэнань, Цзянсу, Хунань, Шаньдун. Заготовки зерна велись в обстановке сильного нажима на крестьянство со стороны государства, которому удалось обеспечить сбор значительного количества зерна главным образом за счет сокращения личного потребления крестьян, а не вследствие увеличения производства зерновых.

Уровень сбора зерновых в Китае, как показывает табл. 4, в большой мере определялся урожаем риса, доля которого в валовом производстве зерна превышала 45%, а в посевных площадях под зерновыми — 25%. Вместе с тем важное место в производстве продовольствия занимала также пшеница (12% общего сбора и около 20% посевов под зерновыми).

Таблица 4

Производство зерна в КНР в 1972—1974 гг.*,
млн. т

Продукция	1957 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.
Валовой сбор зерна . . .	185,0	210,0	220,0	230,0
В том числе:				
рис	86,8	98,0	101,0	103,0
пшеница	23,7	24,0	24,0	27,0
прочие зерновые . . .	52,6	65,0	67,0	70,0
батат и картофель (в пересчете на зерно) .	21,9	23,0	28,0	30,0

* Оценка.

В обзоре министерства сельского хозяйства США сбор зерна в КНР в 1973 г. оценивался в 228 млн. т [34].

На сессии Всекитайского собрания народных представителей в январе 1975 г. Чжоу Энь-лай заявил, что по сравнению с 1949 г. валовой сбор зерна в 1974 г. возрос якобы в 2,4 раза, по подсчетам, это может составить около 260 млн. т.

Особое беспокойство у руководства КНР вызвало медленное повышение урожайности зерновых, особенно в провинциях с неблагоприятными климатическими условиями. Кроме двух провинций (Чжэцзян и Гуандун) и трех городов центрального подчинения (Шанхай, Пекин и Тяньцзинь), остальные 24 провинции и автономные районы в 1974 г. еще не достигли показателей урожайности зерновых, установленных «Основными положениями развития сельского хозяйства КНР на 1956—1967 гг». Попытки создать широкую сеть экспериментально-показательных полей были неэффективны из-за невысокой агротехники и квалификации крестьян, а также крайне недостаточной государственной помощи, нехватки сортовых семян, удобрений, ядохимикатов и сельскохозяйственной техники.

[34] «Agriculture Situation in Peoples Republic of China and Other Asian Communist Country», May 1974.

В своем стремлении повысить урожайность и агротехнический уровень сельскохозяйственного производства китайское руководство опиралось на «собственные силы» самих крестьян. Печать КНР утверждала, что в 1974 г. были расширены площади, расположенные к северу от Янцзы (пшеница — рис либо пшеница — кукуруза или гаолян), дающие два урожая в год. Некоторый прирост валового сбора пшеницы был достигнут за счет повышения урожайности этой культуры.

Попытка сгладить остроту продовольственной проблемы в стране обусловливала внедрение севооборотов, целиком состоявших из зерновых культур, что истощало почву и имело своим последствием низкую урожайность.

Отставание зернового хозяйства послужило одной из причин ухудшения состояния экономики КНР в целом. На протяжении последних лет валовой сбор зерна в стране увеличивался незначительно, тогда как население возрастало на 12—13 млн. человек в год (примерно на 1,5%). Если учесть этот демографический фактор, то получается, что уровень производства зерна на душу населения в 1974 г. в Китае был ниже, чем в 1957 г. (на душу населения в 1957 г. приходилось 286 кг, а в 1974 г.— 276 кг зерна; табл. 5). По темпам роста производства продуктов питания Китай в начале 70-х годов также отставал от многих развивающихся стран Латинской Америки, Ближнего и Дальнего Востока.

Таблица 5

Производство зерна в КНР на душу населения *

Показатель	1957 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	Сравнение 1974 г. с 1957 г., %
Население, млн.	647,0	809,0	821,0	833,0	129
Валовой сбор, млн. т . .	185,0	210,0	220,0	230,0	124
Производство зерна на душу населения, кг . . .	286,0	259,0	267,0	275,0	96

* Оценка.

Систематически низкие урожаи привели к обострению продовольственной проблемы в стране, Китай вынужден продолжать большие закупки зерна в США, Канаде, Австралии, Аргентине и других странах. С середины года руководство КНР активизировало свои действия по заключению сделок на закупку зерна, даже если оно продавалось по высоким ценам. В 1974 г. импорт зерна составил 7,5 млн. т (табл. 6).

Помимо целей смягчения продовольственной проблемы импорт был призван восполнить истощенные государственные запасы зерна, составлявшие около 25 млн. т. В последние годы низкий прирост валового производства зерновых и быстрый рост населения приводили к необходимости увеличить расходы государственных и местных резервов зерна [35].

Таблица 6
Импорт зерна в КНР в 1972—1974 гг.,
тыс. т

Продукция	1972 г. *	1973 г. **	1974 г. **
Зерновые	5000	6300	7500
В том числе:			
пшеница	3686	4800	5900
другие виды зерна . . .	1314	1500	1600

* «Peking Review», 5.I.1973, № 1.
** «US — China business review». Washington, 1975, № 3—4, с. 17.

Китайское руководство пыталось разрешить продовольственные трудности путем дальнейшего наступления на жизненный уровень трудящихся, призывая рабочих и крестьян «экономить зерно», «разумно расходовать продовольствие» и т. д.

Положение с производством технических культур в КНР в целом, видимо, складывалось хуже, чем в прошедшем году. По признанию самой китайской печати, валовой сбор хлопка и его средняя урожайность «были близки к показателям предыдущего года». В числе провинций, где сбор хлопка возрос более чем на 10%, фигурировали лишь две провинции — Хубэй и Хэбэй. В остальных провинциях, судя по всему, имело место падение производства хлопка или сохранялся уровень минувшего года. Значительный ущерб хлопководству причинили наводнения в ведущих хлопководческих провинциях — Шаньдун и Цзянсу, дающих треть всего сбора хлопка в стране.

Урожайность хлопка в целом по стране оставалась низкой — менее 4 ц с 1 га и только в отдельных районах была выше — в пригороде Шанхая (8,6 ц), в пров. Хубэй (7,5 ц). Повышение урожайности хлопка намечалось достичь за счет

---

[35] «Народные коммуны», производственные бригады и отдельные крестьяне в принудительном порядке обязывались создавать запасы зерна.

преимущественного использования сортовых семян, а также более обильного внесения удобрений и т. д. Перемещение этой культуры из северных провинций в южные (в дельту на среднее течение Янцзы), районы с более благоприятным климатом, несомненно, окажет положительное влияние на возделывание хлопчатника [36].

В 1974 г. валовой сбор хлопка оценивался в 1,9 млн. т (по сравнению с 1,95 млн. т в 1973 г.); на душу населения было произведено 2,3 кг хлопка-волокна вместо 2,5 кг в 1957 г. (табл. 7).

Таблица 7

Производство технических культур в КНР в 1973—1974 гг.*,

млн. т

Культура	1973 г.	1974 г.
Хлопок-волокно . .	1,95	1,90
Соевые бобы . . .	8,3	8,0
Арахис	2,7	2,7
Рапс	1,14	1,16
Сахарный тростник .	18,5	19,6
Сахарная свекла . .	3,8	3,5

* Оценка.

Сильная засуха в Северо-Восточном Китае, особенно в пров. Хэйлунцзян, вызвала сокращение производства соевых бобов и сахарной свеклы, что косвенно подтверждалось отсутствием сообщений в прессе о состоянии производства этих культур. По предварительной оценке, валовой сбор сои составил 8 млн. т, сахарной свеклы — 3,5 млн. т (по сравнению с 8,3 и 3,8 млн. т в 1973 г.).

Ввиду острого дефицита растительных масел в стране усилилось внимание к выращиванию рапса — важной масличной культуры. Его посевы еще в 1973 г. по сравнению с 1970 г. возросли на 600 тыс. га, а сбор семян рапса за этот период — на 40%. Увеличение в 1974 г. производства рапса в пров. Сычуань, дающей треть его сбора в стране, на 5%, а также в других провинциях позволяет оценить валовой сбор рапса в стране выше предыдущего года — в объеме 1,16 млн. т. Несмотря на сообщение о хорошем урожае ара-

[36] В 1974 г. на районы среднего и нижнего течения Янцзы приходилось около половины производства хлопка в стране, в то время как в 1957 г.— лишь треть сбора хлопка. За тот же период доля Северо-Восточного Китая и района лессового плато в сборе хлопка сократилась с 55 до 40—45%.

хиса в провинциях Шаньдун, Хэбэй, Ляонин и Гуандун, в целом валовой сбор арахиса можно оценить в 2,7 млн. т (на уровне 1973 г.). Производство масличного сырья (рапса, арахиса, кунжута, масличного льна), за исключением соевых бобов, оставалось на уровне предыдущего года и лишь по отдельным культурам несколько превышало его.

Вследствие благоприятных условий производство сахарного тростника в стране возросло до 18,7 млн. т, его посевные площади в пров. Гуандун достигли 200 тыс. га, в Гуанси-Чжуанском автономном районе — 107 тыс. га.

Благодаря интенсивным мерам по увеличению посевов лубяных культур их сбор в 1974 г. возрос на 75 тыс. т, и Китай, по заявлению печати, впервые в истории получил возможность отказаться от импорта лубяного сырья (джута и кенафа). Сообщалось также о хорошем сборе чая в провинциях Чжэцзян, Хубэй и др.

Однако из-за сокращения производства такой важной народнохозяйственной культуры, как хлопчатник, а также сои и сахарной свеклы, занимавших большой удельный вес в стоимости технических культур, их сбор в 1974 г. в целом снизился по сравнению с уровнем предыдущего года. Признание в китайской печати, что развитие производства хлопка, масличных и других технических культур шло медленно [37], свидетельствовало о крайне неблагополучном развитии данной отрасли сельского хозяйства.

Низкий уровень производства технических культур в 1974 г. привел к тому, что потребности страны в тканях удовлетворялись лишь на 50%, в растительных маслах — на 30, в сахаре — на 10 и в чае — менее чем на 30%. Возросший дефицит сырья для легкой и пищевой промышленности вызвал необходимость импорта продукции технических культур, объем которого в 70-х годах значительно увеличился (по хлопку — более 20%, по сахару — 40% собственного производства — 736 тыс. т).

В январе 1975 г. всекитайское совещание по производству технических культур констатировало значительную неравномерность их урожайности по отдельным районам. Признание совещанием факта высокого урожая технических культур лишь в некоторых провинциях свидетельствовало о действительно неблагополучном положении с производством технических культур в целом по стране. Совещание вновь подтвердило курс «опоры на собственные силы» в развитии производства хлопчатника и других технических культур, не предлагая никаких конкретных мер по подъему этой отрасли.

---

[37] «Жэньминь жибао», 6.III.1975.

Животноводство

В истекшем году нехватка кормов продолжала оказывать отрицательное влияние на развитие животноводства и его главной отрасли — свиноводства. Видимо, дефицит кормов вынудил Китай в 1973—1974 гг. импортировать и кормовое зерно. Недостаточный прирост поголовья свиней не позволил обеспечить потребности внутреннего рынка и экспорта. Этим объясняется, в частности, тот факт, что на весенней ярмарке в Гуанчжоу не были заключены контракты на продажу свинины. Во второй половине года были приняты дополнительные меры по материальному стимулированию крестьян, выращивающих свиней в личных подсобных хозяйствах, в которых сосредоточено 80% их поголовья. Необходимость этих мер подчеркивалась на совещаниях в ряде провинций. Поголовье свиней в КНР составило в 1974 г., по предварительной оценке, 205 млн. голов.

По всей вероятности, в связи с серьезным состоянием свиноводства китайская печать стала уделять ему особое внимание. В статье «Жэньминь жибао», посвященной посевной кампании 1975 г., специально подчеркивалась насущная необходимость развития свиноводства с целью получения большего количества органических удобрений, требуемого для сельского хозяйства.

В 1974 г. отмечались попытки увеличения поголовья тяглового скота, что в условиях низкого уровня механизации сельского хозяйства КНР чрезвычайно важно[38]. С этой целью, согласно сообщению из автономного района Внутренняя Монголия, государство в течение ряда лет не облагало налогом молодняк, рабочий, племенной и собственный скот членов «народных коммун», составлявший 50% общего поголовья скота. (Ставка налога с животноводческой продукции, по данным печати,— 1,1% в год[39].)

По оценке, поголовье крупного скота[40] в 1974 г. достигало 82—84 млн. голов. Пастбищное животноводство, ведущееся в основном в северо-западных районах, для которых характерны низкая материально-техническая обеспеченность и нехватка кормов, особенно в периоды стихийных бедствий,

---

[38] Значение тяглового скота особо подчеркивается и в перспективных планах провинций, в частности пров. Гуандун («Far Eastern Economic Review», 10.I.1975).

[39] Печать КНР утверждала, что за 25 лет существования (с 1950 по 1974 г.) заготовительные цены на крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, шкуры и шерсть повысились на 56,4—168%. Однако крайне медленный рост поголовья этих видов скота ставит под сомнение эти данные.

[40] Китайская статистика включает в категорию крупного скота коров, буйволов, верблюдов, лошадей, ослов и мулов.

развивалось крайне медленно, что сказывалось на темпах прироста поголовья рабочего скота в стране.

Поголовье мелкого рогатого скота в этом году, по оценочным данным, насчитывало 122—124 млн. голов. С целью увеличения поголовья скота основное внимание было обращено на улучшение его племенных качеств, особенно овец. В развитии овцеводства в Китае наблюдались два различных направления племенной работы. Прежде всего, улучшение качества продукции овцеводства — одной из главных статей экспорта животноводческой продукции; с другой стороны, что, возможно, более существенно, совершенствование местных пород с целью их наибольшей приспособляемости к сложным погодным условиям. Так, в сообщениях агентства Синьхуа, касавшихся Внутренней Монголии и Или-Казахского округа, говорилось, что овцы улучшенных пород (преимущественно местного значения) составили соответственно 50 и 78% общего поголовья овец.

В целом развитие животноводства в 1974 г. значительно отставало от ранее намеченных планов. В истекшем году ни разу не упоминалось, насколько успешно свиноводство страны справляется с намеченными еще в 1956 г. показателями 12-летнего плана развития сельского хозяйства (1956—1967).

Селекционная работа

Высокая себестоимость освоения новых земель в КНР, в основном расположенных в пустынных и гористых местностях, заставляет руководство КНР осуществлять повышение интенсификации имеющегося пахотного фонда, главным образом в расчете на увеличение урожайности сельскохозяйственных культур. Успехи в этой области пока незначительные. По оценкам, урожайность зерновых в настоящее время по сравнению с 1957 г. поднялась примерно на 3 ц с 1 га.

В газетах «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» в октябре 1974 г. были опубликованы статьи, в которых приводилась пространная характеристика состояния ведущейся селекционной работы в Китае. Из статей становилось очевидным, что основной упор в выведении новых, улучшенных сортов делался на «собственные силы» самих крестьян. Показателен в этом смысле пример пров. Гуандун, где «научной» деятельностью занималось около 1 млн. человек. Как подчеркивалось в статьях, «народная коммуна» должна «выделять на экспериментальные цели средства, материалы, оборудование и опытные участки». К основным научным кадрам «народных коммун» причислялись старые крестьяне, обладавшие опытом работы на полях, и «грамотная молодежь»,

прибывшая на перевоспитание в деревню [41]. В целом работа агротехнических групп производственных бригад основывалась на примитивной базе и не отвечала требованиям современного семеноводства.

Государственные научно-исследовательские институты сельского хозяйства КНР в основном приспосабливали свою деятельность к интересам местного производства и не занимались теоретическими проблемами по выведению новых сортов. Например, научно-исследовательский институт сельского хозяйства пров. Ганьсу проводил практическую работу в производственных бригадах по применению новых сортов семян, ядохимикатов, улучшению почв. На слабую теоретическую подготовку специалистов в области сельского хозяйства в КНР указывали члены американской сельскохозяйственной делегации, посетившие некоторые научные учреждения в Китае в 1974 г. У американских специалистов создалось впечатление, что китайцы незнакомы с целым рядом новшеств в области питания растений и обеспечения устойчивости их против болезней и вредителей [42].

В последнее время в Китае основное внимание сконцентрировалось на выведении новых сортов риса — главной производственной культуры в стране. Сокращение вегетационного периода роста риса позволит умножить повторность посевов культуры [43].

Как и в прошлые годы, китайская печать публиковала те же данные: сортовыми семенами риса и озимой пшеницы было засеяно примерно 80% полей. Причем под сортовыми семенами понимались в основном лучшие семена, отобранные на семенных участках «народных коммун». Наиболее высококачественными и высокоурожайными семенами обеспечивались показательные хозяйства в пригородных «коммунах» Шанхая, Пекина и Тяньцзиня.

* * *

Приведенные факты подтвердили несостоятельность сельскохозяйственной политики китайского руководства в 1974 г., которая ведет к обострению проблемы снабжения промышленности сырьем, населения — продовольствием. В течение года особенно отчетливо выявилась неспособность пекинского режима выработать комплекс эффективных мероприятий по развитию сельскохозяйственного производства, мед-

---

[41] Например, крестьянин-селекционер Дэн Янь-тан из уезда Синьхой пров. Гуандун вывел более десяти сортов риса.
[42] «New York Times», 24.IX.1974.
[43] «Кэсюэ шиянь», 1974, № 6.

ленные темпы роста которого оставались важной проблемой китайской экономики. Агентство Синьхуа в статье, приуроченной к 25-летнему юбилею образования КНР, вынуждено было признать, что «уровень сельскохозяйственного производства пока невысок».

В качестве основной задачи в деревне выдвигалось «всемерное развитие зернового производства, плановое и экономное расходование зерна, увеличение продовольственных запасов». Крестьянам и всему населению вменялось в обязанность создавать запасы зерна за счет экономного и планового потребления. Рекомендации по пополнению продовольственного рациона населения предусматривали привлечение даже дикорастущих растений. Необходимость этого объяснялась потребностями «прилагать неустанные усилия к повсеместному созданию запасов зерна, чтобы тем самым повышать подготовленность на случай войны и стихийных бедствий».

Прикрываясь лозунгом экономии зерна, китайское руководство стремилось разрешить возникавшие трудности путем наступления на жизненный уровень трудящихся. В «народных коммунах» были сформированы специальные группы контроля за расходованием продовольствия и созданием запасов, «помогающие» семьям крестьян правильно распределять зерно, полученное на трудовые единицы. Судя по сведениям китайской печати, большое количество крестьянских семей не в состоянии выкупить гарантированные нормы и оказываются должниками «народных коммун».

В условиях недорода китайское руководство пыталось проводить жесткую политику заготовок зерна, что вызвало недовольство крестьян. По сообщениям гонконгской печати, в пров. Цзянси крестьяне выступили против изъятия государством товарного зерна, разгромили 20 государственных зернохранилищ и были разогнаны войсками [44]. Многие крестьяне старались скрыть зерно и не сдавать его по государственным поставкам, что было вызвано неуверенностью, недоверием к государству, которое не сможет обеспечить их в случае стихийных бедствий.

Орган ЦК КПК «Хунци» признавал, что «в настоящее время в нашей стране уровень производства зерновых еще невысокий, а потребности социалистического строительства в зерне все более увеличиваются» [45]. Вместо риса населению все чаще выдавали более грубые сорта зерна, крайне низкой оставалась норма снабжения населения растительным маслом. По имеющимся сведениям, со второй половины года

[44] «Синдао жибао», 8.IX.1974.

[45] «Хунци», 1974, № 5.

принимались меры по ужесточению нормирования, по усилению контроля за расходованием зерна на местах. С целью смягчения продовольственной проблемы была использована кампания по ограничению рождаемости и поощрению поздних браков.

Следование принятому курсу развития страны препятствовало проведению научно обоснованного планирования хозяйства, по-прежнему сохранялась разобщенность и несбалансированность промышленности и сельского хозяйства.

Вопросы, обсуждавшиеся на сессии Всекитайского собрания народных представителей в январе 1975 г. свидетельствовали о серьезной обеспокоенности китайского руководства состоянием сельского хозяйства. Было объявлено, что Госсоветом КНР разрабатываются пятилетний (1976—1980) и десятилетний перспективный планы развития народного хозяйства, которые предусмотрят создание условий для «всесторонней модернизации сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники».

Повышенное внимание к положению в сельском хозяйстве проявилось в узаконении сессией ВСНП планирования отраслей экономики по степени их важности в последовательности — «сельское хозяйство, легкая промышленность, тяжелая промышленность»,— характерного для экономической политики в КНР особенно в периоды наибольших хозяйственных трудностей. Руководство КНР с осени 1974 г. выдвинуло требование к производственным бригадам, «народным коммунам» и «ревкомам» провинций разрабатывать перспективные планы развития сельского хозяйства. В качестве образца в китайской печати пропагандировался план уезда Цзядин на 1974—1980 гг.[46].

Судя по всему, предполагалось заменить провалившуюся 12-летнюю программу развития сельского хозяйства новым ориентиром для крестьян. Одновременно подчеркивалось, что при составлении перспективных планов на местах не следует предусматривать государственной помощи деревне, концентрировать внимание на удовлетворении насущных нужд крестьянства.

На сессии ВСНП настойчиво рекомендовалось «развертывать массовое движение» в сельском хозяйстве, учиться у Дачжайской большой производственной бригады, чтобы тем самым сократить до минимума расходы со стороны государства и получить возможность за счет консервации низкого

---

[46] «Сюэси юй пипань», 1974, № 9. Объявлено о разработке шестилетнего (1975—1980) плана развития сельского хозяйства пров. Юньнань.

жизненного уровня населения выкачивать максимум средств на осуществление гегемонистских планов руководства.

Таким образом, решение насущной проблемы повышения темпов роста сельскохозяйственного производства руководство КНР по-прежнему видело в политических кампаниях и методах внеэкономического принуждения по отношению к крестьянству, в интенсивном использовании живого труда огромной массы сельского населения, проведении курса «опоры на собственные силы» при крайне недостаточных государственных капиталовложениях.

ТРАНСПОРТ

В 1974 г., как и в предыдущем, осуществлялись расширение и модернизация основных фондов транспорта, и прежде всего морского транспорта, главным образом строительство и реконструкция важнейших морских портов страны. Наряду со строительством новых железных и шоссейных дорог производилась техническая реконструкция шоссейных дорог в ряде провинций, основными элементами которой были укладка гудронного покрытия и строительство мостов. Парк подвижного состава железных дорог, автомобильного транспорта и морской флот пополнялись за счет как собственного производства, так и импорта. Расширялись международные морские и авиационные связи.

В работе транспорта, в особенности железнодорожного, заметно возросли трудности, выражавшиеся в крайне напряженном режиме движения, что было вызвано несоответствием между имеющимися мощностями и возросшими потребностями народного хозяйства в перевозках. На состояние транспорта, и прежде всего железнодорожного, сильное негативное влияние оказали осложнения, возникшие во второй половине года (снижение трудовой активности и дисциплины работников транспорта), в основном в связи с массовой кампанией «критики Линь Бяо и Конфуция».

Железнодорожный транспорт. К концу года эксплуатационная длина железных дорог составляла примерно 45 тыс. км, включая новую магистраль Чэнду — Куньмин протяженностью 1085 км, о завершении постройки которой появилось сообщение в китайской печати [47]. На этой трассе было возведено 653 моста и пробито 427 тоннелей общей длиной свыше 400 км, на некоторых из них вследствие неблагоприятных

---

[47] «Жэньминь жибао» 23 марта 1974 г. сообщала, что строительство этой магистрали было начато в 1958 г., в 1962 г. работы были прекращены и возобновились только в августе 1964 г.

условий местности были построены станции. В Чэнду железная дорога соединилась с линиями, ведущими на Баоцзи и Чунцин, а в Куньмине — с дорогами на Гуйян и к границе с ДРВ. В целом введение в строй этой магистрали дополнило железнодорожную сеть в юго-западных провинциях и дало возможность реализации на практике развития западных внутренних районов.

В сентябре 1974 г. в китайской печати было помещено сообщение об открытии еще в 1972 г. движения по железной дороге от Чжучжоу (пров. Хунань) до Гуйяна (пров. Гуйчжоу). Вместе с железнодорожными линиями Чжэцзян — Цзянси и Гуйян — Куньмин (построена в 1966 г.) она образовала сквозную магистраль к югу от р. Янцзы, пересекающую страну с востока на запад. Строительство дороги было начато в 1958 г., в 1962 г. был сдан в эксплуатацию восточный участок от Чжучжоу до Цзиньчжушаня, еще раньше был введен в строй западный отрезок — Гуйдин — Гуйян. Сооружение нового участка магистрали длиной 632 км продолжалось с октября 1970 по сентябрь 1972 г.

Наряду со строительством новых железных дорог велись работы по реконструкции отдельных линий. В частности, по данным западной печати, на территории Китая прокладывалась вторая колея железной дороги, связывающей КНР с Гонконгом.

Судя по материалам китайских газет, проводились мероприятия по модернизации тяги на железных дорогах. Так, на локомотиво-вагоностроительном заводе в Даляне начато серийное производство тепловоза мощностью 4000 л. с. с электрической передачей. Согласно сообщениям, у локомотива по сравнению с тепловозом мощностью 2000 л. с., продукцией того же завода, расход топлива сократился на 10%, а соотношение мощности к весу — на 40%. По иностранному образцу был создан пассажирский тепловоз «Дунфэн-3» мощностью 1800 л. с. На Цицикарском вагоностроительном заводе изготовлена железнодорожная платформа грузоподъемностью 370 т, предназначенная для транспортировки крупногабаритных грузов. В Гуйяне велось строительство вагоностроительного завода.

Пополнение парка локомотивов происходило частично за счет их импорта. В 1974 г. Китай должен был получить из Румынии 20 тепловозов мощностью 2100 л. с. с электрической передачей и 30 локомотивов из Германской Демократической Республики.

В течение года на железных дорогах было транспортировано около 750 млн. т грузов; грузооборот составил примерно 365 млрд. т/км, или на 3% больше по сравнению с 1973 г. Темпы роста грузооборота были значительно ниже, чем в

предыдущем году. О существовании трудностей на железнодорожном транспорте говорил тот факт, что в материалах печати не только не был охарактеризован в процентах годовой рост работы транспорта, но и вообще был обойден молчанием вопрос о выполнении производственных заданий по различным управлениям. Только о Пекинском управлении железных дорог в декабре сообщалось, что оно досрочно выполнило годовой план перевозок грузов, было перевезено на 11 млн. т грузов больше, чем за соответствующий период 1973 г. [48].

Огромная напряженность в работе железнодорожного транспорта, частые срывы в выполнении планов перевозок грузов объяснялись многими причинами. Прежде всего выполнение повышенных планов перевозок тормозилось ограниченными техническими возможностями транспорта: малая пропускная способность некоторых грузонапряженных направлений, в особенности железных дорог, обеспечивающих преимущественно транспортировку угля; слабое развитие отдельных станций и подъездных путей предприятий; низкий уровень механизации погрузочно-разгрузочных работ; нехватка вагонов, и в первую очередь для перевозки угля.

В этих условиях железнодорожным управлениям предлагалось принимать экстренные меры для выполнения производственных планов. Как видно из сообщений китайской печати, главное внимание обращалось на те мероприятия, осуществление которых не требовало никаких капиталовложений. К наиболее эффективным мерам, согласно материалам, помещенным в «Жэньминь жибао», относились, например, более интенсивное использование подвижного состава, совершенствование организации перевозок, сотрудничество между железными дорогами и промышленными предприятиями.

Одним из способов повышения эффективности подвижного состава явилось увеличение загрузки вагонов и веса поездов. Так, например, на железных дорогах Пекинского отделения в первом полугодии средняя нагрузка вагона возросла на 0,7 т по сравнению с 1973 г. За шесть месяцев было отправлено более 4800 тяжеловесных составов, в которых дополнительно перевезено свыше 600 тыс. т грузов [49]. На железной дороге Шицзячжуан — Тайюань вес поезда был повышен с 2400 до 3000 т [50].

Улучшение организации перевозок на некоторых железных дорогах достигалось за счет использования маршрутных

---

[48] «Жэньминь жибао», 26.XII.1974.
[49] «Жэньминь жибао», 14.VII.1974.
[50] «Жэньминь жибао», 2.IX.1974.

поездов и специализированных составов для перевозки угля. Например, станция Таншань Тяньцзиньского отделения железных дорог за пять месяцев подготовила 1687 маршрутных поездов, в которых было перевезено 2,28 млн. т грузов[51]. Специализированные составы для перевозки угля курсировали между шахтами Хуайнаньского угольного бассейна и портом Юйсикоу на р. Янцзы. С целью своевременного вывоза угля из Хуайнаньских копей были выработаны согласованные действия между шахтами, железной дорогой и пароходством на Янцзы.

Для ускорения погрузочно-разгрузочных работ широко привлекалась дополнительная рабочая сила, применялись авральные методы, так называемые методы «больших битв».

Как отмечалось выше, осложнения в работе железных дорог были вызваны также массовой кампанией «критики Линь Бяо и Конфуция». Многочисленные политические собрания, написание «теоретических» статей отвлекали рабочих от производства. Более того, многие партийные и хозяйственные работники на местах уклонялись от руководства предприятиями транспорта.

Чтобы ликвидировать заторы и ускорить погрузку и разгрузку вагонов, приходилось использовать воинские подразделения. Судя по сообщениям китайской печати, ответственные работники парткомов некоторых провинций, руководящие работники железнодорожных управлений, отделений, станций (в Ухани, Хух-Хото) были мобилизованы для работы вместе с железнодорожниками по разгрузке заблокированных путей. Цель этих мероприятий не только продемонстрировать политическую сознательность партийного и административного аппаратов, но и изучить положение на местах.

Водный транспорт. Основное внимание обращалось на развитие морского транспорта, и в особенности на увеличение пропускной способности важнейших портов и пополнение морского флота. По сообщениям печати, к концу ноября в морских портах было выполнено в 2 раза больше строительно-реконструктивных работ по сравнению с соответствующим периодом 1973 г. В портах Далянь, Циньхуандао, Тяньцзинь, Шанхай, Чжаньцзян строились или расширялись причалы, склады, нефтехранилища, подъездные пути. В различных портах было построено десять причалов: в частности, в тяньцзиньском порту (Синьган) сооружены два глубоководных причала и реконструированы два причала для судов класса 5 тыс. т; в порту Чжаньцзян введен в строй специализированный нефтяной причал для танкеров водоизмещением

---

[51] «Жэньминь жибао», 3.VII.1974.

50 тыс. т[52], в шанхайском порту построены и реконструированы три глубоководных рейда.

Несмотря на расширение портовых объектов, их все еще не хватало для перевозки внешнеторговых грузов, о чем, в частности, свидетельствовали длительные простои иностранных судов в ожидании захода в порт. Наряду с капитальным строительством в портах увеличивался парк подъемно-транспортного и другого портового оборудования. Так, в Тяньцзине был построен первый в Китае крупный плавучий кран водоизмещением 3600 т, который мог поднимать грузы весом 500 т. В Шанхае спущен на воду первый крупнотоннажный плавучий док «Хуаншань», принимающий для ремонта морские суда водоизмещением 25—30 тыс. т.

Пополнение морского флота происходило за счет как собственного производства, так и импорта судов. В 1974 г. общий тоннаж построенных в Шанхае судов возрос на 16% по сравнению с 1973 г.; за вторую половину года были сданы в эксплуатацию семь грузовых судов класса 10 тыс. т. Кроме того, на судостроительном заводе «Хунци» в Даляне был построен и сдан в эксплуатацию танкер «Дацин-61» водоизмещением 24 тыс. т. По материалам печати, на танкере установлен насос новой конструкции, отличающийся малыми размерами и большой производительностью. КНР продолжала импортировать суда и судовые двигатели, ввозились сухогрузы, танкеры, земснаряды, суда для подводного бурения и другие плавсредства из Японии, Югославии, ФРГ, ГДР, Румынии, Голландии и других стран.

По данным «Регистра Ллойда», в середине 1974 г. общий тоннаж морского торгового флота Китая насчитывал 1,87 млн. рег. т, или на 26% больше, чем в 1973 г.

Как и в предыдущие годы, никаких официальных данных о работе водного транспорта не публиковалось, отдельные сообщения касались деятельности некоторых портов в первом полугодии или за год. В частности, говорилось, что порт Циньхуандао годовой план погрузочно-разгрузочных работ выполнил досрочно к 18 ноября, а грузооборот порта увеличился на 44% по сравнению с 1973 г., время нахождения судна в порте сократилось на 8%[53]. Объем разгрузки и погрузки угля возрос на 45% по сравнению с предыдущим годом. В первом полугодии грузооборот порта Далянь увеличился на 20,8%, тяньцзиньского порта — на 3,8%, а объем погрузочно-разгрузочных работ, выполненных предприятиями Шанхайского портового управления,— на 3,9% по сравнению

---

[52] «Жэньминь жибао», 13.IX.1974.
[53] «Жэньминь жибао», 4.XII.1974.

с аналогичным периодом 1973 г. Анализ показателей работы отдельных портов в первом полугодии позволяет предположить, что темпы роста каботажных и внутренних водных перевозок грузов в этом году были несколько ниже, чем в 1973 г. По оценочным данным, в 1974 г. каботажным и речным флотом было перевезено около 105 млн. т грузов и выполнен грузооборот около 85 млрд. ткм, или примерно соответственно на 4 и 2% больше, чем в 1973 г.

В течение года расширялись морские международные связи, с рядом стран были заключены соглашения по перевозкам. Так, в мае было подписано соглашение о морском судоходстве с Норвегией, согласно которому обе страны взаимно предоставляли режим наибольшего благоприятствования в отношении пошлин, погрузки и разгрузки судов, а также заходов судов в порты. Последний пункт имел для Норвегии особое значение, так как все крупные порты КНР перегружены и время ожидания судами разрешения на вход в гавань достигало двух месяцев. КНР подписала соглашения, регулирующие вопросы судоходства: в июне — с НРБ, в октябре — декабре — с Данией, Японией и Швецией.

Китайско-японское соглашение о судоходстве предусматривало проведение периодических межправительственных консультаций, гарантированный перевод доходов судовладельческих компаний, сотрудничество в спасательных операциях на море, предоставление режима наибольшего благоприятствования судам при заходе в порты той и другой стороны и при высадке на берег членов экипажей. Соглашение, заключенное сроком на три года, автоматически продлевается на тот же период, если одна из сторон не уведомит об отказе за шесть месяцев до истечения срока его действия. Кроме того, Китай и Япония договорились о создании частного консультативного органа, который будет решать вопросы о тарифах и доле обеих стран в перевозках грузов. До того времени морские перевозки между двумя странами осуществлялись на основе неофициального соглашения между Ассоциацией содействия развитию внешней торговли (Япония) и Китайским комитетом содействия развитию международной торговли.

Открылось прямое морское сообщение между портами Китая и Гавром. До сих пор грузы доставлялись в порт Роттердам, а оттуда по железной дороге в указанный район Франции.

Продолжало свою деятельность китайско-польское акционерное судоходное общество; в частности, в мае и октябре состоялись 24-я сессия правления и 12-я сессия собрания акционеров общества.

С целью увеличения валютных поступлений с 1 июля в

КНР введено взимание налогов с иностранных судов, вывозящих из китайских портов экспортные товары или пассажиров. Все суда зарубежных стран, осуществляющие вышеназванные операции, обязаны платить промышленно-торговый единый налог (при ставке 2,5%) и подоходный налог (при ставке 0,5%) — всего в размере 3% к валовому транспортному доходу от каждого рейса. Кроме того, взимается и местная надбавка к налогу в размере 1% к общей налоговой сумме. Снижение налога с транспортного дохода иностранного судна или полное освобождение от него производится на основании соответствующих параграфов в соглашениях по морским перевозкам и других соглашениях, заключенных с Китаем.

Автомобильный транспорт. В развитии автомобильного транспорта решались две задачи: строились и реконструировались шоссейные дороги и увеличивался автомобильный парк с одновременным улучшением его структуры.

По сообщениям китайской печати, в 1974 г. девять важных магистралей были открыты для движения автотранспорта. Помимо этого местными силами на собственные средства было построено более 10 тыс. км уездных и сельских дорог. Во всех провинциях и автономных районах строились шоссейные дороги с гудронным покрытием. По оценочным данным, в рассматриваемом году общая протяженность дорог в стране составляла около 726 тыс. км.

В течение года в китайской печати периодически публиковались материалы о строительстве шоссейных дорог в отдельных провинциях и автономных районах за время существования КНР и данные о протяженности сети в них на 1974 г. Так, в пров. Хэнань общая длина шоссейных дорог превысила 20 тыс. км, более 90% дорог с гудронным покрытием; в Сычуани — 55 тыс. км; в Шэньси — 25 тыс. км, из которых более 3 тыс. км с гудронным покрытием; в Нинся-Хуэйском и Тибетском автономных районах — соответственно 4 и 15,8 тыс. км; в пров. Ганьсу к концу 1973 г. имелось более 30 тыс. км дорог.

Несмотря на успехи в развитии дорожной сети, по меньшей мере около 23% сельских «коммун» все еще не связаны с местными центрами шоссейными дорогами.

Наряду со строительством новых дорог велись работы по технической реконструкции существующей сети, особое внимание при этом уделялось покрытию дорог гудроном или асфальтом. По данным печати, в рассматриваемом году гудронное покрытие было уложено на 13 тыс. км шоссейных дорог. К концу года общая длина гудронно-асфальтовых дорог увеличилась более чем в 10 раз по сравнению с 1965 г. Наиболее значительные работы по реконструкции дорог ве-

лись в провинциях Хэбэй, Хэнань, Хунань, Сычуань, Юньнань, Ганьсу, Шэньси и др.

Неотъемлемую часть реконструктивных работ составляло строительство мостов. В частности, в марте был сдан в эксплуатацию Гокэнский автодорожный мост через р. Цзюлунцзян в ее среднем течении (пров. Фуцзянь) длиной 468 м и шириной 11 м. В апреле этого года открылось движение по Яньцзянскому шоссейному мосту через р. Бэйпаньцзян в ее нижнем течении (пров. Гуйчжоу), длина моста — 200 м, по нему возможно движение автотранспорта в два ряда. В декабре было завершено строительство шоссейного моста через р. Цзыцзян в г. Иян (пров. Хунань) длиной 618 м, с шириной проезжей части 9 м.

Как и в предыдущие годы, Китай продолжал импортировать большие партии грузовых автомобилей, автокранов из ряда стран, преимущественно из Японии, Франции, Румынии. По оценочным данным, в 1974 г. перевозки грузов автомобильным транспортом составили 314 млн. т, а грузооборот — 25 млрд. т/км, т. е. увеличились соответственно на 3 и 9% по сравнению с 1973 г. Следует отметить, что темпы роста производительности транспорта были ниже, чем в минувшем году. Несмотря на развитие автомобильных перевозок, в стране все еще широко использовались местные транспортные средства и мускульная сила людей. Одним из примеров этого служит провинция Шаньдун, где, по сообщению агентства Синьхуа, в большинстве уездов и городов механизированным транспортом выполнялось только 50—60% перевозочных работ.

Воздушный транспорт. Мероприятия, проведенные в предыдущие годы (закупка самолетов, подготовка кадров, расширение и строительство аэродромов и аэропортов, установление договорных отношений с рядом стран в области воздушного сообщения и т. д.), позволили Китаю расширить сеть внутренних авиационных линий и географию международных воздушных связей. В течение года Главное управление гражданской авиации Китая (ГУГАК) открыло ряд новых международных авиалиний.

30 января началось прямое двустороннее воздушное сообщение между Пекином и Москвой. Оно явилось результатом подписания в июле 1973 г. советско-китайского протокола на основе соглашения о воздушном сообщении между двумя странами, заключенного в 1954 г. В сентябре было положено начало двусторонней регулярной воздушной связи между Пекином и Токио на основе китайско-японского соглашения о воздушном сообщении, заключенного в апреле 1974 г. По соглашению самолеты японской азиатранспортной компании «Джапан эйрлайнс» («Джал») и ГУГАК летают по маршру-

ту Пекин — Токио через Шанхай и Осаку. Обе компании договорились создать в столицах обеих стран свои агентства.

В соответствии с соглашением, Китай получил санкцию Японии на то, чтобы его самолеты курсировали через Токио в Канаду и США. Япония, в свою очередь, получила право направлять самолеты из Пекина в Карачи и различные пункты Европы.

В октябре и ноябре официально начали функционировать прямые международные линии ГУГАК по маршрутам: Пекин — Карачи — Париж и Пекин — Тегеран — Бухарест — Тирана. Кроме того, иранская компания «Иран Эйр» в ноябре начала осуществлять рейсы на линии Тегеран — Пекин — Токио. Это седьмая иностранная авиакомпания, которая проводит полеты в Пекин.

В 1974 г. Китай имел семь международных авиалиний, протяженность самой большой из них — свыше 12 тыс. км. Для открытия и соответствующего обеспечения деятельности международных линий в 1974 г., как и в предыдущие годы, были выполнены крупные работы по строительству и расширению аэродромов, аэропортов и ремонтных заводов. Большинство из семи действующих международных аэропортов, по сообщению китайской печати, могли принимать и отправлять крупные реактивные самолеты в сложных метеорологических условиях.

Китай имел соглашения о воздушном сообщении с более чем 30 странами и установил операционные связи со 100 иностранными авиакомпаниями; китайские рейсовые самолеты делали посадку на аэродромы 10 стран.

В стране насчитывалось свыше 80 внутренних трасс гражданской авиации, более 70 городов связаны с Пекином воздушными линиями. Согласно расписанию полетов самолетов ГУГАК кроме ежедневных рейсов, совершающихся на шести маршрутах, связывающих Пекин с Шанхаем, Гуанчжоу, Харбином и Гуанчжоу с Гуйлинем, Хайкоу, Чжаньцзяном, на большинстве линий осуществлялось по одному-трем рейсам в неделю.

Трубопроводный транспорт. В конце декабря 1974 г. сдан в эксплуатацию первый в стране магистральный нефтепровод большого диаметра длиной 1152 км, связавший Дацинские нефтепромыслы в Северо-Восточном Китае с портом Циньхуандао в Северном Китае. Согласно сообщениям печати, по всей трассе через каждые 60—70 км сооружены станции для поддержания давления в трубопроводе и подогрева нефти, проложены высоковольтные линии электропередач и линии связи, обслуживающие нефтепровод. Нефтепровод строился с начала 1970 г. в две очереди. В сентябре допол-

нительно был сдан в эксплуатацию вспомогательный нефтепровод между Дацинскими нефтепромыслами и Телином (пров. Ляонин).

ВОДОХОЗЯЙСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Строительство водохозяйственных объектов, как и ранее, осуществлялось в соответствии с общим для всей экономики КНР принципом «опоры на собственные силы» в двух различных по масштабам и экономическому значению направлениях, объединенных конечной целью — способствовать развитию или улучшению технологических процессов на конкретных предприятиях или в отдельных отраслях.

Первое направление — строительство мелких ирригационных или ирригационно-энергетических сооружений — проводилось полностью силами и средствами одной или нескольких «народных коммун», а в отдельных случаях уездов. Его целевое назначение — повысить водообеспеченность своих сельскохозяйственных угодий и поднять энерговооруженность местной промышленности, т. е. решить частные, локальные задачи развития экономики на ограниченной территории.

Второе направление — строительство крупных, в основном комплексных гидротехнических сооружений по предварительно разработанным проектам, создающих благоприятные возможности для экономического развития промышленности и сельского хозяйства в провинциях. Наиболее крупные объекты сооружаются с привлечением капитальных вложений заинтересованных министерств силами специализированных строительно-монтажных организаций. Однако и здесь принцип «опоры на собственные силы» находит широкое применение, поскольку обычно на самых трудоемких земляных работах используется труд «мобилизованного» населения. Данное направление водохозяйственного строительства имеет наибольшее значение для экономического развития Китая. В связи с этим ниже оно рассматривается на конкретных примерах технико-экономической характеристики отдельных, наиболее крупных и интересных объектов.

Среди введенных в действие крупных объектов водохозяйственного строительства особое внимание привлекает комплексный гидроузел Цинтунся в Нинся-Хуэйском автономном районе в верхнем течении р. Хуанхэ. По оценке, гидроузел характеризовался следующими технико-экономическими параметрами: емкость водохранилища — 300—350 млн. куб. м воды для выработки электроэнергии, а также водоснабжения промышленности орошаемого района и населения г. Иньчуань; объем бетонных работ — 530—560 тыс.

куб. м; суммарные затраты, включая стоимость оборудования,— 320—350 млн. юаней.

Гидроузел состоял из сооружений: бетонной плотины длиной 697 м и высотой 42 м с галереями для подвода воды из водохранилища к агрегатам гидроэлектростанции, здания станции, водозаборов для подачи воды в магистральные каналы протяженностью 113 и 70 км с насосными станциями, перекачивающими воду в сети орошаемого района, площадь которого не указывается, но должна быть близкой к 10 тыс. га. Установленная мощность гидроэлектростанции — 900 тыс. квт (шесть гидротурбин китайского производства по 150 тыс. квт каждая). Электроэнергию вырабатывали три агрегата. Нельзя не отметить, что ранее гидроузел Цинтунся планировался в виде водоподъемной плотины без электростанций. Ввиду того что резко возросшая потребность в электроэнергии в районе Ланьчжоу, по-видимому, не полностью удовлетворялась увеличенной (по сообщениям китайской печати) мощностью гидроэлектростанции Люцзяся с 0,9 до 1,2 млн. квт, появилась необходимость передачи ее и с гидроузла Цинтунся.

В бассейне р. Хуанхэ кроме Цинтунся был завершен большой комплекс гидротехнических работ в среднем течении, который в китайской печати называли «реконструкцией Саньмынься». Работы по расчистке водохранилища проводились свыше десяти лет, была построена новая ГЭС мощностью 200 тыс. квт, на которой вступил в строй первый агрегат в 50 тыс. квт. Первоначальная мощность гидроэлектростанции Саньмынься планировалась 1 млн. квт.

В бассейне р. Янцзы 17 лет спустя после начала работ на левобережном притоке р. Ханьшуй было закончено строительство всех сооружений комплексного гидроузла Даньцзянкоу. Вступление его в строй ликвидировало, правда с опозданием на 10—12 лет, угрозу затопления г. Ухани паводками на р. Ханьшуй, увеличило выработку электроэнергии, улучшило условия водообеспеченности в орошаемых районах междуречья Янцзы — Ханьшуй и удлинило протяженность судоходства до г. Байхэ в пров. Шэньси. Полный объем строительных работ превышал 10 млн. куб. м песка с камнем и 3 млн. куб. м бетона. Гидроузел включал следующие сооружения: бетонную плотину длиной 2500 м, гидроэлектростанцию с шестью гидротурбинами по 150 тыс. квт производства завода «Цзефан», водозаборы на водохранилище с насосными станциями для подачи в каждый из двух магистральных каналов до 600 куб. м воды в секунду и два судоподъемника грузоподъемностью 150 т.

Одновременно с Даньцзянкоу с 1969 г. на р. Душуй (приток р. Ханьшуй), в районе Хуанлунтань, велось строительство

второго комплексного гидроузла в бассейне р. Янцзы, не рассчитанного на борьбу с наводнением. Накапливаемая в водохранилище ежегодного регулирования вода расходовалась на энергетику, орошение, водоснабжение и судоходство. Гидроузел состоял из плотины длиной 371 м и высотой 107 м, гидроэлектростанции мощностью 150 тыс. квт и судоподъемника для судов с грузом до 30 т. Почти одновременный ввод в эксплуатацию двух гидроузлов свидетельствовал о настоятельной потребности в воде и электроэнергии в этом важном для экономики Китая промышленном и сельскохозяйственном районе.

Среди водохозяйственных объектов, имеющих значение для развития орошаемого земледелия и введенных в действие в 1974 г., китайская печать отмечала Циньшаньскую гидротурбинную насосную станцию с 35 агрегатами и системой каналов, акведуков и вспомогательных насосных станций для оросительной системы и населения на площади 20 тыс. га в бассейне р. Янцзы.

На р. Дунцзян, в пров. Гуандун, введен в действие гидроузел Фэншуба с гидроэлектростанцией в 75 тыс. квт. Накопление в образовавшемся водохранилище паводковых вод предотвращает заболачивание и затопление около 18 тыс. га пригодных под пашни земель после их осушения. Функционирование гидроузла обеспечило судоходство по реке судов грузоподъемностью до 100 т.

Насущным вопросом водохозяйственного строительства являются сооружения по очистке сточных вод в промышленности и коммунальном хозяйстве. По сообщениям китайской печати, в г. Тяньцзине в течение 20 лет проложили 1000 км канализационных труб, обеспечив тем самым прекращение сброса сточных вод в протекающие по территории города наземные водные источники. Отведение сточных вод за городскую черту, в сторону моря, в специальные водоотводящие каналы, осуществляется созданной системой перекачки общей протяженностью 150 км. В городе всего прорыто 11 отводных каналов. Для предупреждения обратного поступления загрязненной воды из моря во время приливов, а также для предотвращения заполнения загрязненными водами р. Хайхэ в ее устье сооружен специальный приливной шлюз. Водохозяйственное строительство по очистке р. Хайхэ от канализационных и сточных вод города нельзя отнести к числу современных сооружений, обеспечивающих сохранность окружающей среды, так как они лишь способствуют перемещению загрязненных вод с городской территории в прибрежную зону залива Бохай.

В целом следует отметить, что техническое решение крупных объектов водохозяйственного строительства в КНР за-

метно совершенствуется, что отчасти связано с принятием Китая в члены Международного комитета по плотиностроению (ИКОЛД).

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ

В 1974 г. положение во внутренней торговле КНР оставалось напряженным. Ощущалась нехватка многих товаров массового спроса, промышленного сырья и материалов, имели место перебои в транспортировке продукции, недостаточно четко функционировал административно-торговый аппарат, что усиливало спекуляцию в отдельных районах. Даже официальная китайская печать вынуждена была признать состояние внутренней торговли угрожающим, указав, что «коррупция, воровство, спекуляция и мошенничество» превратились в серьезную опасность [54].

Торговые организации снабжали прежде всего города, игнорируя интересы деревни, где вследствие этого постоянно ощущался острый дефицит товаров массового спроса. Этому способствовала и практикуемая до сих пор многоступенчатая система доставки товаров, намного увеличивавшая время их нахождения в пути.

Наиболее острой проблемой оставался дефицит многих товаров массового спроса, основных продуктов питания. По свидетельству зарубежной печати, в стране до сих пор сказывались последствия неурожая и резкого сокращения сельскохозяйственного производства в 1972 г. Официальная китайская печать замалчивала этот факт и даже сообщала об увеличении товарных запасов в 2 раза по сравнению с 1965 г., однако лишь сохранение нормированной продажи населению основных продуктов питания позволяло поддерживать товарную массу на минимально необходимом уровне.

По-прежнему самое узкое место в экономике страны — сельское хозяйство, являющееся основным поставщиком продуктов питания и сырья для промышленности. Поэтому не изменились и установки торговой политики — помощь торговых организаций сельскохозяйственному производству, которая должна выражаться в своевременном распределении средств производства для весеннего сева и вспашки, поставки химических удобрений и т. п. Так, «Жэньминь жибао» (25.III.1974) сообщала, что «снабжение сел необходимыми средствами производства за первые два месяца 1974 г. возросло на 5,8% по сравнению с соответствующим периодом 1973 г.».

---

[54] «Жэньминь жибао», 3.VII.1974.

Ввиду нехватки промышленного сырья и основных товаров массового спроса вновь усиленно подчеркивалась необходимость расширения подсобных промыслов, всегда служивших значительным подспорьем для промышленности и торговли, дававших дополнительные средства для развития экономики и значительное количество товаров на экспорт.

Однако развитие подсобных промыслов порождало множество проблем, и прежде всего сопротивление местных властей, не желавших брать на себя ответственность и лишние хлопоты. С ведением подсобных промыслов тесно связана и проблема свободного рынка, где происходит реализация продукции кустарной промышленности.

Сельские рынки в Китае представляли собой традиционную форму торговли, однако политика китайского руководства в отношении рынков неоднократно менялась. В конце концов китайское руководство вынуждено было разрешить их деятельность в некоторых местностях, но создавало самые различные препятствия для их нормального функционирования: строго ограничивался ассортимент товаров, разрешенных к продаже, их количество; сельские ярмарки и рынки строго контролировались органами государственной торговли.

Положение в сельской торговле с ее редкой сетью торговых точек, бедностью ассортимента, спекуляцией продолжало ухудшаться.

Реформа сельской торговли, начатая еще в годы «культурной революции», предусматривала передачу деревенской торговли «народным коммунам». Маоистское руководство пыталось торговлю в деревне перевести на рельсы «опоры на собственные силы», наладить ее силами «народных коммун» с использованием их собственных средств при максимальной экономии государственных ресурсов. При сельских «народных коммунах» были созданы специальные «комитеты бедняков и низших середняков по управлению торговлей», наделенные административными правами и личной ответственностью за ведение торговли. На территории «народной коммуны» образовывался снабженческо-сбытовой кооператив, а на территории большой производственной бригады — пункт службы снабжения и сбыта, самая мелкая первичная торговая точка, торговавшая необходимыми в быту товарами, мелкими орудиями производства. Был разработан специальный устав снабженческо-сбытового кооператива, включавший, например, такой пункт, как запрещение производить внеплановые закупки, продавать через кооперативы и пункты личные товары или торговать с «черного хода», что должно было бы закрыть каналы спекуляции.

Продавцы товаров набирались из числа бедняков и низ-

ших середняков и находились на полном обеспечении «народной коммуны». В конце 1974 г. насчитывалось 38 случаев передачи сельской торговли «коммунам». В 70-е годы созданы специальные комиссионные магазины по закупке и продаже, функционирующие под руководством «коммун», где жалованье продавцам выплачивает государство.

Ввиду участившихся случаев спекулятивных действий усилились партийный контроль над сельской торговлей, а также руководство со стороны государственных торговых органов. Судя по всему, этот контроль будет осуществляться в масштабах всей страны. Работа по реорганизации сельской торговли продолжается, КПК придает ей большое значение по целому ряду причин. Прежде всего реформа рассматривается как средство укрепления позиций бедняков и низших середняков в низовых сельских торговых организациях; передача торговли «народным коммунам» является попыткой решить проблему нехватки рабочих рук в сельской торговле, нанести удар спекуляции. И самое главное — реформа сельской торговли преследует цель экономии государственных средств.

Озабоченность китайских властей проблемами сельской торговли объяснялась тем, что все ее недостатки сразу же сказывались на обеспечении промышленности сырьем, на поставках продукции на экспорт и, наконец, на снабжении сельских жителей необходимыми промышленными товарами, а сельского хозяйства — средствами производства.

Интенсивнее всего снабжались товарами крупнейшие города страны, такие, как Пекин, Шанхай и др. По сообщению Синьхуа, с января по ноябрь 1974 г. объем розничного товарооборота в китайской столице возрос на 11% против соответствующего периода предыдущего года. Однако «Гуанмин жибао» в январе 1975 г. сообщила, что «многие крупные и средние города в основном слабо обеспечиваются овощами».

Темпы роста розничного товарооборота в стране были невысокими, а его увеличение происходило главным образом за счет реализации ненормированных товаров. По сообщениям министерства торговли Китая, вырос общий объем продажи товаров по сравнению с 1973 г., объем реализации нейлоновых, шелковых, шерстяных тканей и тканей из синтетического волокна, шелка и сукна, возросла продажа таких дорогостоящих товаров, как часы, велосипеды, швейные машины, радиоприемники. Объем продажи свинины, рыбных продуктов, табака и спиртных напитков увеличился на 7—48% по сравнению с 1973 г., хлопчатобумажных тканей, сукна, обуви — на 8—22, фотоаппаратов — на 70,9%. Есть основания полагать, что эти данные значительно завышены, и

тем не менее даже эти показатели недостаточны для того, чтобы говорить о заметном улучшении жизненного уровня китайского народа.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

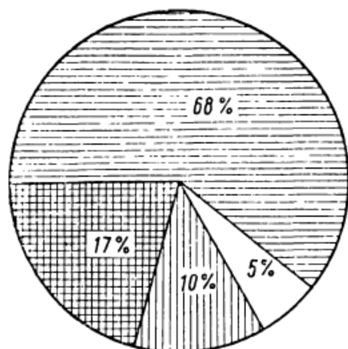
В 1974 г. внешнеэкономические связи Китая, в частности его внешняя торговля, продолжали расширяться. Как и в предыдущие годы, экономические отношения наиболее активно развивались с несоциалистическими странами, прежде всего с развитыми в промышленном отношении капиталистическими государствами.

По предварительной оценке, объем внешней торговли КНР возрос примерно на 40% по сравнению с предыдущим годом и достиг 9,6 млрд. руб., в том числе экспорт — около 4,7 млрд. руб., импорт — несколько более 4,9 млрд. руб. Отрицательное сальдо торгового баланса равнялось примерно 0,4 млрд. руб. Столь значительное увеличение товарооборота не объяснялось соответствующим ростом его физического объема и не являлось результатом нормального процесса расширения круга торговых партнеров, а было вызвано продолжавшимся беспрецедентным ростом цен на мировом рынке на подавляющее большинство товаров и девальвацией валют многих стран мира. Только за счет этих факторов стоимость товарооборота, например, в 1973 г. возросла на 18—20%. Такое положение сохранилось и в 1974 г.

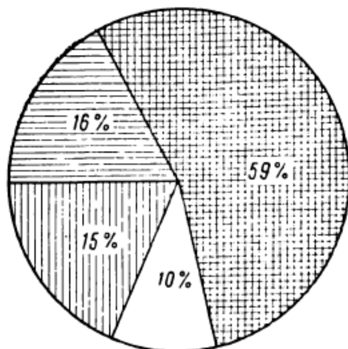
Несмотря на определенное абсолютное увеличение торговли КНР с социалистическими странами (примерно на 25%), их удельный вес в общем объеме внешнеторгового товарооборота Китая продолжал уменьшаться (до 16% против 18% в 1973 г.). Доля же несоциалистических стран соответственно возросла до 84%. Торговля с несоциалистическими странами увеличилась на 44%. Таким образом, в плане географического распределения внешняя торговля Китая все больше привязывалась к капиталистическому рынку со всеми вытекающими отрицательными последствиями (схема 4).

Заметные изменения произошли в структуре импорта, в частности из развитых капиталистических стран. Наряду с ввозом значительного количества проката черных металлов, зерновых и минеральных удобрений Китай приступил к крупным закупкам оборудования для комплектных предприятий, а также отдельных видов машин и оборудования. Так, в 1973—1974 гг. были заключены контракты на поставку комплектного оборудования более чем для 70 объектов на сумму около 1,3 млрд. руб., причем в основном на условиях среднесрочных кредитов. Кроме того, в 1973 — первом квартале

1959 г

1974 г

Социалистические страны

Развивающиеся страны

Развитые капиталистические страны

Сянган и Аомынь (Гонконг и Макао)

Схема 4. Распределение внешней торговли КНР по группам стран

1974 г. Китай приобрел в развитых капиталистических странах отдельные виды промышленных машин и оборудования на сумму не менее 340 млн. руб., в том числе энергетическое (более 265 млн. руб.), горнорудное (70 млн. руб.), упаковочное, медицинское и др. В связи с этим удельный вес машин и оборудования в 1973—1974 гг., по сугубо ориентировочным подсчетам, можно оценить примерно в размере 25% общего импорта КНР против 20% в 1972 г. и 43% в 1960 г.

В товарной структуре экспорта не наблюдалось каких-либо значительных изменений. Вывоз нефти, на долю которого пришлось примерно 8% в общем экспорте Китая, не оказал существенного влияния на структуру экспортной торговли.

Усиленные закупки машин и оборудования, новейшей технологии и военной техники в развитых капиталистических странах без достаточного обеспечения их товарными фондами и золотовалютными ресурсами вызвали напряжение во внешнеторговом балансе КНР. Поскольку обычные источники поступления иностранной валюты — торговля с Гонконгом, Макао и некоторыми развивающимися странами, с которыми КНР постоянно имела активное торговое сальдо, контрабандная торговля, валютные переводы китайских эмигрантов и пр.— уже недостаточны для оплаты быстро возрастающего импорта, Китай вопреки своему официально декларируемому курсу «опоры на собственные силы» стал при-

бегать к получению среднесрочных кредитов, накапливая тем самым внешние долги.

Кроме того, КНР, очевидно, возлагала большие надежды на расширение экспорта своей нефти. Активное включение Китая в мировую торговлю нефтью, по мнению зарубежных наблюдателей, объясняется рядом причин. Важнейшими из них являются: прежде всего, стремление получить еще один значительный источник иностранной валюты, необходимой для финансирования импорта машин и оборудования, а также определенных сырьевых товаров; во-вторых, желание заручиться расположением некоторых стран Азии, которые испытывают в последнее время трудности в обеспечении своих потребностей в нефти; в-третьих, надежда проникнуть на японский рынок.

Экономические отношения с социалистическими странами. По предварительным данным, торговля Китая с социалистическими странами возросла до 1,55 млрд. руб. по сравнению с 1,24 млрд. руб. в предыдущем году. В 1973 г. были подписаны протоколы или соглашения о товарообороте и платежах на 1974 г. с ДРВ (19 октября), Румынией (23 ноября) и ЧССР (17 декабря). С остальными странами аналогичные документы были подписаны в первой половине 1974 г.

Китай несколько увеличил поставки в социалистические страны цветных металлов, тунгового масла, щетины, хлопчатобумажных тканей, одновременно повысив цены на большинство из этих товаров; были сокращены поставки шелковых и шерстяных тканей, мяса.

В целом основными статьями экспорта КНР в социалистические страны являлись промышленные товары народного потребления, продовольствие и продовольственное сырье.

Основной статьей импорта Китая из социалистических стран продолжали оставаться машины и оборудование, поставки которых возросли. Прежде всего это относится к таким видам оборудования, как транспортное, горнодобывающее, энергетическое, металлургическое.

По сообщению агентства ТАНЮГ, товарооборот между Китаем и Югославией несколько превысил сумму 100 млн. руб. Югославия поставляла в КНР чугун, сталь, суда, судовые двигатели, а получала текстиль, сельскохозяйственные товары, в том числе рис и чай.

Хотя и в ограниченных масштабах, осуществлялось научно-техническое сотрудничество с рядом социалистических стран.

Были проведены сессии комиссий по научно-техническому сотрудничеству и подписаны соответствующие протоколы: с Болгарией — 21 сентября (на XII сессии), с Венгрией — 26 октября (на XIII сессии), с КНДР — 6 ноября (на XV сес-

сии), с Румынией — 22 декабря (на XVI сессии), с ЧССР — 22 сентября (на XVI сессии).

В октябре состоялась XII сессия собрания акционеров китайско-польской пароходной компании, в ноябре—декабре — XIV сессия китайско-корейского комитета по сотрудничеству в области судоходства на пограничных реках и XXVII сессия правления китайско-корейской Ялуцзянской гидроэлектроэнергетической компании.

Китай принимал участие в ряде международных ярмарок, проводившихся в социалистических странах, в частности в Пловдиве и Брно.

Несмотря на некоторое оживление экономических связей с социалистическими странами, вызванное объективной заинтересованностью Китая в таком сотрудничестве, пекинское руководство продолжало проводить антисоветскую и раскольническую политику и в области экономических связей.

Экономические отношения с развитыми капиталистическими странами. 1974 год отмечен дальнейшей активизацией коммерческих, кредитных и других видов экономических отношений КНР с развитыми капиталистическими странами. КНР расширила на рынках этих государств закупки зерновых, машин и оборудования (включая комплектное), продукции черной металлургии, удобрений, электронной техники, транспортных средств.

Развитые капиталистические страны, как и в предыдущие годы, являлись ведущими торговыми партнерами КНР, из которых первое место во взаимном товарообороте сохранила Япония[55] (2,4 млрд. руб.), второе — США (0,72 млрд.), третье — ФРГ (0,41 млрд.), четвертое — Канада (0,4 млрд.), пятое — Австралия (0,34 млрд.), шестое — Франция (0,25 млрд.), седьмое — Англия (0,24 млрд. руб.). Наиболее резко возрос товарообмен с Японией (на 0,91 млрд. руб.), Австралией (на 0,17 млрд. руб.), Канадой (на 0,14 млрд.), Данией (на 0,014 млрд. руб., т. е. почти в 2 раза), Голландией (на 0,067 млрд. руб.— почти в 2 раза), Испанией (на 0,021 млрд. руб., более чем в 2,5 раза). Незначительно сократилась торговля с Англией (на 4,54 млн. руб.), Бельгией и Люксембургом (на 8,3 млн. руб.), Австрией (на 6,1 млн.).

Существенный прирост стоимости торговли с указанной группой стран произошел за счет значительного расширения китайских закупок в Японии (на 0,6 млрд. руб.), США (почти на 0,15 млрд.), Канаде (почти на 0,15 млрд.), Австралии (на 0,15 млрд. руб.) и в ряде других стран. Непосредственным результатом роста импорта КНР из развитых капита-

---

[55] Здесь и далее данные за 1974 г. являются ориентировочной оценкой, основанной на разрозненных сообщениях иностранной печати.

листических государств стало огромное пассивное сальдо взаимной торговли, составившее, по предварительным оценкам, 1,6 млрд. руб. (в 1973 г.— около 0,8 млрд. руб.).

Значительный дефицит общего торгового баланса КНР, оцениваемый в 0,4 млрд. руб. (в предыдущие годы, за исключением 1970 г., внешнеторговый баланс был положительным), обострил проблему платежеспособности страны и, по всей видимости, вынудил китайское руководство пойти на расширение масштабов получения кредитов у развитых капиталистических стран. Предоставляемые развитыми капиталистическими государствами кредиты используются КНР для закупок зерновых, комплектного оборудования; кроме того, делаются попытки закупок в кредит стали и химических удобрений.

Практика получения кредитов у развитых капиталистических стран, называемая китайской стороной «отсрочкой платежей», начала осуществляться с конца 1972 г., когда Япония и ряд стран Запада приступили к кредитованию экспорта своих товаров в КНР. В 1973 г. Китай закупил в счет кредитов западных поставщиков капитальное оборудование на сумму, превышающую 0,8 млрд. руб., а в 1974 г. (за первые семь месяцев) взял на себя обязательства осуществить закупки в счет кредитов примерно на 0,4 млрд. руб.

В число заводов, которые КНР уже закупила по системе «отсроченных платежей», вошли: 15 заводов, поставляемых Японией, 11 — США, 17 — Францией, большой металлургический комплекс, совместно поставляемый Японией и ФРГ, горное оборудование — Англией. В большинстве случаев поставки осуществляются на условиях выплат в течение пяти лет из 6% годовых. Японские предприниматели, осуществляющие указанные поставки, будут получать деньги по счетам от Экспортно-импортного банка Японии, расходы которого на эти выплаты будут в должное время погашаться китайской стороной. О порядке расчетов с предпринимателями других стран сообщений пока не поступало.

Судя по данным зарубежной печати, кредитование поставок в КНР из развитых капиталистических стран ведется пока на частной основе фирмами-экспортерами. Как стало известно из заявления президента Экспортно-импортного банка Японии, у этой финансовой организации нет планов предоставления прямых займов Китаю, поскольку, по его мнению, КНР не заинтересована в получении прямых кредитов. Практикой кредитования японского экспорта в КНР в настоящее время является система подачи заявок японскими поставщиками на выдачу им кредитов для финансирования экспорта их продукции в Китай.

Система «отсрочки платежей», применяемая в последнее

время КНР во внешнеторговых операциях с развитыми капиталистическими странами, в ходе ее реализации включает условие, имеющее мало общего с практикой обычного финансирования внешнеторговых операций странами-поставщиками. Речь идет об обращении китайских внешнеторговых организаций к экспортерам в развитых капиталистических странах о предоставлении моратория на платежи или отсрочки поставок по заключенным контрактам. Такие просьбы имели место, например, в ноябре и декабре. В первом случае КНР обратилась к японским предпринимателям с просьбой отложить поставки удобрений (60 тыс. т сульфата аммония и 150 тыс. т мочевины). В декабре китайские внешнеторговые организации провели переговоры с представителями японской металлургической промышленности о 150-дневном моратории на платежи за поставку примерно 200 тыс. т стали. Отмеченные факты, по всей видимости, свидетельствовали об определенных трудностях, испытываемых КНР в связи с недостатком свободно конвертируемой валюты, а также об ограниченности экспортных ресурсов товаров, которые могли бы пойти на покрытие задолженности, в частности японским фирмам.

Пытаясь преодолеть валютные затруднения, отделения Банка Китая стали следовать банковской практике стран Запада по принятию вкладов от других банков, что, в сущности, являлось скрытым получением займов. В последние месяцы Банк Китая и его отделения (их насчитывается три: в Гонконге, Сингапуре и Лондоне) принимали вклады на более длительные сроки, чем это делалось прежде.

Экспорт КНР в развитые капиталистические страны не претерпел серьезных изменений по своей структуре. Однако заметно увеличились количественные показатели некоторых его позиций. В первую очередь это относилось к вывозу нефти, который превысил 4 млн. т против 1 млн. т в 1973 г.

В истекшем году наблюдались значительные трудности со сбытом на мировом рынке таких китайских товаров, как шелк, текстиль, продукция кустарных промыслов, что явилось результатом экономического спада в развитых капиталистических странах.

Импорт Китая из развитых капиталистических стран характеризовался отмечавшимся выше ростом закупок машин и оборудования (в том числе и комплектного), сокращением ввоза зерновых (с 7,5 млн. т в 1973 г. до 6,6 млн. т), а также увеличением закупок химических удобрений, средств транспорта и других важных для экономики страны товаров.

Значительные сдвиги произошли в торговле с Японией. По предварительным оценочным данным, японский экспорт в КНР машин возрос по стоимости более чем в 2 раза, в том

числе сельскохозяйственных машин — почти на 50%, горнорудных — примерно в 15 раз, металлообрабатывающих машин — почти в 2 раза, электрооборудования — более чем в 3 раза, автомобилей — почти в 3 раза, судов — в 3 раза, научных и оптических приборов — примерно в 2 раза. Однако сократились закупки Японией некоторых китайских товаров. Так, импорт Японией китайского текстиля сократился примерно на 25%, резко уменьшился импорт шелка-сырца, на долю которого приходилось лишь около 9% общего импорта Японии из КНР против 25% в 1973 г.

Сокращение закупок Японией указанных и некоторых других китайских товаров было предметом обсуждения представителей китайских внешнеторговых организаций и президента Экспортно-импортного банка Японии во время его пребывания в КНР в конце 1974 г. При этом были также затронуты вопросы, связанные с перспективой японского экспорта в КНР промышленного оборудования, физический объем которого в последнее время сокращается в результате повышения цен на сырье.

Обращает на себя внимание резкое возрастание поставок китайской нефти в Японию, объем которых составил 4 млн. т на сумму 265 млн. руб. У китайской стороны, очевидно, есть планы дальнейшего расширения продажи нефти Японии. В частности, в 1975 г. в качестве возможного объема поставок называлась цифра 8—10 млн. т. Однако реализации этого плана, по мнению японской стороны, может помешать высокая цена на китайскую нефть (14,5 долл. за 1 баррель против цены на индонезийскую нефть такого же качества по 13,5 долл. за 1 баррель).

Японцы крайне заинтересованы в закупках китайской нефти на основе долгосрочного соглашения. Последнее позволило бы Японии ограничить круг возможных поставщиков и ориентировать удовлетворение известной части своих потребностей за счет китайского рынка. Однако, по мнению президента Экспортно-импортного банка Японии, маловероятно, чтобы КНР согласилась на заключение долгосрочного контракта на поставку нефти.

В первом полугодии КНР поставила Японии 167,6 тыс. т угля, что незначительно превысило уровень поставок за соответствующий период 1973 г. С января по ноябрь КНР импортировала из Японии 2,7 млн. т стального проката, годовой импорт которого составил, по оценке, 3 млн. т. Сообщалось о заказе КНР в Японии крупной партии (1500 шт.) восьмитонных грузовиков.

Улучшению и развитию экономических отношений между указанными странами, вероятно, послужит заключенное 12 ноября соглашение о судоходстве. Оно предусматривало

проведение межправительственных консультаций, гарантию на перевод доходов судовладельческих компаний, сотрудничество в спасательных операциях при несчастных случаях на море, предоставление режима наибольшего благоприятствования судам при заходе в порты и при высадке на берег членов экипажа, подтверждение права на транспортировку грузов и одобрение свидетельств о национальной принадлежности судов. Соглашение между Китайской Народной Республикой и Японией заключено на три года с последуюшим автоматическим продлением.

В этом же направлении будет действовать и достигнутая в декабре договоренность между «Токийской компанией страхования ущерба при несчастных случаях на море и пожарах» и «Народной страховой компанией Китая» о том, что они будут представлять интересы друг друга при удовлетворении претензий в связи с убытками при несчастных случаях на воздушном транспорте. В силу этой договоренности предусматривались оценка и уведомление об убытках в связи с несчастными случаями, подлежащих возмещению по страховым полисам. Соглашение заключено через шесть месяцев после открытия регулярного воздушного сообщения между странами (29 сентября 1974 г.) в рамках двустороннего соглашения о гражданском воздушном сообщении, подписанного в апреле. Указанные компании будут представлять интересы обеих сторон при урегулировании претензий по страхованию.

Продолжали расширяться торговые отношения с США, которые стали третьим (после Японии и Гонконга) торговым партнером КНР. Несмотря на рост товарооборота между странами (на 174 млн. руб. против уровня 1973 г.), взаимная торговля характеризовалась огромным дефицитом для КНР (643 млн. руб.) и в основе своей имела закупки в США сельскохозяйственной продукции (80% американского экспорта).

Главной причиной резкой несбалансированности торговли между странами являлся недостаток у Китая экспортных ресурсов и незаинтересованность США во многих традиционных товарах китайского экспорта. Кроме того, китайские товары облагались в Америке дискриминационными таможенными пошлинами. Так, с китайских изделий из текстиля взимались пошлины, на 10% превышающие пошлины на аналогичный товар, импортируемый США из других стран. Пошлины же на китайский шелк-сырец были на 80% выше обычных.

Основными товарами китайского экспорта в США были хлопчатобумажная пряжа и ткани, рыба и рыбопродукты, одежда, олово.

Импорт КНР из США включал хлопок, сою-бобы, кукурузу, пшеницу, авиационную технику, оборудование. В мае США закончили поставку десяти самолетов, закупленных КНР по контракту 1972 г.

Китай и США до сих пор не решили проблему замороженных активов и претензий американских граждан по убыткам, связанным с конфискацией их собственности в КНР. По мнению зарубежных наблюдателей, китайская сторона не будет рассматривать вопроса об активах США в КНР до тех пор, пока не получит права наиболее благоприятствуемой нации.

Расширились экономические отношения КНР с Европейским экономическим сообществом в целом, а также с отдельными странами, входящими в его состав. На «Общий рынок» приходилось около 15% всего товарооборота КНР в 1974 г. Отмечался рост торговли со всеми странами — членами ЕЭС, за исключением Англии. Сообщество как в политическом, так и в экономическом плане все более превращается в силу, на которую китайское руководство делает значительную ставку в реализации своего внешнеполитического курса и внешнеэкономической программы. Страны Сообщества укрепили свои позиции в качестве поставщиков в Китай продукции тяжелого машиностроения, включая комплектное оборудование черной металлургии, цветных металлов, различных сплавов, широко используемых в КНР в оборонной промышленности, химических удобрений.

В торговле с Канадой по-прежнему основной статьей импорта Китая оставались зерновые. В соответствии с заключенным между странами контрактом КНР, по предварительной оценке, импортировала свыше 3 млн. т пшеницы, из них 1 млн. т — по долгосрочному соглашению, подписанному 5 октября 1973 г., а остальное — по новому контракту в счет этого соглашения.

В 1974 г. КНР проявляла интерес и к закупкам канадских машин и оборудования. В январе были осуществлены поставки канадской фирмой «Юнайтэд Эркрафт оф Канада, Лтд» 16 моторов для самолетов на сумму 1,5 млн. руб. по контракту 1973 г. Новый контракт, заключенный между этой фирмой и китайской компанией по импорту и экспорту машин и оборудования, предусматривает поставки в 1975 г. 16 авиационных двигателей, в том числе 7 турбореактивных и 6 двигателей для вертолетов. Фирма «Нозерн Электрик К°» в мае продала Китаю электронное оборудование примерно на 113 тыс. руб.

В первом полугодии Канада поставила КНР 16 тыс. т никеля, являющегося важной статьей китайского импорта из этой страны.

По двум контрактам с канадским консорциумом по экспорту поташа «Канпотекс» КНР должна была импортировать 320 тыс. т поташа на сумму 13 млн. руб. По заявлению президента консорциума, Китай считается одним из основных рынков сбыта канадского поташа. Большой спрос на этот химикат вызван значительным ростом потребления в стране минеральных удобрений.

Активизировались торгово-экономические отношения Китая с Австралией, которая по-прежнему остается крупным поставщиком зерновых в КНР. Согласно торговому соглашению между этими странами Китай должен был ввезти 1,1 млн. т австралийской пшеницы. Кроме того, заключен контракт на поставку в течение трех лет 4 млн. т пшеницы. Австралия впервые взяла на себя обязательство в течение 1974—1976 гг. ежегодно поставлять КНР по 1 млн. т железной руды на сумму около 15 млн. руб. Китай впервые закупил 330 тыс. т сахара, который будет поставлен в течение трех-пяти лет.

Экономические отношения с развивающимися странами. В 1974 г. КНР уделяла значительное внимание расширению экономических отношений с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Для развития торговых отношений со странами «третьего мира» шире стала использоваться Гуанчжоуская ярмарка. Возросло число представителей деловых кругов развивающихся стран, посетивших весеннюю ярмарку. Китайская сторона, оказывая им поддержку, стремилась по возможности удовлетворить их требования, в результате чего объем сделок, заключенных с развивающимися странами, был больше, чем на любой из предыдущих ярмарок. На осенней ярмарке также присутствовало значительное число представителей деловых кругов развивающихся стран, особенно из Юго-Восточной Азии. Объем сделок, заключенных на этой ярмарке с развивающимися странами, составил более 110 млн. руб.

В предыдущий период КНР пыталась поставить на долгосрочную основу закупки в развивающихся странах ряда важных для нее минерально-сырьевых товаров и продажу им своей промышленной продукции, в первую очередь товаров народного потребления. Значительные усилия прилагались для установления торговых контактов с новыми контрагентами. Все это, а также продолжавшееся предоставление экономической помощи явилось основой увеличения объема товарооборота КНР с «третьим миром».

По предварительной оценке, объем торговли КНР с развивающимися странами в 1974 г. составил 1,4 млрд. руб. Баланс торговли был в пользу Китая. При импорте, несколько превышавшем 0,5 млрд. руб., КНР вывезла в эти страны

товаров на сумму 0,9 млрд. руб. (в 1973 г.— соответственно 0,4 млрд. и 0,7 млрд. руб.).

Структура торговли не претерпела существенных изменений. Китай импортировал в основном такие интересующие его товары, как хлопок, каучук, медь, фосфаты, сахар и некоторые другие, а экспортировал главным образом промышленные товары народного потребления и продовольственные товары. Китайские внешнеторговые организации по-прежнему принимали меры, направленные на увеличение экспорта машин и оборудования.

Географическое распределение торговли с развивающимися странами практически не изменилось. Основными торговыми партнерами КНР среди развивающихся стран, как и прежде, выступали страны Азии (57%), особенно Южной и Юго-Восточной Азии (34%).

В апреле 1974 г. были установлены дипломатические отношения с Малайзией. По всей вероятности, это приведет к дальнейшему росту китайско-малайзийской торговли, объем которой в 1973 г. превысил 140 млн. руб. В результате переговоров генерального консула Филиппин в Гонконге с торговыми представителями КНР была достигнута договоренность о прямой торговле между странами. В июле во время визита в Китай экономической делегации Филиппин велись переговоры о возможности поставок в эту страну китайской нефти. 23 сентября состоялся обмен документами, по которым Китай обязался поставить на Филиппины (начиная с 1975 г.) значительное количество сырой нефти. Филиппинская печать отмечала это событие как важный шаг в деле дальнейшего развития экономических связей между странами.

Расширялись торговые контакты КНР с Таиландом. Таиланд должен был поставить 100 тыс. т кенафа против 84 тыс. т в 1973 г. Однако сохранение правительством Таиланда ограничений на торговлю с КНР вызвало определенное недовольство китайской стороны. Это, в частности, проявилось в том, что Китай отложил закупку 100 тыс. т сахара и, по всей видимости, отказался продать вторую партию дизельного топлива (75 тыс. т).

КНР продолжала уделять значительное внимание экономическому проникновению в Индонезию. Используя реэкспорт через Гонконг, КНР в последнее время резко увеличила вывоз в Индонезию тканей и текстильного оборудования.

Крупнейшим торговым партнером КНР в Южной Азии продолжала оставаться Шри Ланка. Структура торговли с этой страной не изменилась. Основная статья китайского импорта — каучук, в обмен на который КНР поставляла рис.

Развивались торговые отношения с Пакистаном. Основные

статьи китайского импорта — хлопок, хлопчатобумажная пряжа, ряд товаров широкого потребления.

Новым трехгодичным соглашением между КНР и Непалом о торговле и платежах от 31 мая 1974 г. предусматривалось предоставление Китаем технического кредита на сумму около 700 тыс. долл., при превышении которого Непал обязан будет погасить задолженность валютой или поставками товаров. В 1974 г. Китай должен был экспортировать в Непал ткани, газетную бумагу, а также цемент и стальной прокат на общую сумму около 2,1 млн. руб. в обмен на джут, сахар и лес.

КНР продолжала развивать торговые отношения со странами Среднего и Ближнего Востока. 24 апреля были подписаны новое соглашение о торговле и платежах и протокол о товарообороте на 1974 г. с Афганистаном. КНР будет поставлять стройматериалы, ткани, металлорежущие станки, чай, а импортировать — хлопок и некоторые другие товары традиционного афганского экспорта.

30 сентября в Тегеране подписано торговое соглашение между КНР и Ираном, в соответствии с которым объем торговли между странами увеличится на 30%. Иран будет импортировать бумагу, сталь, химическую и нефтехимическую продукцию, красители, мясо, фарфоровые изделия, а также некоторое машинное оборудование. В Китай будут ввозиться автобусы, алюминий, сельскохозяйственное оборудование, хлопок и некоторые другие товары.

На долю торговли КНР со странами Африки приходилось 26% товарооборота Китая с развивающимися странами. Китаю удалось добиться увеличения закупок меди у Замбии до 24 тыс. т на сумму около 40 млн. руб., что примерно вдвое больше уровня 1973 г. В марте торговая делегация Замбии заключила сделки на закупку китайских товаров на сумму около 10 млн. руб.

Торговля Китая с Суданом по протоколу на 1974 г. должна была возрасти на 20% и составить около 55 млн. руб.

19 января было подписано первое китайско-малагасийское торговое соглашение сроком на один год с автоматическим продлением. Соглашение предусматривало предоставление взаимного статуса наиболее благоприятствуемой нации. Платежи будут производиться в конвертируемой валюте. Основной статьей китайского экспорта на Мадагаскар является рис.

Продолжали активизироваться торговые отношения КНР со странами Латинской Америки (17% объема торговли Китая с развивающимися странами).

В апреле в Мехико состоялась сессия смешанной китайско-мексиканской торговой комиссии. С 14 по 25 сентября в

Пекине была открыта экономическая и торговая выставка Мексики, организованная в соответствии с программой развития отношений между КНР и Мексикой, разработанной в результате поездки в КНР президента Мексики Луиса Эчеверрия.

За январь — август экспорт мексиканских товаров в Китай возрос на 52,2% по сравнению с этим же периодом 1973 г.

По трехгодичному соглашению об импорте Китаем зерновых из Аргентины через государственные организации было закуплено 700 тыс. т кукурузы и 150 тыс. т пшеницы, кроме того, около 100 тыс. т пшеницы — у частных компаний.

КНР поддерживала торговые отношения с Чили. Эта страна поставляла КНР медь, селитру, твердый парафин и некоторые другие товары в обмен на соевые бобы, продовольствие и др.

15 августа были установлены дипломатические отношения КНР с Бразилией. В тот же день объявлено о создании совместной китайско-бразильской экономической комиссии, на которую возлагалось рассмотрение вопросов торговли, связи, транспортного сообщения между двумя странами. Китай намеревался значительно увеличить закупки бразильского сахара (с 367 тыс. т в 1973 г. до 500 тыс. т в 1974 г.). Кроме того, предполагалось импортировать из Бразилии соевые бобы и пшеницу в обмен на уголь, химикаты и нефть.

Бразилия предложила совместное строительство в Китае металлургических заводов, Банк Бразилии начал переговоры об открытии своего филиала в Пекине.

КНР продолжала предоставлять экономическую помощь отдельным развивающимся странам, которая активно используется для экономического и политического проникновения в страны, принимающие эту помощь.

12 июля Шри Ланка и Китай подписали протокол, в соответствии с которым КНР обязалась предоставить 100 млн. рупий (около 17 млн. долл.) для выполнения программы защиты от наводнений в бассейне р. Гин-Ганга (южная часть Шри Ланка). Этот кредит был предусмотрен соглашением 1972 г. об экономическом и техническом сотрудничестве.

Значительное внимание уделялось экономической помощи странам Африки. 29 марта было заключено соглашение о финансовой и технической помощи Китая Танзании в развитии южных районов, прилегающих к железной дороге Танзам. В соответствии с соглашением Китай предоставит Танзании на пять лет беспроцентный кредит в 150 млн. юаней (около 75 млн. долл.) с 1 июля 1974 по 30 июня 1979 г. с десятилетним сроком погашения, начиная с 1 июля 1984 г.

Соглашение от 12 января предусматривает кредит Респуб-

лике Конго на сумму 2250 млн. афр. фр. (около 10 млн. долл.).

Достигнута договоренность об экономической помощи КНР Малагасийской Республике. Сумма, условия и сроки китайского кредита будут дополнительно согласованы странами.

15 февраля подписано соглашение о предоставлении товарного кредита Гвинее.

В феврале КНР предоставила беспроцентный кредит Замбии на сумму около 60 млн. долл. Кредит будет использован для финансирования строительства шоссейной дороги, а также проектов в области сельского хозяйства и промышленности.

В это же время было подписано соглашение о проведении консультаций по тем проектам, на реализацию которых КНР предоставит Ямайке беспроцентные кредиты.

Экономические связи с Гонконгом и Макао. Значительное место в системе внешнеэкономических связей КНР занимали Гонконг и Макао, товарооборот с которыми составил 0,97 млрд. руб., в том числе китайский экспорт — 0,93 млрд. руб. Китайские поставки на эти территории, продолжая оставаться традиционными, включали продукты питания (рис, мясо, птица, яйцепродукты, питьевая вода и т. д.), а также некоторое количество нефтепродуктов. Активное сальдо в торговле с указанными территориями, как и в прошлые годы, являлось важным источником покрытия дефицита в торговле Китая с развитыми в промышленном отношении капиталистическими странами. Гонконг и Макао по-прежнему служат каналами поступления иностранной валюты, получаемой от доходов предприятий КНР, находящихся на этих территориях (банков, магазинов и т. д.), а также от денежных переводов китайских эмигрантов, проживающих в третьих странах.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

В 1974 г. официальная политика китайского руководства в области доходов трудящихся и форм распределения основных жизненных средств не претерпела существенных изменений. Правительство КНР продолжало политику «рационально низкой заработной платы» рабочих и служащих и ее замораживания; в материальном обеспечении оно усиливало контроль за распределением и расходованием потребительских благ.

Доходы трудящихся. По официальным сообщениям, в 1974 г. средняя заработная плата рабочих и служащих в КНР, оставаясь на уровне 1972—1973 гг., составляла при-

мерно 650 юаней в год, или 50—60 юаней в месяц [56]. Однако при определении этого среднего уровня не принята во внимание более низкая (примерно 30—40 юаней в месяц) заработная плата большого числа рабочих и служащих, вовлеченных в местную промышленность после 1968 г.; с учетом этой категории средняя заработная плата рабочих и служащих не превышала 500—550 юаней в год [57].

Величина заработной платы в КНР зависела от уровня квалификации (тарифного разряда), отрасли производства, характера подчинения предприятия (государственные, провинциальные, уездные), территориального расположения. По сообщениям зарубежных наблюдателей, в отраслях первой категории (металлургическая, угольная, машиностроительная промышленность центрального подчинения) месячный заработок штатных рабочих находился в пределах 39—107 юаней, второй категории (энергетическая, нефтяная промышленность) — 37—97 юаней, третьей категории (текстильная, бумажная промышленность) — 34—83 юаня, четвертой категории (спичечная, сигаретная промышленность) — 30—77 юаней [58]. Месячный оклад инженерно-технических работников составлял 130—140 юаней, врачей — 85 юаней, заведующего отделением — 200—300 юаней. Самые высокие доходы получали высшие государственные чиновники (до 380 юаней — министры и 540—560 юаней — премьер Государственного совета и его заместители). У чиновников низших категорий месячная заработная плата равнялась 26 юаням (табл. 8) [59].

Труд крестьян оплачивался по количеству выработанных «трудовых единиц»: десять таких единиц составляли один трудодень. Поскольку стоимость трудодня зависела от уровня производства в бригадах, она могла колебаться от 20—30 фэней до 1 юаня. В экономически развитых хозяйствах общий доход работающего достигал 13—18 юаней в месяц. В «народных коммунах» рисоводческих районов доходы распределялись три раза в год — аванс в мае после сбора озимой пшеницы, аванс в августе после сбора раннего риса и окончательный расчет после сбора осеннего риса. В «народных коммунах» северных провинций они распределялись два раза в год — после сбора озимых культур и после завершения хозяйственного года.

Осуществление на практике в годы «культурной революции» лозунгов «действительного равенства» и «действитель-

---

[56] «China Reconstructs». Peking, 1974, № 4, с. 40.

[57] См.: «Проблемы изучения положения рабочего класса в Китае». М., 1972, с. 95.

[58] «China News Analysis». July 1974, № 966, с. 6.

[59] Там же.

ного социализма» затронуло главным образом доходы промышленно-производственного персонала предприятий центрального подчинения, где были ликвидированы премиальная система, некоторые надбавки (мелкие предприятия этими привилегиями почти не пользовались), рабочие-сдельщики были переведены на повременную оплату труда. «Культурная революция» почти не коснулась доходов государственных служащих, работников просвещения и здравоохранения.

Таблица 8

Дифференциация в оплате труда в КНР *,
юани в месяц

Категория трудящихся	Основной оклад	
	максимальный	минимальный
Государственные служащие	540—560	26
Промышленно - производственный персонал . .	210	30
Профессорско - преподавательский состав	345	50
Работники здравоохранения	300	22
Работники просвещения .	320	20

* Составлена по данным китайской и иностранной печати.

Размер дифференциации в оплате труда по стране, включая деревню, достигал 30 раз и более. Еще большие различия в получении доходов на душу населения вследствие неодинакового сочетания в семьях работников и иждивенцев, а также величины доходов. Высокие и сверхвысокие оклады в КНР (свыше 100 юаней в месяц) получало незначительное число высококвалифицированных специалистов, ученых и государственных служащих, занимавших высокие посты. В конце первой пятилетки на их долю приходилось менее 5% рабочих и служащих, в том числе менее 1% получали больше 150 юаней. По сравнению с предыдущим периодом доля этой категории работников не увеличилась.

Розничные цены на потребительские товары. По утверждению официальной китайской печати, цены на потребительские товары КНР оставались стабильными. Однако, как показывают факты, после 1952 г. цены неоднократно повышались на зерновые, батат, овощи, а также на все остальные товары народного потребления (мясо, растительное масло, хлопчатобумажные, шерстяные ткани, кожаную обувь и т. д.).

Только в течение первой пятилетки цены на мясо, яйца и растительное масло в городах возросли на 28,5%. Последнее повышение цен, охватившее большое число потребительских товаров и сферу услуг, отмечалось зарубежными наблюдателями в 1973 г. В 1974 г. цены на мясные продукты были выше, чем в 1957 г., на 10—28%, на арахисовое масло — на 66%. За последние годы снижались цены лишь на медикаменты (в 1969 г. на 37%).

Потребление. В 1974 г. на снабжении населения основными продовольственными и промышленными товарами (зерновые, батат, мясо, растительное масло, хлопчатобумажные ткани) все еще сказывались последствия неурожая 1972 г. С целью обеспечения необходимыми товарами городского населения, населения районов, производящих технические культуры и пострадавших от стихийных бедствий, а также пополнения централизованных запасов государственные власти, как и прежде, требовали увеличения заготовок зерна и других сельскохозяйственных культур в хозяйствах, вырастивших наиболее высокие урожаи.

Даже официальная печать приводила факты, показывающие, что отдельные хозяйства по налогу и закупкам сдавали государству до 33% [60] и даже 44% собранного зерна [61]. Для удовлетворения личных потребностей крестьян в этих хозяйствах оставался лишь минимум продовольствия (не более 250—265 кг необрушенного зерна и батата на одного человека). Однако, несмотря на проводимые меры, дефицит государства в товарном продовольствии продолжал возрастать. Чтобы смягчить трудности в снабжении населения городов, в 1973—1974 гг. КНР значительно увеличила импорт зерна. Если в 1971, 1972 гг. его было ввезено соответственно 4,8 и 7,9 млн. т в год, то в 1973 г.— 9,0 млн., в 1974 г.— 8,7 млн. т.

Одновременно с этим по всей стране усиленно проводилась кампания по «планированию», «экономии» продовольствия, созданию продовольственных резервов «при всех условиях» за счет личного потребления самих крестьян. Все запасы продовольствия были взяты под строгий контроль, за их сохранностью наблюдали специально созданные группы, для использования их необходимо было специальное постановление бригады и утверждение правлением «коммуны». Однако накопление запасов происходило очень медленно и было сопряжено с большими трудностями.

По количеству и качеству потребляемого продовольствия КНР продолжала оставаться среди наиболее отсталых в

---

[60] «Жэньминь жибао», 5.I.1975.
[61] «Some Basic Facts about China». Peking, 1974, с. 19.

экономическом отношении стран мира. Это, в частности, отчетливо можно видеть из материалов Всемирной продовольственной конференции, состоявшейся в Риме с 5 по 16 ноября 1974 г., характеризующих положение в начале 70-х годов (табл. 9).

Таблица 9

Потребление энергии и белков в среднем на одного человека в сутки *

Страна	Ккал	Белки, г
КНР . . .	2170	60
Болгария .	3290	100
Польша . .	3280	101
СССР . .	3280	101
ЧССР . .	3180	94
Югославия . .	3190	94
Англия .	3190	92
Румыния .	3140	90
США . .	3330	106
Япония .	2510	79
Египет .	2500	69
Индия . . .	2070	52
Пакистан .	2160	56

* «Оценка настоящего и будущего положения с продовольствием в мире».— ООН — Всемирная продовольственная конференция. Рим, 1974.

Это отставание проявлялось и в очень низком уровне потребления населением КНР продуктов животноводства. Если в экономически развитых странах на душу населения приходилось 150—400 кг молока и 40—116 кг мяса в год, то в КНР молоко и молочные продукты отсутствовали почти полностью, а потребление мяса составляло в среднем 2—4 кг.

Оплата услуг. Большинство услуг, которые в других социалистических странах предоставляются трудящимся из общественных фондов потребления, рабочие и служащие в КНР оплачивали из семейных денежных доходов. Обучение в школах являлось платным — 5 юаней за ученика младших и 10 юаней за ученика старших классов в год. Дошкольные детские учреждения также содержались главным образом за счет средств родителей. Только крупные предприятия из своей прибыли оплачивали некоторую часть расходов детских учреждений, находящихся в их ведомстве. Так, Чанчуньский автомобильный завод на содержание десяти детских яслей

(3700 детей) ежегодно выделял немногим более 100 тыс. юаней, или 2,25 юаня на ребенка в месяц, тогда как его содержание обходилось не менее 15—17 юаней в месяц.

Сравнительно небольшую долю в семейных бюджетах (3—5%) занимала квартплата у тех рабочих и служащих, которые проживали в перенаселенных (2—3 кв. м жилой площади на человека) и неблагоустроенных жилых помещениях. Пользование более или менее нормальными жилищными условиями требовало значительно бóльших затрат. Так, оплата двухкомнатной квартиры на пять человек достигала 13,5 юаня в месяц. Коммунальные услуги, которые в КНР очень дороги, оплачивались отдельно: 1 квт·ч электроэнергии — 16 фэней, 1 куб. м воды — 25 фэней и т. д.

В ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» официальная пропаганда, стремясь смягчить недовольство народа тяжелыми условиями жизни, пыталась представить дело таким образом, будто «большой скачок» и «культурная революция» оказали благотворное влияние на жизненный уровень трудящихся. Факты же говорят об обратном. Экономические спады, вызванные этими кампаниями, существенно замедлили развитие народного хозяйства и усугубили материальное положение населения.

Здравоохранение. Вследствие тяжелых материальных условий жизни народа и слабого развития здравоохранения в КНР до сих пор широко распространены такие опасные заболевания, как туберкулез, аскаридоз, малярия, трахома, кала-азар, шистозоматоз, венерические и др. Особенно часты они в сельских районах, где, по существу, до сих пор отсутствовала современная система медицинского обслуживания.

Основное внимание в организации здравоохранения на селе уделялось кооперативной системе медицинского обслуживания, введенной, по сведениям китайской печати, почти в 70% больших производственных бригад. Сущность этой системы состояла в том, что медицинское обслуживание осуществлялось за счет ежегодных денежных взносов трудящихся (0,5—3 юаня с человека) и отчислений производственных бригад.

Основу системы составляли 1,2 млн. «босоногих врачей» — молодые крестьяне, чаще всего получившие только начальное образование, и городская молодежь, направленная на постоянное жительство в деревню. Срок обучения «босоногого врача» на курсах — три—шесть месяцев. В их основные функции входило: надзор за санитарным состоянием населенных пунктов, колодцев, ям для удобрений и пр., пропаганда контроля за рождаемостью, выращивание и сбор лекарственных растений.

«Босоногие врачи» обязаны совмещать медицинское обслуживание населения с сельскохозяйственным трудом. На медпункте большой производственной бригады обычно трудились один-три «босоногих врача», на каждого из них в среднем приходилось 550—560 сельских жителей. Кроме «босоногих врачей» в деревнях Китая насчитывалось примерно 3 млн. «санитаров», имевших еще меньшие познания в медицине (срок обучения — десять дней); основным занятием и источником доходов для них был сельскохозяйственный труд.

С серьезным недугом крестьяне обращались на санитарную станцию при «народной коммуне», за которой закреплено 10—20 медицинских работников средней и низшей квалификации. Из-за нехватки врачей, медсестер, больничных коек попасть в уездную больницу сельским жителям почти невозможно.

Основное звено системы медицинского обслуживания в городах составляли медпункты при местных комитетах, квартальные амбулатории, медпункты на предприятиях и в учреждениях. По сообщению китайской прессы, в Пекине, например, функционировало 2 тыс. медицинских учреждений (преимущественно медпункты). Городское трудящееся население в основном обслуживалось медицинскими работниками низкой квалификации:

в медпунктах — «красными медработниками», т. е. домохозяйками или пенсионерами (срок обучения — десять дней— один месяц);

в амбулаториях — персоналом типа «босоногих врачей» (срок обучения — три-шесть месяцев);

в медпунктах предприятий — «рабочими докторами» (срок обучения — один-три месяца).

Больницы с квалифицированным медицинским персоналом и необходимым оборудованием доступны далеко не всем категориям городского населения.

За последние несколько лет в помощь сельским медработникам было направлено более 14 тыс. медицинских бригад Народно-освободительной армии. Кроме того, в сельские районы выезжали бригады городских медицинских работников на срок от шести месяцев до двух лет. По сообщениям печати, за последние два-три года в сельских районах обосновалось 300 тыс. городских медработников и выпускников медицинских вузов.

Подготовка квалифицированного медицинского персонала в 1974 г. осуществлялась на гораздо более низком уровне, чем в 50-х годах. В течение трех лет (во время «культурной революции») вузы, в том числе и медицинские, были закрыты. Теперь восстанавливаемые медицинские институты не

в состоянии решить проблему подготовки квалифицированных работников в условиях острой нехватки врачей. Сроки обучения в институтах сокращены с 6 до 3 лет, программа обучения — с 35 до 15 предметов. Каждый год 60% учебного времени студенты тратили на работу в медбригадах в деревне, 20% — на изучение политических дисциплин и, следовательно, только 20% — на изучение медицины. В медицинских училищах срок обучения учащихся сократился с 3 до 1 года (с 2400 до 1200 час.), количество предметов — с 24 до 12. После окончания учебы по единому государственному плану бóльшая часть выпускников направлялась в деревню. В 1974 г. там работало более 100 тыс. выпускников мединститутов.

Таким образом, большинство мероприятий, проводимых в области здравоохранения, направлено на повышение крайне низкого санитарного уровня труда и быта трудящихся КНР, на распространение элементарной гигиены среди населения. Но решение коренных проблем, стоящих перед китайским здравоохранением, возможно лишь на основе общего подъема народного благосостояния, организации современной системы здравоохранения.

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

В 1974 г. китайское руководство продолжало осуществление милитаризации экономики страны, что нашло свое выражение прежде всего в гонке вооружений. В соответствии с оценкой международного положения, согласно которой «разрядка — явление временное и поверхностное, а колоссальные потрясения будут продолжаться и дальше»[62], и призывами «готовиться на случай войны», «глубоко рыть траншеи», выдвинутыми на X съезде КПК, в 1974 г. в Китае не прекращалось интенсивное наращивание военного потенциала.

Наиболее важное значение в плане военно-экономических приготовлений китайское руководство придавало форсированному развитию современного военного производства, и прежде всего тех его отраслей, которые связаны с реализацией ракетно-ядерной программы.

17 июня 1974 г. Китай произвел очередное, 16-е по счету, испытание ядерного оружия. Взрыв термоядерной боеголовки мощностью до 1 мегатонны был осуществлен в атмосфере над испытательным полигоном в Лобноре (Синьцзян-Уйгурский автономный район). По сообщениям зарубежной печати, в последние годы в Китае построен второй газодиффузион-

[62] X Всекитайский съезд КПК, Пекин, 1973, с. 23.

ный завод по производству урана. С вводом его в эксплуатацию суммарные мощности по производству расщепляющихся материалов, согласно оценкам западных специалистов, увеличились до следующих уровней: урана-235—540 кг и плутония-239 — более 200 кг в год. В 1974 г. ядерный арсенал Китая имел в наличии около 250 единиц атомного и термоядерного оружия[63].

Параллельно с разработкой и накоплением ядерного оружия большое внимание уделялось созданию средств его доставки. Еще в 1966 г. в ходе очередного ядерного испытания впервые была использована ракета-носитель с дальностью полета свыше 400 миль. С целью отработки баллистической ракеты среднего радиуса действия (БРСД) в 1970 и 1971 гг. в КНР запущены два искусственных спутника Земли.

Как заявило агентство ЮНИ (Индия), в 1974 г. Китай имел на вооружении 25—30 ракет дальностью 2600 км и 40—60 ракет дальностью 1700 км, оснащенных ядерными боеголовками мощностью до 20 килотонн. По словам американских исследователей, китайцы продолжали работу по созданию межконтинентальной баллистической ракеты (МБР), которая могла бы доставить трехмегатонную боеголовку на расстояние 6000 миль. Иностранная печать сообщала также о строительстве новой ракетной базы в Тибете, которая предназначена прежде всего для испытаний МБР[64].

Наряду с разработкой ракетно-ядерных систем проводилось интенсивное накопление обычных видов вооружения. Имеющиеся мощности авиационной промышленности позволяли производить 400—600 реактивных самолетов в год.

В 1974 г. в Китае продолжалось усиление механизации вооруженных сил и переоснащение их новой техникой. В частности, ВВС Китая были поставлены новые бомбардировщики-истребители типа F-9, которые могли быть использованы как носители тактического ядерного оружия (радиус действия — около 2 тыс. км, скорость — сверхзвуковая).

В последние годы осуществлялось укрепление одного из наиболее слабых видов вооруженных сил КНР — военно-морского флота: ускоренными темпами шло наращивание сил подводного флота, а также строительство крупных кораблей-ракетоносцев. По данным 1974 г., ВМС Китая вместе с морской авиацией насчитывали 200 тыс. человек. Военно-морской флот был оснащен, в частности, 6 эскадренными миноносцами и 43 дизельными подводными лодками. Кроме того, велось строительство подводных лодок, вооруженных

---

[63] «Чжунго пинлунь», 1974, № 482, с. 11.
[64] «Aviation Magazine», 1974, № 633, с. 18.

БРСД. Общая численность кораблей китайских военно-морских сил, включая катера и мелкие сторожевые корабли, оценивалась в 1200—1500 единиц[65].

В последнее время в западной печати[66] (со ссылкой на специалистов ЦРУ) появился ряд сообщений о том, что военные ассигнования в Китае в 1970—1971 гг. достигли рекордного уровня, а в течение последующих трех лет, т. е. к началу 1975 г., они уменьшились на 25%. Эта оценка была сделана на основании факта резкого сокращения закупок Китаем самолетов и замедления реализации некоторых программ вооружения, в частности программы создания МБР. В предшествовавших прогнозах американские специалисты предсказывали создание китайских МБР в начале или в крайнем случае в середине 70-х годов, в настоящее время — в конце 70-х — середине 80-х годов.

Касаясь причин сокращения военных ассигнований в КНР, западная печать выдвигала несколько гипотез. Это сокращение объяснялось: во-первых, результатами «сентябрьского кризиса» 1971 г., который породил определенное недоверие к армии со стороны маоистского руководства; во-вторых, позицией китайских руководителей, которые будто бы пришли к выводу, что военные программы поглощают непомерно большую часть ресурсов, не укрепляя существенным образом обороноспособность страны, поскольку многие виды оружия, производимые Китаем, быстро устаревают; в-третьих, ставкой Пекина на «дешевую армию»; в-четвертых, уверенностью руководителей КНР, что Китай уже обладает достаточно мощными ядерными и ударными силами; и, наконец, в-пятых, по мнению американского сенатора Хэмфри, решением китайского руководства отныне «отдавать предпочтение развитию экономики перед наращиванием вооруженных сил»[67].

Даже если признать сам факт сокращения военных ассигнований в КНР в 1971—1974 гг., нельзя согласиться с объяснениями западных специалистов причин этого явления, особенно с тем, что подобное сокращение связано якобы с отказом пекинского руководства от курса на милитаризацию страны и поворотом к первоочередному решению чисто экономических проблем.

По-видимому, сокращение закупок самолетов за границей обусловлено прежде всего большим дефицитом торгового баланса КНР в 1974 г. К тому же в течение 70-х годов Китаем были заключены соглашения о закупке довольно значи-

---

[65] «New Nation», 5.VI.1974.
[66] «New York Times». 16.VII.1975; «Daily Telegraph», 21.VII.1975.
[67] «United Press International», 17.VII.1975.

тельной партии самолетов, и многие из них до 1974 г. не были реализованы. Что касается замедления темпов разработки новых систем вооружения, главным образом МБР, то более естественно объяснить это трудностями технического порядка. Наконец, отказ Пекина от гонки вооружений противоречил бы генеральной внешне- и внутриполитической линии китайского руководства, изложенной в материалах X съезда КПК и 1-й сессии ВСНП четвертого созыва.

Единственная причина, которая могла бы вызвать сокращение военных расходов в КНР, заключалась в обострении экономических проблем, заметном замедлении темпов роста народного хозяйства (особенно в 1974 г.). Эта причина в конечном счете против воли китайских руководителей могла вынудить их временно несколько ограничить рост военных расходов. Несомненно, при первой же возможности они будут увеличены. Этого требовала программа наращивания вооружений, ближайшими целями которой, по заявлениям тех же западных специалистов, являются: расширение стратегических ракетных сил наземного базирования, развертывание новой системы баллистических ракет морского базирования, принятие на вооружение новых самолетов и создание атомных подводных лодок.

В связи с этим заслуживают серьезного внимания высказывания некоторых западных обозревателей, объясняющих снижение видимых военных расходов тем, что китайское руководство в отмеченный период действительно сократило затраты на дальнейшее производство вооружения устаревающих образцов. Одновременно, как утверждают эти обозреватели, резко увеличились скрытые (не нашедшие отражения в статистических данных собственно военного бюджета) расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы с целью «перескочить через целое поколение видов оружия и создать самолеты и артиллерийские орудия до середины 80-х годов»[68]. С учетом этих скрытых расходов военный бюджет КНР в 1974 г. мог быть отнюдь не ниже, чем в рекордном, 1971 г.

Перестройка народного хозяйства на военный лад. Большое значение китайские руководители придавали мерам по обеспечению живучести экономики, и прежде всего военной промышленности. К числу таких мер относились:

1. Создание в глубине страны ряда новых промышленных районов, удаленных на значительное расстояние от границ

[68] Это мнение подкрепляется предположением военных специалистов о том, что китайцы, в частности, «уже ведут работы над самолетом с крылом изменяемой стреловидности, который будет более совершенным, чем американский самолет F-111 («Daily Telegraph», 21.VII.1975).

Китая. В середине 50-х годов была дана установка: в дальнейшем все важные промышленные объекты размещать западнее линии Пекин — Ухань — Гуанчжоу. В современных условиях (с середины 60-х годов), когда маоистская стратегия перестала рассматривать США врагом № 1, приморские районы не относились к возможному театру военных действий и ограничения на капитальное строительство в них были сняты. По сообщениям иностранной печати, уже со второй половины 60-х годов главное внимание китайского руководства в этой области было обращено на эвакуацию предприятий, расположенных в районах, прилегающих к территории СССР [69].

2. Некоторое рассредоточение промышленности в старых промышленных районах Северо-Восточного, Восточного и Южного Китая.

3. Создание в глубине страны предприятий-дублеров.

4. Строительство важнейших заводов, отдельных цехов и складов под землей и в горных выработках, а также строительство подземных убежищ и ходов сообщения (в соответствии с личным указанием Мао Цзэ-дуна «глубже рыть траншеи»). В 1974 г. почти во всех городских районах Китая и местах сосредоточения важных промышленных предприятий были созданы системы подземных убежищ. В связи с широким строительством оборонительных сооружений, подземных заводов, убежищ и т. п. при министерстве обороны КНР был образован новый руководящий орган, получивший временное название «Командование инженерными оборонительными работами» [70].

5. Создание стратегических запасов сырья и продовольствия.

6. Создание так называемых «самостоятельных экономических комплексов», способных по замыслам китайского руководства в условиях военных действий автономно обеспечить необходимые военные и экономические потребности. В программной статье «Путь социалистической индустриализации» [71] китайская печать следующим образом изложила сущность этой программы и пути ее реализации: «Председатель Мао указывал, что „необходимо добиться создания самостоятельных промышленных комплексов прежде всего в районах экономического кооперирования, а затем в отдельных провинциях. Если условия позволяют, необходимо создать сравнительно развитые промышленные комплексы на местах“. Руководствуясь этим указанием, каждый район,

---

[69] «Синдао жибао», 18.VI.1970.

[70] «Чжунго пинлунь», 1974, № 482, с. 11.

[71] «Хунци», 1969, № 10.

каждая провинция и каждый город должны обратить должное внимание на рациональное размещение и целесообразное комплексное развитие промышленности».

7. Повсеместное развитие мелкой местной промышленности.

Анализ таких факторов, как гипертрофированная роль армии в стране, непрекращающаяся гонка вооружений и продолжение перестройки народного хозяйства на военный лад, достаточно убедительно показывает, что в 1974 г., как и в предшествующие годы, развитие Китая характеризовалось усилением милитаризма, в основе которого лежит стремление Пекина в кратчайшие сроки подвести необходимую материальную базу под свои гегемонистские планы.

ВВЕДЕНИЕ

1974 год явился определенной вехой в эволюции внешнеполитической доктрины руководителей КНР.

Выступая 10 апреля на 6-й специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заместитель премьера Государственного Совета КНР, член Политбюро ЦК КПК Дэн Сяо-пин поделил страны мира на три группы: СССР и США («первый мир»), развитые страны, кроме упомянутых двух («второй мир»), развивающиеся страны («третий мир»).

Согласно такому делению, в современном мире не было ни социализма, ни капитализма, а были лишь большие и малые, развитые и развивающиеся государства. Тем самым непосредственно классовые, социальные мотивы внешней политики государств отбрасывались, и единственной движущей пружиной мирового развития объявлялся национализм, выступавший как освободительный, когда речь шла будто бы о борьбе малых, средних и больших государств против «двух сверхдержав» — СССР и США, между которыми ставился знак равенства.

Таким образом руководство КНР предприняло попытку доказать, что основным противоречием современной эпохи явились не противоречия между мировым социализмом и мировым капитализмом, а якобы противоречия между этими двумя видами национализма и что прогрессивные тенденции мирового развития выражались не социализмом, а «третьим миром», к которому причислялся и Китай.

Социалистическое содружество, утверждали китайские лидеры, больше не существует [1].

Из этой оценки четко вырисовывалось стремление китайского руководства к созданию «внеклассовых» блоков. Новейшая внешнеполитическая концепция китайских лидеров сознательно игнорировала социально-классовые реалии современного мира. В 1974 г. основными компонентами внешнеполитического курса Пекина являлась борьба за стратегическую цель — максимальное наращивание военной мощи

[1] См., например, «Жэньминь жибао», 23.I.1974.

Китая, всемерное использование мировых противоречий, и особенно главного из них — противоречия между двумя мировыми социальными системами. В 1974 г. китайские лидеры вновь начали пропагандировать мысль о фатальной неизбежности мировой войны. «Мир во всем мире не может длиться на протяжении жизни целого поколения... у каждого поколения будет своя война»,— заявил в октябре 1974 г. перед делегацией бундестага ФРГ заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяо-пин. О фатальной неизбежности войны говорил и Чжоу Энь-лай на 1-й сессии ВСНП четвертого созыва.

В 1974 г. торговля КНР была четко ориентирована на империалистические державы. Их доля во внешнеторговом обороте КНР с 55% в 1972 г. возросла до 66% в 1974 г., в то же время удельный вес социалистических стран в нем уменьшился соответственно с 22 до 15%.

Китайская пропаганда настойчиво подчеркивала, что «третий» и «второй» миры должны дружнее выступать главным образом против «сверхдержавы, именующей себя социалистической страной».

Оценивая международное положение КНР в 1974 г., можно констатировать, что важнейшие цели китайского руководства состояли в том, чтобы сорвать международную разрядку, дать толчок новой консолидации международных антисоциалистических, антисоветских сил и в конечном счете создать «великий хаос в Поднебесной», который, по мысли руководства КНР, более всего благоприятствовал борьбе за мировую гегемонию Китая. Однако ни «третий мир», ни так называемый «второй мир», ни «половина первого мира», каковой являются США, не обнаружили заметных признаков желания следовать указаниям китайских лидеров о том, как и в каком направлении строить свои отношения.

Враждуя с социалистическим содружеством, теряя доверие в «третьем мире», КНР поставила себя в положение, когда ведущие империалистические страны стали более свободно диктовать свои условия Китаю, не спешить с уступками и в вопросе о Тайване, и в вопросе о содействии увеличению китайского военно-промышленного потенциала.

Все это побудило китайское руководство в 1974 г. провести определенную корректировку своей внешней политики, что выразилось главным образом в демонстрации интереса к «третьему миру».

Внешнеполитическая деятельность Пекина в 1974 г., как и в прошлые годы, преимущественно определялась противостоянием сложившегося в Китае политического режима мировому социализму, в котором он видел основное препятствие на пути к мировой гегемонии. Хотя Пекин объявил об «исчезновении» мирового социалистического лагеря с политической карты мира, однако именно против него они направляли острие своей внешней политики. Все внешнеполитические акции Пекина в 1974 г. предпринимались прежде всего с учетом их эффективности для ослабления позиции мирового социализма. Антисоциалистическая суть внешней политики Пекина по-прежнему находила свое концентрированное выражение в антисоветизме.

Советско-китайские отношения. В течение 1974 г. советская сторона вновь выступила с рядом конструктивных предложений, направленных на нормализацию советско-китайских межгосударственных отношений на основе принципов равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы. В речи Л. И. Брежнева в Улан-Баторе 26 ноября 1974 г.[6] и в телеграмме Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей и Государственному совету КНР по случаю 25-й годовщины провозглашения Китайской Народной Республики[7] были подтверждены предложения о заключении с КНР договора о ненападении и договора о неприменении друг против друга вооруженной силы с использованием любых видов оружия, включая обычное, ракетное и ядерное. Однако, как и в предыдущие годы, эти предложения встретили отрицательное отношение китайской стороны.

Китайское руководство продолжало занимать позицию, противоречащую интересам нормализации отношений между двумя странами, по-прежнему проводило в отношении СССР враждебный курс, закрепленный решениями IX и X съездов КПК.

Понимая, однако, что откровенное игнорирование всех конструктивных предложений советской стороны раскрывает перед всем миром несостоятельность утверждений о том, будто СССР создает напряженность в отношениях между двумя странами, пекинское руководство сочло необходимым сделать показной жест миролюбия. В телеграмме Постоян-

---

[6] «Правда», 27.XI.1974.
[7] «Правда», 1.X.1974.

ного комитета ВСНП и Государственного совета КНР Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР от 6 ноября 1974 г. по случаю 57-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Пекин заявил о своей «готовности» заключить с СССР соглашение о сохранении «статус-кво» на границе, содержащее в себе условие взаимного ненападения и неприменения силы. Однако, как явствовало из текста телеграммы, китайская сторона по-прежнему настаивала на включении в этот документ своего старого предложения об отводе вооруженных сил сторон из так называемых «спорных районов», что на практике было бы равносильно признанию притязаний Пекина на значительные участки советской территории. Следовательно, содержащееся в телеграмме выражение готовности способствовать нормализации отношений между Китаем и СССР представляло собой всего лишь пропагандистский жест, призванный ввести в заблуждение мировое общественное мнение и возложить на советскую сторону вину за безрезультатность затянувшихся советско-китайских переговоров по пограничным вопросам в Пекине.

О демагогическом характере заявлений китайского руководства относительно готовности урегулировать отношения с СССР свидетельствовал и тот факт, что Советский Союз по-прежнему усиленно изображался китайской пропагандой как классовый враг китайского пролетариата и национальный враг китайского народа[8]. Печать КНР прямо заявляла, что Китай «не может говорить о „мире“ и „дружбе“ с Советским Союзом». В этой связи показательно, что в 1974 г. еще больше усилился поток антисоветской пропаганды. Только в двух центральных газетах — «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао» — и в журнале «Хунци» было опубликовано около 1500 статей и заметок с клеветническими измышлениями, касавшимися внутренней и внешней политики СССР (в 1973 г. таких материалов было свыше 900, в 1972 г.— 430).

Эти измышления содержали нападки на внутреннюю политику КПСС и Советского правительства, имели целью подкрепить выдвинутый китайским руководством абсолютно ложный тезис о «капиталистическом перерождении» СССР и «теоретически обосновать» необходимость борьбы с «советским ревизионизмом» любыми средствами. Борьба против СССР изображалась китайской пропагандой как «теоретическая борьба за отстаивание марксизма-ленинизма», имеющая огромное «историческое значение» и «решающая судьбы китайской революции и мировой революции».

---

[8] «Жэньминь жибао», 11.II.1974; «Гуанмин жибао», 11.V. 1974.

Пекин стремился представить не прекращавшуюся в китайском руководстве сложную борьбу как результат деятельности агентуры «внешних классовых врагов», пытался использовать антисоветизм в целях сплочения китайского народа на шовинистической основе.

В ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», особенно широко развернувшейся в начале 1974 г., Линь Бяо изображался «советским агентом в КПК». Китайская печать одновременно усилила нападки на позицию советской стороны в сфере межгосударственных отношений с КНР. В последние месяцы 1974 г. на страницах китайских газет и журналов был опубликован ряд материалов, которые содержали враждебные выпады в связи с деятельностью советских специалистов, оказывавших в 50-е годы помощь Китайской Народной Республике в развитии ее промышленности и сельского хозяйства.

Антисоветскую направленность имела и продолжавшаяся в Китае кампания подготовки к войне. Печать и радио систематически подчеркивали необходимость «сохранять высокую бдительность» в связи с якобы существующей «возможностью внезапного нападения» со стороны Советского Союза, «превратить северную границу в неприступную стену». О размахе антисоветской обработки китайского народа может, в частности, свидетельствовать информация агентства Синьхуа о том, что с 1969 г. «в школах в целях воспитания учащихся в антиревизионистском духе... была составлена «программа обучения» по таким предметам, как политические знания, история, география, арифметика, язык», «главнейшим содержанием» которой были события на о-ве Даманский.

Для разжигания в китайском народе великодержавных, националистических настроений китайское руководство КНР в 1974 г. еще активнее, чем в предыдущие годы, использовало искусственно созданный им «территориальный вопрос». Печать КНР постоянно напоминала о территориальных притязаниях к Советскому Союзу, систематически повторяла домыслы о якобы «неравноправном» характере русско-китайских договоров, определяющих существующую границу между СССР и КНР.

В 1974 г. китайская сторона продолжала проводить курс на дальнейшее искусственное осложнение советско-китайских межгосударственных отношений. В январе официальные власти КНР организовали враждебную провокацию в отношении работников посольства СССР в Китае. В нарушение общепринятых норм международного права 15 января на улицах Пекина были задержаны два советских дипломата — секретарь посольства СССР В. И. Марченко и Ю. А. Семенов и

их жены, а также переводчик советского военного атташе А. А. Колосов.

Применяя физическое насилие и угрожая расстрелом, от советских работников требовали признания их «шпионской» и «подрывной» деятельности. Только 19 января советские дипломаты были освобождены из-под ареста. В ноте МИД КНР, поспешно опубликованной в тот же день, нагромождались нелепые измышления в отношении политики Советского Союза и деятельности советских дипломатов. Советская сторона в нотах МИД СССР 17 и 21 января заявила решительный протест против ареста советских дипломатических работников и варварского обращения с ними [9].

Власти КНР использовали необоснованную задержку советских дипломатов для разжигания в стране шпиономании, направленной против Советского Союза. Наряду с этим китайская сторона продолжала создавать помехи для работы советского посольства. Как и в предыдущие годы, китайские власти не разрешили сотрудникам посольства совершить поездки в связи с очередными годовщинами Советской Армии и Военно-Морского Флота и победы над милитаристской Японией в Харбин, Шэньян и другие города Северо-Восточного Китая для возложения венков на могилы советских воинов, павших в боях за освобождение Китая от японских милитаристов [10].

Руководство КНР воспользовалось фактом задержания советскими властями атташе китайского посольства в СССР Гуань Хэн-гуана, занимавшегося шпионской деятельностью на территории Советского Союза, для фабрикации новых абсурдных обвинений в адрес советской стороны. В Пекине выдворенному из СССР Гуань Хэн-гуану была организована торжественная встреча с участием сотрудников китайского МИД.

В середине марта 1974 г. китайские власти задержали советский пограничный вертолет с тремя членами экипажа на борту, направлявшийся в район южнее Белеши (Алтайский край) для срочной доставки в больницу тяжело больного военнослужащего и совершивший в тумане вынужденную посадку вблизи границы на территории КНР. Китайская сторона воспользовалась этим случаем для выдвижения в адрес СССР (в ноте МИД КНР от 23 марта) беспочвенных обвинений в «систематической засылке» самолетов для «вторжения» в пограничные районы Китая на синьцзянском участке.

Пекин игнорировал неоднократные официальные заявле-

---

[9] «Правда», 22.I.1974.
[10] «Правда», 22.I, 5.IX.1974.

ния советской стороны, содержавшие требования незамедлительного возвращения экипажа советского вертолета и самого вертолета (нота МИД СССР от 28 марта; заявление заместителя министра иностранных дел СССР Л. Ф. Ильичева послу КНР в СССР Лю Синь-цюаню от 2 мая; заявление первого заместителя министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецова временному поверенному в делах в СССР Ма Ле от 21 июня) [11]. Было оставлено без ответа требование посольства СССР в Китае разрешить встречу работников посольства с членами экипажа вертолета. Китайские власти отвергли просьбу Международного Комитета Красного Креста разрешить представителям Советского Красного Креста или Международного Комитета Красного Креста посетить Китай для встречи с членами экипажа. В 1975 г. Пекин признал, что «залет вертолета на территорию КНР был непреднамеренным» и освободил экипаж.

Инцидент с вынужденной посадкой вертолета использовался властями КНР как новый предлог для раздувания антисоветской истерии. Весной 1974 г. в Синьцзяне и других пограничных районах Китая были организованы массовые собрания и демонстрации, центральной темой которых, по сообщениям западной прессы, являлись уже не нападки на Конфуция и Линь-Бяо, а почти исключительно «опасность советской угрозы». Китайская печать использовала этот инцидент в качестве очередного повода для измышлений о «шпионской деятельности», якобы проводимой СССР.

В течение 1974 г. собственно межгосударственные отношения СССР и КНР по вине китайской стороны, не принявшей ни одного конструктивного предложения СССР о расширении контактов в различных областях, ограничивались на практике весьма скромным внешнеторговым обменом и сотрудничеством в области транспорта и связи.

Соглашение о товарообороте и платежах на 1974 г. было подписано в Пекине 15 мая, т. е. как и в предыдущие годы, значительно позже, чем с другими социалистическими странами. Соглашение предусматривало объем товарооборота в размере 214 млн. руб. (в 1973 г. он равнялся 201,3 млн. руб.).

30 января 1974 г. в соответствии с документами, подписанными Аэрофлотом СССР и ГУГАК в 1973 г., было открыто прямое беспосадочное воздушное сообщение между Пекином и Москвой. Китайская сторона, отступив от традиции, не организовала никакой официальной церемонии открытия прямого воздушного сообщения; в аэропорт не были приглашены даже журналисты, в китайской прессе от-

---

[11] «Правда», 29.III, 3.V, 22.VI.1974.

сутствовали какие-либо сообщения о начале прямых полетов по линии Пекин—Москва.

С 5 февраля по 21 марта 1974 г. в г. Благовещенске проходило XIX очередное совещание Смешанной советско-китайской комиссии по судоходству на пограничных участках рек бассейна Амура. Китайские представители по-прежнему блокировали конструктивные предложения советской стороны, направленные на решение неотложных технических вопросов судоходства, и пытались навязать Смешанной комиссии обсуждение не входящих в ее компетенцию вопросов, связанных с притязаниями Пекина на так называемые «спорные участки» советской территории. В результате совещание не достигло практических результатов. Стороны договорились лишь о том, что очередное, XX совещание состоится в Китае и что конкретная дата встречи будет согласована позднее.

В соответствии с ранее заключенными соглашениями между СССР и КНР осуществлялось железнодорожное сообщение. Делегация СССР совместно с представителями КНР, ДРВ, МНР и КНДР приняла участие в состоявшемся в Пекине в начале сентября 1974 г. совещании Комитета Организации сотрудничества железных дорог социалистических стран. На совещании были согласованы расписание движения международных пассажирских поездов и порядок предоставления вагонов международного сообщения членами ОСЖД на 1975—1977 гг. Стороны подписали соответствующий протокол.

Практическая деятельность руководства КПК на международной арене в 1974 г. была направлена главным образом на подрыв международного авторитета СССР, дискредитацию его внешней политики. Как отмечал Л. И. Брежнев в своей речи перед избирателями 14 июня 1974 г., китайское руководство «подчинило свою внешнюю политику задачам борьбы против Советского Союза и других социалистических стран, попыткам сорвать разрядку» [12].

Антисоветизм по-прежнему являлся основным средством пекинской политики *в отношении других социалистических стран.*

Как подчеркивала печать братских социалистических стран, антисоветизм постоянно использовался Пекином для того, чтобы «вбить клин между Советским Союзом и другими социалистическими странами, усиливать сепаратистские и националистические настроения, проводить подрывную деятельность, осложнять отношения между странами мировой социалистической системы» [13], «возбудить везде, где только

---

[12] «Правда», 15.VI.1974.

[13] «Ново време», 1974, № 10, с. 70.

можно, центробежные националистические тенденции, дискредитировать СССР и его политику, внести раскол в социалистическое содружество»[14].

Пекин настойчиво добивался укрепления всесторонних связей с теми странами (НРА, СРР, КНДР, ДРВ), с которыми он поддерживал отношения по государственной и партийной линиям, осуществлял довольно широкий торговый, научно-технический и культурный обмен. Развивались также связи (особенно торгово-экономические) КНР с СФРЮ.

Одновременно Пекином предпринимались шаги по «нормализации» межгосударственных отношений (главным образом торговых и научно-технических связей) со всеми остальными социалистическими странами. Так называемая «нормализация» преследовала все ту же цель ослабления сплоченности братских стран с Советским Союзом и между собой, неизменно связывалась с борьбой против коллективных организаций социалистических стран.

В этих целях в китайской пропаганде постоянно демонстрировалась «дружественная позиция» Китая в отношении всех социалистических стран, кроме Советского Союза, с которым у Китая якобы существуют непримиримые принципиальные противоречия. Китайская пропаганда практически не отвечала на критику политики пекинского руководства в печати социалистических стран и даже выборочно публиковала сообщения о некоторых позитивных фактах из жизни этих стран.

Раскольнические цели преследовала и торговая политика Пекина в отношении социалистических стран. По данным советской и зарубежной печати, товарооборот КНР с социалистическими странами выражался в следующих цифрах (в млн. руб.):

	1973 г.	1974 г.
Албания	170	157
Болгария	11,1	11,7
Венгрия	46,1	36,5
ГДР	80,8	110,3
КНДР	200	207 (оценка)
Куба	110	216 (оценка)
МНР	5,0	3,7 (оценка)
Польша	50,1	68,0
Румыния	197,3	260,6
СССР	201,3	214
Чехословакия . .	56,1	75,9
Югославия . . .	57,8	105

Социалистические страны справедливо расценивали «дружественные» жесты китайской стороны как враждебные, подчеркивая, что антисоветизм Пекина наносит вред и их

[14] «Руде право», 20.V.1974, с. 4.

национальным интересам. Как указывала газета МНР «Унэн», коварство маоистской политики «гибких отношений» с каждой социалистической страной в отдельности вместо единения с социалистическим содружеством в целом в борьбе против империализма ныне распознано всеми народами [15]. В совместном польско-монгольском коммюнике о визите в ПНР министра иностранных дел МНР Л. Ринчина подчеркивалось, что антисоциалистическая политика и деятельность пекинского руководства, идеология и практика маоизма направлены против жизненных интересов всех народов социалистического содружества и служат лишь силам империализма и войны [16].

Член Секретариата ЦК ПОРП А. Верблян в журнале «Нове дроги» писал, что Пекин свое антисоветское острие направлял против всех социалистических стран, против основных национальных и общественных интересов Польши [17]. В заявлении представителя правления Германской коммунистической партии о визите министра иностранных дел КНР Цяо Гуань-хуа в ФРГ обращалось особое внимание на ряд его высказываний. В нем говорилось, что представитель Пекина «включился в кампанию, направленную против государственной самостоятельности и суверенитета социалистического немецкого государства» [18]. Еженедельник ГДР «Хорицонт» отмечал: «Долгие годы Пекин выдавал себя за поборника интересов нашего государства... Теперь он окончательно отказался играть роль друга ГДР» [19].

Чехословацкая партийная газета «Руде право» подчеркивала, что политика Пекина направлена против жизненных интересов Чехословацкой Социалистической Республики и ее граждан [20]. Первый секретарь ЦК МНРП, председатель Президиума Великого народного хурала МНР Ю. Цеденбал в речи на VIII пленуме ЦК МНРП (июнь 1974 г.) говорил, что Монгольская Народная Республика постоянно подвергается политическому, экономическому и идеологическому давлению со стороны Китая [21].

Заявления Пекина о стремлении к нормализации отношений со всеми социалистическими странами, кроме СССР, резко расходились также с политикой Китая в отношении коллективных организаций социалистических государств — Совета экономической взаимопомощи и Варшавского Догово-

---

[15] «Унэн», 6.IV.1974.
[16] «Трибуна люду», 21.II.1974.
[17] «Нове дроги», 1974, № 1, с. 12.
[18] «Neues Deutschland», 13.X.1974.
[19] «Хорицонт», 1974, № 41.
[20] См.: «Руде право», 3.VII.1974.
[21] См.: «Правда», 11.VI.1974.

ра, которые в 1974 г. продолжали оставаться главными объектами раскольнических, подрывных акций китайского руководства. Болгарская партийная газета «Работническо дело» отмечала, что в 1974 г. «китайское руководство открыло фронт против этих экономических и политических организаций социалистических стран»[22].

За 11 месяцев 1974 г. только «Жэньминь жибао» опубликовала свыше десяти специальных статей и комментариев, заполненных грубой клеветой на деятельность Совета экономической взаимопомощи. Отсутствие аргументов в китайских статьях восполнялось, как правило, демагогией, голословными утверждениями, подтасовкой фактов. Китайская пропаганда предпринимала многочисленные попытки извратить подлинную сущность закономерного, объективного процесса международного социалистического разделения труда, кооперирования и социалистической экономической интеграции в рамках СЭВ, спекулировала на нерешенных и труднорешаемых проблемах, клеветнически приписывала содружеству стран СЭВ черты отношений, существующих внутри империалистических блоков, стремясь тем самым подорвать материальную основу единства стран социалистического содружества.

Причина резкой активизации борьбы Пекина в этом направлении объяснялась беспокойством по поводу усиливающейся координацией внешнеполитической деятельности государств Варшавского Договора и углубляющимся процессом социалистической интеграции стран — участниц СЭВ, что фактически сводило на нет все попытки Пекина разобщить социалистические страны, добиться переориентации их политических и экономических связей на Китай, на «третий мир» и особенно на капиталистический Запад.

Обрушиваясь с клеветой на коллективные организации социалистических стран, Пекин неизменно брал под защиту НАТО, ратовал за укрепление «Общего рынка», за сохранение и усиление американского военного присутствия в Европе[23].

Враждебность политики китайского руководства в отношении социалистических стран, особенно европейских, четко проявлялась в его стремлении сохранить взрывоопасную обстановку в Европе, за которым кроются расчеты Пекина на новое обострение отношений между капиталистическим Западом и социалистическим содружеством. Пекин продол-

---

[22] «Работническо дело», 18.VII.1974.

[23] Китайские газеты обходили молчанием статьи албанской печати, посвященные борьбе народов против агрессивных акций американского империализма, против империалистического военного блока НАТО.

жал в 1974 г. вести борьбу против мирных конструктивных инициатив Советского Союза и других социалистических стран, способствовавших решению жизненно важных проблем обеспечения безопасности и сотрудничества в Европе, созданию системы коллективной безопасности в Азии.

На эти враждебные акции против мирной инициативы государств социалистического содружества неоднократно обращалось внимание в выступлениях представителей и печати братских стран. Член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП Я. Шидляк в докладе на Всепольском совещании актива работников идеологического фронта и загранслужб указывал на то, что «китайское руководство следит за каждой инициативой и каждым шагом нашего содружества на международной арене, противопоставляя им свою диверсионную альтернативу, рассчитанную на торможение процессов разрядки и сотрудничества» [24].

Ю. Цеденбал в статье «К социалистическому общественному строю, минуя капитализм», опубликованной журналом «Проблемы Дальнего Востока», писал: «Пекинские лидеры стремятся воспрепятствовать стабилизации обстановки на Европейском континенте, прилагают особые усилия для сдерживания разрядки в Европе... Китайские лидеры упорно противодействуют укреплению мира и стабильности в Азии, выступают противниками создания системы коллективной безопасности на континенте» [25]. В болгарской газете «Работническо дело» говорилось по этому вопросу следующее: «В Пекине любые конструктивные шаги социалистических стран по укреплению мира между народами встречаются в штыки и делается все возможное, чтобы провалить эти конструктивные шаги» [26]. Чехословацкая «Руде право» отмечала, что в Пекине «не только отвергают идею коллективной безопасности в Азии, но и выступают против усилий по укреплению безопасности и сотрудничества в Европе» [27].

Страны социалистического содружества решительно осуждали раскольническую политику китайского руководства против мирового социализма и вели непримиримую борьбу против теории и практики Пекина. В решениях февральского (1974 г.) Пленума ЦК Болгарской коммунистической партии записано, что первоочередной задачей всего идеологического фронта является разоблачение теории и практики пекинских руководителей [28]. В совместном венгерско-монгольском коммюнике о визите в ВНР партийно-правительственной

---

[24] «Нове дроги», 1974, № 5, с. 23.
[25] «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 4, с. 22.
[26] «Работническо дело», 1.XII.1974.
[27] «Руде право», 30.XI.1974.
[28] «Ново време», 1974, № 10, с. 61.

делегации МНР во главе с первым секретарем ЦК МНРП, председателем Президиума Великого народного хурала МНР товарищем Ю. Цеденбалом подчеркивалось: «Стороны решительно осудили раскольническую деятельность китайского руководства против единства международного коммунистического и рабочего движения, его антисоветскую деятельность, великодержавный шовинизм и другие действия, подрывающие международные позиции социалистических стран» [29].

Теоретический орган ЦК СЕПГ журнал «Айнхайт» писал: «Коммунисты ГДР считают своим кровным делом решительно выступать против любого антисоветизма всех мастей. Наша партия ведет борьбу против экстремистской, антисоветской, антисоциалистической теории и практики... сочетая ее с укреплением нашего боевого союза с КПСС» [30].

Ведя непримиримую борьбу против антисоциалистического курса, страны мирового социалистического содружества проявляли глубокую озабоченность судьбами китайского народа, перспективой социализма в Китае, заявляли о своей готовности нормализовать отношения с китайским государством, восстановить традиционную дружбу с великим китайским народом и прилагали усилия в этом направлении.

«Что касается наших отношений с Китаем,— заявил Л. И. Брежнев в речи перед избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 14 июня 1974 г.,— то мы, естественно, и впредь будем давать отпор антисоветской клевете, твердо оберегать интересы нашего государства, нашу безопасность. Вместе с тем мы остаемся сторонниками нормализации отношений с Китаем, восстановления дружбы с великим китайским народом на надежной основе пролетарского интернационализма» [31].

СЕПГ ведет решительную борьбу против культивируемой в Китае теории и практики,— писал журнал ГДР «Айнхайт».— В то же время мы готовы нормализовать межгосударственные отношения с КНР, внести свой вклад в восстановление дружбы между нашими странами [32]. «Монгольская Народная Республика,— говорил Ю. Цеденбал в речи на торжественном заседании в Улан-Баторе,— неуклонно выступает за нормализацию отношений со своим южным соседом — Китайской Народной Республикой, за восстановление дружбы и сотрудничества с великим китайским народом. Эта наша принципиальная позиция определена XVI съездом МНРП, и она остается неизменной».

---

[29] «Унэн», 30.VI.1974.
[30] «Einheit», 1974, № 5, с. 517.
[31] «Правда», 15.VI.1974.
[32] «Einheit», 1974, № 8, с. 992.

Непримиримой борьбой против антисоциалистического курса китайского руководства страны мирового социалистического содружества выполняют свой интернациональный долг перед социалистическими и патриотическими силами китайского народа, вносят важный вклад в преодоление этими силами препятствий, созданных на пути Китая к социализму.

КНР И РАЗВИТЫЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ

Отношения с США. Процесс сближения между Пекином и Вашингтоном, приведший к существенным сдвигам в их отношениях в 1971—1972 гг., в последнее время замедлился и осложнился под влиянием ряда противодействующих факторов.

Важнейшим из этих факторов явилось усиление внутренней борьбы в Китае. Правящие круги США не убеждены в прочности пекинского режима, а следовательно, и в ценности долговременных соглашений с ним. Внутренняя борьба ограничивает и свободу действий пекинского руководства в проведении курса на сближение с Соединенными Штатами и другими империалистическими державами, тем более что расчеты, связанные с этим курсом, не оправдывают себя. Заигрывание с капиталистическим миром не помогло Пекину ни подтолкнуть империалистические державы к усилению военно-политического давления на СССР, ни предотвратить улучшение советско-американских отношений и разрядку международной напряженности, ни укрепить влияние Пекина в Индокитае и других странах прилегающего района Азии. Проблема Тайваня, несмотря на китайско-американское сближение, остается острой.

Эти очевидные провалы пекинской дипломатии способствовали обострению внутренней борьбы. Даже некоторые, тесно связанные с режимом политические группировки (в частности, так называемые «левые»), не ставя под сомнение принципы осуществляемого курса, критиковали руководителей административного аппарата за излишний «крен вправо» — в сторону США и вообще империализма, за утрату «революционности» и ослабление влияния Китая в «третьем мире».

В этих условиях китайское правительство было вынуждено прибегать к тактической корректировке своего курса, и в частности сдерживать процесс сближения с США, маскировать его путем усиления антиамериканской пропаганды. Стремясь добиться большего взаимопонимания с США, Пекин время от времени переключится на активизацию отношений со странами Западной Европы и Японией, чтобы

разжечь соперничество между основными центрами капиталистического мира в развитии связей с КНР. Эти маневры, естественно, означали не отказ от сближения с американским империализмом, а скорее попытку оказать нажим на США в интересах политики китайского руководства.

На практике определенное охлаждение китайско-американских отношений выявилось прежде всего в сокращении политических контактов и встреч на высоком уровне, что явно связано с историческими соглашениями, достигнутыми между СССР и США в 1973—1974 гг. Еще в 1973 г., после того как Америка оказала горячий прием Л. И. Брежневу, Чжоу Энь-лай заявил об отказе нанести визит в США. Президент Р. Никсон, который неоднократно высказывал публично свое желание снова посетить Китай (в частности, в речи на съезде молодежных организаций Республиканской партии 28 февраля 1974 г.), не добился от Пекина вторичного приглашения. Запланированные визиты государственного секретаря Г. Киссинджера в Пекин задерживались китайской стороной в течение нескольких месяцев.

Во время седьмого визита Г. Киссинджера в КНР (в ноябре 1974 г.), сразу же после советско-американской встречи во Владивостоке, пекинское руководство выразило недовольство тем, что США отдают предпочтение развитию отношений с СССР. Государственный секретарь США впервые не был принят Мао Цзэ-дуном, который, однако, вскоре после отъезда Г. Киссинджера принял других иностранных визитеров.

Состоявшийся во время визита обмен мнениями по международным проблемам сопровождался прямыми заявлениями китайских представителей против политики разрядки напряженности. Они старались дать понять Вашингтону, что рассматривают советско-американские соглашения как угрозу интересам КНР и препятствие на пути развития китайско-американских отношений. Переговоры, которые вел Г. Киссинджер в Пекине по вопросу о расширении торгово-экономических связей и удовлетворении взаимных финансовых претензий, а также о Тайване, не дали положительных результатов. Заключительное коммюнике необычайно лаконично отмечало «взаимополезность» состоявшихся бесед, содержало общее заявление о приверженности сторон Шанхайскому коммюнике 1972 г. и сообщало о договоренности относительно визита президента Дж. Форда в КНР в 1975 г.

Исход переговоров по некоторым признакам вызвал раздражение в Вашингтоне. Комментарии американской прессы были немногочисленными и сухими. Г. Киссинджер, воздержавшись от публичного освещения подробностей переговоров и результатов визита в КНР, доложил о них в комиссии па-

латы представителей по иностранным делам, которая 18 декабря провела в закрытом порядке слушание по данному вопросу. После этого американская администрация, несмотря на объявление о запланированном визите Дж. Форда, стала обходить китайскую тему в официальных заявлениях и до конца года не предприняла каких-либо новых акций для развития отношений с КНР.

Прохладный прием государственного секретаря США в Пекине явно контрастировал с приемом, оказанным несколько ранее другому американскому деятелю — сенатору Г. Джексону, который, как известно, зарекомендовал себя противником улучшения советско-американских отношений. Г. Джексон совершил поездку в КНР по приглашению китайского правительства в июле 1974 г. вслед за последним визитом Р. Никсона в СССР. Переговоры между официальными лицами КНР и сенатором, видимо, преследовали цель отвлечь внимание от только что подписанных советско-американских соглашений, принизить их значение. Китайская печать широко освещала встречи и беседы Г. Джексона в Пекине (он был первым иностранным гостем, которого принял Чжоу Энь-лай, находившийся в больнице).

По возвращении в Вашингтон сенатор заявил, что обнаружил в результате бесед с пекинскими руководителями совпадение интересов США и Китая по многим вопросам. Г. Джексон высказался за то, чтобы форсировать развитие связей с Китаем, по существу, в ущерб отношениям с Советским Союзом и даже с некоторыми союзниками США. Он предложил с целью окончательной нормализации китайско-американских отношений отказаться от официальных дипломатических отношений с режимом на Тайване, создать там «группу связи», а посольство учредить в Пекине. Одновременно он выступил за расширение программы культурных, научных и других обменов между США и КНР и форсирование договоренности по вопросу о взаимных финансовых претензиях. Еще до визита в Китай Г. Джексон настаивал на предоставлении КНР режима наибольшего благоприятствования, оговаривая предоставление его СССР и другим социалистическим странам неприемлемыми условиями.

В сентябре с двухнедельным визитом в Китае побывала группа американских конгрессменов, состоявшая из представителей обеих политических партий — республиканцев и демократов, во главе с председателем Комиссии по иностранным делам сената США Дж. Фулбрайтом. От имени Дж. Форда, только что вступившего на пост президента США, Фулбрайт заверил пекинских руководителей в том, что смена главы американского государства не отразится на китайской политике Вашингтона, которая, как было за-

явлено, направлена на нормализацию отношений с КНР.

Американские конгрессмены во время бесед в Пекине старались подчеркнуть стремление Вашингтона к продолжению диалога и ослаблению противоречий между США и Китаем. Китайские представители, демонстрируя, в свою очередь, «дружественное», по словам конгрессменов, расположение к США, в то же время старались использовать эти беседы для воздействия на общественное мнение Америки в плане своей политики.

По признанию Фулбрайта, между сторонами выявились «глубокие политические расхождения». Пекин прежде всего откровенно выразил свое отрицательное отношение к политике разрядки напряженности и связанным с нею соглашениям между СССР и США. Китайские руководители, как резюмировал Фулбрайт, не понимают необходимости нового подхода к решению международных проблем с учетом разрушительной мощи ядерного оружия. В части двусторонних отношений китайская сторона вновь высказала недовольство тем, что США не выполняют своих обязательств по Шанхайскому коммюнике, особенно в отношении вывода войск с Тайваня.

В декабре КНР вновь посетил лидер демократического большинства в сенате США М. Мэнсфилд. Он вел переговоры с Дэн Сяо-пином и Цяо Гуань-хуа, имея целью, как и группа Фулбрайта, найти приемлемые пути и средства для преодоления тех серьезных расхождений, в особенности связанных с Тайванем, которые мешали дальнейшему улучшению китайско-американских отношений.

Тем не менее, указанная цель не была достигнута. Тайваньская проблема по-прежнему оставалась одним из главных препятствий в деле сближения КНР и США. На протяжении 1974 г. позиция Пекина в этой области подверглась определенной корректировке в сторону ужесточения, что было вызвано рядом причин.

Во-первых, не оправдались расчеты Пекина на то, что сближение с Америкой облегчит решение проблемы в пользу Китая. Но там надеялись вбить клин в отношения тайваньского режима с США и Японией, изолировать его и вынудить искать соглашения с Пекином о мирном воссоединении. Но время показало, что выдворение Тайваня из ООН не привело к серьезному ослаблению гоминьдановских властей, которым с помощью США и их союзников удалось укрепить свои позиции на острове. Гоминьдановцы заявили о своем категорическом отказе вступать в какие-либо переговоры с Пекином.

Во-вторых, стало очевидным, что США пока не собираются уходить с Тайваня, уступать его Китаю. Правда, они

вывели в два приема (в 1973 и 1974 гг.) половину своих войск с острова, но это, по существу, не изменило положения. Американцы по-прежнему оставляют в силе свои обязательства по договору с Чан Кай-ши оборонять Тайвань, расширяют торговые и финансовые связи с ним, увеличивают инвестиции американского капитала в тайваньскую экономику. В Пекине надеялись, что США постепенно снизят уровень своих дипломатических связей с Тайванем, но в действительности произошло обратное: американское правительство разрешило тайваньским властям открыть ряд новых представительств в США и назначило послом в Тайбэе видного дипломата Л. Ангера, которому было поручено заверить чанкайшистов в сохранении поддержки со стороны Вашингтона.

Все это усиливало в Пекине опасения, что США, а за их спиной Япония и другие американские союзники, используя непоследовательную позицию КНР в данном вопросе, могут подвести дело к провозглашению независимости Тайваня. Поэтому китайское правительство старалось оказать определенный нажим на США, заявляя о возможности присоединения острова военным путем. Так, в интервью делегации зарубежных китайцев, посетившей Китай осенью 1974 г., Дэн Сяо-пин, выразив сомнение в возможности урегулирования проблемы даже после ухода Чан Кай-ши и Цзян Цзин-го, предупредил: «Мы должны серьезно рассмотреть вопрос о немирных методах. Мы не должны исключать такие методы». Подобные заявления, которые раньше не делались на официальном уровне, рассчитаны помимо всего прочего и на то, чтобы приглушить в широких кругах китайского народа недовольство внешнеполитическим курсом пекинского руководства.

В США, видимо, понимали это и не придавали большого значения угрозам Пекина. Однако там все же опасались, что при условии укрепления своих международных позиций КНР, как утверждают американские специалисты, «снова нацелит всю свою энергию на приобретение Тайваня»[33]. Тайваньская проблема, таким образом, таит в себе опасность новых осложнений в китайско-американских отношениях.

Негативное влияние на развитие отношений оказывало и столкновение интересов сторон в других точках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Пекинское руководство рассчитывало, что китайско-американское сближение ослабит

---

[33] Из заявления проф. М. Уилбура в Комиссии по иностранным делам палаты представителей («Future Importance of Taiwan». Washington, 1973, с. 28).

военное давление США в этих районах, и прежде всего в Корее. Соответствующие уступки с американской стороны, учитывающие интересы КНР, позволили бы Пекину усилить свое влияние в данном районе. Однако этого не произошло. Вмешательство США во внутренние дела стран накаляло обстановку у границ Китая и вынуждало его подвергать критике политику американского империализма. Так, на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций КНР выступала против США при обсуждении вопросов, связанных с войной в Камбодже и пребыванием иностранных войск в Южной Корее.

Несмотря на указанные противоречия и осложнения, обе стороны продолжали держаться курса на дальнейшее сближение. Так, государственный секретарь США на заседании Национального совета содействия американо-китайской торговле 3 июня 1974 г., отметив, что «коренное различие между социальным строем и внешней политикой двух стран усложняет работу по развитию связей», тем не менее подчеркнул, что американское правительство, обязавшееся «постоянно улучшать отношения с КНР», намерено и впредь «твердо следовать намеченному курсу».

Пекинское руководство, используя различные формы маскировки указанного курса, направляло свои усилия на всемерное развитие связей с США в расчете на содействие в реализации великодержавных притязаний Пекина. Уход с политической арены Р. Никсона, положившего начало диалогу между Вашингтоном и Пекином, и перестановки в Белом доме, происшедшие летом 1974 г., вызвали беспокойство в Пекине относительно возможных изменений в китайской политике США. Правительство КНР сразу же предприняло шаги к тому, чтобы «установить хорошие отношения» с новым президентом США Дж. Фордом; с этой целью Чжоу Энь-лай направил ему специальное послание с поздравлением по случаю вступления в должность.

Чтобы активизировать отношения с Соединенными Штатами, Пекин шел на всяческие уступки — и по вопросу о Тайване, и в делах торговли, и по многим другим важным международным проблемам, поддерживая именно те стороны политики США, которые носили откровенно империалистический характер. Пекин открыто высказывался за сохранение военного присутствия США и в Европе и в Азии, за оставление в силе американо-японского договора и т. п.

Как стало известно из американских официальных источников, Пекин благосклонно реагировал на планы превращения о-ва Диего-Гарсиа в Индийском океане в крупнейшую англо-американскую военно-морскую базу, против чего возражали большинство стран прилегающего региона (маоисты

оказались в этом вопросе ближе к Вашингтону, чем даже, например, австралийцы и новозеландцы). Примечательно, что незадолго до появления сообщений о «молчаливом согласии» Пекина с указанными планами США проявили такое же «молчаливое согласие» в отношении захвата вооруженными силами КНР Парасельских островов в Южно-Китайском море в январе 1974 г.

Обе стороны принимали меры к расширению взаимных торгово-экономических связей, которые рассматривались как главное средство складывания более тесных политических отношений. За последние годы объем двусторонней торговли резко возрос: в 1974 г. он достиг 922,1 млн. долл. (против 4,9 млн. долл. в 1971 г.). Однако эта торговля носила однобокий характер: импорт КНР из США намного превышал ее экспорт в США (в 1974 г. импорт — 807,4 млн. долл., экспорт — 114,7 млн. долл.). Китайская сторона ради расширения связей с Америкой явно шла на жертвы: в 1973 г. ее пассивное сальдо в торговле с США равнялось 625,6 млн. долл., в 1974 г.— 692,7 млн. долл.

Нельзя не отметить, что такой огромный дефицит в торговле с США китайская сторона имела отнюдь не в результате приобретения у них какого-либо крайне необходимого и редкого промышленного оборудования или технологического оснащения, а в результате закупок главным образом сельскохозяйственной продукции [34], которую КНР могла бы получить из других стран с меньшими потерями для себя на основе более эквивалентного торгового обмена. Пекин мирился и с тем, что торговля с США велась в условиях сохранения ими дискриминационного режима в отношении китайского экспорта.

В известной мере расширению торгово-экономических связей препятствовали взаимные финансовые претензии в отношении компенсации за собственность американских корпораций, в свое время национализированную правительством КНР (стоимостью примерно 200 млн. долл.), и китайских активов, замороженных в США в начале 50-х годов (75—80 млн. долл.). Переговоры об урегулировании этих претензий начались еще в 1972 г., но соглашение пока не состоялось.

Что касается научных и культурных сьязей между КНР и США в 1974 г., то китайские власти отменили запланированные обмены в этой области и отказали в приеме ряду американских деятелей, намеревавшихся посетить КНР. Среди американских делегаций, побывавших в КНР в 1974 г.,

---

[34] Американский экспорт в КНР состоял на 83% в 1972 г. и на 70% в 1973 г. из пшеницы, хлопка, кукурузы и соевых бобов.

помимо упомянутой группы конгрессменов повышенное внимание со стороны китайских властей было уделено делегации губернаторов в составе шести человек (ее возглавил губернатор штата Вашингтон Эванс). Делегация совершила десятидневную поездку по Китаю в мае 1974 г. По линии научных обменов КНР посетили делегации Пенсильванского, Гарвардского и Йельского университетов, а также группа специалистов сельского хозяйства. С китайской стороны в США выезжали лишь делегация медицинского общества КНР и группа гимнастов. В конце года в США демонстрировалась китайская археологическая выставка.

Наблюдавшийся спад в развитии политических и других контактов между КНР и США рассматривался в американских кругах как временное явление, возникшее на почве усиления внутриполитической борьбы в Китае. Сторонники китайско-американского сближения в обеих странах рассчитывали, что в случае стабилизации положения и утверждения существующих порядков в КНР может быть достигнут более высокий уровень связей и сотрудничества между Пекином и Вашингтоном.

Политика КНР в Западной Европе. Развитие отношений с западноевропейскими странами Пекин, как и в прошлые годы, подчинял главной задаче — торможению процесса разрядки напряженности в Европе и усилению конфронтации между государствами двух социально-экономических систем. В целях реализации этой задачи китайские лидеры по-прежнему выступали в роли активных поборников интеграции Западной Европы, наращивания военных усилий западноевропейских стран совместно с США в рамках НАТО, продолжали попытки дискредитации Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и переговоров в Вене о сокращении вооруженных сил и масштаба вооружений в Центральной Европе. Пекинские руководители не ослабляли антисоветской пропагандистской кампании, направленной на срыв диалога государств социалистического содружества с западноевропейскими странами.

Стремление Пекина подтолкнуть империалистические круги Запада к созданию конфликтной ситуации в Европе нашло выражение в целой серии выступлений государственных деятелей КНР, в частности заместителей премьера Дэн Сяо-пина и Ли Сянь-няня. Беседуя с группой западногерманской молодежи, Дэн Сяо-пин прямо заявил, что война в Европе неизбежна и что переговоры о разоружении и другие соглашения между Востоком и Западом не предотвратят ее [35].

---

[35] «Times», 3.V.1974.

Провокационные заявления руководителей КНР о неизбежности войны в Европе, вытекающие из великодержавно-националистических установок X съезда КПК, направлены на поддержку призывов руководителей НАТО, в частности Й. Лунса, к расширению программы вооружений этого военного блока под предлогом существующей якобы угрозы со стороны Советского Союза.

Характерно, что в связи с выходом греческих вооруженных сил из-под командования НАТО и свержением салазаровского режима в Португалии министр иностранных дел КНР в унисон с натовскими генералами поспешил высказать «озабоченность» по поводу стратегического ослабления южного фланга НАТО. Следуя тактике запугивания малых и нейтральных государств Западной Европы мифической «опасностью с Востока», Пекин пытался втянуть их в гонку вооружений. Во время посещения КНР министром иностранных дел Австрии Р. Кирхшлегером Чжоу Энь-лай, как отмечала австрийская печать, «остро критиковал» Австрию за слишком слабые усилия в области создания военного потенциала.

Делая акцент на поощрении гонки вооружений, китайские лидеры хотели бы превратить ее в главный тормоз на пути решения политических проблем разрядки напряженности в Европе, поскольку тактика лобовых атак на разрядку доказала свою бесплодность и бесперспективность.

Попытки китайской дипломатии повлиять на позицию западноевропейских стран в отношении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе не достигли цели. Безуспешными оказались и усилия Цяо Гуань-хуа склонить ФРГ к отказу от проведения «восточной политики» и продолжения конструктивного диалога с Советским Союзом и странами социалистического содружества, предпринятые во время его визита в Бонн в октябре 1974 г. Аналогичными результатами закончились переговоры с Австрией и Данией. По сообщениям австрийской печати, доводы министра иностранных дел Р. Кирхшлегера о «возможности мирного сосуществования» в Европе и целесообразности продолжения переговоров с социалистическими странами были холодно встречены Чжоу Энь-лаем. Существенные разногласия с китайской стороной в оценке Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе были зафиксированы и во время визита премьер-министра Дании П. Хартлинга в Пекин (октябрь 1974 г.).

Прогресс, достигнутый в переговорах на Совещании по безопасности, явно не устраивал пекинских руководителей. Не случайно печать КНР по-прежнему замалчивала очевидные сдвиги в решении целого ряда проблем, обсуждавшихся на втором этапе Совещания.

В связи со сменой администрации в ФРГ и Франции Пекин возлагал определенную надежду на ухудшение их отношений с Советским Союзом. Однако визит заместителя министра иностранных дел Цяо Гуань-хуа в Бонн и Париж в октябре 1974 г. окончательно развеял эту надежду. С приходом к власти лейбористов в Англии, взявших курс на улучшение отношений с Советским Союзом и странами социалистического содружества, Пекин явно утратил интерес к развитию контактов с официальным Лондоном.

Не получив поддержки у правительств Англии, Франции, ФРГ и других западноевропейских государств в активизации кампании по срыву диалога между Востоком и Западом, китайские лидеры сконцентрировали усилия на сближении с наиболее правыми империалистическими кругами стран Западной Европы. Именно в этой связи следует рассматривать состоявшиеся визиты в Пекин лидера британских консерваторов Э. Хита (май—июнь 1974 г.) и председателя ХДС Г. Коля (сентябрь 1974 г.), а также приглашение посетить КНР главе баварских «ультра» Ф. И. Штраусу.

Переговоры с Э. Хитом и Г. Колем стали демонстрацией единства негативного подхода руководства КНР и правых сил Англии и ФРГ к вопросам, связанным с улучшением политического климата в Европе. Такая демонстрация понадобилась Пекину как средство оказания давления на правительства Вильсона и Шмидта в их внутриполитической борьбе с оппозицией по проблемам внешней политики.

Об этом свидетельствовал, в частности, прием Э. Хита в Пекине, который был обставлен, как отмечалось в западной печати, на «президентском уровне». Во время посещения КНР лидер британских тори вел переговоры с Мао Цзэ-дуном, Чжоу Энь-лаем, Дэн Сяо-пином и другими официальными лицами по самому «широкому кругу тем», предложенных ему, как он заявил, китайскими руководителями. Визит Э. Хита в Пекин подтвердил, что руководство КНР видело в лидере консерваторов представителя империалистических кругов Великобритании, связывающих усиление роли Англии в Западной Европе с активным использованием антисоветизма, о чем свидетельствовал последний период пребывания их у власти до поражения в феврале 1974 г. Учитывая экспансионистские планы монополистического капитала Англии, в особенности военно-промышленного комплекса, интересы которого представляют консерваторы, Пекин поддержал концепцию Э. Хита об «организации обороны Западной Европы в рамках НАТО» [36], направленную на усиление

---

[36] Эта концепция была изложена Хитом на конференции Консервативной партии в 1971 г.

военной конфронтации со странами — участницами Варшавского договора. Приветствуя это предложение, Чжоу Эньлай выразил во время встречи с Хитом надежду на ускоренную его реализацию.

Совершенно очевидно, что полное одобрение Пекином платформы консерваторов по вопросам европейской политики, и в особенности отношений с социалистическими странами, являлось вызовом программным установкам лейбористов, предусматривавшим ограничение в финансировании программы вооружений и пересмотр условий участия Англии в «Общем рынке». Этим объяснялось заметное охлаждение официальных отношений между Лондоном и Пекином.

Продолжая выступать против «восточной политики» правящей в ФРГ коалиции СДПГ/СвДП, китайское руководство усилило контакты с оппозицией в Бонне, известной своей откровенно реваншистской, антисоветской программой. Именно с этой целью был приглашен в Пекин председатель ХДС Коль и лидер ХСС Штраус [37].

Во время визита в КНР председателя ХДС китайские лидеры недвусмысленно подчеркивали, что они заинтересованы в отходе ФРГ от «восточной политики» Брандта—Шееля. Г. Колю дали понять, что позиция ХДС/ХСС по германскому вопросу, в корне противоречащая системе договоров, заключенных ФРГ с Советским Союзом и другими социалистическими странами Восточной Европы, полностью одобряется Пекином. Оценивая результаты миссии Г. Коля в КНР, близкая к руководящим кругам СДПГ «Нойе Рейн-цайтунг» отметила, что Пекин вновь разыгрывает свою «антимосковскую карту», стремясь противопоставить Западную Европу, в том числе ФРГ, Советскому Союзу. Несколько позднее члены делегации бундестага, посетившие КНР в октябре 1974 г., прямо заявили, что китайская политика делает бóльшую ставку на поддержание отношений с оппозиционными партиями ХДС/ХСС, чем с правительством ФРГ.

Пытаясь помешать реализации «восточной политики» коалиции СДПГ/СвДП, в особенности прогрессу в развитии западногерманско-советских отношений, руководство КНР в канун визита канцлера Шмидта в СССР направило в Бонн Цяо Гуань-хуа. Однако этот ход китайской дипломатии, как показали итоги переговоров в Бонне, не дал ожидаемых результатов. Наскоки Цяо на политику разрядки в отношениях с Восточной Европой были парированы заявлением Геншера, министра иностранных дел, о том, что у ФРГ нет никакой альтернативы, кроме улучшения отношений с СССР и остальными восточноевропейскими государствами. В этих ус-

[37] Визит Штрауса был перенесен с осени 1974 на начало 1975 г.

ловиях Пекин вновь вернулся к тактике оказания давления на боннское правительство через оппозицию в лице партии Штрауса.

Развитие торгово-экономических отношений с Западной Европой, и прежде всего «Общим рынком», продолжало оставаться составной частью внешнеполитического курса Пекина на сближение с государствами данного региона. Это нашло отражение как в заключении целого ряда сделок на импорт оборудования и промышленного сырья, так и в организации в Пекине промышленных выставок западноевропейских стран (Франции, Австрии, Швейцарии, Дании).

Согласно сообщениям западной печати, с лета 1973 по февраль 1974 г. внешнеторговые компании КНР заключили в Западной Европе более 20 крупных контрактов на сумму 370 млн. ф. ст. Из сделок 1974 г. наиболее крупной был заказ на поставку европейским консорциумом, в котором ведущие позиции занимают западногерманские фирмы «Демаг АГ» и «Шлёман-Симак АГ», оборудования для производства проката мощностью 1 млн. т в год. Согласно контракту, подписанному в марте, консорциум предоставит Китаю техническую помощь и лицензии на сборку и эксплуатацию оборудования, а также обеспечит учебу 190 китайских специалистов в ФРГ и других западноевропейских странах. Оборудование будет введено в эксплуатацию в 1977 г. и обойдется Китаю в 500 млн. з.-г. марок.

Другая крупная сделка — подписанные в феврале с Францией три контракта на экспорт в КНР шести химических заводов общей стоимостью 120 млн. долл.[38]. Значительный интерес КНР проявила и к закупкам энергетического оборудования. Во Франции и Бельгии были размещены заказы на комплектное оборудование для электростанций стоимостью более 50 млн. долл. Во второй половине года западногерманские фирмы «Демаг АГ» и «Шлёман-Симак АГ» получили новый заказ на установку для непрерывной разливки стали стоимостью 150 млн. марок. В соответствии с условиями контракта фирма «Демаг» также обеспечит подготовку китайских специалистов в ФРГ.

Рост импорта комплектного оборудования, средств транспорта и промышленного сырья из западноевропейских стран, свидетельствующий о техническом отставании целого ряда отраслей китайской промышленности и транспорта, создал немалые трудности для КНР с оплатой закупок. Хронический дефицит в торговле с ведущим торговым партнером в Западной Европе — ФРГ — стал серьезной проблемой для КНР.

---

[38] В дополнение к сделке 1973 г. на продажу оборудования для нефтехимического комбината стоимостью 240 млн. долл.

Эта проблема всесторонне изучалась на 1-й сессии смешанной китайско-западногерманской экономической комиссии в июне 1974 г. Однако выравнять торговый баланс так и не удалось. Предполагается, что и в дальнейшем он будет сводиться с большим пассивом для китайской стороны. Аналогичная трудность имела место в торговле с Англией и другими странами Западной Европы. В частности, превышение в 1973 г. британского экспорта над импортом почти вдвое повлекло за собой сокращение закупок в Англии в 1974 г.

Характерно, что в целом вторая половина 1974 г. была отмечена слабой активностью внешнеторговых компаний КНР в размещении заказов на импорт из западноевропейских стран. Очевидно, это связано с общей проблемой оплаты импорта оборудования, заказанного в прошлые годы. В значительной мере названная проблема объяснялась также высоким таможенным барьером «Общего рынка» на пути продвижения из КНР сельскохозяйственной продукции и изделий легкой промышленности, что затрудняло оплату китайского импорта из стран ЕЭС.

Следствием отмеченных выше трудностей в развитии торговли в 1974 г. стало явное снижение темпов роста товарооборота с западноевропейскими странами. Подводя итоги прошедшего года, западная печать отмечала, что объем торговли с Китаем в 1974 г. «обманул надежды», возникшие в 1973 г. в связи со значительным увеличением числа сделок и выставок западноевропейских стран в Пекине.

КНР и Япония. Объектом самого пристального внимания китайского руководства в 1974 г. оставались отношения с Японией. Между КНР и Японией были заключены три межправительственных соглашения, осуществлялся активный обмен визитами, расширились торгово-экономические связи.

Основной упор был сделан на заключении межправительственных соглашений по вопросам торговли, авиационного сообщения, рыболовства, судоходства. Подписание этих соглашений рассматривалось сторонами как подготовка условий для начала переговоров с целью заключения договора о мире и дружбе.

В начале года состоялся визит в КНР министра иностранных дел Японии М. Охира в связи с подписанием межправительственного торгового соглашения, которое было парафировано в декабре 1973 г. Это соглашение, заключенное сроком на три года, предусматривало взаимное предоставление режима наиболее благоприятствуемой нации, расчеты в иенах и юанях, а также в конвертируемой валюте третьих стран, развитие экономического и научно-технического сотрудничества, проведение промышленных выставок,

торгового арбитража. Между сторонами был также подписан меморандум об обмене журналистами.

М. Охира вел переговоры с Чжоу Энь-лаем, Цзи Пэн-фэем, был принят Мао Цзэ-дуном. Расценивая внимание, оказанное М. Охира в Пекине, как свидетельство особой важности для Китая отношений с Японией, японская печать отмечала, что китайские руководители считают «китайско-японскую дружбу наиболее значительным фактором во всей своей политике на международной арене, включая отношения с США, Советским Союзом и со странами Азии».

Между М. Охира и китайскими руководителями состоялся обмен мнениями по ряду проблем двусторонних и международных отношений (итоги визита премьера К. Танака в Европу и Советский Союз, энергетический кризис и др.).

Наиболее острой проблемой переговоров в Пекине явилось межправительственное соглашение о воздушном сообщении. Переговоры об этом соглашении, длившиеся более года, зашли в тупик из-за разногласий сторон по вопросу о существующей линии Токио—Тайбэй. Как сообщала японская печать, в итоге переговоров в Пекине был найден подход к решению проблемы, состоявший в том, чтобы рассматривать авиалинию Токио—Пекин как единственную, связывающую Японию и Китай, а авиалинию Токио—Тайбэй как локальную, функционирующую на частном уровне. Иными словами, договоренность свелась к изменению внешнего статуса авиалинии Токио—Тайбэй, а не к ее ликвидации, на чем ранее настаивал Пекин, трактуя возможность одновременного пребывания самолетов КНР и Тайваня в аэропортах Японии как создающую ситуацию «двух Китаев».

В ходе переговоров в Пекине была также затронута проблема договора о мире и дружбе. Китайская сторона выразила настойчивое желание ускорить темпы заключения межправительственных соглашений и открыть путь переговорам относительно договора о мире и дружбе. М. Охира передал Цзи Пэн-фэю приглашение посетить Японию.

В марте 1974 г. в Пекине возобновились переговоры об авиалинии Китай—Япония, и 20 апреля было подписано соглашение об установлении воздушного сообщения между Пекином и Токио. В связи с подписанием соглашения министр иностранных дел Японии М. Охира сделал заявление, что Япония не будет рассматривать самолеты тайваньской авиации и эмблему флага на них как представляющие какое-либо государство. Ответной реакцией Тайваня на это заявление явилось закрытие авиалинии Токио—Тайбэй.

Почти одновременно с подписанием авиационного соглашения в Токио возобновились прерванные (в июле 1973 г.) переговоры о межправительственном рыболовном соглаше-

нии. Однако из-за острых разногласий между сторонами переговоры были вновь отложены. По сообщениям японской печати, японская сторона отказалась согласиться с жесткими ограничениями, предложенными КНР в вопросах об охране морских ресурсов в Восточно-Китайском и Желтом морях, о правилах промысла в прибрежных водах и т. п. Как и в 1973 г., стороны вынуждены были вновь продлить частное рыболовное соглашение.

Безрезультатно закончился также и новый тур переговоров о морском судоходстве, начатый по инициативе Китая в июле 1974 г. Камнем преткновения, как и в ходе переговоров об авиационном соглашении, явилась проблема отношения к флагу на судах Тайваня. Во время визита в Пекин в августе 1974 г. председатель партии Комэйто И. Такэири предупредил китайскую сторону, что ее упорство в обсуждении «тайваньских сюжетов» может отрицательно сказаться на дружественных отношениях между двумя странами.

Последующий ход событий показал, что предупреждение возымело действие. Как сообщали информированные японские источники, И. Такэири привез из Пекина личное послание Чжоу Энь-лая премьеру К. Танака, содержавшее заверения китайской стороны в намерении всемерно углублять дружбу и взаимопонимание с Японией и призывавшее к возобновлению переговоров о судоходном и рыболовном соглашениях и скорейшему подписанию китайско-японского договора о мире и дружбе. В послании особо подчеркивалась надежда китайской стороны на заключение договора о мире и дружбе с Японией при кабинете К. Танака [39].

К этому времени в Пекине уже начали проявлять серьезную озабоченность шаткостью позиций кабинета К. Танака. Официально Китай не комментировал поражение правящей Либерально-демократической партии на выборах в палату советников (июль 1974 г.), однако внимание его к развитию ситуации в Японии, как отмечали иностранные наблюдатели, было самым пристальным. Маоистские лидеры не просто демонстрировали свою повышенную заинтересованность в развернувшихся в Японии политических событиях, но и постарались сделать максимум возможного, чтобы подкрепить позиции К. Танака. В многочисленных беседах с влиятельными японскими делегациями Дэн Сяо-пин, Ли Сянь-нянь и другие китайские руководители настойчиво подчеркивали свое неизменное доверие К. Танака, «историческое значение» его кабинета, осуществившего нормализацию дипломатических отношений с Китаем, «от всего серд-

[39] «Иомиури», 25.IX.1974; «Асахи», 29.IX.1974.

ца» желали, чтобы «буря как можно скорее утихла» и К. Танака преодолел «кризисную ситуацию» [40].

Недвусмысленные попытки Пекина оказать давление на ход политической борьбы в Японии и во что бы то ни стало удержать у власти кабинет К. Танака привели к стычке в ходе одной из таких бесед (в присутствии посла в КНР Х. Огава) между Дэн Сяо-пином и председателем палаты советников К. Коно, который квалифицировал позицию китайской стороны как вмешательство во внутренние дела Японии. О недовольстве японских руководящих деятелей вмешательством Пекина во внутриполитическую борьбу в Японии был предупрежден и посол КНР в Токио Чэнь Чу.

Одновременно, стремясь создать видимость успеха деятельности кабинета К. Танака на внешнеполитическом поприще, китайские лидеры пошли на значительное изменение тактики своего подхода к ряду сложных вопросов в китайско-японских отношениях, и прежде всего к проблеме Тайваня и о-вов Сэнкаку, в ходе переговоров о межправительственных соглашениях и относительно договора о мире и дружбе. По оценкам японской печати, позиция Пекина стала примирительнее, чем когда-либо.

Возобновляя переговоры с Японией о судоходстве (октябрь 1974 г.), в Пекине заблаговременно дали понять, что они пройдут без затруднений (заявление Ли Сянь-няня). Аналогичный подход был обещан со стороны Китая и при заключении рыболовного соглашения. Устранение этих «трудностей» выразилось в готовности Пекина снять проблему Тайваня в ходе переговоров с Японией.

12 ноября 1974 г. между Китаем и Японией было заключено третье межправительственное соглашение — о морском судоходстве, достигнутое без какого-либо упоминания о дальнейших взаимоотношениях Японии с Тайванем по этому вопросу. Как подчеркивала японская печать, китайская сторона на этот раз не потребовала от Японии заверения наподобие того, какое было сделано М. Охира в связи с подписанием авиационного соглашения. Учитывая нежелание японской стороны ставить под угрозу судоходное сообщение с Тайванем, избегая возникновения малейших трений в отношениях с Японией, пекинские лидеры вновь продемонстрировали беспредельную «эластичность» своих «принципов».

---

[40] См. заявления Дэн Сяо-пина в беседах с делегацией японских журналистов («Иомиури», 21.VIII.1974); с делегацией членов ЛДП во главе с председателем Совета по изучению политических вопросов О. Кояма («Mainichi», 22.IX.1974; «Daily Yomiuri», 18.XI.1974); с группой депутатов парламента от ЛДП во главе с председателем Комиссии по делам торговли и промышленности палаты представителей С. Хамано («Иомиури», 30.X.1974).

Одновременно в Пекине начали энергично форсировать открытие официальных переговоров по поводу договора о мире и дружбе с Японией, подчеркивая готовность заключить его «как можно скорее, еще при кабинете К. Танака». При этом было продемонстрировано намерение обойти не только проблему Тайваня в японо-китайских отношениях, но и территориальные споры — о принадлежности о-вов Сэнкаку. В беседе с делегацией Общества японо-китайской дружбы (так называемого «ортодоксального») Дэн Сяо-пин прямо высказался за то, чтобы проблема Сэнкаку была снята с повестки дня переговоров, так как для разрешения этой проблемы, по его словам, понадобились бы годы. На встрече с другой японской делегацией член Политбюро ЦК КПК Хуа Го-фэн также призвал к скорейшему заключению договора о мире и дружбе между двумя странами, заявив, что Китай тщательно обсудит с Японией вопрос о принадлежности о-вов Сэнкаку после его подписания. О достижении договоренности не поднимать в ходе переговоров территориальных проблем было официально объявлено в Японии после визита в Токио в связи с подписанием соглашения о судоходстве в ноябре 1974 г. заместителя министра иностранных дел КНР Хань Нань-луна. Последний вел переговоры в Токио с министром иностранных дел Японии Т. Кимура, заместителем министра иностранных дел Ф. Того, был принят премьером К. Танака, которому передал еще одно личное послание Чжоу Энь-лая.

Сообщая о результатах состоявшегося обмена мнениями по поводу договора о мире и дружбе между двумя странами, министр иностранных дел Т. Кимура указал, что точка зрения о завершении послевоенного урегулирования между Китаем и Японией (подписанием совместного коммюнике о нормализации дипломатических отношений в сентябре 1972 г.) является общей для обеих сторон, что акцент в предстоящем договоре будет сделан на развитии дружбы между двумя странами и что по своему характеру он не будет подходить для того, чтобы касаться территориальной проблемы.

Вместе с тем официальная позиция сторон в вопросе о принадлежности о-вов Сэнкаку, как и в вопросе о Тайване, не оставляла никаких сомнений в том, что перенесение акцента с мира в предстоящем договоре о мире и дружбе на дружбу продиктовано стремлением временно, на данном этапе, обойти сложные проблемы двусторонних отношений, отложив их разрешение на период «после дружбы» [41].

---

[41] Показательно, что примерно в этот же период Дэн Сяо-пин, как сообщала иностранная печать, в беседе с делегацией зарубежных китайцев, посетившей Пекин во время национальных торжеств в октябре

Причины поспешности, с которой Пекин продемонстрировал изменение своих взглядов, получили весьма реалистичную оценку в японской печати. С одной стороны, они характеризовались как «активный защитный огонь» китайских лидеров «в поддержку премьера К. Танака», с другой — как средство достижения Пекином важнейших целей на международной арене: опередить Советский Союз в подписании мирного договора с Японией и тем самым осложнить отношения между этими странами, подстегнуть США угрозой сближения с Японией к большей уступчивости во взаимоотношениях с Китаем.

Не менее активна была деятельность Пекина в развитии торгово-экономических отношений с Японией. В 1974 г. Китай посетили ряд влиятельных экономических делегаций Японии. Торговля КНР с Японией превысила 3 млрд. долл., увеличившись по сравнению с 1973 г. более чем на 50%. На долю Японии пришлось более 1/4 всего торгового оборота Китая. Резко возрос японский экспорт в Китай: за девять месяцев 1974 г. (январь — сентябрь) он составил 1287 млрд. долл., на 80% больше, чем в 1973 г. Япония получила самое большое активное сальдо (около 500 млн. долл.), какое когда-либо имела в торговле с КНР. В японском экспорте значительная доля приходилась на суда, промышленное оборудование (рост почти на 200% по сравнению с 1973 г.), искусственное волокно. Экспортно-импортный банк Японии в 1974 г. принял решение о финансировании поставок в КНР оборудования для семи предприятий. Главной статьей китайского экспорта в Японию была нефть — 4,5 млн. т, т. е. около 1/4 всего экспорта КНР в Японию.

Следует особо отметить, что в 1974 г., в условиях обострения энергетического кризиса, с откровенной целью не допустить участия Японии в разработке тюменского нефтяного проекта китайские руководители активно использовали нефть как фактор политики в отношении Японии. Реклама широких возможностей Китая в значительной мере удовлетворить потребности Японии в нефти и другом энергетическом сырье являлась одной из наиболее характерных черт «японской» политики Пекина в 1974 г. Япония была первой из несоциалистических стран, представителям которой было показано третье по запасам нефти в Китае месторождение Даган на побережье Бохайского залива. В то же время инициатива Японии по поводу возможности заключения с Китаем межправительственного соглашения о поставках китай-

---

1974 г., выразил сомнение в возможности «мирного» решения тайваньской проблемы и заявил о необходимости серьезного рассмотрения «немирных методов». Дэн Сяо-пин дал также понять, что Китай никогда не уступит Японии о-вов Сэнкаку.

ской нефти на стабильной долгосрочной основе особого энтузиазма со стороны КНР не вызвала.

Летом — осенью 1974 г. в Осака и Токио были организованы выставки китайских товаров (с распродажей фаянса, камней, ковров, а также продовольствия по сниженным ценам). В ноябре 1974 г. в Пекине состоялось открытие японской сельскохозяйственной выставки. Ко второй годовщине нормализации японо-китайских отношений (29 сентября 1974 г.) было приурочено открытие авиалинии Токио — Пекин.

Стабильной чертой политики Пекина в отношении Японии оставалось навязывание антисоветизма. Обработка Японии в антисоветском духе велась по всем направлениям и на всех уровнях. Заявления видных китайских руководителей, печать КНР изобиловали выпадами против Советского Союза и его политики в отношении Японии, имевшими откровенную цель подорвать развитие добрососедских отношений между СССР и Японией. Антисоветской обработке подвергались представители как консервативных, так и прогрессивных сил. Выступая, например, в январе 1974 г. на приеме в честь делегации Социалистической партии Японии во главе с К. Сасаки, Ляо Чэн-чжи в качестве препятствий на пути японо-китайской дружбы назвал протайваньское лобби в правящей партии Японии и «находящегося по соседству с нами на Севере большого медведя»[42]. На встрече с делегацией ЛДП во главе с Т. Кимура в том же месяце Дэн Сяо-пин призвал к сплочению КНР и Японии перед лицом «угрозы с Севера», «предостерегал» Японию от участия в разработке тюменского проекта, «защищал» ее от «варварского» отношения к ней Советского Союза и пр. Аналогичной обработке подвергались и деловые круги Японии. В антисоветскую кампанию активно включились пропекинские силы в самой Японии.

Японская печать недвусмысленно оценивала «мягкость» и «гибкость» подхода Пекина к Японии как следствие политики противоборства, которую маоистские лидеры проводят в отношении Советского Союза.

Китайское руководство продолжало проводить курс откровенной враждебности по отношению к Коммунистической партии Японии. В Пекине неизменно отказывались допустить участие членов КПЯ в какой-либо из делегаций, направлявшихся в Китай.

Отношения КНР с Канадой, Австралией и Новой Зеландией. В связи с провалом подрывных действий пекинской дипломатии, направленных против мирных инициатив СССР и других государств социалистического содружества,

---

[42] «Асахи», 8.I.1974.

в последнее время наряду с замедлением процесса китайско-американского сближения заметно ослабла активность в отношениях между КНР и Канадой.

Некоторые внешнеполитические шаги Канады (сокращение вдвое численности ее войск, входящих в состав военной организации НАТО, выступления за созыв международной конференции по разоружению, конструктивное участие в Общеевропейском совещании), расходясь с расчетами Пекина, вызывали у него недовольство, что заметно отражалось на состоянии двусторонних отношений.

В 1973—1974 гг. стороны не продолжили практику обмена визитами на правительственном уровне, начатую в предшествующие годы. Выполнение достигнутой в 1971 г. договоренности об обмене специалистами свелось фактически к односторонним и весьма ограниченным мерам Канады: в 1974 г. в Китае побывали группы канадских педагогов, работников информации, спортсменов. Назначенное на 4 мая 1974 г. открытие китайско-канадской воздушной линии Пекин — Ванкувер было отложено на начало 1975 г. из-за затянувшихся переговоров о тарифе перевозок.

Остаются нереализованными соглашения о строительстве канадскими специалистами нескольких промышленных предприятий в Китае, а также о поставках Канадой комплектного оборудования для производства синтетического каучука.

Двусторонние отношения в 1974 г. ограничивались в основном областью торговли. Товарооборот между КНР и Канадой продолжал расти, хотя и не в такой степени, на какую, вероятно, рассчитывали канадские торгово-промышленные круги. В 1974 г. он составил около 405 млн. долл. против 321 млн. в 1973 г.[43]. Как и в предыдущие годы, торговля велась со значительным пассивным сальдо для Китая (в 1974 г.— 315 млн. долл.). Такое положение определялось в основном крупными закупками КНР пшеницы в Канаде при крайне незначительном объеме китайского экспорта в эту страну.

На долю пшеницы приходилось в начале 70-х годов до 90% импорта КНР. По долгосрочному соглашению Канада должна была поставить в течение 1974—1976 гг. 8 млн. т пшеницы на сумму более 1 млрд. долл. Однако в 1973 — 1974 гг. китайцы, ссылаясь на повышение цен на канадскую пшеницу, сократили ее импорт до 1,5 млн. т (вместо намечавшихся 3 млн. т). В конце 1974 г. они отказались от реализации контрактов на поставку из Канады еще 500 тыс. т пшеницы [44], что существенно изменило всю картину двусторон-

---

[43] «Бюллетень торгово-экономической информации», 1974, № 11, с. 64.
[44] «Globe and Mail», 6.XII.1974.

них торговых отношений. Еще до этого в структуре китайского импорта наметились некоторые изменения: начиная с 1973 г. стала увеличиваться доля таких товаров в импорте из Канады, как промышленное оборудование, химические товары, стратегическое сырье (никель, медь), которые составили в 1974 г. до 1/3 всего объема закупок [45].

В начале 1974 г. в Канаду выезжала китайская торговая делегация, которая вела там переговоры о расширении торговли, добиваясь увеличения канадского импорта из КНР с целью выравнивания баланса товарооборота.

Весной 1974 г. в Шанхае была проведена канадская торговая выставка. Китайские организации закупили 60% экспонатов выставки, среди которых преобладало промышленное и электронное оборудование. Несколько ранее был оформлен контракт на поставку в КНР 16 авиамоторов общей стоимостью 2 млн. долл.

Китайское руководство придавало важное значение установлению дипломатических связей с Австралией и Новой Зеландией, рассчитывая использовать их в первую очередь в целях усиления своего влияния в странах Юго-Восточной Азии, поддерживающих тесные контакты с правительствами Канберры и Веллингтона.

Вскоре после признания КНР австралийские руководители выступили с инициативой создания организации регионального сотрудничества стран Азии и бассейна Тихого океана с привлечением к участию в ней Китая. Премьер-министр Гоф Уитлем провел зондаж по этому вопросу во время своей поездки по странам Юго-Восточной Азии в январе — феврале 1974 г. Выступая 12 февраля в Маниле, он заявил, что «любая международная организация в Азии и Тихом океане будет несовершенной и весьма дефективной, если в ней не будет Китая».

Предложение о создании указанной организации было, видимо, предметом переговоров в Пекине во время визита туда заместителя премьер-министра Австралии Дж. Кернса (4—14 октября). Кернс разъяснил, что проектируемая организация призвана обеспечить постоянный механизм политических и экономических консультаций между странами-участницами и может в дальнейшем развиться в нечто подобное «Общему рынку». Пекинские лидеры (в частности, Дэн Сяо-пин в беседе с Кернсом) одобрительно отнеслись к австралийской инициативе. Однако она не нашла поддержки со стороны большинства стран Юго-Восточной Азии, особенно тех, которые воздерживаются от установления отношений с Пекином. К тому же сказались определенные противоречия

[45] «Far Eastern Economic Review», 27.XII.1974, с. 3.

между самими заинтересованными сторонами — Австралией и Китаем.

Австралийское правительство, вынужденное считаться с новыми тенденциями в мировой политике, обусловленными изменившимся соотношением сил, заявило о своей готовности держаться курса на разрядку международной напряженности и в связи с этим высказалось в пользу миролюбивой инициативы Советского Союза. Оно поддержало предложение стран АСЕАН о нейтрализации Юго-Восточной Азии. В отличие от Пекина Австралия и Новая Зеландия выступили против создания англо-американской базы на о-ве Диего-Гарсиа, за превращение Индийского океана в «зону мира». Австралия, как и другие страны региона, по существу, осудила незаконный захват Китаем Парасельских островов, высказавшись против попыток решать спорные вопросы с помощью силы. Австралия и Новая Зеландия систематически выступали с протестами против проведения Китаем и Францией испытаний ядерного оружия.

Правительственные и общественные круги Австралии и Новой Зеландии учитывали и то, что в Китае не прекращается внутренняя борьба, положение пекинского режима неустойчиво и его политика затрудняет сотрудничество с ним.

Все это ограничивало возможности расширения политических связей между КНР и указанными странами, побуждало правительства Австралии и Новой Зеландии проявлять определенную сдержанность в отношениях с маоистским Китаем.

В отношениях КНР с Австралией упор делался на развитие торговли. В 1974 г. объем товарооборота этих стран составил примерно 210 млн. долл. с отрицательным сальдо для Китая в 154 млн. долл.[46]. Основой китайского импорта из Австралии были пшеница и шерсть, среди других статей импорта — железо, сталь, медь, цинк, электронное оборудование, научные приборы. В последнее время китайские торговые организации проявляли интерес к закупкам в Австралии дорожно-строительного оборудования, сельскохозяйственных машин, а также авиационной техники.

Астралия и до установления дипломатических отношений с КНР являлась главным поставщиком зерна в Китай, который в отдельные годы закупал до 40% всей экспортируемой австралийцами пшеницы. В октябре 1974 г. был подписан самый крупный контракт на поставку в течение трех лет 4,7 млн. т пшеницы на сумму около 600 млн. долл. Однако позже китайская сторона заявила о сокращении закупок, предусмотренных контрактом. Австралия, в свою очередь,

---

[46] «Бюллетень торгово-экономической информации», 1974, № 11, с. 61.

тоже сократила импорт из Китая, что было объяснено осуществлением мер по улучшению платежного баланса страны.

Объем торговли КНР с Новой Зеландией незначителен. В 1974 г. он составил около 20 млн. долл. Китайцы закупали в Новой Зеландии шерсть, мясо-молочные продукты, цветные металлы, древесину, а продавали текстильные товары (главная статья экспорта), щетину и различные кустарные изделия.

Между КНР и Новой Зеландией налаживался обмен делегациями специалистов. В Китае побывали новозеландские специалисты текстильной промышленности и медицинские работники, а специалисты сельского хозяйства КНР изучали опыт фермерских хозяйств в Новой Зеландии.

КИТАЙ И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ

Как уже отмечалось, в 1974 г. заметно усилилась борьба Китая за лидерство в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, т. е. в так называемом «третьем мире», что явилось одной из наиболее характерных черт внешней политики пекинского руководства в истекшем году. На протяжении 1974 г. китайское руководство всеми средствами афишировало свою поддержку борьбы развивающихся стран, осуществляло курс на максимальное расширение отношений со странами «третьего мира».

В течение года Китай установил официальные дипломатические отношения еще с восемью государствами «третьего мира» — Гвинеей-Бисау (март), Габоном (апрель), Малайзией (май), Тринидадом и Тобаго (июнь), Венесуэлой (июнь), Нигером (июль), Бразилией (август), Гамбией (декабрь). Впервые прямые контакты были установлены с Бутаном.

В 1974 г. с официальными визитами в Пекине побывали главы правительств и видные государственные деятели Алжира, Сенегала, Замбии, Танзании, Пакистана, Малайзии, Нигерии, Того, Мавритании, Габона, Тринидада и Тобаго, Заира и многих других стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Были расширены экономические, военные, культурные и прочие контакты между Китаем и развивающимися странами. В качестве одного из важнейших рычагов воздействия на внутреннюю и внешнюю политику развивающихся стран, средства вовлечения их в орбиту политического и экономического влияния Китая пекинские лидеры продолжали использовать экономическую помощь. Наряду с всемерной активизацией двусторонних отношений Пекин демонстриро-

вал свою поддержку странам «третьего мира» в различных международных организациях.

Особого размаха пропагандистская кампания и дипломатическая активность, предпринятая пекинским руководством в отношении развивающихся стран, достигла в ходе подготовки и проведения VI Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (апрель — май 1974 г.). В условиях новой фазы борьбы развивающихся стран за ломку неравноправных экономических отношений, навязанных империализмом, в Пекине решили использовать VI сессию Генеральной Ассамблеи ООН для того, чтобы с помощью демагогии сплотить вокруг своей платформы развивающиеся страны, дезориентировать их и втянуть в русло великодержавной антисоветской политики китайских лидеров на мировой арене.

Выступление на сессии главы китайской делегации Дэн Сяо-пина (10 апреля), присвоившего себе право говорить от лица «третьего мира», прозвучало откровенной программой борьбы Китая за лидерство в «третьем мире», за изоляцию и противопоставление развивающихся стран их естественному союзнику — мировому социализму, за подчинение антиимпериалистической борьбы великодержавным интересам Пекина в его продолжающемся торге с империализмом. Объявив, что социалистический лагерь перестал уже существовать, Дэн Сяо-пин охарактеризовал страны «третьего мира» как «революционную движущую силу, толкающую вперед колесо мировой истории, а также главную силу в борьбе против колониализма, империализма и в особенности сверхдержав».

В условиях углубления антагонизма между развивающимися странами и мировым империализмом китайские лидеры оказались вынуждены скорректировать антиимпериалистический аспект своего подхода к проблемам «третьего мира». В 1974 г. выявилась тенденция к оживлению политических установок 60-х годов, когда антисоветизм «уживался» с лозунгами антиимпериализма.

Стало очевидным стремление пекинского руководства воспользоваться углублением кризисных явлений в экономике капиталистического мира, в первую очередь энергетическим кризисом, для того чтобы выступить в выгодной роли «посредника» между капиталистическими и развивающимися странами и заручиться тем самым расположением со стороны империализма. Призывы Пекина к политическому и экономическому сотрудничеству «третьего мира» со странами «второго мира», фактически к ориентации развивающихся стран на капиталистический мир, подкреплялись недвусмысленной активностью китайской дипломатии в наведении

«мостов взаимопонимания» между нефтедобывающими странами и отдельными центрами империализма в лице Западной Европы, Японии.

Китайское руководство сосредоточило усилия на том, чтобы размах антиимпериалистической борьбы не привел к упрочению связей развивающихся стран с мировым социализмом. Советский Союз был объявлен самым опасным «врагом» развивающихся стран, ведущей разновидностью «империализма», «гегемонизма» и «неоколониализма», страной, которая якобы «контролирует» страны Азии, Африки и Латинской Америки в «политическом, экономическом и военном отношениях». (В «Предложениях о генеральной линии международного коммунистического движения», с которыми пекинские лидеры выступили в 1963 г., эти обвинения адресовались американскому империализму.)

Провозглашая на словах тезис «единства» и «сплоченности» всего «третьего мира», пекинские лидеры на практике осуществляли дифференцированный подход к отдельным странам, районам и континентам с учетом их экономической, политической и стратегической значимости для Китая и готовности к восприятию пропагандируемых идей.

Наименее урегулированными остались отношения Китая со странами Азии, несмотря на то что «дипломатическое наступление», предпринятое Пекином на «третий мир», распространилось и на них. Ни одна из этих стран не признала претензий Пекина на роль лидера «третьего мира», его опекуна и сплачивающей силы.

Откровенной враждебностью характеризовался в 1974 г. подход Китая к крупнейшей из стран «третьего мира» — *Индии.* Рассматривая Индию как опасного соперника в «третьем мире», и в особенности в Азии, китайские лидеры не оставили надежды «вывести» ее за рамки «третьего мира», объявив «субсверхдержавой».

В начале года китайское руководство, апеллируя к реакционным кругам Индии, дало понять, что индийско-китайские отношения могут быть нормализованы, если Индия пойдет на свертывание связей с Советским Союзом. Критика в адрес Индии была несколько приглушена. Советско-индийский договор стал подаваться как результат «происков» «социал-империализма», а сама Индия — как его «жертва». В «расчленении» Пакистана Дэн Сяо-пин с трибуны ООН (10 апреля 1974 г.) обвинил уже только Советский Союз. Пекин активно пытался стать в позу чуть ли не защитника Индии от Советского Союза, предупреждая ее об «опасности» советской помощи и т. п.

Одновременно в области практической политики китайское руководство продолжало оказывать давление на Индию

посредством создания внешних и внутренних трудностей для этой страны, вплоть до прямой поддержки антиправительственных сепаратистских движений. В Тибете, по заявлениям министра обороны Индии Дж. Рама (28 февраля 1974 г.), было размещено ракетно-ядерное оружие, нацеленное на районы Центральной Азии и Индии. Систематически подготавливались и засылались в Индию так называемые «партизаны» для провоцирования сепаратистских движений в северо-восточных районах, где обитают племена нага и мизо. Вмешательством во внутренние дела Индии являются позиция КНР по вопросу Кашмира и многочисленные заявления о поддержке ею «борьбы кашмирского народа за право на самоопределение». Провозглашение Сиккима ассоциированным штатом Индии также послужило поводом для вмешательства КНР. В заявлении МИД КНР от 11 сентября 1974 г. это событие было объявлено «актом экспансионизма».

Курс в отношении Индии в значительной мере определял общий подход Китая к Южной Азии. Политика Пекина в этом районе была по-прежнему направлена на затягивание конфликтных отношений между Индией и Пакистаном, на срыв разрядки напряженности на субконтиненте.

В связи с этим пристальное внимание Пекин уделял отношениям с *Пакистаном*. В январе 1974 г. состоялся визит в Пакистан военной делегации КНР во главе с заместителем начальника Генерального штаба НОАК Чжан Цай-цянем. Сообщая, что в ходе переговоров обсуждался вопрос об увеличении военных поставок Пакистану, иностранная печать подчеркивала стремление Пекина использовать эту страну не только как противовес Индии, но и как плацдарм для распространения влияния Китая на Среднем Востоке. В течение года между Китаем и Пакистаном был заключен ряд соглашений об экономическом и научно-техническом сотрудничестве. Китай выразил готовность направить в Пакистан консультантов по экономическим вопросам. В октябре открылось регулярное воздушное сообщение на линии Пекин — Карачи — Париж. Продолжалась активная антисоветская обработка Пакистана.

Наметились некоторые сдвиги в политике Пекина по отношению к *Бангладеш*. Между КНР и Бангладеш были установлены прямые контакты на высоком уровне. Представитель Китая в Совете Безопасности ООН заявил, что «налицо условия для вступления Бангладеш в Организацию Объединенных Наций». В то же время китайское руководство прилагает усилия к разжиганию в Бангладеш антииндийских и антисоветских настроений, проводит политику натравливания одних народов Южной Азии на другие.

Активно развивались отношения КНР с *Шри Ланкой* и *Непалом*. Был подписан ряд соглашений об оказании Китаем экономической «помощи» этим странам. Еженедельник «Трибюн» (Шри Ланка) отмечал: «Примечательно, что Китай пока не потребовал взамен никаких политических уступок. Пекинские лидеры хорошо понимают, что в политике для получения ощутимых результатов надо уметь ждать, и они готовы делать это»[47].

После длительного перерыва (с июля 1973 г., когда в Афганистане был провозглашен республиканский строй) возобновились контакты КНР с *Афганистаном*. В апреле в Кабуле подписано новое соглашение между Китаем и Афганистаном о торговле и платежах сроком на два года.

Продолжали укрепляться межгосударственные связи КНР с *Ираном*. В сентябре во время визита в Иран китайской экономической делегации, которую возглавлял министр внешней торговли КНР Ли Цян, было подписано торговое соглашение между двумя странами. В ноябре открыта воздушная линия между Пекином и Тегераном. Китайская печать всячески подчеркивала дружественные отношения между КНР и Ираном, стремясь столкнуть Иран на антисоветские позиции.

Китай усиленно вел поиск путей восстановления дипломатических отношений со странами Юго-Восточной Азии. После почти двухлетних переговоров 31 мая были установлены дипломатические отношения с *Малайзией*, первой из стран АСЕАН. В совместном коммюнике, для подписания которого с визитом в Пекин прибыл премьер А. Разак, стороны заявили о невмешательстве во внутренние дела друг друга (хотя вмешательство осуществлял только Китай).

Активно развивались неофициальные отношения с *Филиппинами* и *Таиландом*. Наиболее значительным событием в китайско-филиппинских отношениях явился визит в Пекин специального представителя президента Филиппин — его супруги И. Маркос (20—27 сентября). Она вела переговоры с Чжоу Энь-лаем, была принята Мао Цзэ-дуном. Визит И. Маркос широко освещался в китайской печати и использовался для заверений стран региона в приверженности Пекина принципам ненападения, невмешательства во внутренние дела, мирного сосуществования.

В начале года визит в Пекин совершил министр обороны Таиланда Т. Чуласаб, обсуждавший с китайским руководством проблему нормализации отношений между двумя странами. В декабре Национальное собрание Таиланда отменило декрет (принятый 16 лет назад), запрещавший торговлю

---

[47] «Tribune», 8.I.1974.

с КНР и рассматривавшийся как главное препятствие на пути развития отношений с Китаем.

Отношения КНР с *Сингапуром* развивались в основном по линии торговли.

Не произошло каких-либо заметных сдвигов в отношениях КНР с *Индонезией,* единственной страной в ЮВА, с которой Китай не обменялся ни одной делегацией. По заявлению министра иностранных дел Индонезии А. Малика, сделанному в начале октября, «в вопросе о восстановлении нормальных отношений между Индонезией и КНР нет никакого прогресса, поскольку Индонезия к этому пока еще не готова». Китайская печать воздерживалась от критических замечаний в адрес Индонезии. Характерным моментом явились настойчивые усилия Пекина придать антисоветскую окраску позиции Индонезии по некоторым международным вопросам, в частности по вопросу о судоходстве в Малаккском проливе.

Позиция Китая в отношении *Бирмы, Лаоса, Камбоджи* в сравнении с предшествующими годами заметных изменений не претерпела.

Дипломатическая активность Пекина, несмотря на очевидную заинтересованность стран ЮВА в нормализации отношений с КНР, встретила с их стороны весьма сдержанную реакцию. В январе вооруженной акцией на Парасельских островах Китай продемонстрировал своим соседям в ЮВА, каким образом он собирается решать спорные территориальные проблемы, тем более если эти территории являются важными в экономическом или стратегическом отношении. Истекший год показал также отсутствие у китайских руководителей намерений отказаться от подрывной деятельности против стран этого региона. С территории КНР продолжали вещать радиостанции «Голос малайской революции», «Голос таиландского народа», призывавшие к «расширению народной войны», к вооруженной борьбе как «главной форме борьбы». В прессе Китайской Народной Республики публиковались сводки об успехах антиправительственных партизанских сил в Таиланде.

Пекин продолжал оказывать поддержку антиправительственной деятельности пропекинских сил и сепаратистским движениям в странах региона. Незадолго до нормализации отношений с Малайзией китайские лидеры недвусмысленно выразили недовольство ослаблением там повстанческого, партизанского движения.

Выявилось стремление Пекина к проникновению в молодежные, женские и другие движения Юго-Восточной Азии в целях использования их в качестве базы своего влияния. Страны ЮВА серьезно озабочены тем, что могут столкнуться

с «бирманским вариантом» нормализации, когда внешнюю урегулированность отношений Пекин «сочетает» с поддержкой мятежных, антиправительственных сил, действующих с территории Китая, с активным вмешательством во внутренние дела.

Источником серьезных опасений стран ЮВА осталась проблема китайской эмиграции, тем более что в эмиграционной политике Пекина появились новые моменты. Длительный период реэмиграция из Китая ограничивалась. В последнее время выезд из КНР реэмигрантов возобновился в широких масштабах с официального разрешения властей. Отказываясь на словах от использования эмигрантов в своих интересах, пекинские лидеры в действительности активизировали борьбу за китайские общины в ЮВА в целях усиления давления на правительства региона.

С точки зрения подхода Пекина к положению дел в регионе весьма показательна также его позиция в отношении АСЕАН. За непризнанием этой региональной организации стоит отрицание идущей вразрез с планами Пекина концепции по вопросу о безопасности («нейтрализации») ЮВА. Китай весьма настороженно встречает тенденцию к консолидации стран региона в рамках этой Ассоциации, например в сфере экономического сотрудничества. Приветствуя региональные объединительные тенденции в сфере экономического сотрудничества в Латинской Америке и Африке, китайская печать замалчивает любые мероприятия, предпринимаемые в этом направлении со стороны АСЕАН.

Стремясь вместе с тем распространить свое влияние на АСЕАН, китайские лидеры сделали акцент на нормализацию отношений с ее участниками на двусторонней основе. К многостороннему сотрудничеству они призывали лишь в тех случаях, когда ему можно было придать антисоветский характер. Китайская печать особо подчеркивала важность солидарности и сотрудничества Малайзии, Индонезии и Сингапура в деле установления контроля над Малаккским проливом и введения ограничительных правил прохода через него военных судов «сверхдержав».

Политика китайского руководства в *отношении арабских стран* в 1974 г. базировалась на использовании неурегулированности ближневосточного кризиса. Пекин стремился воспрепятствовать нормализации обстановки на Ближнем Востоке, сохранить в этом районе очаг напряженности, вызвать конфронтацию США и СССР, оторвать арабские страны от сотрудничества с Советским Союзом и другими странами социализма. В то же время он продолжал уклоняться от какой-либо реальной поддержки стран, подвергшихся израильской агрессии, в неофициальном порядке протаскивая «свою

точку зрения об арабах как „зачинщиках“ военных действий» [48].

Китайская печать не публиковала никаких материалов, разоблачавших экспансионистский курс Израиля, его политику «освоения» захваченных арабских территорий, не выступала с осуждением актов агрессии против Ливана. В Пекине молчаливо одобряли действия США на Ближнем Востоке по так называемому поэтапному разъединению войск. Последовательная и принципиальная борьба СССР за справедливое урегулирование конфликта на многосторонней основе, за скорейший созыв конференции в Женеве изображалась китайской пропагандой как «гегемонистская борьба».

Пекинская печать выступала с нападками на оказываемую Советским Союзом помощь в работах по разминированию Суэцкого залива, пытались трактовать этот гуманный акт как «алчное устремление взять под свой контроль Суэцкий канал». Поставки оружия из Советского Союза для укрепления обороноспособности армий АРЕ, Сирии и других арабских стран квалифицировались Пекином как «мнимая помощь», «инструмент для получения различных привилегий».

Китайское руководство отрицательно отнеслось к визитам президента Сирии Х. Асада и других арабских руководителей, в том числе и лидера Организации освобождения Палестины (ООП) Я. Арафата, в Советский Союз. Используя сложности в палестинском движении, пекинские лидеры пытались, по существу, внести раскол в его ряды, поддерживая позицию тех немногих экстремистских групп, которые выступали против объединения усилий всех арабских народов, против участия ООП в Женевской конференции. Эта политика Пекина была на руку Израилю и силам, поддерживающим его. Оценивая политику Пекина, арабская печать писала: «Позиция маоистского руководства не может обмануть арабские народы, ведущие тяжелую борьбу за свой суверенитет... Курс пекинского руководства, направленный против политики СССР и других социалистических стран, имеет целью ослабление национально-освободительной борьбы против международного империализма» [49].

В 1974 г. Китай в целом снизил активность в развитии двусторонних отношений с большинством арабских стран. Исключение составляли Алжир, Мавритания, НДРЙ.

Активизация политики Китая в отношении *Алжира* дик-

---

[48] О. Борисов, Б. Колосков, Внешняя политика Пекина после Х съезда КПК.— «Международная жизнь», 1974, № 6, с. 43.

[49] «Аль-Яум», Бейрут, 1.Х.1974.

товалась стремлением использовать усиление его роли в движении неприсоединившихся стран, а также его инициативы по созыву в апреле Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. С 25 февраля по 2 марта состоялся визит в КНР председателя Революционного совета и председателя Совета министров АНДР Х. Бумедьена. 3 марта в печати было опубликовано китайско-алжирское коммюнике[50]. В феврале в Алжире находилась торговая делегация КНР во главе с заместителем министра внешней торговли Чжоу Хуа-минем, которая подписала соглашение о торговом обмене на 1974 г.

Во второй половине сентября состоялся визит в КНР президента *Исламской Республики Мавритания* Моктар Ульд Дадда. 19 сентября он был принят Мао Цзэ-дуном, вел переговоры с Дэн Сяо-пином о развитии отношений между странами. В тот же день было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, по которому Китай взял на себя обязательство участвовать в сооружении порта в Нуакшоте, строительстве дорог и сельскохозяйственных объектов. В течение года между руководителями стран произошел обмен посланиями, приуроченными, как правило, к знаменательным датам этих государств. В октябре Китай передал Мавритании в качестве дара продовольствие для оказания помощи населению, пострадавшему от засухи.

Китай уделял значительное внимание развитию отношений с *Народно-Демократической Республикой Йемен* и *Йеменской Арабской Республикой*. КНР посетили: в январе — делегация работников просвещения НДРЙ, в октябре — министр здравоохранения Абдель Азиз Дали, с 10 по 18 ноября — председатель Президентского совета НДРЙ Салем Али Рубейя. В результате его визита было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве и совместное китайско-йеменское коммюнике. В конце апреля — начале мая состоялся визит в Китай председателя Консультативного совета ЙАР Абдалла бен Хусейн аль-Ахмара.

В марте по приглашению китайской стороны КНР посетила делегация *Кувейта* во главе с председателем Национального собрания Х. аль-Хонеймом.

Намечавшийся на июнь визит президента Туниса Хабиба Бургибы был отложен; в июле Китай посетил министр иностранных дел Х. Шатти, который вел переговоры об использовании ранее предоставленного Тунису займа. В феврале Тунис посетила китайская делегация во главе с заместителем министра внешней торговли КНР Чжоу Хуа-минем, ко-

---

[50] «Жэньминь жибао», 3.III.1974.

торая подписала дополнительный протокол к тунисско-китайскому торговому соглашению от 30 ноября 1960 г.

В целях реализации ранее обещанных займов ряд соглашений был подписан с Суданом.

Китайское руководство уделяло большое внимание району Персидского залива.

Политическая активность Пекина, как и прежде, была направлена на подрыв советско-арабских отношений и дискредитацию советской экономической и военной помощи арабским странам. Руководители КНР пытались представить советскую политику в этом районе как угрозу миру и безопасности народов Ближнего и Среднего Востока.

Самое пристальное внимание в 1974 г. лидеры Пекина уделяли отношениям с *Африкой,* навязывая независимым странам Тропической Африки и национально-освободительным движениям континента откровенно антисоветский, антисоциалистический курс под лозунгом борьбы против «гегемонии двух сверхдержав». Как и прежде, основная цель Пекина заключалась в том, чтобы воспрепятствовать развитию и укреплению связей независимых стран Африки с Советским Союзом и другими социалистическими государствами, опорочить и подорвать их сотрудничество с миром социализма. Все направления, по которым развивалась политическая активность Пекина в Африке (идеологическое, дипломатическое, экономическое, военное, культурное и др.), были пронизаны антисоветизмом и нацелены на завоевание Китаем лидирующих позиций среди независимых стран континента.

Пекин усиленно навязывал африканским народам положения об отрицании происходящей в мире разрядки напряженности, призывали их к «сплочению и единству» в «солидарной борьбе» против «империализма и гегемонизма», намеренно заостряя внимание на борьбе против «сверхдержавы, называющей себя социалистической». Как и в предыдущем году, Пекин настойчиво внушал руководителям стран континента, что «Китай и страны Африки являются развивающимися странами» и принадлежат к «третьему миру», что они «товарищи», «соратники по оружию», что только поддержка и помощь им со стороны Китая способствует «непрерывному росту и укреплению сил африканских стран».

Особенно активно Пекин пытался опорочить условия и эффективность советской экономической помощи странам Африки. Наряду с этим в Африке была усилена пропаганда старого маоистского тезиса об «опоре на собственные силы», который тесно увязывался с «китайским опытом» преимущественного развития сельского хозяйства, развитием мелкого и среднего производства, широкой пропагандой успехов «на-

родной коммуны» в Дачжае и Дацинских нефтепромыслов и т. д. В статье, посвященной 25-летию КНР, китайский автор, вспоминая о визите Чжоу Энь-лая в Африку (1964 г.), отмечал его важную роль в становлении и развитии связей Китая с Африкой и в деле «совместной борьбы» против «гегемонизма». Он особо подчеркивал также, что именно «следование принципу „опоры на собственные силы“ поможет развивающимся странам избежать нажима со стороны гегемонов».

Китай в 1974 г. имел дипломатические отношения с 34 странами Африки и активно развивал с ними межгосударственные связи.

Большое значение придавал Пекин расширению контактов с руководителями и различными органами ОАЕ, пытаясь использовать в своих целях развивающуюся среди африканских государств тенденцию к единству действий. В марте — апреле состоялся визит в Китай делегации Комитета освобождения ОАЕ во главе с О. А. Галибом. Приветствуя делегацию, Цзи Пэн-фэй пытался откровенно нацелить страны Африки на активную борьбу «против гегемонизма и политики силы сверхдержав», указывал, что «Африка — важная составная часть третьего мира», а также подчеркивал особый «вклад ОАЕ» в борьбу с «гегемонизмом».

Как и ранее, идейное наступление Китая в Африке сопровождалось активизацией экономических связей Пекина, некоторым расширением технико-экономического сотрудничества и торговли.

Значительное внимание Китай по-прежнему уделял *Танзании* и *Замбии*, которым были предоставлены новые кредиты. Одновременно Чжоу Энь-лай, принимавший в Пекине президентов Д. Ньерере (март) и К. Каунду (февраль), выступил с резкими клеветническими выпадами в адрес Советского Союза, пытаясь настроить эти страны в антисоветском плане по основным международным проблемам. Экономическая политика Пекина была направлена на закрепление позиций в этом важном для Китая регионе в расчете на будущее, после завершения строительства железной дороги Танзания — Замбия. Именно эти цели преследовали в ходе визитов в Танзанию заместитель министра коммуникаций КНР Су Цзе (сентябрь) и заместитель министра внешней торговли Чэнь Цзе (ноябрь). Танзанийская часть магистрали вошла в действие в середине года, однако ее экономическое значение для Замбии пока невелико. Китай предпринимал также активные меры для завоевания рынков Замбии и Танзании, однако министр торговли Замбии С. Тембо, посетивший КНР в сентябре, отметил по возвращении, что его

правительство не намерено принуждать народ к покупке китайских товаров.

В *Сомали* Китай продолжал вести строительство шоссейной дороги Могадишо — Харгейса.

В 1974 году выявились попытки усиления связей Пекина с *Малагасийской Республикой.* В январе КНР посетил министр иностранных дел Д. Рацирака. Было подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве и о торговле. В феврале в Тананариве открылось посольство КНР. Китай послал на Мадагаскар группу специалистов сельского хозяйства и медицинских работников. Активность Китая на Магадаскаре, так же как и в других районах Восточной Африки, в значительной мере определялась экспансионистскими замыслами Пекина в бассейне Индийского океана. Об этом свидетельствовало соглашение о предоставлении Китаем займа правительству о-ва Маврикий на строительство международного аэропорта, подписанное в октябре 1974 г.

Длительное время Пекин упорно замалчивал политические события в *Эфиопии* и занимал выжидательную позицию. В китайской печати даже не было сообщения о низложении императора Х. Селассие, хотя Китай имел некоторые контакты с представителями нового руководства страны. Лишь 22 сентября в пекинской прессе появилось сообщение о сформировании временного правительства в Эфиопии. Западная пресса отмечала провокационную роль пропекинских элементов в этой стране, спекулировавших на политических событиях, призывавших к развертыванию «крестьянской революции» в соответствии с «учением Мао Цзэ-дуна» и создавших дополнительную напряженность. В декабре в Аддис-Абебу прибыл новый китайский посол — Ян Цуньчжэн.

Продолжали интенсивно развиваться отношения Китая с *Гвинеей.* Оказывая ей экономическую и военную помощь, Пекин всячески стремился подчеркнуть совпадение своих идейных взглядов с позицией руководителей Гвинеи. Пекин активизировал там пропаганду «китайской модели социализма», что нашло отражение не только в выступлениях маоистских лидеров, но и на открывшейся в декабре в Конакри фотовыставке, посвященной опыту «строительства социализма» в Китае. Торговая делегация Гвинеи в феврале 1974 г. подписала с КНР торговый протокол и платежное соглашение.

Пропагандистский характер носила также китайская выставка в *Гане,* на которой Китай навязчиво подчеркивал важность принципа «опоры на собственные силы».

Особое внимание Пекин в 1974 г. придавал связям со

странами Африки откровенно прозападной ориентации. Можно отметить интерес Китая к таким странам, как Заир, Сенегал, Камерун, Нигер, Габон, Того и др. В апреле — мае Китай заключил с *Заиром* ряд соглашений в области сельского хозяйства, навигации, медицины, о прямом воздушном сообщении. В декабре президент Мобуту второй раз посетил Китай (первый визит состоялся в 1973 г.). Выступая на банкете в честь Мобуту, Дэн Сяо-пин выразил восхищение развитием «заирского национализма», призывая заирцев презирать «сверхдержавные деяния деспотизма», навязывая экономический опыт Китая путем преимущественного развития сельского хозяйства с использованием принципа «опоры на собственные силы». Мобуту был принят Мао Цзэ-дуном и Чжоу Энь-лаем.

Пекинские лидеры продолжали попытки навязывания своих мелкобуржуазно-националистических взглядов руководителям и других стран Африки. Чжоу Энь-лай, принимавший в мае президента *Сенегала* Л. Сенгора, фактически повторил в своей речи концепцию «трехполюсного мира», изложенную Дэн Сяо-пином на VI Специальной сессии Генеральной Ассамблеи. Добиваясь укрепления своих позиций в Сенегале, Пекин отправил туда группу специалистов сельского хозяйства, гидротехников для участия в строительстве плотины Манантали. Сенегал посетила также делегация китайских журналистов, побывавшая до этого в Заире и Конго.

Лидеры Пекина усиленно пытались навязать главе государства *Нигерия* Я. Говону антисоветскиее взгляды, охаивали помощь стран социализма, призывали к усилению борьбы против «сверхдержав» и использованию нефти «как оружия против сверхдержав». Концепцию «ведущей роли» стран «третьего мира» они навязывали и президенту *Габона* А. Б. Бонго, который был принят Мао Цзэ-дуном и Чжоу Энь-лаем. Дэн Сяо-пин призвал Габон и все народы Африки к «крупномасштабной борьбе... против богатых стран». Стремясь получить урановые руды из Габона, лидеры Пекина усиленно ратовали за создание региональных организаций стран — производителей сырья, выступающих против «сверхдержав».

Несмотря на попытки Пекина изобразить себя в качестве «лучшего друга и соратника» африканских народов, а свою экономическую помощь как «самую искреннюю» и «бескорыстную», народы Африки не идут на поводу у Пекина. Африканская печать разоблачает истинные цели Китая на континенте, раскрывает подлинную сущность его экономической политики.

Нигерийская газета «Дэйли Экспресс» еще в начале го-

да отмечала, что Пекин под видом экономического сотрудничества пытается проникнуть в экономику африканских государств, в их вооруженные силы, вмешивается во внутренние дела. Газета указывала, что обещанная Китаем помощь в развитии сельского хозяйства зачастую вовсе не реализуется и сводится лишь к пропагандистской шумихе. В редакционной статье другой влиятельной нигерийской газеты, посвященной итогам визита Я. Говона в Китай, указывалось, что концепции Пекина, претендующего на роль лидера стран «третьего мира», «являются абсолютно неприемлемыми для развивающихся стран Африки, в частности для Нигерии». В газете отмечалось также, что китайская помощь «вызывает пессимизм» у народов Африки.

Африканские страны обсуждают антисоветскую позицию Пекина по важнейшим международным вопросам, отвергают китайский опыт политического и экономического развития как не соответствующий условиям Африки.

Политика Пекина в *отношении национально-освободительного движения на юге Африки и в португальских колониях* в основном ориентировалась, как и прежде, на позицию Организации африканского единства (ОАЕ). Однако в отличие от африканских стран китайская печать практически не выступала с критикой расистов и их апологетов. Сосредоточив внимание на подрывной деятельности против единства сил социализма и национально-освободительного движения, раздувая клеветническую кампанию против СССР, в Китае дошли до утверждений, что якобы Советский Союз препятствует развитию национально-освободительных движений.

Вместе с тем политика Пекина направлена на ослабление самого движения путем разобщения его отрядов, выхолащивания подлинно революционных взглядов, культивирования национализма, пропаганды крайне правых, антикоммунистических, расистских взглядов. В Анголе, например, преследовалась цель ослабления позиций революционно-демократической организации Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), в Гвинее-Бисау, несмотря на установление 15 марта 1974 г. дипломатических отношений,— тайной поддержки правой сепаратистской группировки — Союза народа островов Зеленого Мыса,— выступавшей против ПАИГК, приведшей страну к победе.

Свержение колониального режима М. Каэтану в Португалии было встречено в Пекине как нежелательное событие. 28 апреля агентство Синьхуа дало первую краткую информацию о португальских событиях, а 18 мая сообщило о сформировании нового правительства без упоминания о вхождении в него представителей коммунистической и социалистической партий. Выступая 25 мая в посольстве Танзании

на приеме по случаю освобождения Африки, министр иностранных дел КНР Цзи Пэн-фэй назвал португальское правительство новой «военной хунтой».

Пекин пытался помешать прекращению военных действий в Африке, выступая за их усиление, а в самой Португалии через пропекинскую группировку — сорвать процесс демократизации. Летом 1974 г. в китайской печати резко возросло число сообщений о боях в Гвинее-Бисау, Мозамбике, Анголе, что не соответствовало действительности. Политику нового правительства Португалии в Африке Пекин стремился представить как якобы фашистскую. Грубо искажая действительность, «Жэньминь жибао» писала, что «португальский военный режим все еще продолжает вести колониальную войну в Африке и в последнее время не раз провоцировал кровавые инциденты — массовое убийство негритянского населения[51]. В действительности провокационные столкновения устраивали крайне правые силы из числа белых колонистов Анголы и Мозамбика (при поддержке расистского режима ЮАР), которые открыто выступали против политики деколонизации, проводимой новым правительством Португалии. Китайская провокационная и клеветническая пропаганда стремилась вызвать недоверие в Африке к новой Португалии, затормозить процесс деколонизации. Сам процесс деколонизации, ослабление позиций расистов на юге Африки Пекин старался представить как «удар по гегемонизму», ослабление позиций «сверхдержав».

В 1974 г. Китай поддерживал отношения с некоторыми официальными движениями, которые получали помощь от ОАЕ (ФРЕЛИМО, ПАИГК, ФНЛА, ЗАНУ, СВАПО). Однако он не оказывал никакой поддержки МПЛА, АНК, ЗАПУ. Материальная помощь предоставлялась в основном правому Фронту национального освобождения Анголы (ФНЛА). Китай в спешном порядке поставил ФНЛА вооружение и направил более 100 военных советников для помощи в создании армии. Эта помощь преследовала цель содействовать укреплению позиций этой организации в борьбе против национально-освободительного движения Анголы.

Активно развивались отношения КНР со странами *Латинской Америки.* В стремлении заинтересовать латиноамериканские страны перспективой развития отношений с КНР Пекин настойчиво заверял в невмешательстве в их внутренние дела, создавал видимость «решительной поддержки» их позиций на мировой арене, выдавая себя за их «естественного друга» и «защитника».

---

[51] «Жэньминь жибао», 22.VII.1974.

Ввиду ограниченности своих ресурсов руководство КНР делало основной упор в латиноамериканской политике на «ключевых» странах и районах, отличающихся повышенным политическим весом или «перспективных» для китайской политики. Вместе с тем пекинское руководство не упускало возможности усилить свое влияние в любой латиноамериканской стране. В 1974 г. КНР установила дипломатические отношения с тремя странами континента: Тринидадом и Тобаго, Венесуэлой, Бразилией, посылала делегации в Аргентину, Мексику, Перу, Гайану и другие страны. Представители многих латиноамериканских стран побывали в КНР. В их числе: премьер-министр Тринидада и Тобаго Э. Уильямс (ноябрь), делегация представителей Ассоциации экспортеров Бразилии (апрель), сын президента Мексики (май), мексиканская делегация, прибывшая в Пекин на торгово-экономическую выставку Мексики (сентябрь), торговая делегация Бразилии (октябрь), парламентская делегация Аргентины (октябрь) и др.

Особую роль в политике КНР играла нормализация отношений с *Бразилией* (реакционным режимом в регионе), еще в 60-х годах охарактеризованной Мао Цзэ-дуном как «Китай Латинской Америки». Решение об установлении дипломатических отношений было достигнуто в результате визита в Бразилию делегации во главе с заместителем министра внешней торговли КНР Чэнь Цзе (отношения между двумя странами почти полностью прекратились после военного переворота в Бразилии в 1964 г. и последовавшего за этим ареста китайских торговых представителей и сотрудников агентства Синьхуа, обвиненных в «подрывной деятельности»). По мнению западных обозревателей, установлению дипломатических отношений между двумя странами способствовало «терпение» КНР, а также «сдержанность» ее руководства в связи с военным мятежом в Чили в сентябре 1973 г.[52].

В совместном коммюнике КНР подтвердила свое стремление к «невмешательству» во внутренние дела Бразилии, которая, в свою очередь, признала единственно законным правительство Китая и «приняла к сведению» его позицию в отношении Тайваня. В иностранной печати отмечалось, что установление дипломатических отношений КНР с Бразилией может способствовать дальнейшему «политическому наступлению» Пекина в регионе.

Пекинское руководство уделяло особое внимание Карибскому бассейну. Китайская печать значительно увеличила количество публикаций о Панаме, Панамском канале (агент-

---

[52] «Sunday Post-Herald», 18.VIII.1974.

ство Синьхуа подробно излагало панамско-американское соглашение из восьми пунктов о зоне канала), Гайане, Ямайке и других странах этого «стратегически важного района». Отражением китайской активности явилось установление дипломатических отношений с Тринидадом и Тобаго и Венесуэлой.

Важную роль в политике КНР в Латинской Америке по-прежнему играли торгово-экономические связи. КНР заключила ряд торговых соглашений с латиноамериканскими странами, наиболее значительными из них были долгосрочное (на пять лет) соглашение о поставках в КНР бразильского сахара в среднем по 150—200 тыс. т в год, а также окончательное соглашение о продаже Аргентиной 500 тыс. т кукурузы и 150 тыс. т пшеницы. В марте КНР провела экономическую выставку в Гайане, а затем было объявлено о решении передать в дар демонстрировавшиеся экспонаты. В сентябре в Пекине работала мексиканская промышленная выставка, на открытие ее прибыла мексиканская делегация, возглавляемая министром земледелия и животноводства.

События 1974 г. с еще большей отчетливостью продемонстрировали стремление пекинских руководителей всеми средствами придать объективному процессу нормализации отношений КНР со странами Латинской Америки характер «антигегемонистской общности» с преобладающей антисоветской подкладкой. Руководство КНР стремилось использовать любые контакты с латиноамериканскими представителями в целях навязывания своих концепций и пропаганды антисоветизма.

«Антисверхдержавные», т. е. по существу антисоветские, тезисы содержались в приветственных статьях в китайской печати по поводу установления дипломатических отношений с тремя латиноамериканскими странами. В приветственной статье в «Жэньминь жибао», например, утверждалось, что правительство Тринидада и Тобаго «в особенности внесло позитивный вклад в дело содействия солидарной борьбе против гегемонизма в Карибском бассейне». Подобный же характер имели выступления руководителей КНР при встрече с латиноамериканскими представителями, в том числе с премьер-министром Тринидада и Тобаго Э. Уильямсом. После визита в КНР парламентской делегации Венесуэлы (октябрь) в печати Каракаса сообщалось, что во время двухчасовой беседы членов делегации с Дэн Сяо-пином практически единственной темой его разговоров были нападки на Советский Союз.

С начала 1974 г. Пекин резко усилил клеветническую антисоветскую кампанию. Ставя своей целью осложнить отношения между СССР и латиноамериканскими странами, по-

дорвать растущее доверие к советской миролюбивой внешней политике, пекинские лидеры стремились отвлечь внимание прогрессивной общественности мира от своей позиции по отношению к фашистской хунте в Чили, от фактов открытой поддержки режима Пиночета. Муссируя нелепые тезисы о «стремлении Советского Союза к гегемонии в Латинской Америке», Пекин договорился до того, что объявил о мифической «советской экспансии» в Латинскую Америку с «базы» в Карибском бассейне, представляющей «опасность» не только странам континента, но и «самим США, стратегическим связям США между Южной и Северной Америкой, а также Панамскому каналу и Магелланову проливу — этим стратегическим проходам, связывающим два океана».

Взывая к бдительности со стороны Вашингтона как основной сдерживающей силы на пути «советского проникновения» и объединяя перед лицом этой «опасности» Латинскую Америку и США в единое «Западное полушарие», Пекин, таким образом, фактически оправдывал военное присутствие США в зоне Панамского канала, Пуэрто-Рико и других районах Латинской Америки. Как отмечалось в печатном органе ЦК компартии Колумбии, пекинские руководители «в своем оголтелом антисоветизме скатились на сторону американского империализма, против Кубы и народов Чили, Перу и Панамы, ведущих борьбу за свое освобождение»[53].

1974 год подтвердил готовность китайского руководства поддерживать любые силы, включая самые реакционные, с целью закрепиться в Латинской Америке. Неблагоприятная реакция мировой общественности в связи с позицией КНР в отношении чилийской хунты вынудила Пекин с начала года несколько изменить свою тактику. Комментарии о событиях в Чили стали подаваться в плане косвенной критики хунты. Однако практическая политика китайского руководства свидетельствовала о стремлении всеми средствами наладить как можно более тесные отношения с фашистским режимом. Пекин неоднократно уведомлял хунту о своем желании расширить с ней торгово-экономические связи. Подчеркнутую любезность по отношению к хунте демонстрировали китайские дипломаты в Сантьяго. Как отмечалось в английской печати, «чилийские власти явно довольны инициативой, которую проявляют в последнее время китайцы»[54]. В декабре заместитель министра иностранных дел хунты охарактеризовал отношения с Пекином как «превосходные».

---

[53] «Voz proletaria», Bogotá, 4.VII.1974, Supl.

[54] «The Guardian», 29.VII.1974.

В апреле—мае 1974 г. в Нью-Йорке проходила созванная по инициативе развивающихся стран VI Специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, посвященная проблемам сырьевых ресурсов и экономического развития. Сессия такого рода, состоявшаяся впервые в истории ООН, знаменовала собой новый шаг на пути использования народами благоприятных возможностей, созданных разрядкой международной напряженности. Требования развивающихся стран покончить с вопиющей несправедливостью в экономических отношениях с индустриальными державами империалистического мира нашли выражение в документах, принятых на этой сессии: «Декларации об установлении нового международного экономического порядка» и «Программе действий».

Если выступления и вся деятельность представителей развивающихся стран на сессии имели ярко выраженную антиимпериалистическую направленность, то совершенно с другим «багажом» прибыла на нее делегация Китайской Народной Республики во главе с членом Политбюро ЦК КПК, заместителем премьера Госсовета КНР Дэн Сяо-пином. В речи 10 апреля Дэн Сяо-пин обрушил на Советский Союз поток обвинений, пытаясь представить его самым большим «злом» и основным «врагом» всех развивающихся стран и всех народов. Он настойчиво советовал развивающимся странам политически и экономически сплачиваться со «вторым миром», который, как уже указывалось, согласно взглядам Пекина, охватывает все малые и средние империалистические державы, т. е. все бывшие колониальные метрополии.

Ту же антисоветскую, враждебную линию продолжал развивать постоянный представитель КНР в ООН и заместитель главы китайской делегации Хуан Хуа, который призвал осудить «за эксплуатацию развивающихся стран» не только США, но и... Советский Союз. В то же время он пытался оправдать курс китайского руководства на всестороннее наращивание вооружений и отказ от обсуждения каких бы то ни было вопросов, касающихся разоружения, в частности предложения Советского Союза о сокращении военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности и выделении части высвободившихся средств на нужды развивающихся стран.

Дэн Сяо-пин выступил на сессии с пропагандистским призывом к развивающимся странам последовательно использовать принцип «опоры на собственные силы». Смысл этого призыва был откровенно антисоветским, антисоциалистическим. Рекомендуя свертывать связи с СССР, пекинский

посланец одновременно, как отмечалось выше, уговаривал развивающиеся страны крепить экономические связи с империалистическими державами, как это делал Китай.

VI Специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН вынесла суровый обвинительный приговор тем порядкам в международных экономических отношениях, которые созданы монополистическим капиталом, наметила реальный путь перестройки мировых экономических связей в интересах всех народов. Позиция же китайской делегации на сессии не только не отвечала интересам развивающихся стран, но и во многом затрудняла борьбу с империализмом за свои насущные интересы, разобщая единый антиимпериалистический фронт. Представители развивающихся и социалистических стран отвергли как несостоятельные попытки китайской и некоторых других делегаций затушевать принципиальное классовое различие между развитыми капиталистическими и социалистическими государствами. «Страны социализма,— заявил, в частности, на сессии представитель ГДР,— не несут ответственности за экономическую отсталость молодых государств, так как они не участвуют в огромных прибылях монополий»[55].

Процесс разрядки международной напряженности наложил глубокий отпечаток на выступления подавляющего большинства делегатов на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, проходившей с 17 сентября по 18 декабря в Нью-Йорке. Однако противники ослабления международной напряженности не сложили еще своего оружия. Об этом, в частности, свидетельствовало выступление главы делегации КНР, министра иностранных дел КНР Цяо Гуань-хуа. Оно показало, что призывы к развивающимся странам вести борьбу против «двух сверхдержав», в особенности против Советского Союза, направлены на раздувание военных конфликтов, подрыв освободительных движений, дела мира и международного сотрудничества.

Как и на предыдущей, XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Цяо Гуань-хуа заявил, что отнюдь не разрядка международной напряженности характеризует происходящие в сегодняшнем мире события, а «обострение всех основных противоречий мира»[56].

Резким диссонансом выступлениям большинства делегатов, давших позитивную оценку перестройке советско-американских отношений, прозвучало заявление Цяо Гуань-хуа о том, что между Советским Союзом и США якобы еще более обострилась борьба за гегемонию в мире.

---

[55] «Правда», 27.IV.1974.
[56] «Жэньминь жибао», 3.X.1974.

Назойливо изображая себя другом и защитником стран «третьего мира», Пекин и на этой сессии подтвердил, что на деле его мало волнуют действительные интересы развивающихся стран. Так, несмотря на заявление архиепископа Макариоса, оказавшего полную поддержку предложению Советского Союза о созыве в рамках ООН международной конференции по Кипру, и поддержку этого предложения большинством социалистических и развивающихся стран, Цяо Гуань-хуа выступил против подобной конференции под тем предлогом, что она способствовала бы усилению влияния Советского Союза в этом районе.

На сессии единогласно была принята резолюция, призывавшая все государства уважать суверенитет, независимость, территориальную целостность и политику неприсоединения Республики Кипр. Перед голосованием по этой резолюции представитель КНР выступил с изложением особого мнения своей делегации, заявив, что Китай выступает «против вмешательства сверхдержав» и «навязывания своей воли» по кипрскому вопросу[57]. Цель такого заявления очевидна — бросить тень на советскую инициативу относительно урегулирования кипрской проблемы.

Излагая позицию китайского руководства по ближневосточной проблеме, Цяо Гуань-хуа, как и ранее, пытался представить суть ближневосточного конфликта как борьбу арабских стран и народа Палестины против контроля «двух сверхдержав», особенно Советского Союза, продолжая, таким образом, проявлять свое негативное отношение к помощи, которую ООН оказывает в разрешении арабо-израильского конфликта. Как известно, Китай выступил против резолюций Совета Безопасности ООН № 338 о прекращении огня и № 340 о разъединении воюющих сторон и размещении чрезвычайных сил ООН между воюющими сторонами. Продолжением этой линии было заявление китайского представителя в Совете Безопасности 8 апреля 1974 г. о том, что Китай не примет участия в голосовании резолюции о продлении пребывания чрезвычайных сил ООН на Ближнем Востоке.

И хотя на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи представитель КНР высказался в поддержку инициативы арабских стран передать на рассмотрение сессии вопрос о национальных правах Палестины, рекомендации Китая арабским странам в разрешении ближневосточного конфликта остаются прежними: отказаться от помощи Советского Союза и самостоятельно вести борьбу против израильских агрессоров, пользующихся всесторонней поддержкой США.

---

[57] Там же.

Коснувшись вопроса о претворении в жизнь «Декларации» и «Программы действий», принятых на VI Специальной сессии Генеральной Ассамблеи, глава китайской делегации высказался за их скорейшее осуществление, но в то же время попытался представить «одну сверхдержаву», т. е. Советский Союз, в качестве противника их претворения в жизнь и, таким образом, противника «осуществления справедливых требований третьего мира». Это утверждение китайского представителя выглядело тем более абсурдным, что именно советский представитель с трибуны XXIX сессии Генеральной Ассамблеи призвал все страны «принять меры по претворению в жизнь решений VI Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по укреплению экономической независимости развивающихся государств» [58].

Кстати сказать, столь же провокационную позицию китайская делегация заняла и в вопросах морского права, подвергшихся широкому обсуждению на проходившей с 20 июня по 29 августа в Каракасе Третьей конференции ООН по морскому праву. Пытаясь представить позицию США и Советского Союза по вопросам морского права как политику дискриминации развивающихся стран, Цяо Гуань-хуа еще раз продемонстрировал, что позиция китайского руководства по этим важным вопросам направлена не на их скорейшее конструктивное разрешение, а на противопоставление всех индустриально развитых держав развивающимся странам. Известные положения Женевских конвенций 1958 г., принятых Первой конференцией ООН по морскому праву, были квалифицированы им как свобода «осуществления сверхдержавами гегемонизма», «ограбления развивающихся стран».

От начала до конца враждебной политике разрядки международной напряженности была речь китайского представителя по проблемам разоружения на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Излагая «неизменную и принципиальную» позицию китайского руководства, Цяо Гуань-хуа попытался обвинить во всех последствиях гонки вооружений «две сверхдержавы». Пекинского представителя мало интересовало, что именно Советский Союз сократил в 1974 г. свои ассигнования на вооружение и неизменно выступал на каждой сессии Генеральной Ассамблеи ООН с инициативами, направленными на прекращение гонки вооружений. Не упомянул он и о том, что затраты на вооружение в КНР в 1974 г. составили около 40% всего государственного бюджета и, таким образом, в расходах на гонку вооружений Китай занял одно из ведущих мест в мире.

---

[58] «Правда», 25.IX.1974.

Коснувшись в своей речи вопроса о Всемирной конференции по разоружению, глава китайской делегации заявил, что «созыв конференции по разоружению или ее подготовительного совещания» может «усыпить бдительность народов мира», что в ней заинтересован якобы только Советский Союз. Если все же созывать такую конференцию, то, по мнению китайского представителя, СССР и США должны предварительно взять на себя односторонние обязательства по сокращению вооружений. Подобная постановка вопроса, являющаяся перепевом предложений Пекина на предыдущих сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, свидетельствовала лишь о том, что китайское руководство не желало действительного решения вопросов разоружения, а стремилось получить от ограничения гонки вооружений односторонние выгоды.

На сессии большой интерес вызвал внесенный по инициативе Советского Союза проект «Конвенции о запрещении воздействия на природную среду и климат в военных и иных целях, несовместимых с интересами обеспечения международной безопасности, благосостояния и здоровья людей». В результате голосования 126 делегаций отдали свои голоса за проект резолюции, которая рекомендует конференции Женевского комитета по разоружению приступить к выработке согласованного текста конвенции по этому вопросу. Пять делегаций при голосовании воздержались. Китайская делегация уклонилась от участия в голосовании.

Выступая при обсуждении советского предложения в Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН, китайский представитель Ань Чжи-юань обрушился с нападками на все предложения по разоружению, внесенные Советским Союзом, и на данное предложение в частности. Заявив, что последствия воздействия на природную среду и климат — «слишком отдаленный вопрос», Ань Чжи-юань предложил, чтобы Советский Союз разоружался в одностороннем порядке. Китайский представитель утверждал, что «средние и малые страны (к которым Пекин относил все империалистические страны, кроме США, и естественно, Китай.— *Авт.*) должны усилить необходимую оборону» («Жэньминь жибао», 6.XI.1974).

Делегация КНР не приняла участия и в голосовании по внесенному Финляндией предложению о проведении международного исследования по вопросу о безъядерных зонах.

XXIX сессия Генеральной Ассамблеи внесла определенный вклад в процесс оздоровления международной обстановки. В числе положительных результатов сессии следует упомянуть принятие (помимо вышеупомянутых документов) резолюции, в которой содержалось определение агрессии, что означало претворение в жизнь инициативы, с которой СССР

выступил еще в 1933 г. в Лиге наций[59]. Однако некоторые вопросы из-за противодействия империалистических держав и других поборников международной напряженности, в частности китайского руководства, так и не нашли положительного разрешения на сессии.

Необходимо также отметить, что на данной сессии особенно ярко проявилась опасная тенденция подрыва основ Организации Объединенных Наций путем пересмотра Устава ООН под предлогом необходимости его усовершенствования и приспособления к современной обстановке. После острых дебатов VI комитет Генеральной Ассамблеи принял резолюцию об образовании специальной комиссии по вопросу об Уставе ООН в количестве 32 стран для конкретного изучения мнений и предложений правительств различных стран насчет усиления деятельности и функций ООН. Советский Союз голосовал против этого решения, заявив, что усиление эффективности ООН следует искать не в ревизии Устава ООН, а в наиболее полном раскрытии всех его возможностей. Делегация Китая голосовала за пересмотр Устава ООН.

Деятельность китайских представителей на VI Специальной и на XXIX сессиях Генеральной Ассамблеи ООН показала, что в позиции руководства КНР по основным актуальным вопросам современного мира, разрешения которых с нетерпением ожидают все народы, не произошло никаких изменений. Китайское руководство, направляя все свои усилия на наращивание военного потенциала Китая, на достижение своих великодержавно-гегемонистских целей, выступает как противник ослабления международной напряженности.

ПОГРАНИЧНАЯ ПОЛИТИКА ПЕКИНСКОГО РУКОВОДСТВА

Пограничная политика по-прежнему занимала важное место во внешнеполитической деятельности Пекина. Китайское руководство продолжало проводить великодержавный курс в погранично-территориальных вопросах. Время от времени на различных участках границы китайская сторона провоцировала конфликты и даже вооруженные столкновения.

В Пекине считают, что Китай имеет сухопутные и морские границы с 16 странами. К моменту образования КНР существовал спор — официально признаваемый обеими сто-

---

[59] Китай на протяжении всей истории рассмотрения данного вопроса в ООН выступал против, ссылаясь на имеющиеся положения Устава ООН.

ронами — лишь об отдельных участках китайско-бирманской границы. Все остальные, как их именовали в Пекине, «оставшиеся от истории сложные вопросы о границах» возникли по инициативе китайской стороны после 1955 г., т. е. спустя несколько лет после образования КНР.

На протяжении последующих 19 лет Китай объявил «спорными» границы с 14 соседними странами. С рядом из них [60] пекинское руководство заключило договоры о границе, причем с некоторыми — после вооруженных конфликтов или серьезного обострения отношений. Длина неоспариваемой Пекином границы составляет всего 1690 км из общей протяженности ее сухопутной части порядка 21,5 тыс. км.

Таким образом, к началу 1975 г. КНР оспаривала границы с восемью государствами, предъявляя им территориальные претензии как неофициально — методом «картографической агрессии», так и в официальных документах правительства КНР. Для обострения обстановки на границах Пекин провоцировал вооруженные конфликты, осуществлял и тайную переброску на территорию соседних государств террористов, прошедших в Китае специальную подготовку.

Путем «картографической агрессии» Китай выдвигал в числе других претензии на акваторию и все островные группы Южно-Китайского моря, повторяя их и в официальных документах. Указанные островные группы — бесплодные, необитаемые клочки земли, коралловые рифы и атоллы, в районе которых на дне моря предполагаются большие запасы нефти, оказались в центре территориального спора, в котором участвуют кроме Китая Вьетнам, Филиппины и Малайзия.

Агрессивность своих намерений пекинское руководство пыталось маскировать декларациями о том, что оно-де последовательно выступает за мирное и справедливое решение вопросов о границе. «А до мирного решения,— указывалось, например, в заявлении правительства КНР 24 октября 1962 г. в связи с событиями на китайско-индийской границе,— необходимо уважать сферы фактического контроля обеих сторон, и ни одна из сторон не должна односторонними действиями изменять положение на границе» [61].

Однако лицемерие такого рода заявлений Пекина полностью разоблачается практическими действиями КНР. Выступив 11 января 1974 г. с заявлением, вновь подтвердившим точку зрения о том, что все острова Южно-Китайского моря

---

[60] Бирма, Непал, Пакистан, Монгольская Народная Республика, Афганистан.

[61] «К вопросу о китайско-индийской границе». Пекин, 1962, с. 2. Это положение постоянно присутствует во всех документах правительства КНР, относящихся к пограничным вопросам.

«являются составной частью китайской территории», правительство КНР провело не дипломатические переговоры с целью урегулирования проблемы, а военную операцию по захвату спорных островов и тем самым в значительной степени обострило обстановку в районе Юго-Восточной Азии. Этот конфликт явился лишь свидетельством того, что Пекин намерен по-прежнему проводить свою пограничную политику «с позиции силы».

Стремясь воздействовать на соседние страны, вынудить их следовать политическому диктату Пекина, Китай нарушал такие общепризнанные принципы международного права, как уважение территориальной целостности, суверенитет и невмешательство во внутренние дела соседних стран. Пекин в широких масштабах осуществлял помощь в вооружении и специальной подготовке кадров для мятежников из племен нага и мизо в Индии. По свидетельству индийской прессы, в 1973 г. из Китая в Индию было переброшено не менее 500 человек. В 1974 г. на подготовку в Китай тайно отправилось около 100 мятежников, а в конце 1974 г. индийские власти ввели в ряде пограничных районов ограничения на передвижение, чтобы воспрепятствовать переброске в Китай еще одной группы мятежников нага. В составе этой группы было несколько сот человек, возглавляемых одним из лидеров объявленного вне закона так называемого «Национального совета нага» — Муривахом [62].

Чрезвычайные меры, принятые правительством Индии, привели к тому, что часть мятежников была перехвачена и задержана индийскими пограничниками.

Следует заметить, что действия Пекина по поддержке сепаратистских движений в Индии нарушали суверенитет Бирмы, так как отряды мятежников переправлялись в Индию через бирманскую территорию.

В прошлые годы бирманские власти также отмечали широкую поддержку, получаемую из Китая мятежниками в Бирме. В конце 1973 г. командование бирманской армии, проводившей военные операции в районе китайско-бирманской границы, пригласило группу журналистов посетить район, только что очищенный от мятежников. Журналистам были продемонстрированы многочисленные свидетельства связей мятежников с Пекином: материалы и документы, отпечатанные или написанные на китайском языке, цитатники Мао Цзэ-дуна, вооружение с китайским фабричным клеймом и т. д. На склоне горы в Мёнгъяне были обнаружены могилы, на которых значились китайские имена.

Таким образом, важной составной частью пограничной

---

[62] «Times of India», 16.X.1974.

политики Китая стала поддержка экстремистских, антиправительственных сил в соседних развивающихся странах, стремящихся проводить независимый политический курс.

Пекинское руководство продолжало бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела соседних стран. Так, в сентябре 1974 г., когда Сикким вошел в состав Индии на правах ассоциированного штата, Пекин немедленно заявил протест по этому поводу. В заявлении МИД КНР, опубликованном в этой связи, подчеркивалось: «Китайское правительство торжественно заявляет, что оно абсолютно не признает незаконную аннексию Сиккима Индией и что оно твердо поддерживает народ Сиккима в его справедливой борьбе за национальную независимость и суверенитет и против индийского экспансионизма» [63].

В комментариях китайской печати были выдвинуты так называемые «исторические аргументы», которые сводились к утверждениям о том, что Сикким никогда не принадлежал Индии, что цинское правительство, «вассалом» которого он якобы был, вынудили согласиться на «протекторат» Англии над Сиккимом и что английское правительство «незаконно» передало Сикким Индии без согласия на то Китая [64]. Таким образом, уже не только на исторических картах, но и в официальной печати КНР Сикким был причислен к разряду «утраченных» Китаем территорий.

В последнее время стала заметна подготовка Пекина к обострению конфликта с группой дальневосточных стран в связи с вопросом о разграничении континентального шельфа.

Согласно теории и практике международного права сферы разработки ископаемых континентального шельфа делятся между прибрежными странами либо в соответствии с достигнутым соглашением, либо — если такого соглашения пока нет или стороны не смогли его достичь — по линии, равноотстоящей от береговой черты этих стран. Однако уже в первом документе китайского правительства, затрагивающем вопрос шельфа,— заявлении МИД КНР от 3 декабря 1971 г. относительно «острова Дяоюй и прилегающих островов» (т. е. о-вов Сэнто) — Пекин сделал «заявку» на весь шельф Восточно-Китайского моря. Та же линия прослеживалась и в заявлении МИД КНР от 14 марта 1973 г. относительно совместных американо-южнокорейских работ по разведке шельфа Желтого моря вблизи побережья Южной Кореи. Наконец, 4 февраля 1974 г. МИД КНР выступил с проте-

---

[63] «Жэньминь жибао», 11.IX.1974.
[64] «Женьминь жибао», 3 и 9.IX.1974.

стом против соглашения между Японией и Южной Кореей о разграничении шельфа в Корейском проливе.

В двух последних документах ссылка на необходимость разграничения шельфа приводилась лишь для затушевывания основного положения документа о том, что разработка недр морского дна Желтого, Восточно-Китайского морей и даже Корейского пролива без согласия на то Пекина есть покушение на суверенные права Китая.

Так как конфликт по поводу Парасельских островов возник вскоре после появления сообщений о наличии нефтеносных слоев на дне Южно-Китайского моря, политика пекинского руководства в отношении морских рубежей Китая и разграничения шельфа, очевидно, направлена прежде всего на утверждение господства Китая над всеми нефтеносными районами омывающих его морей и недопущение других стран к участию в обследовании и разработке богатств морского дна.

События, связанные с Парасельскими островами, китайская пропаганда использовала для развертывания истеричной кампании, имеющей цель сохранить в стране состояние напряженности и подготовки к войне, укрепить веру народа в высокие боевые качества НОА. С этой целью китайские газеты опубликовали серию репортажей, очерков, рассказов и даже поэму «Бой на Парасельских островах», славословящую «героизм» рыбаков и солдат, «отстоявших» территориальную целостность страны. Эта пропагандистская кампания по своему характеру напоминала ту, которая проводилась в 1969—1971 гг. в китайской печати в связи с событиями на о-ве Даманский, хотя и уступала ей по размаху.

Еще больше это сходство усиливалось применением аналогичного метода — попытки «научно» доказать, что этот район «всегда» принадлежал Китаю. 6 декабря 1974 г. в «Гуанмин жибао» была опубликована статья об итогах работы археологической экспедиции на Парасельских островах. Экспедиция будто бы нашла ряд предметов, изучение которых позволило прийти к выводу, что эти острова «всегда были частью священной китайской территории, как и острова Наньша и Дунша». Как известно, после «археологических раскопок» на р. Уссури «в районе о-ва Чжэньбаодао» (Даманский) та же «Гуанмин жибао» 29 марта 1972 г. пыталась убедить читателей, что обнаруженные предметы определенно доказывали, будто «эти территории издревле принадлежали Китаю».

На протяжении всего 1974 г. пекинское руководство продолжало проводить тактику затягивания и осложнения советско-китайских пограничных переговоров.

О явном нежелании китайских лидеров стать на путь нормального дипломатического обсуждения конкретных вопросов советско-китайских пограничных отношений свидетельствовала негативная реакция Пекина на разумные предложения Советского Союза. Советская сторона выразила принципиальное согласие удовлетворить просьбы КНР о разрешении китайским судам пользоваться внутренним советским водным путем по рекам Амур и Уссури (в период, когда пограничная протока Казакевичева мелеет и навигация затруднена)[65] при условии возвращения китайской стороны «на позиции уважения суверенных прав и территориальной целостности Советского Союза». Заявление представителя Отдела печати МИД КНР в ответ на соответствующие шаги МИД СССР продемонстрировало лишь, что пекинское руководство, как и в ситуациях на других границах, произвольно трактовало принцип соблюдения территориальной целостности сторон, рассматривая его как средство узаконения своих территориальных притязаний. Декларируя этот принцип, Пекин подменял понятие «территориальная целостность» КНР в ее реальных границах понятием «территориальная целостность» в тех границах, которые односторонне наносились на карты, изданные в Китае.

Попытка без конца раздувать пограничный «вопрос» в отношениях с СССР разоблачает китайских лидеров как противников улучшения международного климата, оздоровления советско-китайских отношений в целом. Вместе с тем следует отметить, что позитивные сдвиги в международных отношениях, вызванные борьбой СССР за разрядку международной напряженности, новые шаги на пути улучшения советско-американских отношений, осуществление Советским Союзом грандиозных программ освоения природных богатств Восточной Сибири и Дальнего Востока — все это продемонстрировало миру политический анахронизм китайской позиции выдвижения территориальных притязаний, беспочвенность их претензий, бесперспективность политики Пекина.

Долгое время создававшаяся Пекином искусственная напряженность на советско-китайской границе в свете упомянутых крупных позитивных шагов Советского Союза не оправдала надежд пекинских руководителей. Стремясь оживить интерес к конфликтной теме китайско-советской границы и объяснить свою позицию в отношении переговоров, Пекин в 1974 г. предпринял ряд пропагандистских акций, рассчитанных на дезинформацию общественного мнения как внутри страны, так и за рубежом. В начале года были переизданы в виде отдельной брошюры массовым тиражом до-

---

[65] «Правда», 24.V.1974.

кументы, публиковавшиеся в Китае в 1969 г. Концепцию «спорных районов» на советской территории, протаскиваемую под видом «соглашения о сохранении статус-кво» на границе, руководители КНР не постеснялись даже включить в телеграмму, направленную в адрес Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по случаю 57-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

В декабре 1974 г. в Пекине вышел первый номер журнала «Лиши яньцзю» («Изучение истории»), опубликовавший три статьи, призванные, по замыслу авторов, оснастить территориальные притязания пекинских лидеров к СССР неким подобием «исторической» аргументации [66].

Грубый антисоветизм и фальсификация истории — характерные черты этих статей. Так, например, в развитие соответствующего тезиса документа МИД КНР 8 октября 1969 г. авторы этих статей пытались доказать, что Китай на протяжении всей его истории существовал как «многонациональное государство». Поэтому-де завоевание Китая чжурчжэнями, монголами или маньчжурами — всего лишь борьба за престол внутри этого «единого и неделимого» китайского государства, которое, в свою очередь, обладало «правом» «усмирять» (!) соседние государства (Джунгарию, Кашгарию, Тибет, Монголию), являвшиеся якобы только «национальными меньшинствами Китая». В этих построениях великоханьские традиции, столь характерные для феодальной китайской историографии, переплетались с буржуазно-националистическими концепциями гоминьдановских идеологов, осуществлявших под лозунгом стремления к «единой китайской нации» насильственную ассимиляцию многочисленных неханьских народов, проживающих на территории Китая.

В своем стремлении доказать, что Китай всегда был «единым великим» государством, пекинские лидеры не останавливались даже перед безудержным восхвалением таких завоевателей, как Чингисхан, Хубилай или Канси. Весь подбор «исторического» материала предназначался для подкрепления этих заранее заданных тезисов, а также для доказательства «сверхагрессивности» царской России в ее взаимоотношениях с Цинской империей.

Выступления китайской пропаганды с новыми претензиями стали принимать откровенно провокационный характер,

---

[66] Аналогичны попытки и двух других журналов: в 1974 г. «Дили чжиши» в № 2 опубликовал псевдонаучную статью «Бассейн Хэйлунцзяна с точки зрения исторической географии», «Бэйцзин дасюэ сюбао» (№ 6) — статью «Борьба Канси в защиту единства страны и за отражение агрессии царской России».

рассчитанный лишь на создание дополнительных осложнений в советско-китайских отношениях по пограничным вопросам, а также на запутывание мирового общественного мнения.

Характеризуя позицию пекинского руководства на советско-китайских переговорах, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил в выступлении в Улан-Баторе 26 ноября 1974 г., что «фактически Пекин выдвигает в качестве предварительного условия ни больше ни меньше, как требование вывода советской пограничной охраны с ряда участков нашей территории, на которые китайские руководители теперь решили предъявить претензии, а посему стали именовать их „спорными районами“. И Пекин прямо заявляет, что будет согласен на переговоры по пограничным вопросам лишь после того, как его требование, касающееся так называемых „спорных районов" будет удовлетворено. Подобная позиция является абсолютно неприемлемой, и мы ее отвергаем»[67].

Советский Союз без каких-либо предварительных условий давно уже предлагал китайской стороне перейти наконец к деловым и конкретным переговорам. «Мы не претендуем,— подчеркнул Л. И. Брежнев,— ни на какие чужие территории, и в этом смысле для нас никаких „спорных районов“ не существует»[68].

Однако конструктивные предложения советской стороны не устраивали китайских руководителей. В соответствующем разделе доклада о деятельности правительства КНР, сделанного Чжоу Энь-лаем на сессии ВСНП 13 января 1975 г., содержались стандартные обвинения в адрес советской стороны, в том числе по поводу непризнания ею «даже наличия спорных районов». Такова логика китайского подхода к пограничному урегулированию с Советским Союзом, которая проистекала из общего курса пограничной политики Пекина, рассчитанной на нагнетание напряженности в отношениях с соседними странами.

---

[67] «Правда», 27.XI.1974.
[68] Там же.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КАМПАНИИ «КРИТИКИ ЛИНЬ БЯО И КОНФУЦИЯ»

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», занимавшая центральное место в политической и общественной жизни КНР в 1974 г., охватила широкий круг проблем, связанных с государственным строительством, экономикой, кадровой политикой, идеологией, внешней политикой. В эту кампанию были вовлечены все слои населения.

Стратегические цели кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» заключались в следующем: преодолеть негативное отношение к «культурной революции»; усилить контроль центра над периферией; обеспечить выдвижение «новых» или «молодых» кадров; повернуть «дело Линь Бяо» против несогласных с «идеями Мао Цзэ-дуна»; разжечь антисоветизм; расширить идеологическую базу маоизма путем раздувания крайнего национализма. В этой связи большое внимание уделялось созданию новой концепции «национальной судьбы» Китая, переоценке духовных ценностей нации [1].

Именно поэтому осуществлялась фронтальная атака на ту часть духовного и исторического наследия, на те лучшие и прогрессивные традиции народа, которые могли бы в настоящее время или когда-то, в будущем, быть использованы его противниками для ниспровержения маоизма. Происходило умышленное осовременивание исторических процессов и политических теорий древности, при этом невыгодные маоистам положения замалчивались или искажались, исторические факты фальсифицировались.

Одновременно по замыслу Мао кампания должна была решить ряд тактических задач: усилить «левых» за счет ослабления «прагматиков», продолжать держать народ в состоянии крайнего напряжения, подорвать позиции некоторых крупных военачальников на местах.

Таким образом, по своим целям кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» действительно явилась продолжением того политического переворота, каким была «культурная револю-

[1] Подробно о целях кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» см. «Коммунист», 1975, № 12, с. 105—106.

ция» с той существенной разницей, что теперь антисоциалистический процесс шел в рамках нового режима, с использованием созданного им «аппарата насилия». В целом кампания «критики» по расчетам ее авторов должна была играть важную роль в попытках подготовки идейно-политических условий укрепления созданного ими режима [2].

И не случайно как организаторы, так и участники кампании подчеркивали ее идеологический характер. Редактор крупнейшей в Шанхае ежедневной газеты Шэнь Го-сян, разъясняя американскому журналисту С. Сульцбергеру смысл кампании, заявил: «Мы считаем, что буржуазные агенты в нашей партии будут использовать конфуцианство в борьбе против нашей идеологии, и поэтому мы будем продолжать его критиковать... Идеологическая борьба будет долгой и длительной. Такой же долгой и длительной будет критика Конфуция» [3].

Очередная политическая кампания была объявлена «новым идейным оружием строительства нового Китая». В новогодней передовой статье трех редакций от 1 января 1974 г. содержалось требование «дальше критиковать идеи конфуцианства и борьбы против легистов и в ходе этой критики выковывать ряды теоретиков-марксистов. Составной частью критики Линь Бяо является критика конфуцианства, которое почитают как реакционеры в стране и за рубежом, так и главари оппортунистических линий». В передовой статье «Хунци» (№ 4) говорилось: «Движение критики Линь Бяо и Конфуция является революцией в области надстройки, является политической и идеологической борьбой за отстаивание марксизма, против ревизионизма».

Именно по этим основным направлениям и шло развитие кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» в 1974 г. В конце 1973 — начале 1974 г. Мао Цзэ-дун, сохраняя прежнюю направленность кампании, постепенно изменил ее характер, введя в качестве основных критиков Конфуция и восхваления легистов (которых он выдавал за предшественников своей «линии») широкие народные массы, для которых были выработаны специальные программы критических выступлений.

Так, согласно программе курсов Пекинской фабрики художественных изделий ее работникам рекомендовалось подвергнуть критической оценке: 1) желание Конфуция «восстановить погибшие (рабовладельческие) царства, возобновить наследственные фамилии знати, вновь выдвинуть на должность разжалованных старых дворян» и лозунг, приписывае-

---

[2] См. там же, с. 106.
[3] «New York Times», 21.X.1973.

мый Линь Бяо, «реабилитировать всех без исключения свергнутых помещиков, кулаков, контрреволюционеров, вредных и правых элементов»; 2) «согласие идей», в соответствии с абсурдным положением Конфуция: «не навязывай другим того, чего сам не хочешь»; 3) «гуманное управление» Конфуция и Мэн-цзы, с тем чтобы дать отпор Линь Бяо, который, нападая на императора Цинь Ши-хуана, «яростно выступал против диктатуры пролетариата»; 4) вздорное высказывание Конфуция, что, «кто хорошо успевает в учебе, тому обеспечивается служебная карьера»; 5) заявление Линь Бяо, который называл направление молодой интеллигенции на работу в деревню равносильным «видоизмененному каторжному труду»; 6) «провиденциализм» Конфуция и теорию Линь Бяо «о гениях».

В других программах, распространявшихся в конце января, делался еще бо́льший акцент на критике Линь Бяо. Так, в программе для слушателей курсов, разработанной пекинским институтом Цинхуа, предлагалось усвоить, что Линь Бяо: 1) «действовал по изречению Конфуция»: „владеть собой и действовать в соответствии с чжоускими установлениями" в своей попытке реставрировать капитализм»; 2) «проповедовал теорию о гении, по которой человек якобы может „родиться мудрецом", с тем чтобы узурпировать руководство партией»; 3) «рекламировал идеалистическое понимание истории в том духе, что правители мудры, а простолюдины глупы»; 4) «распространял понятия „дэ" (добродетель), „жэнь" (человеколюбие) и другие с целью нападок на диктатуру пролетариата»; 5) «проповедовал принцип „держаться середины", выступая против философии марксизма — философии борьбы»; 6) «согласно реакционному учению Конфуция и Мэн-цзы об обращении с людьми, сколачивал фракции для своих черных целей и занимался заговорщической деятельностью»; 7) «расхваливал идеи эксплуататорских классов о том, что якобы „люди умственного труда господствуют, а люди физического труда подчиняются им", чтобы очернить кадровые школы имени 7 мая»; 8) «заставлял своих детей преклоняться перед Конфуцием и читать канонические книги, тщетно пытаясь создать наследственную династию семьи Линь Бяо».

Вовлечение широких народных масс в кампанию сопровождалось демагогическим заигрыванием с ними. Стали цитироваться изречения Мао Цзэ-дуна вроде «низшие и малые — самые умные, высшие и почитаемые — самые глупые». В связи с началом работы народных курсов с января 1974 г. под лозунгом «Рабочий класс — главная армия в критике Линь Бяо и Конфуция» политико-идеологическая кампания была перенесена на предприятия с применением методов, из-

вестных в период «культурной революции» (массовые митинги, вывешивание дацзыбао).

В феврале «критика Линь Бяо и Конфуция» вступила во второй этап. Большое значение придавалось установочной статье «Жэньминь жибао» от 2 февраля. «Буржуазный карьерист, интриган, двурушник, предатель и изменник родины Линь Бяо,— говорилось в этой статье,— был стопроцентным поклонником Конфуция. Как и идущие к гибели реакционеры всех времен, он почитал Конфуция, выступал против легистов, обрушивался с нападками на императора Цинь Ши-хуана и использовал учение Конфуция — Мэн-цзы в качестве реакционного идейного оружия в своих темных попытках узурпировать руководство партии, захватить власть и реставрировать капитализм. Глубоко и основательно вскрыть ультраправую сущность контрреволюционной, ревизионистской линии Линь Бяо можно, лишь подвергнув критике проповедуемое им учение Конфуция — Мэн-цзы... Все руководители должны идти в первых рядах борьбы, обсуждать и браться за критику Линь Бяо и Конфуция как за дело первостепенной важности».

Чжоу Энь-лай впервые публично высказал свое мнение об этой кампании 24 февраля 1974 г. на официальном банкете, устроенном в Пекине президентом Замбии К. Каундой. Он открыто одобрил «критику Линь Бяо и Конфуция», назвав ее «кампанией, которая приобретает общенациональный размах» и которую китайский народ, «сражаясь в приподнятом и бодром настроении, полон решимости довести до конца».

С усилением кампании все решительнее звучали голоса «левых», призывавших к активным действиям. «В настоящее время,— говорилось в „Хунци“ (№ 2),— на плечах наших рабочих, крестьян и солдат лежит весьма тяжкое бремя критики Линь Бяо и Конфуция. Освободив идеологию от пут и покончив с суевериями, мы должны и впредь развивать пролетарский дух бесстрашия и, вооружившись марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэ-дуна, в пух и в прах раскритиковать учение Конфуция и Мэн-цзы, чтобы оно походило на крысу, перебегающую улицу, когда каждый кричит: „Бей ее!“ Широкие слои революционной интеллигенции должны соединиться с рабочими, крестьянами и активно вступить в бой».

Помимо «врагов внутренних» организаторам кампании понадобились и враги внешние, чтобы объединить массы на националистической основе, выставить Мао Цзэ-дуна выразителем интересов и защитником всего народа. Поэтому обратились к своей давней излюбленной теме — антисоветизму. Так, статья Лян Сяо «О Шан Яне» начиналась и заканчивалась грубыми антисоветскими выпадами. Однако она не со-

держала ни одной ссылки на советские работы, дабы китайский народ не узнал правды.

Между тем в Советском Союзе имеется немало трудов и о конфуцианстве, и о легизме, где дана марксистская оценка этих сложных социально-политических учений. В них критикуются реакционные концепции конфуцианства и в то же время отмечается наличие у ранних конфуцианцев некоторых рациональных идей[4], высказываются разные точки зрения по отдельным концепциям. Что касается оценки легизма, который советские китаеведы всячески якобы принижают, то достаточно просто ознакомиться с некоторыми работами, в которых доказывается историческая прогрессивность легизма и одновременно критикуются отдельные реакционные концепции легистов как апологетов войны и насилия[5]. Издание на русском языке основного легистского канона «Шан цзюнь шу» («Книга правителя области Шан») никак нельзя назвать «проявлением нападок на Шан Яна»[6].

Другая фальсификация Лян Сяо, также имевшая антисоветскую направленность, содержалась в его статье, касавшейся «Дискуссии о соли и железе» («Хунци», № 5). История этой дискуссии такова: в период правления императора У-ди, в 119 г. до н. э., по настоянию сановника-легиста Сан Хунъяна в Китае была восстановлена государственная монополия на соль и железо, введенная еще при Цинь Ши-хуане. Эта реформа сыграла большую роль в укреплении позиций императорской власти и ее экономического могущества. После смерти У-ди часть господствующего класса, связанная с торговлей, усилила борьбу за отмену казенной монополии. По ее настоянию в 81 г. до н. э. при дворе императора Чжао-ди было созвано совещание, на котором должны были обсуждаться вопросы экономической политики. В столицу Западноханьской империи съехалось свыше 60 сановников и ученых, развернувших оживленную дискуссию. Эта полемика вошла в историю Китая под названием «Дискуссии о соли и железе» (так называлась книга Хуань Куаня, написанная в конце периода Западной Хань и содержавшая запись полемики).

Участники дискуссии — конфуцианцы («знатоки писаний» и др.) — требовали отмены государственной монополии, а сторонники легистской школы — Сан Хун-ян и др.— настаивали на укреплении регулирующей роли государства в эко-

---

[4] См.: В. Г. Буров, М. Л. Титаренко, Философия древнего Китая.— «Древнекитайская философия», М., 1972, с. 33—40; В. А. Кривцов, Маоизм и конфуцианство.— «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3, с. 73—87.

[5] См.: Л. С. Переломов. О сущности легизма.— «Проблемы Дальнего Востока». 1973, № 2, с. 77—98.

[6] «Книга правителя области Шан» («Шан цзюнь шу»). М., 1968.

номической жизни страны и сохранении в силе указа 119 г. до н. э. Дискуссия шла в традиционном духе: спорившие аргументировали свои положения ссылками на примеры из древнейшей истории страны, часто обращаясь к положениям основателей конфуцианской и легистской школ. Длительная дискуссия окончилась победой сторонников Сан Хун-яна, который, между прочим, часто цитировал вышеупомянутую «Шан цзюнь шу»: конфуцианцам не удалось добиться отмены монополии целиком, была отменена лишь монополия на вино.

В статье Лян Сяо этот исторический факт освещался так: «В истории нашей страны борьба легистов и конфуцианцев всегда отличалась особенной остротой. Дискуссия о соли и железе, созванная в 81 г. до н. э. (это случилось на 6-м году правления ханьского императора Чжао-ди, который наследовал У-ди), явилась большой полемикой, которую вели между собой легисты и конфуцианцы по вопросам политики, экономики, военным делам и культуре». Дискуссии придавался характер кампании по всем кардинальным проблемам общественной жизни и управления, включая вопросы военной политики. Лян Сяо, осовременивая исторические события, рассматривал полемику того времени в духе «генеральной линии» императоров Цинь Ши-хуана и У-ди.

Нетрудно догадаться, что под этой линией подразумевалась генеральная линия Мао Цзэ-дуна. «Фактическое значение борьбы, развернувшейся во время дискуссии о соли и железе,— писал Лян Сяо,— заключалось в отстаивании или преобразовании политической линии ханьского императора У-ди на укрепление единого государства, усиление централизованной власти... Нападая на Цинь Ши-хуана и легистов, конфуцианцы стремились свалить Сан Хун-яна, преобразовать политическую линию ханьского императора У-ди».

Особое недовольство вызвали у автора статьи нападки конфуцианцев на внешнеполитический курс У-ди по отношению к северным соседям — племенам сюнну. Лян Сяо обвинял конфуцианцев в капитулянтстве, пораженчестве и нежелании воевать с сюнну. Конфликт между ханьским Китаем и сюнну изображался как противоречие между «рабовладельческой аристократией сюнну и большинством трудового народа Западной Хань». Войны с сюнну характеризовались только как «справедливые войны, направленные против захватчиков». Император У-ди изображен жертвой агрессии, стоявшим «на позициях оборонительной войны». В то же время автор статьи прямо восхвалял У-ди за его войны с сюнну, которые «алчно, пуская слюну в три чи, зарились на Западную Хань, как на кусок отборного мяса».

В действительности же император У-ди известен как один

из активных проводников агрессивной внешней политики, претворявший в жизнь легистскую доктрину о благотворном влиянии войн на развитие страны. Именно в его правление (140—87 гг. до н. э.) китайские войска захватили земли не только северных, но и южных и восточных соседей. В 124—119 гг. они отторгли у сюнну обширный район на территории современной провинции Ганьсу. Особенно большое значение придавали ханьцы захваченному ими «коридору Хэси». Так назывались земли к западу от р. Хуанхэ в северо-западной части современной Ганьсу. «Коридор Хэси» позволил отсечь сюнну от цянь (тибетцев) и открыл китайцам путь на запад. В 111—110 гг. до н. э. армия У-ди захватила у народности юэ (предки вьетнамцев) Наньюэ (современные провинции Гуандун, Гуанси и север ДРВ) и Дуньюэ (южная часть современной провинции Чжэцзян и Фуцзянь). В 108 г. до н. э. китайские войска заняли корейское государство Чаосянь. В 102 г. до н. э. одна из армий У-ди вторглась на территорию Давани (современная Фергана).

Такова историческая правда об «оборонительных войнах» императора У-ди.

В первые годы существования КНР, когда политика страны определялась решениями VIII съезда КПК, китайские историки в целом правильно оценивали политику У-ди и социальную подоплеку его войн. «Победа в войне с сюнну,— писал, например, Шан Юэ,— способствовала росту честолюбивых захватнических замыслов ханьского императора У-ди. Алчный правящий класс поддерживал его экспансионистскую политику» [7].

До коренной переоценки исторических событий и деятелей в историографии КНР У-ди вообще никогда не выступал в образе «выразителя интересов трудового народа». Искажая исследования советских китаеведов и историю древнего Китая, теперь пытались в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» придать антисоветизму некий извечно неизбежный характер. Заметим, что на протяжении всей кампании в КНР не появилось ни одной статьи, где бы подвергалось критике буржуазное китаеведение. А ведь именно буржуазные синологи, главным образом американские, сделали очень многое для чрезмерного восхваления конфуцианства и принижения легизма. Казалось бы, эти-то работы и следовало критиковать в КНР. Но, по-видимому, критика буржуазных концепций не входила в планы организаторов кампании.

Летом 1974 г. кампания вступила в новый этап. 12—13 июня против входа в пекинский «ревком» появились дацзыбао, в которых «руководящие товарищи из пекинского рев-

---

[7] Шан Юэ, Очерки истории Китая. М., 1959, с. 82.

кома» подвергались критике за то, что они «не углубляют кампанию критики Линь Бяо и Конфуция». Авторы дацзыбао (шесть человек из состава пекинского «ревкома») спрашивали: «Почему не углубляется кампания критики в Пекине, почему она развивается с таким трудом?» — и отвечали, что до сих пор «имеются люди, которые полагают, что Линь Бяо и его сторонники мертвы и поэтому, по их мнению, не надо вести кампанию против них». Такого рода взгляды названы «абсолютно ошибочными».

На каждой дацзыбао вывесили таблички, где было написано следующее: «1. Посмотрите, как руководящие товарищи из пекинского ревкома отрицают великие завоевания пролетарской культурной революции и социалистическую новь. 2. Посмотрите, как они противодействуют, подрывают новые установки партии и положения из доклада товарища Ван Хунвэня, как зажимают критику. 3. Как они относятся к ряду важных указаний Мао Цзэ-дуна периода культурной революции. 4. Как они занимаются двурушничеством и интриганством в ходе кампании критики Линь Бяо и Конфуция. 5. Как они занимаются повторением того, чем занимались Лю Шао-ци и Пэн Чжэнь. 6. Как они рассматривают „образец"! (в качестве примера их отступления от „образцов" дана критика пьесы „ Три посещения Таофэна"). 7. Как они игнорируют диалектику, принижают классовую борьбу, отрицают критику Линь Бяо и Конфуция, преклоняются перед конфуцианским учением и выступают против легистов. 8. Как они отрицают пролетарскую культурную революцию и занимаются реставрацией и отступлением».

Волна дацзыбао с критикой руководства ряда провинциальных «ревкомов» распространилась по всей КНР.

Следует отметить, что в армии кампания проходила под лозунгом «изучения военных произведений председателя Мао и критики буржуазной военной линии Линь Бяо» и имела целью, искоренив среди военных влияний Линь Бяо, утвердить «линию Мао». Ставилась задача обеспечить дальнейшую чистку комсостава, укрепив в НОАК позиции выдвиженцев «культурной революции» и, фальсифицировав историю, представить Мао в качестве «гениального полководца и стратега».

Осень и зиму можно считать завершением этапа кампании, достигшего апогея в июне, когда шло усиление «левых» и проникновение их в армию. «Прагматикам» и их сторонникам в армии из числа высшего военного руководства удалось умерить пыл «левых»: были убраны из людных мест дацзыбао, исчезли со страниц печати такие лозунги, как «бунт — дело правое», стало меньше появляться призывов к насилию. В конце 1974 г. в китайской печати все чаще стали разда-

ваться призывы к сплочению и единству. В этом отношении характерна передовая статья трех редакций «Вперед по пути социализма», опубликованная в «Хунци» (№ 10) в связи с 25-й годовщиной КНР. В ней, в частности, говорилось о необходимости сплочения «всей партии, всей армии и всего народа, сплочения свыше 95% кадровых работников и масс».

В новогодней статье кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» по-прежнему оставалась в центре внимания печати. «В новом году,— говорилось в статье,— мы должны неуклонно придерживаться основной линии партии, вширь и вглубь неустанно развертывать движение за критику Линь Бяо и Конфуция».

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В 1974 г.

Политика пекинского руководства в области культуры в 1974 г. была нацелена прежде всего на осуществление установок X съезда КПК продолжать так называемую «революцию в области литературы и искусства» и «революцию в области образования», а также на обеспечение активного участия работников всех сфер культуры в кампании «критики Линь Бяо и Конфуция».

Как известно, в ходе «культурной революции» литература и искусство, а также система образования КНР понесли тяжелый урон. Вся предшествующая культура — китайская и иностранная — оказалась под запретом. Широкие слои интеллигенции — писатели, педагоги, художники, научные работники и актеры — были отстранены от профессиональной деятельности, подверглись репрессиям и «перевоспитанию». Два года не функционировали нормально школы, свыше пяти лет — вузы. С 1968 г. в общеобразовательных школах и с 1970 г. в вузах было начато проведение системы мероприятий, названной ими «революцией в области образования», которую характеризовали: сокращение сроков обучения и круга изучаемых дисциплин; утилитарный, практицистский уклон в ущерб теоретическим и общеобразовательным предметам; приоритет политических критериев перед академическими при наборе и аттестации учащихся и т. д.

В конце 1971 г. в целях заполнения вакуума, созданного «культурной революцией», было санкционировано возобновление, хотя и в скромных масштабах, определенных видов творческой деятельности. Стали выходить в свет книги и некоторые журналы, состоялось несколько художественных выставок, начал расширяться театральный репертуар, до того времени ограничивавшийся десятком «образцовых пьес», возобновился спорадический культурный обмен с зарубежными странами. Наметился отход от огульно-нигилистического отношения к культурному наследию.

Эта относительная активизация творческой жизни проходила под жестким организационным и идеологическим контролем пекинского руководства в рамках провозглашенной

им «революции в литературе и искусстве». К числу основных установок этой «революции», теоретическая платформа которой базировалась на «Выступлениях Мао Цзэ-дуна по вопросам литературы и искусства в Яньани» (1942), относились: неуклонное следование идейно-художественным канонам, выработанным под эгидой Цзян Цин в «образцовых спектаклях»; упор на воспевание положительных персонажей — «героев эпохи Мао Цзэ-дуна»; идеализация современной китайской действительности, и в особенности результатов «культурной революции»; решительный разрыв с отечественным и мировым прогрессивным искусством, объявленным сплошь «буржуазным или ревизионистским». Главная цель этой «революции» заключалась в том, чтобы превратить литературу и искусство КНР в еще более послушное и эффективное орудие духовного и политического воздействия на население страны.

Каковы же общие итоги и характерные особенности осуществления упомянутого выше курса в 1974 г.? В китайской печати, особенно в дни, предшествовавшие празднованию 25-летия республики, много писали о положении на культурном фронте, о «блестящих результатах проведения революционной линии в литературе и искусстве, начертанной председателем Мао Цзэ-дуном», о «бурном расцвете» литературного и художественного творчества «по всей стране».

Постоянно искажая положение в литературе и искусстве до 1966 г. и уверяя читателей, будто там главенствовала всякая «нечисть», а трудовому народу не было места, пекинская пропаганда заявляла, что вот теперь наступила новая эра, когда «стали во весь рост и расправили крылья герои из рабочих, крестьян и солдат». Немало писали о возобновлении (после восьмилетнего перерыва!) показа новых, а фактически лишь подновленных, художественных фильмов.

Большую рекламу получили два театральных смотра, прошедших в Пекине, и четыре художественные выставки, открывшиеся в дни годовщины КНР. Однако в целом число новых произведений литературы и искусства, отмеченных в центральной прессе одобрительными отзывами, было невелико. В количественном отношении литературно-художественная продукция 1974 г. даже не достигла весьма скромного уровня двух предыдущих лет. Эта оценка не распространялась на самодеятельное художественное творчество и литературу и искусство для детей, которым уделялось заметное внимание.

Качество новых произведений по-прежнему определялось их соответствием политическим требованиям момента. И здесь, по-видимому, не все обстояло благополучно. Еще в в конце 1973 г. печать сообщала о том, что «возникли реци-

дивы черной ревизионистской линии в литературе и искусстве», а на фронте культуры идет «острая борьба двух линий».

В начале года «Жэньминь жибао» в еще более тревожных тонах информировала читателей: «Враги внутри и вне страны ни на один день не прекращают своих нападок на нашу литературу и искусство... горстка злонамеренных людей опять пыталась отрицать... революцию в литературе и искусстве». Эти люди обвинялись в том, что они «клеветали на образцовые спектакли», утверждая, будто в современном Китае новых произведений мало, качество их низкое и вообще «сейчас хуже, чем было раньше», т. е. до «культурной революции». Газета, называя эту группу людей «классовыми врагами», требовала дать им «решительный отпор», не пояснив, однако, о ком идет речь [1].

Почти одновременно в печати развернулась критика повести Цзин Синя «Жизнь», опубликованной в ляонинском журнале двумя годами раньше. Критика не касалась литературных достоинств произведения, речь шла о якобы неправильной расстановке политических акцентов при показе «культурной революции» в одной из деревень. Дело в том, что секретарь парторганизации (т. е., по официальной версии, представитель «идущих по капиталистическому пути») был в повести изображен как положительный персонаж, а предводитель «бунтарей» — как отрицательный. Очевидно, издание повести инспирировали сторонники реабилитации прежних партийных и государственных кадров, критиковали же ее представители «свежих сил», появившихся на гребне «культурной революции».

Еще более резким нападкам подвергся спектакль шаньсийского театра «Три посещения Таофэна», в котором правоверные критики усмотрели «клевету на большой скачок», «реабилитацию линии Лю Шао-ци» и т. п. Обвинения в создании этого спектакля и «протаскивании» его на китайскую сцену адресовались не только непосредственным «виновникам» — театральным работникам Шаньси, но и провинциальному руководству и каким-то «влиятельным кругам в Пекине».

В кампанию «критики Линь Бяо и Конфуция» практически были вовлечены вся интеллигенция, а также студенты и даже учащиеся младших классов. При этом бросалось в глаза настойчивое стремление задним числом изобразить Линь Бяо, который публично не произнес и десятка фраз, имеющих отношение к проблемам культуры, как носителя и пропагандиста целой системы взглядов на проблемы литературы, искусства и образования, по всем пунктам противо-

---

[1] «Жэньминь жибао», 25.I.1974.

стоящей «линии Мао Цзэ-дуна». Пекинских пропагандистов нисколько не смущал тот факт, что, по их собственным утверждениям, Линь Бяо якобы «не читал ни книг, ни газет».

Линь Бяо обвиняли в том, что он, «следуя примеру Конфуция, использовал литературу и искусство для осуществления контрреволюционной реставрации», «отрицал великую пролетарскую революцию в области литературы и искусства» и применял прием «охаивания современности через воспевание древности». Обвинения в адрес Линь Бяо в основном совпадали с выдвигавшимися ранее в отношении Лю Шао-ци, Чжоу Яна и других жертв «культурной революции». Линь Бяо будто бы выступал против отражения в искусстве «классовой борьбы и борьбы двух линий», поддерживал осуждаемую Пекином «теорию человечности» и призывал изображать «средние персонажи», отрицал определяющую роль выбора темы и учил писателей полагаться не только на собранный материал, но и на собственную фантазию. Совет «описывать людей» (который Линь Бяо дал в разговоре с дочерью) был истолкован как призыв «отказаться от изображения рабочих, крестьян и солдат».

Печать утверждала также, что Линь Бяо старался использовать литературу и искусство для самовозвеличения, причем в качестве примеров приводились лишь брошюра 1960 г. (переизданная в 1971 г.) и одно стихотворение 1969 г. Кроме того, Линь Бяо приписывали высказывания, направленные против новой «революции в образовании», отправки городской молодежи в деревню и «школ 7 мая» (он будто бы «пытался удушить их в колыбели»).

Абсолютно ясно, что, обрушиваясь на все эти «крамольные» высказывания и концепции, пекинские идеологи меньше всего думали об исчезнувшем с политической сцены деятеле, а имели в виду всех тех, кто не поддерживал маоистскую программу в области культуры, не примирился с порожденными «культурной революцией» так называемыми «новыми явлениями». Напоминания о судьбе Линь Бяо звучали как недвусмысленное предостережение этим людям.

Другой стороной кампании являлось продолжение критики традиционной китайской культуры, точнее, той ее части, которая отмечена влиянием какой-либо разновидности конфуцианства. Критика охватывала широкий круг произведений — от древних памятников философской и исторической прозы, средневековых драм и стихотворений до пословиц, поныне бытующих в народе. Особенно часто критике подвергались такие положения конфуцианства, как отказ от крайностей («золотая середина»), проповедь «гуманного правления», «отказ от насилия и любовь к людям», уважение к культуре прошлых веков («канонам») и т. д. Организаторов кампа-

нии, естественно, интересовало вовсе не раскрытие подлинного классово-исторического смысла этих конфуцианских концепций, а их звучание в современном этико-политическом контексте.

Следует отметить характерную особенность кампании «критики Линь Бяо и Конфуция»: если во время «культурной революции» вся прошлая культура безоговорочно отвергалась, а ее памятники зачастую уничтожались, то теперь дело обстояло иначе. Во-первых, одной части традиционной культуры, конфуцианской, противопоставлялась как достойная изучения и уважения другая, антиконфуцианская, которую связывают, часто без достаточных оснований, с учением легистов. Так, хвалебных оценок удостаиваются классики средневековой литературы Ли Бо, Лю Цзун-юань, Ван Аньши, знаменитые романы «Речные заводи» (вскоре подвергшийся критике) и «Сон в Красном тереме» (при этом их идейное содержание сплошь и рядом «осовременивается» с позиций вульгарного социологизма). Во-вторых, критика конфуцианства, хотя и исходила из заранее заданных посылок и не имела цели выяснения научной истины, все же была основана в известной степени на подлинных текстах литературных памятников прошлого, которые комментировались, разбирались, перекладывались на современный язык. Таким образом, объективно происходил, хотя и в весьма специфической форме, процесс возрождения интереса к китайскому традиционному наследию.

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», видимо, отнимала так много времени у китайских идеологов, что в 1974 г. очередная годовщина «Яньаньских выступлений Мао Цзэ-дуна по вопросам литературы и искусства» отмечалась необычно скромно. То же самое можно сказать и о проведенной под руководством Цзян Цин десятилетней «революции в пекинской музыкальной драме», которая фактически вызвала ликвидацию традиционного китайского театра. 25-летие КНР отмечалось более широко, в это время были показаны новые спектакли и фильмы, открылись художественные выставки.

В целом же культурная жизнь Китая продолжала оставаться бедной и однообразной. Новых произведений появилось мало, их тематика ограниченна, сюжеты и образы сплошь и рядом стереотипны. Подчинение искусства задаче служения конъюнктурной пропаганде, вынужденный отказ от изображения жизни с реалистических позиций, от принципов социалистического гуманизма ведут к умозрительности произведений, лишают их силы эмоционального воздействия на аудиторию. Не удивительно, что в последние месяцы 1974 г. пекинская печать опубликовала целый ряд статей

ведущих теоретиков современного искусства, в которых признавались его существенные пороки и предлагались рецепты их устранения.

Международные культурные связи КНР в 1974 г. сузились. Это сказалось в отмене запланированных ранее гастролей западноевропейских музыкальных коллективов, в резких нападках на документальный фильм М. Антониони о Китае, в сокращении числа гастролей китайских артистов за рубежом. Продолжались клеветнические выпады против советской литературы и искусства. В печати вновь появились нигилистические оценки зарубежного классического наследия. Китайский народ по-прежнему почти полностью изолирован от всего ценного, что есть в мировой культуре прошлого и наших дней.

ПОЛОЖЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

После нескольких лет «культурной революции», в течение которых творческая интеллигенция подвергалась небывалым репрессиям, огульному поношению и дискриминации, наступил период, когда идеологическое руководство Китая снова стало пытаться «договориться» с нею. Не признавая порочности практики предыдущих лет, в самом начале 70-х годов стали делать упор на «правильную пролетарскую политику председателя Мао по отношению к интеллигенции» — «использование и перевоспитание» интеллигентов. Эта политика пропагандировалась прессой, на собраниях, отмечалась как одна из важнейших задач среди каждодневных дел партийных организаций. В зависимости от ослабления или усиления роли и нажима группы «левых» во внутригосударственных делах соответственно намечался крен в сторону «использования» или «перевоспитания».

Интеллигентов постепенно «освобождали» — иногда в прямом смысле (из тюрем, лагерей), иногда реабилитировали, т. е. отмечали, что данный человек «перевоспитался», «осознал ошибки», совершенные им якобы в годы, предшествовавшие «культурной революции», и теперь может быть допущен к работе по специальности или по крайней мере к какой-либо профессиональной или административной деятельности.

Теоретические установки предшествующих лет сохранялись и в 1974 г. В новогодней объединенной передовой статье центральных органов печати КНР было заявлено, что «необходимо и впредь проводить в жизнь политику партии в отношении интеллигенции — политику сплочения, воспитания и перековки». В сентябре пресса подчеркивала, что «следует опираться не только на главную силу — на рабочих, крестьян

и солдат, нужно уделять также соответствующее внимание сплочению революционных интеллигентов и всех, кто хочет заниматься критикой Линь Бяо и Конфуция»[2].

«Сплочение», о котором здесь шла речь, не только означало сохранение принципа «использования», но и как бы сулило интеллигенции «благосклонное отношение» пекинского руководства. Оно распространяло на деятелей культуры общий призыв к «сплочению», «объединению», который занимал значительное место на страницах китайской прессы.

Эта линия в политике руководства приводила к тому, что деятелей умственного труда нередко и в самом деле использовали по назначению. В этой связи даже «отправка в горные и сельские районы» во многих случаях уже не сводилась только к «учебе у бедняков и низших середняков» и перевоспитанию физическим трудом. Так, например, появилось сообщение о том, что несколько сот преподавателей из Шанхая и провинций Ляонин, Цзянсу и других районов были отправлены в Тибет, чтобы помогать тибетцам налаживать дело образования: они будут обучать школьников, помогут организовать пединститут в Лхасе[3]. Широко привлекая интеллигентов к кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», использовали их знание древнего языка.

Летом появились инструкции о формировании отрядов «теоретиков» — политических инструкторов, в связи с чем пресса отмечала, что значительную часть членов этих отрядов составляли интеллигенты. В действительности большинство их — «грамотные молодые люди», их включение в отряды «теоретиков» давало руководству возможность таким путем еще раз продемонстрировать, как оно «печется» о повышении роли молодежи в жизни общества, о перспективах ее роста. Особенно приветствовались в этом качестве те, кто проходил «перевоспитание» в «школах 7 мая». Газеты призывали: «Школы 7 мая должны внести большой вклад в создание отрядов теоретиков»[4].

По всей видимости, увеличивалось число реабилитированных работников культуры и науки. Правда, среди включившихся в творческий процесс писателей, поэтов, драматургов по-прежнему нет имен корифеев: нельзя всерьез принимать поэтические опусы, созданные поэтессой Се Бин-синь или известным философом Фэн Ю-ланем (его стихи опубликованы 14 сентября 1974 г. в газете «Гуанмин жибао»). Тем не менее пресса, еще совсем недавно превозносившая только «образцовые революционные спектакли» или плоды коллективных усилий непрофессионалов, уже давала положительную

---

[2] «Хунци», 1974, № 9.
[3] См.: «Жэминь жибао», 3.VIII.1974; «Гуанмин жибао», 3.VIII.1974.
[4] «Жэньминь жибао», 26.XI.1974.

оценку и произведениям отдельных профессиональных авторов (больше всего лавров выпало на долю Хао Жаня, профессионального писателя, работающего с 50-х годов).

Если раньше представители интеллигентных профессий в произведениях литературы и искусства могли быть только персонажами сугубо отрицательными, то теперь среди них появились и положительные герои. Таковы инженеры в спектаклях «Бой на стапелях» и «Клокочущая гряда».

Однако все вышеперечисленное уживалось с, казалось бы, диаметрально противоположной тенденцией к новому нажиму на интеллигенцию (усилившемуся со второй половины 1973 г.). Во весь голос звучали призывы выступить против «новой волны черной ревизионистской линии в литературе и искусстве», «разгромить ревизионистскую линию в музыке», активнее «захватывать позиции культуры и идеологии в деревне», «нанести удар по классовым врагам», пытающимся «повернуть вспять» литературу и искусство. Подчеркивалась необходимость учитывать, что «многие интеллигенты все еще в той или иной степени оторваны от пролетарской политики, от производственной практики, от рабочего класса», что в их среде еще живут такие «ошибочные настроения», как поддержка идеи управления вузами со стороны специалистов, «преклонение перед иностранным и стремление восстановить старое», что следует «решительно порвать с буржуазными взглядами на образование» и т. д. и т. п.[5].

В самом начале года корреспондент агентства Синьхуа сообщал, что в вузах «студенты нового типа (из рабочих, крестьян и солдат, набранные в вузы без учета их образовательного ценза.— *Авт.)*, постоянно используя такое оружие как широкое и полное высказывание мнений, дацзыбао и широкие дискуссии, подвергают углубленной критике ревизионистскую линию в области просвещения, старую систему преподавания и педагогические идеи эксплуататорских классов, закрепляют и умножают завоевания великой пролетарской культурной революции». Молодых творческих работников призывали становиться «застрельщиками классовой борьбы и борьбы двух линий»[6].

Таким образом, сохраняя тезис «продолжения классовой борьбы» в условиях «общей прекрасной обстановки», созданной «великой культурной революцией» и рожденной ею «социалистической новью», пекинские идеологи настаивали на необходимости «нанести решительный удар по злостным деяниям кучки классовых врагов, направленным на уничтожение результатов революции в литературе и искусстве и на

---

[5] «Жэньминь жибао», 21.V.1974; 4.VI.1974.
[6] «Жэньминь жибао», 31.VII. 1974.

атаку на революционные образцовые спектакли»; «до конца разоблачить тех, кто отказывается от проведения революционной пролетарской линии в литературе и искусстве, кто в руководимых ими отделах осуществляет диктатуру буржуазии»[7].

Эта установка определяла и политику в отношении интеллигенции на современном этапе, и положение творческих работников. При подчеркивании важности привлечения интеллигенции к кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» неизменно оттенялся один момент: позитивное значение легистов и пагубность конфуцианства хорошо известны только рабочим, крестьянам и солдатам, интеллигенты же ошибочно понимают многие старые истины[8]. Такая установка вынуждала высокообразованных старых профессоров (Фэн Ю-лань, Фэй Сяо-тун и др.) в беседах с китайскими и иностранными корреспондентами рассказывать о том, как им открыли глаза на истинное значение того или иного конфуцианского положения. А в газетах появлялись статьи, где, например, учитель начальной школы говорил, как много он узнал в этой связи от детей, «хунсяобинов», вместе с которыми учителя его школы под руководством уличного парткома занимались «критикой Линь Бяо и Конфуция»[9].

Включая интеллигентов в состав отрядов «теоретиков», парткомы высказывали опасение, что это делало такие отряды неустойчивыми перед влиянием буржуазной идеологии, а посему им нужно уделять особенно серьезное внимание[10].

Продолжалось пресловутое «перевоспитание» интеллигенции, действовали «школы 7 мая». В конце года было сообщено о том, что в Шанхае выпущен сборник статей «Школы 7 мая для кадровых работников — это хорошо». «Школам» посвящено множество материалов прессы, на экраны страны выпущен цветной документальный фильм «Буйная жизнеспособность школ кадровых работников 7 мая», рассказывающий о «школе» служащих канцелярии ЦК КПК, которая теперь, по утверждению «Гуанмин жибао», стала «пролетарской школой кадровых работников нового типа эпохи социализма»[11].

Даже когда речь шла о широко развернувшемся движении по «трансплантации образцовых спектаклей» в местные театры (об этом см. раздел «Театр»), газеты подчеркивали, что главное здесь отнюдь не «трансплантация» сама по себе, что изучение методов «трансплантации» — это далеко не толь-

---

[7] «Жэньминь жибао», 16.VII.1974.
[8] См.: «Гуанмин жибао», 9.X.1974.
[9] См.: «Гуанмин жибао», 29.X.1974.
[10] См.: «Хунци», 1974, № 8.
[11] «Гуанмин жибао», 28.X.1974.

ко вопрос художественного творчества: еще более важен здесь вопрос идеологического перевоспитания работников литературы и искусства. Для успешной «трансплантации образцовых революционных спектаклей» в первую очередь рекомендовалось как следует изучить «революционную линию председателя Мао в литературе и искусстве, как следует изучить историю борьбы двух линий в процессе создания образцовых революционных спектаклей... повысить сознательность работников культуры в проведении в жизнь революционной линии председателя Мао в литературе и искусстве»[12].

По-прежнему поднималось на щит литературно-художественное творчество непрофессионалов. Самодеятельное творчество, как утверждала статья «Новые радостные вести с художественного фронта», «открыло новую страницу в истории изобразительного искусства»[13]. Охватом широчайших слоев народа, своей планомерностью и организованностью это движение очень напоминало подобное же обращение к непрофессионалам в годы «большого скачка». Развитие непрофессионального, самодеятельного творчества давало возможность в первую очередь создать видимость оживления, даже «расцвета» культуры — как очередное проявление «нови», результат «культурной революции». Кроме того, привлечение огромных масс к самодеятельному художественному творчеству, пусть самому примитивному, как созидательному, так и исполнительскому, значительно расширяло масштабы пропаганды в народе текущих политических лозунгов. И это же позволяло пекинским идеологам продолжать сталкивать профессионалов с непрофессионалами, вульгаризаторски противопоставлять одних другим, использовать самодеятельных авторов как орудие все того же «перевоспитания» интеллигентов, время от времени достаточно выразительно показывать работникам литературы и искусства их место.

Это — хорошо знакомое за последние десятилетия явление: применяемые методы и определенные цели, которые при этом преследовали, дискредитировали правильную и полезную по существу идею — в данном случае идею развития самодеятельного литературно-художественного творчества. Впрочем, на использовании непрофессионалов настаивали не только в сфере литературы и искусства. То же самое происходило, например, и в области педагогики, где к преподаванию специальных дисциплин усиленно привлекались рабочие. Показательно сообщение о том, что в средней школе в Шаоши (район Тяньцзиня) 77 рабочих преподают политические дисциплины, китайский и иностранный языки,

---

12 «Гуанмин жибао», 28.VIII.1974.
13 «Жэньминь жибао», 10.XI.1974.

математику, физику и т. д.[14]. Правда, нередко и непрофессионалов, приобщившихся к искусству, сразу же тоже начинали «перевоспитывать»[15].

Выступления прессы против «новой волны черной линии», ориентация на продолжение «перевоспитания» при всех смягчениях и призывах «сплачивать всех, кого можно сплотить», говорили о сохранении среди интеллигенции прямого и косвенного сопротивления официальным установкам. Свидетельство этому — появление отдельных произведений литературы, драматургии, искусства, вызывающих гнев пекинских идеологов.

ЛИТЕРАТУРА

По словам пекинских пропагандистов, в Китае в 1974 г. происходил «бурный расцвет литературного и художественного творчества», «появилась большая группа хороших или сравнительно хороших произведений»[16]. Однако, каковы конкретные плоды этого «расцвета», какие именно литературные произведения в этой «большой группе», выяснить нелегко, поскольку центральная печать публиковала либо рецензии на отдельные книги (в 1974 г. главным образом сборники рассказов и стихотворений), либо заполненные общими рассуждениями статьи, где в качестве положительных примеров назывались одни лишь «образцовые пьесы». Статьи же обзорно-аналитического плана, которые раскрывали бы общие тенденции литературного творчества и давали сравнительную оценку продукции последних лет, в прессе общеполитического характера не появлялись. Что касается специализированных изданий, то центральные литературно-художественные журналы по-прежнему не выходили, а провинциальные (за исключением шанхайского «Чжаося») иностранцам не продавались.

Из доступных нам материалов складывается впечатление, что в 1974 г. было издано мало произведений крупных форм — романов, повестей или поэм. Год-два назад их выходило гораздо больше (хотя и очень немного для такой страны, как Китай). Очевидно, разгадка в том, что до 1972 г., пока существовал установленный «культурной революцией» фактический запрет на публикацию новых книг, образовался некоторый задел — в том числе из произведений, написанных еще до 1966 г. Теперь этот источник уже исчерпан, а создавать новые крупные произведения трудно из-за низкого профессионального уровня подавляющего большинства под-

---

14 «Жэньминь жибао», 27.VII.1974; «Гуанмин жибао», 27.VII.1974.
15 «Жэньмин жибао», 29.VIII.1974.
16 «Хунци», 1974, № 7.

визающихся ныне авторов, отвлечения литераторов от профессиональной работы для участия в политических кампаниях. К тому же в крупных произведениях особенно заметны надуманность ситуаций, искусственность характеров, эмоциональная бедность и прочие пороки, распространенные в китайской литературе последних лет.

Из писателей по-прежнему поразительной плодовитостью отличался Хао Жань, выпускавший книгу за книгой. В 1974 г. он опубликовал второй том своей тетралогии — «Сверкающий путь», где продолжал еще более подробно и тягуче повествовать о жизни одной из деревень пров. Хэбэй в начале 50-х годов. Главный герой книги, Гао Да-цюань, естественно, «во всем слушается председателя Мао». Его и созданную им бригаду взаимопомощи поддерживают бедняки и низшие середняки. Классовые враги — бывший помещик и кулак мутят воду, стараются собрать вокруг себя неустойчивые элементы. А часть низового руководства, соблазнившись лозунгом «развивайте хозяйство, чтобы добиться достатка», готова вступить на «капиталистический путь». Но Гао Да-цюань неизменно одерживает верх, разумеется, потому, что «неизменно следует линии председателя Мао». Схематизм в расстановке персонажей, крайний рационализм в изображении их чувств, обилие политических деклараций отодвигают в тень отдельные живые эпизоды, иногда попадающиеся в огромном по объему романе, пропагандистская «сверхзадача» которого — убедить читателя, что все положительное, принесенное революцией китайскому крестьянству, связано с именем одной личности.

Хао Жань отдал дань и другой неизменно присутствующей в современной китайской литературе теме — «подготовке на случай войны» и «защите священных рубежей Китая». Она красной нитью проходит через его цикл из двух повестей под названием «Сыны и дочери островов Сиша». Как и «поэтический репортаж» Чжан Юнь-мэя «Битва за Сиша», эти повести требуют от читателей «повышения бдительности», поскольку-де Китай окружают покушающиеся на его территорию враги. В данном случае речь шла о конфликте с сайгонским режимом. По существу, автор утверждает тезис о решении территориальных споров с помощью вооруженной силы. Со страниц книг и периодических изданий не сходят и клеветнические рассуждения об «угрозе с Севера». Характерно, что «Жэньминь жибао» сочла необходимым поместить хвалебную рецензию на пропитанный антисоветизмом роман Го Сянь-хуна «В походе» и тем самым вновь привлечь внимание к этому вышедшему год назад опусу [17].

---

[17] См.: «Жэньминь жибао», 31.VII.1974.

Утилитарно-пропагандистская функция современной литературы особенно наглядно выступала в произведениях малых форм — рассказах, стихотворениях, очерках. Все они были привязаны к тому или другому политическому лозунгу, отображали очередную политическую установку. Это либо воспевание «новых явлений», которые принесла с собой «культурная революция» (отправка «грамотной молодежи в деревню», «школы 7 мая», «босоногие врачи»), либо подыгрывание известному тезису об «обострении классовой борьбы», либо участие в «критике Линь Бяо и Конфуция». В дни 25-летия КНР появилось несколько произведений (в частности, небольшая поэма Чжан Юнь-мэя «Вперед, локомотив революции!»), заполненных восхвалением вождя и достигнутых под его руководством успехов.

Таким образом, по своей тематике литературная продукция как будто отвечала поставленным перед ней идеологическим руководством задачам. Но (и это особенно наглядно показали материалы, опубликованные центральной прессой в последние месяцы) тем не менее руководство серьезно обеспокоено низким литературным уровнем этой продукции, не позволяющим ей достигать ожидаемого воздействия на аудиторию.

В серии статей ведущих официальных критиков и теоретиков, выступавших под именами Чу Лань и Цзян Тянь, охарактеризованы основные, с их точки зрения, недостатки современной китайской литературы. В этих статьях много говорилось, в частности, о влиянии «теории бесконфликтности», в результате которого противоречия подменялись случайными недоразумениями, подавались как нечто внешнее, не вытекающее из логики развития образов или же носили надуманный характер. Не умея (а скорее всего не рискуя) поднимать действительно существенные для жизни народа темы, часть писателей шли по пути поверхностной занимательности, старались заинтересовать читателя острыми, но часто неправдоподобными ситуациями. Другие литераторы «ограничивались описанием реальных людей и событий», что лишало произведения широты и глубины и отрицательно сказывалось «на раскрытии главной темы и создании типических образов». Серьезным пороком, отмечаемым авторами статей, являлась трафаретность произведений, «отсутствие индивидуальности и характерного своеобразия», «сведение всех многообразных явлений к шаблонам».

Все эти недостатки — а перечень их легко умножить — действительно существовали в китайской литературе последних лет. Но что же предлагали авторы статей для их устранения? Все тот же набор рецептов, заимствованных из «Яньаньских выступлений Мао Цзэ-дуна по вопросам лите-

ратуры и искусства», и канонов, выработанных при создании «образцовых спектаклей». Рекомендовалось изображать действительность «возвышеннее и идеальнее», нежели она есть, во всем искать проявления так называемой «классовой борьбы», заниматься лишь узким кругом «важных» тем, избегать «развлекательности». Статьи вновь обрушивались на призыв «писать правду», трактуя его лишь как проявление «очернительской» тенденции. В таких условиях трудно рассчитывать на появление в КНР подлинно реалистических произведений.

ТЕАТР

Театр с самого начала «культурной революции» стал той областью искусства, в которой были созданы эталоны ортодоксального нового искусства — «образцовые революционные спектакли», подготовленные под личным руководством Цзян Цин. Искусственно противопоставляемые творчеству народов мира, они были объявлены «жемчужинами», открывшими «новую эру в истории литературы и искусства». Со времени утверждения безраздельной монополии «линии Мао Цзэ-дуна в литературе и искусстве» и «образцовых спектаклей» пропаганда беспрестанно призывала все китайское искусство к равнению на них. С 1970 г. китайское руководство развернуло специальную кампанию за «популяризацию» «образцовых спектаклей»; плоды ее были невелики. «Популяризация» фактически ограничилась постановкой «образцовых спектаклей» коллективами театра пекинской музыкальной драмы. Еще более серьезное сопротивление их монополии в сфере театра было оказано в 1971—1972 гг., когда наблюдалось некоторое общее оживление культурной жизни, частичный отход от установок «культурной революции».

В 1973 г. эти тенденции были охарактеризованы китайским руководством как «возвратное течение черной ревизионистской линии»; одновременно заявлялось о незыблемости установок «культурной революции».

Начало 1974 г. ознаменовалось в сфере театра сообщением в центральном партийном журнале «Хунци» о том, что количество «образцовых революционных спектаклей» увеличилось с семи [18] до десяти. В январе — феврале в Пекине со-

---

[18] К первым семи «образцовым спектаклям» относились: пять спектаклей театра Пекинской музыкальной драмы, из которых три — историко-революционные («Красный фонарь», «Шацзябан», «Захват горы Вэйхушань»), один — на тему современности («Морской порт») и один — об участии китайских народных добровольцев в борьбе против американской агрессии в Корее — «Налет на полк Белого тигра»; кроме того, к ним

стоялся первый со времени «культурной революции» смотр-фестиваль литературы и искусств Северного Китая. В его программу наряду с «образцовыми революционными спектаклями» вошли 13 многоактных и 23 одноактных спектакля, в большинстве своем подготовленных периферийными коллективами. Смотр отнюдь не был простым подведением итогов. Это достаточно ясно видно из информации о фестивале в печати КНР, где говорилось о его цели: «Нанести ответный удар по возвратному течению ревизионистской черной линии в литературе и искусстве, а также по тем, кто мерзко нападает на «образцовые революционные спектакли», заявляет, что произведений мало, качество их невысокое, что прежде (т. е. до «культурной революции».— *Авт.*) положение в области театра было лучше, нежели сейчас» [19].

В ходе собеседований, проведенных после фестиваля, было подтверждено, что эталонами для драматургии и театра остаются «образцовые революционные спектакли».

Абсолютное большинство спектаклей, показанных на фестивале, были посвящены пропаганде крупных внутриполитических кампаний и лозунгов, автором и инициатором которых являлся Мао Цзэ-дун: о кампании «учиться у Дачжая» рассказывалось в пьесе «На берегах Лэмахэ»; прославлению кампании отправки грамотной молодежи в деревню для «идейного перевоспитания» посвящена пьеса «Ласточка, летящая навстречу ветру»; с пропагандой движения «босоногих врачей» связан спектакль «Весенняя ласточка в Юньлине»; «революции» в области образования и воспеванию ее посвящен спектакль «Хороши цветы, устоявшие против ветра».

Равнение на «образцовые спектакли» проявлялось в том, что все конфликты в пьесах строились под углом зрения так называемой «классовой борьбы» (на деле же — борьбы различных группировок в руководстве государством); герои показанных на фестивале пьес были отмечены явным сходством с героями «образцовых» пьес: большинство из них — женщины, все они идеальны, руководствуются во всех своих действиях и решениях «идеями Мао Цзэ-дуна» и благодаря этому всегда оказываются победителями. Официальная критика в целом положительно отозвалась о просмотренных спек-

---

присоединили два балета — «Седая девушка» и «Красный женский отряд» (оба историко-революционные). В число трех спектаклей входили два историко-революционных спектакля — «Гора азалий» (впервые был поставлен при участии Дэн То по инициативе Пэн Чжэня) и «Бой на равнине»,— а также спектакль «Гимн Лунцзяну», трактующий тезис «в сельском хозяйстве — учиться у Дачжая». Все три спектакля поставлены в стиле пекинской музыкальной драмы.

[19] «Жэньминь жибао», 27.I.1974.

таклях, но дала понять, что до «образцовых спектаклей» им далеко.

Как показал фестиваль, Пекин отставал от театров периферии, деятельность которых отличалась большей активностью. В то же время обращало внимание отсутствие в репертуаре периферийных коллективов «образцовых» спектаклей. Это подтверждало заключение о том, что «популяризация» образцовых спектаклей не увенчалась успехом; театральные коллективы на местах предпочитали уклоняться от постановки их.

Вместе с тем фестиваль позволил познакомиться с необычным для этих лет спектаклем, создатели которого отважились нарушить действующие каноны. Это спектакль, привезенный из пров. Шаньси,— «Три посещения Таофэна», который то ли по ошибке, то ли умышленно, «для острастки», оказался включенным в программу фестиваля. Сюжет спектакля отличался предельной простотой. Время действия — 1959 г. Одна производственная бригада продала другой бригаде заведомо больную лошадь, которая была загнана во время полевых работ и погибла. Узнав о случившемся, секретарь партийной организации трижды посещает пострадавшую бригаду в Таофэне, чтобы принести извинения, вернуть деньги и, наконец, передать взамен здоровую лошадь.

Критика, стоявшая на страже «генеральной линии», расценила «Три посещения Таофэна» как «крупный ядовитый сорняк». 28 февраля статьей за подписью Чу Лань «О спектакле театра шаньси банцзы „Три посещения Таофэна“» газета «Жэньминь жибао» начала шумную кампанию осуждения самого спектакля, а также «тех, кто стряпал, поддерживал и санкционировал» этот спектакль. Вслед за этим из Пекина на места была спущена директива с требованием проведения «собраний осуждения». На протяжении марта — мая все центральные газеты регулярно публиковали материалы, провоцировавшие новый поход «народных масс» против лиц, не желавших покориться «генеральной линии».

В тематическом плане главное обвинение против спектакля сводилось к тому, что авторы, трактуя сельскую тему, отказались от пропаганды опыта Дачжая, и это было расценено как выпад против самого опыта. К тому же спектакль во временно́м плане изображал деревню периода неудавшегося эксперимента «большого скачка» и содержал реплики, которые легко могли быть истолкованы как критика самого «скачка» в сельском хозяйстве. Вместо стандартного идеализированного показа в театре нынешней китайской деревни в спектакле показана и нехватка средств у производственных бригад и местнические настроения и т. д. Не укладывался в рамки предписаний «образцовых спектаклей» образ главной

героини — секретаря партячейки: ей не было присуще нарочитое равнение во всех делах и поступках на «идеи Мао Цзэдуна», а случай с продажей больной лошади она рассматривала не под углом зрения «классовой борьбы» и происков «классовых врагов», а как результат влияния пережитков в сознании. Вместо разоблачения виновных как классовых врагов и соответственной расправы с ними она разрешила конфликт методом убеждения. Спектакль был расценен в Пекине как противоречащий курсу в идейном и художественном плане. В статье Чу Лань содержались также заявления, будто авторы спектакля, игнорируя «образцовые спектакли», хотели «разбить их рамки».

Кампания критики спектакля была шумной, многословной, грозной. Однако тот факт, что деятели театра отреагировали на нее молчанием[20], можно было понять как проявление пассивного бойкота кампании. В результате грозные призывы «рассчитаться до конца» с непокорными повисли в воздухе; до поименной критики дело не дошло. В конце лета была начата критика другого спектакля, также явно расходящегося с установками «культурной революции», но уже в области образования,— «Песнь о садовнике». Первый удар по нему был нанесен статьей в газете «Хунань жибао» от 19 апреля 1974 г. под заголовком: «Критика спектакля хунаньского театра «Песнь о садовнике» — крупного ядовитого сорняка, являющего собой контрудар по пролетарской линии в образовании, преследующего цель восстановления прежних порядков». В августе центральная пресса КНР посвятила спектаклю несколько статей, повторявших положения упомянутой статьи в «Хунань жибао», и на этом критика прекратилась.

Спектакль «Песнь о садовнике», посвященный прославлению благородного труда учителя, косвенно осуждал настроения пренебрежительного отношения к знаниям и преподавателям. По мнению официальной критики, спектакль наносил удар по основным установкам «революции в области образования», проповедовал «теорию о центральном месте учителя», а также идеи «интеллектуальное развитие — главное», «учеба (в школе) — превыше всего». Осуждение в спектакле нерадивого ученика Тао Ли, по кличке Строптивый, за озорство и отсутствие прилежания расценивалось печатью как подавление в нем педагогами «духа сопротивления ревизионистской линии в образовании» и «революционности».

Если в первой половине года огонь официальной критики

---

[20] Исключение составили две коллективные заметки, опубликованные от имени трупп, подконтрольных Цзян Цин.

сосредоточился на современных произведениях, то во второй половине — на пьесах традиционного репертуара, которые с 1966 г. были огульно зачислены в «хлам» и с тех пор практически находились под запретом. Рецидив критики старых пьес, с одной стороны, следует рассматривать как дань кампании «критике Линь Бяо и Конфуция». Вместе с тем, как признавала китайская прессса, критика была вызвана тем, что все еще «имеется небольшая горстка людей, которые очень увлекаются старым театром сицюй... превозносят его как сокровище и при этом злобно нападают на революционные образцовые спектакли... ратуют за хлам (как именуют ныне в КНР традиционные спектакли.— *Авт.*) и кричат, что... жаждут лирики»[21]. Судя по всему, пекинскому руководству не удалось пресечь тягу к театральному наследию.

В конце апреля 1974 г. было объявлено о начале второго этапа «популяризации» «образцовых революционных спектаклей» через «трансплантацию» — постановку их во всех местных видах театра сицюй, а также в драматическом, оперном, балетном, кукольном, теневом театрах[22]. Месяц спустя театры получили новое указание — при создании новых пьес и спектаклей главные усилия направлять на то, чтобы «с чувством... воодушевления воспевать пролетарскую революцию (т. е. историю китайской революции в официальном духе.— *Авт.*) и особенно... культурную революцию», критиковать те произведения, которые «злобно искажают и извращают пролетарскую революцию»[23]. Это заявление следует рассматривать как новое уточнение репертуарной политики. Оно связано с настойчивым стремлением китайского руководства преодолеть негативное отношение масс к «культурной революции».

В августе — сентябре в Пекине проходил фестиваль-смотр четырех провинций, городов и автономных районов, организованный, как и зимний фестиваль, Группой по делам культуры при Государственном совете. В нем принял участие 21 театральный коллектив (от Шанхая — 6; от пров. Хунань — 4; от пров. Ляонин — 4; от Гуанси-Чжуанского района и г. Гуйлина — 7). Одновременно в Пекин были приглашены 2 тыс. работников литературы и искусства Китая, представлявшие все провинции, города, автономные районы, а также НОАК; среди приглашенных были представители киностудий[24].

Всего в программе значилось 27 спектаклей, в том числе 11 «образцовых спектаклей» в постановке местных видов те-

---

21 «Жэньминь жибао», 15.IX.1974.
22 «Жэньминь жибао», 24.IV.1974.
23 «Жэньмин жибао», 23.V.1974.
24 См.: «Жэньминь жибао», 13.VIII.1974.

атра сицюй (целиком были показаны лишь «Гимн Лунцзяну» и «Шацзябан», остальные в отрывках).

Характеризуя этот смотр, китайская пресса не преминула объявить его «первой демонстрацией результатов трансплантации... образцовых спектаклей в местных видах театра сицюй». Вместе с тем, давая оценки самим «пересаженным спектаклям», критика признавала их несовершенство и эклектичность. Из всех других спектаклей, показанных на смотре, рецензенты выделили постановку труппы театра разговорной драмы Шанхая «Борьба на стапеле». Главная идея спектакля — восхваление «культурной революции»; она реализовалась через показ борьбы выдвиженца «культурной революции», первым написавшего и вывесившего в свое время дацзыбао (это Лэй Хай-шэн, главный герой), с оппозиционно настроенными заместителем председателя «ревкома» судоверфи Чжао Пином и неким инженером, люто ненавидящим «культурную революцию». Конфликт между ними развивался по двум линиям — идейной и производственной: первый считает возможным построить на маленькой, технически слабо оснащенной судоверфи корабль водоизмещением 10 тыс. т; второй убежден в нереальности задачи.

Пьеса и ее герои трафаретны (критика была вынуждена признать их недостаточную убедительность) [25]. Однако несомненный интерес представляют вкрапленные в спектакль реплики, характеризующие отношения между выдвиженцами «культурной революции» и старыми кадрами: «По-моему, мало еще тебя прожарили, нужно бы еще поддать тебе жару»,— заявляет выдвиженец. «Это тебе не начало культурной революции, такие методы не пойдут»,— парирует Чжао Пин. В данном случае выражены довольно определенные настроения, распространенные в Китае.

При обсуждении просмотренных произведений оценки выносились, по словам прессы, путем сопоставления с «образцовыми спектаклями» [26] и их установками. Других критериев для оценки театральных произведений не применялось.

Судя по имеющимся данным, в Пекине в 1974 г. функционировало 11 самостоятельных театральных коллективов (4 коллектива театра пекинской музыкальной драмы, театр хэбэйбанцзы, театр пинцзюй, 2 театра разговорной драмы, кукольный театр, балетная труппа и коллектив Центрального института искусств им. «7 Мая»), 17 художественных ансамблей и 4 самодеятельных пропагандистских отряда городского ранга.

В канун 25-й годовщины создания КНР в сообщениях об

---

[25] См.: «Бэйцзин дасюэ», 1974, № 5.
[26] Там же.

официальных приемах среди присутствовавших была названа большая группа деятелей театра, многие из них были сопричастны к созданию «образцовых спектаклей»; вместе с тем появились имена некоторых драматургов и актеров, исчезнувших после 1966 г. («звезд» и прежних театральных руководителей в списках не значилось).

В конце года в печати сообщалось, что «образцовых революционных спектаклей» стало «16 или 17»[27]. К прежним десяти были добавлены созданные четыре года назад одноактные балеты «Имэнсун» и «Дети степей»[28]. Одновременно в Пекине по линии Группы по делам культуры при Государственном совете состоялся учебный семинар: участвовавшие в нем представители 34 танцевальных коллективов (850 человек), присланные от провинций, городов, автономных районов и НОАК, ускоренными темпами разучивали эти балеты с целью дальнейшей их «популяризации на местах»[29]. Теперь всем театрам страны вменено в обязанность ставить 12 «образцовых спектаклей».

События театральной жизни КНР позволяют сделать вывод, что положение в театре весьма неустойчивое. Как свидетельствует китайская печать, «борьба в литературе и искусстве еще более обострилась», она «неразрывно связана с нынешней политической борьбой»[30]. Суть этой борьбы формулировалась следующим образом: «Культурная революция увенчалась успехом, но по-прежнему идет острая борьба вокруг вопроса: признавать или отрицать плоды культурной революции», считать ли, что «культурная революция» — это «очень хорошо» или «очень плохо»; «в новом руководстве также стоит вопрос о том, по какому пути идти», «поддерживать новь или подавлять и душить ее»[31].

Видимо, осознавая, что оживление театральной деятельности в стране, рост числа действующих коллективов потенциально таят в себе опасность подрыва установок «культурной революции» и монополии «образцовых революционных спектаклей», пекинское руководство приняло в этом году ряд «профилактических мер». К их числу, как отмечалось, относились: обязательная «трансплантация» 12 «образцовых спектаклей» и принятие их в качестве главного критерия при оценке всех других театральных произведений; ориентация

---

[27] «Гуанмин жибао», 30.XI.1974.

[28] К категории «образцовых революционных спектаклей» также относились: симфония «Шацзябан», сюита «Хуанхэ», арии к спектаклю «Красный фонарь» под аккомпанемент фортепьяно, симфония «Захват горы Вэйхушань» и симфоническая сюита «Седая девушка».

[29] «Гуанмин жибао», 30.XI.1974.

[30] «Жэньминь жибао», 16.VII.1974.

[31] «Жэньминь жибао», 8.IX.1974.

театров на создание постановок, воспевающих «культурную революцию» (что должно было «служить лакмусовой бумажкой» на благонадежность); повторный запрет на весь старый репертуар. Все это подкреплялось периодическими угрозами расправ с противниками политики в области театра.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

1974 год в области изобразительного искусства, как и во всей общественной жизни КНР, прошел под знаком широкой кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Однако влияние этой кампании на состояние изобразительного искусства отличалось определенной спецификой, обусловленной некоторыми особенностями развития изобразительного искусства в предшествовавшие годы.

В период «культурной революции» изобразительное искусство переживало глубочайший кризис. В официальной и хунвэйбиновской печати, в многочисленных дацзыбао практически все художники были обвинены в попытках реставрировать в Китае капитализм, «установить диктатуру буржуазии в области изобразительного искусства». Особенно яростным нападкам подверглись известный карикатурист, генеральный секретарь Союза китайских художников Хуа Цзюнь-у и художник-график, заместитель председателя Союза художников, секретарь партийной организации Союза Цай Жо-хун и др.

По мере разрушения «старого» искусства на передний план настойчиво выдвигалась задача создания «нового, социалистического изобразительного искусства». Это выразилось в создании бесчисленных плакатов и портретов, изображавших Мао Цзэ-дуна. Сложившаяся практика была возведена в принципы «нового искусства»: творчество должно быть безымянным, коллективным и непрофессиональным; все цели и задачи искусства сводятся к одному — прославлению Мао Цзэ-дуна; единственным творческим методом признается «сочетание революционного романтизма с революционным реализмом».

События «культурной революции» фактически привели к полному уничтожению китайского изобразительного искусства. Такое положение не могло удовлетворить даже самых верных сторонников «линии Мао Цзэ-дуна в искусстве», поскольку, по их представлениям, искусство должно выполнять функцию пропаганды определенных политических идей.

С 1969 г. начали намечаться, а с середины 1971 г. стали явными изменения в области изобразительного искусства. Шаг за шагом в Пекине отказывались от ряда своих требо-

ваний и ограничений. Значительно расширялась тематика произведений: помимо изображений Мао появились портреты «образцовых героев» типа Лэй Фэна, а затем и произведения, отражавшие «новые явления социалистической действительности», т. е. осуществление тех или иных политических, экономических, идеологических «теорий Мао Цзэдуна».

Постепенно возрождались отвергнутые в ходе «культурной революции» традиционные жанры китайской живописи: пейзаж и «цветы и птицы». Начался процесс «реабилитации» некоторых художников, известных до «культурной революции», их стали привлекать к творческой и общественной деятельности. Так, были «реабилитированы» бывший заместитель председателя Союза художников У Цзо-жэнь, постоянные члены правления Союза художников Гуань Шань-юэ, Фэн Цзы-кай, Гу Юань, Шао Юй, Шэнь Жоу-цзянь и Лэй Гуй-юань, члены правления Ли Кэ-жань, Хуан Синь-бо, Я Мин, Хуан Юн-юй, Чжан Лэ-пин и Хэ Тянь-цзянь, известные художники Лян Хуан-чжоу, Цянь Сун-янь, Ли Хуань-минь, Ли Ху, Чжао Мэй, Мяо Ди, Ян Чжи-гуан, Гао Хун, Тао И-тин и др. На китайских выставках за рубежом экспонировались картины Сюй Бэй-хуна, а в магазинах Пекина продавались подлинные произведения и репродукции картин Ци Бай-ши.

Наметилось оживление в деле организации выставок: была открыта вновь экспозиция в музее Гугун, состоялся ряд выставок современного искусства, на которых были представлены работы профессиональных и непрофессиональных художников; их посетило несколько миллионов зрителей. Начали издаваться, хотя и в небольших количествах, альбомы, наборы открыток и отдельные репродукции новых, а иногда и старых произведений живописи и графики. В критических статьях определенное внимание стало уделяться вопросам формы, совершенствования мастерства.

Однако, несмотря на значительные перемены в области изобразительного искусства за последние годы по сравнению с периодом «культурной революции», оно все же не вышло за рамки официальных концепций. Прежде всего сохранило силу требование «создавать образы выше, прекраснее, идеальнее, чем в жизни», и отрицание необходимости правдивого отражения действительности. Включавший в себя эти принципы «метод сочетания революционного романтизма и революционного реализма» требовал отражать в искусстве только те стороны и явления жизни, которые положительны с точки зрения пекинских руководителей. Произведения искусства рисовали нереальный мир, лишенный трудностей и противоречий, каких бы то ни было отрицательных явлений.

При всем кажущемся разнообразии сюжетов они в целом не вышли за рамки иллюстрации актуальных лозунгов.

Такие большие, вечные темы искусства, как любовь, человечность, красота природы и человека, остались запретными для китайских художников. Искусству отводится лишь роль орудия политического и идейного воспитания масс при полном игнорировании эстетической его специфики. Даже такой жанр, как «цветы и птицы», в котором, казалось бы, невозможно непосредственно отразить маоистские идеи, ставится на службу политическим целям: изображения различных цветов и растений в произведениях этого жанра трактуются как определенные символы (сосна — символ несгибаемой воли революционера, цветы «мэйхуа» — символ «расцвета нового Китая» и т. д.). Впрочем, некоторые картины жанра «цветы и птицы» лишь формально сопровождались объяснениями в «новом духе», а на деле следовали старым традициям национальной живописи.

Таким образом, в изобразительном искусстве процесс «оживления» зашел несколько дальше, чем в других областях культуры. Уже в конце 1973 г., после X съезда КПК, это вызвало недовольство официальных кругов. Китайская печать критиковала художников за то, что они изображали «нетипичные явления, которые должны со временем исчезнуть и являются лишь временными», и призывала «активно продолжать революцию в национальной живописи»[32].

1974 год ознаменовался продолжением и развитием этой тенденции, т. е. ужесточением контроля пекинского руководства над изобразительным искусством. В начале года все внимание было сосредоточено на развертывании кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», в которой наибольшую активность, судя по китайской прессе, проявляли самодеятельные, непрофессиональные художники. Они не только проводили многочисленные собрания, посвященные «критике», но и создавали картины, рисунки, гравюры и карикатуры на соответствующие темы, устраивали выставки, отражавшие ход кампании. Значительно меньшую роль играли профессиональные художники, в особенности из числа «реабилитированных».

Китайская печать практически не только перестала популяризировать произведения последних, но и на протяжении всего года не упоминала даже их имена. В конце года стало известно, что в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» были сурово раскритикованы и некоторые произведения, созданные в последние годы. «Жэньминь жибао» писала: «После разгрома антипартийной группировки Линь Бяо гор-

---

[32] «Жэньминь жибао», 14.X.1973.

стка деятелей изобразительного искусства со злым умыслом продолжала, используя живопись, вызывать волнения, искажать и высмеивать социалистическую действительность, изливать наружу недовольство и ненависть к партии и социализму. Недавно разоблаченные и раскритикованные дурные картины как раз такого сорта. Под кистью их авторов свет превращается во мрак, счастье превращается в бедствие»[33].

1 октября в Пекине состоялось открытие Всекитайской выставки изобразительного искусства и Выставки живописи рабочих Шанхая, Янцюаня и Люйда, посвященных 25-летию провозглашения КНР, которые должны были продемонстрировать «достижения» изобразительного искусства в результате победы «культурной революции» и разгрома «нового наступления врагов и реакционеров» в начале 1974 г.

Первая экспозиция открывалась получившим наиболее высокую оценку критики полотном «Только шагая в ногу, можно победить», на котором изображен молодой Мао Цзэдун, выступающий перед бойцами. Несмотря на то что по крайней мере один из трех авторов полотна (Гао Хун известен как создатель ряда картин, посвященных Мао Цзэ-дуну и написанных еще до «культурной революции», например «Мао Цзэ-дун и Линь Бяо перед сражением») являлся профессиональным художником, картина отличалась весьма невысоким художественным уровнем. Недаром в хвалебных отзывах прессы о выставке ни слова не говорилось о художественных достоинствах произведений, об уровне мастерства, о форме. Отмечалось как огромное достижение лишь то, что большое количество представленных на выставке работ наряду с упомянутой картиной прославляет руководящую роль председателя Мао, более 100 произведений отражают «великую победу культурной революции и движение критики Конфуция и Линь Бяо», а более 200 непосредственно воспевают «великие успехи и победы социалистической нови, достигнутые благодаря линии председателя Мао»[34].

Особое значение в Пекине придавалось Выставке живописи рабочих Шанхая, Янцюаня и Люйда, которая якобы «вписала новую страницу в историю изобразительного искусства»[35]. Профессиональных художников призывали учиться у самодеятельных верности «идеям Мао Цзэ-дуна», политической активности, преданности «делу великой культурной революции». Критика отмечала, что рабочие-художники при создании произведений успешно использовали опыт «революционных образцовых спектаклей», применяли творческий ме-

---

[33] «Жэньминь жибао», 26.XII.1974.
[34] «Жэньминь жибао», 10.XI.1974.
[35] «Жэньминь жибао», 18.XI.1974.

тод «сочетания революционного романтизма с революционным реализмом».

Одобрением критики пользовались работы, показывавшие Китай как страну высокоразвитой экономики, т. е. изображавшие новейшие механизмы, гигантские машины, грандиозные мосты, плотины, заводы, автоматизированные цехи, сплошные сети шоссейных и железных дорог, опутывающих дикие горы. Характерна в этом отношении картина группы шанхайских рабочих «Радостно видеть еще один горный пик», на которой в традиционно исполненный горный пейзаж вкраплены крохотные фигурки людей, приветствующих едущий по горному шоссе тягач, который тянет на платформе за собой огромную турбину. Тягач с турбиной написаны с нарочитым нарушением законов перспективы такими огромными, что действительно кажутся «еще одной горной вершиной».

Непомерно большое значение, которое в Китае придавалось в 1974 г. непрофессиональному творчеству, проявилось и в изобразительном искусстве. Как правило, в отряды непрофессиональных художников объединялись наиболее «лояльные» рабочие и крестьяне, назначенные «руководящими товарищами, партийными и кадровыми работниками», причем часто независимо от склонности или способности к рисованию. Руководство «объясняло» политическую важность и необходимость «свергнуть диктатуру буржуазных специалистов в области изобразительного искусства», а затем «предлагало» тему и сюжет произведения и указывало, как их следует разрабатывать. Профессиональные художники-наставники подправляли готовые произведения, а руководство определяло, насколько правильно в них воплощены предложенные «идеи», и в случае малейшего отклонения от указаний «предлагали» переделать работу. Часто картины подвергались таким переделкам по нескольку раз[36]. Подобная система, конечно, гарантировала от проявлений инакомыслия в произведениях непрофессиональных художников.

Несколько иная ситуация, видимо, складывалась в декоративно-прикладном искусстве. После разгрома в период «культурной революции», в 1971—1973 гг., был возрожден целый ряд художественных промыслов, организованы даже новые мастерские и целые фабрики по выпуску традиционных изделий из слоновой кости, резного камня, скорлупы ореха, дерева, вышивок, тканей и т. д. Выпуск некоторых изделий достигал нескольких десятков тысяч ежегодно.

Значительное внимание уделялось сохранению и передаче молодым мастерам опыта и навыков старых специалистов.

---

[36] См.: «Жэньмин жибао», 30.X.1974; «Гуанмин жибао», 25.X.1974.

Новые сюжеты и темы хотя и вводились в традиционные виды прикладного искусства, но в значительно меньшей мере, чем в живописи или графике. Много произведений было создано на очень высоком техническом уровне. И хотя «культурная революция» не прошла бесследно и для прикладного искусства, в целом его положение за последние годы было лучше, чем в живописи и графике. Это объяснялось прежде всего тем, что руководители КНР рассматривали изделия прикладного искусства как источник валюты (в 1974 г. они экспортировались в 60 стран).

Летом в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» и борьбы с «дурными» произведениями радикально настроенные элементы на местах попытались эту кампанию распространить и на прикладное искусство. В Пекине появилась дацзыбао, подписанная двумя рабочими Пекинской мастерской художественных изделий, в которой руководство мастерской критиковали за приверженность старым, феодальным сюжетам и за проведение курса «товары для внутреннего рынка и товары для экспорта — не одно и то же».

Однако вскоре в центральной прессе была опубликована статья, которая фактически явилась ответом на критику, содержащуюся в дацзыбао. В статье говорилось, что руководство мастерской твердо следует «линии Мао Цзэ-дуна в области искусства», активно участвует в критике Конфуция и Линь Бяо, укрепляет и развивает достижения «культурной революции»[37]. После этого до конца года китайская печать не затрагивала вопросов декоративно-прикладного искусства. По всей видимости, в этой области из соображений экономического характера руководство предпочло сохранить ситуацию, сложившуюся ранее.

КИНЕМАТОГРАФИЯ

Главным событием года в области кинематографии стало постепенное возобновление производства художественных фильмов, прерванного «культурной революцией». Несомненно, «перевоспитывая» кинематографистов, руководство не оставляло мысль о «возрождении» художественного фильмопроизводства, но уже в новом качестве — в качестве орудия политической пропаганды. Этой цели служили кампания создания «отрядов пропаганды идей Мао Цзэ-дуна» в 1969 г., кампания экранизации «образцовых революционных спектаклей», проводившаяся в 1970—1973 гг., когда кинематографистам предъявлялись «новейшие» критерии, выра-

---

[37] «Гуанмин жибао», 13.VII.1974.

ботанные на театральной сцене; этой цели подчинялась начавшаяся в 1970 г. кампания «реабилитации» деятелей киноискусства КНР. Перед возобновлением производства художественных фильмов журнал «Китай на стройке» (1973, № 6) в довольно резкой форме еще раз указал кинематографистам на то, что художественная кинематография должна слепо копировать канонические «образцовые спектакли».

В конце января на экраны КНР вышли первые четыре новых художественных фильма — «Пик зеленой сосны», «Солнечные дни весны», «Как боролись с наводнением» и «Огненные годы» производства Чанчуньской и Шанхайской киностудий. Китайская пресса откликнулась на это событие с бурным энтузиазмом, в сфере кино не наблюдавшимся с конца 1970 г. Пропаганда прежде всего подчеркивала преемственность новых фильмов по отношению к официальным театральным «образцам» и фильмам-спектаклям, поставленным на их основе. Выпуск фильмов характеризовался как очередная «великая победа идей Мао Цзэ-дуна», «еще одно крупное завоевание великой пролетарской культурной революции», свидетельство «благоприятной революционной обстановки в литературе и искусстве».

К годовщине КПК был выпущен художественный фильм «Разведчик» (Пекинская студия); к 25-летию Китайской Народной Республики — пять художественных фильмов, в том числе: «Сверкающая красная звезда» (студия «Первое августа»), «Бой на юге, сражение на севере» (Пекинская студия), «Стальной гигант» (Чанчуньская студия); к Новому году — художественный фильм «Разведка за рекой» (Шанхайская студия).

Характерно, что большинство фильмов не отличались оригинальностью. Из первых четырех фильмов три — экранизация старых пьес, один — романа Хао Жаня «Солнечные дни весны»; «Сверкающая красная звезда» — экранизация одноименной повести. Более того, по крайней мере четыре «новых» художественных фильма в действительности не новы — это либо доработка, либо пересъемка старых художественных фильмов 1966 г. («Пик зеленой сосны», «Как боролись с наводнением»), 1954 г. («Разведка за рекой»), 1952 г. («Бой на юге, сражение на севере»). В этом проявилась не раз уже замечавшаяся после 1966 г. в Китае боязнь нового — легче, безопаснее взять старое, уже апробированное и «трансплантировать» его, кое-как приспособив к другому искусству, к другому этапу.

В фильме «Огненные годы» рассказывалось о металлургах Шанхая, в 1962 г. выплавлявших новый сорт стали. Здесь акцентировался принцип «опоры на собственные силы»

как альтернатива «экономической блокаде социал-империализма»; фильм имел неприкрытую антисоветскую направленность.

«Солнечные дни весны» посвящен теме «классовой борьбы» в деревне в 1957 г. В этом фильме главный герой Сяо, командир «ополченцев» и парторг, разоблачал «пролезшего в партию контрреволюционера», который пытался сорвать жатву.

В «Пике зеленой сосны» конфликт («классовый», разумеется) разворачивался вокруг проблемы транспортировки грузов (1962 г.), когда «классовый враг» захватил должность возчика, а крестьянин-бедняк в борьбе с ним воспитывал возчиков-«пролетариев».

В фильме «Как боролись с наводнением» показана борьба с разливом р. Хайхэ в 1963 г.

Особенность первых четырех художественных фильмов заключалась в том, что они изображали события мирного времени (хотя и с воинствующим пылом). К более типичным для кино КНР военным темам обратились авторы большинства последующих художественных фильмов.

Особым расположением у прессы пользовался фильм «Сверкающая красная звезда» — о маленьком Пань Дунцзы, герое партизанской борьбы 30-х годов. Фильм был назван «новым радующим достижением, ставшим возможным вследствие изучения творческого опыта образцовых революционных спектаклей и применения творческого метода сочетания революционного реализма с революционным романтизмом», и «прекрасным пособием для воспитания молодежи в духе классовой борьбы, борьбы линий и революционных традиций»[38]. Критика откровенно подчеркивала, что фильм прежде всего направлен против «так называемой особой детской души — гнилого товара помещичье-буржуазной теории человеческой сущности, подобранной у советских ревизионистов»[39].

Однако возобновляемая художественная кинематография в КНР вызывала не только дифирамбы. Несмотря на то что фильмы показывали исключительно «классовые» конфликты (иных в маоистском искусстве сейчас не существует), критики выражали недовольство в связи с кажущейся им «недостаточной обрисовкой классовой борьбы» (например, статья Чу Ланя в «Жэньминь жибао», 26.I.1974). По-видимому, объективное тяготение экранного действия к реалистичности приходило в противоречие с надуманными политическими требованиями «идей Мао Цзэ-дуна».

---

[38] «Гуанмин жибао», 13.X.1974.
[39] «Жэньминь жибао», 22.X.1974.

В одной из установочных статей было еще раз указано, что «критика должна твердо придерживаться выдвинутого председателем Мао принципа: политический критерий на первое место, художественный — на второе» и что критике следовало «подниматься до уровня борьбы двух линий», т. е. оценивать произведение по степени его политической полезности [40].

Кинематография Китая приобрела специфическую особенность: при существующей строжайшей системе контроля на экраны выходили фильмы, не удовлетворявшие руководство. Так, о фильме «Как боролись с наводнением» в течение года не появилось ни одной заметки. Возможно, настолько назрела необходимость в новых художественных фильмах, что пришлось сделать некоторые послабления в цензуре.

Подобным же образом обстояло дело с фильмом «Разведчик», который был специально выпущен к юбилею КПК. Полтора месяца на него не печаталось никаких откликов. Лишь 14 августа в «Жэньминь жибао» с отзывом выступили два автора — Фан Цзинь и оператор Ли Вэнь-хуа, видимо участвовавший в съемках. Фильм был раскритикован за «отрыв от жизни, одностороннюю погоню за остротой и напряженностью сюжетной линии, что в значительной мере нанесло ущерб образу главного героического персонажа и отразилось на идейности фильма». Пути к преодолению этих недостатков авторы увидели в еще более тщательном следовании канонам «образцовых революционных спектаклей».

Продукция остальных жанров кинематографии КНР хотя и возросла в количественном отношении, но оставалась как бы на заднем плане. Было выпущено несколько фильмов-спектаклей, в основном зафиксировавших «трансплантированные» местные варианты пекинских «образцовых спектаклей», хотя в широко проводимой кампании «трансплантации» пекинского театра кинематограф активного участия не принял. Появилось несколько мультипликационных фильмов. Документальное и научно-популярное кино почти не освещалось прессой, за небольшими исключениями: в «Гуанмин жибао» (23 июня) статья с триумфальными интонациями преподносила «успехи научно-популярного кино за последние два года»; были отклики на документальный спецвыпуск «Критика Линь Бяо и Конфуция» и др.

В русле кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» опубликованная 22 июля в «Жэньминь жибао» статья Цзян Тяня «Первая широкая критика пути Конфуция — Мэн-цзы, проведенная марксистами» предлагала «заново изучить блестящую работу председателя Мао. Серьезно отнестись к изуче-

---

[40] См.: «Жэньминь жибао», 9.II.1974.

нию кинофильма „Жизнь У Сюня"... вспомнить шедшую 24 года назад вокруг „Жизни У Сюня" острую борьбу на фронте идеологии и культуры». Как писала газета, «это в высшей мере поучительно для осознания важного насущного и перспективного исторического значения нашего движения „критики Линь Бяо и Конфуция"».

В проведенной в масштабе страны с 1 по 23 мая кампании широкого показа фильмов по «образцовым революционным спектаклям» кинематография выступала только средством для «популяризации образцовых спектаклей» как «идеологического оружия в критике реакционной программы Линь Бяо» («Жэньминь жибао», 24.IV), сильного оружия борьбы с идеалистической «теорией таланта» («Жэньминь жибао», 14.V). Кампания была организована так широко, что в Харбине производили доставку билетов на предприятия, учреждения, в школы и жилые кварталы; в Цицикаре за 20 дней фильмы на 1600 сеансах просмотрело более 900 тыс. зрителей.

С кинематографией была связана определенная часть антисоветских выступлений. Например, антисоветизм явился главной темой проведенной в начале года критики документального фильма «Китай», снятого в КНР в 1972 г. итальянским режиссером М. Антониони. Кампания открылась статьей в «Жэньминь жибао» (30.1) под названием «Злые умыслы, подлые приемы». Главное недовольство фильмом Антониони было вызвано тем, что он «совершенно не отражал новые дела, новые явления и новый облик» Китая после «культурной революции», показывая, что «социалистический строй Китая плох, революция в Китае проведена скверно, а путь назад, возврат к старому — единственный выход». В статье подробнейшим образом перечислялись все кадры и сцены, которые не устраивали руководство КНР.

Эта критика Антониони отразила новую волну неприязни китайского руководства к прогрессивным силам мира, желание отгородиться от них. Поэтому в 1974 г. фильмы КНР почти не вывозились за рубеж, демонстрировались преимущественно в рамках некоммерческого проката. КНР в прошедшем году приняла участие в двух международных кинофестивалях — детских и юношеских фильмов в Тегеране (ноябрь), куда был представлен мультипликационный фильм «Дозорные Восточного моря», выпущенный на экраны в 1973 г., и в Салониках (октябрь), где показали фильм-спектакль 1970 г. «Ловкий захват горы Вэйхушань». Прокат зарубежных фильмов в КНР в 1974 г. практически отсутствовал.

Таким было кино КНР в 1974 г. Давно ожидавшийся этап «нового» производства художественных фильмов оказался

лишь продолжением в несколько иных формах предыдущего этапа фильмов-спектаклей с их узостью тематики, безжизненной и фальшивой «романтичностью», послушным исполнением роли иллюстратора антинародной политики китайских руководителей.

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Школьное образование. 1974 год, как и предшествующий, характеризовался большими усилиями, направленными на преодоление с помощью идеологического нажима и контроля сопротивления многих работников просвещения и учителей «революции в образовании», развернутой в школах и вузах с лета 1966 г. Напомним, что целью реформы, инициатива которой приписывалась Мао Цзэ-дуну, явился перевод школ на самоокупаемость и сокращение сроков обучения.

Нерегулярные школы различного типа, равно как и регулярные учебные заведения, сочетая обучение с активной трудовой деятельностью учащихся на пришкольных «заводиках» и фермах, а также на государственных предприятиях, стали готовить по сугубо утилитарным программам кадры для нужд местной промышленности. При этом основная масса учащихся получала лишь знания, необходимые для непосредственной работы в будущем. Дешевизна, практичность, быстрота — таковы были по замыслам китайского руководства преимущества новой системы обучения. Однако жизнь показала, что подобная система имеет ряд очень серьезных недостатков: отсутствие общеобразовательной подготовки при ранней специализации ставит под угрозу дело воспитания кадров для дальнейшего развития науки, культуры, техники Китая.

Предпринимавшиеся в течение 1971—1972 гг. с одобрения отдельных членов руководства попытки нормализовать положение в области образования, повысить качество обучения с 1973/74 учебного года были резко пресечены как попытки реставрации «ревизионистской линии», якобы господствовавшей до 1966 г. Вина была возложена на «линию Линь Бяо», основанную будто бы на педагогических воззрениях Конфуция.

В учебных заведениях кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», ведущаяся в самых разнообразных формах, затронула не только внешкольную, но и классную работу. Материалы по «критике Линь Бяо и Конфуция» широко включались в уроки политики, языка, литературы, географии, истории. В учебных заведениях всех ступеней были созданы так называемые «теоретические группы», где школьники изучали отдельные работы классиков марксизма-ленинизма, статьи

Мао Цзэ-дуна, разучивали рассказы, стихи, песни, критикующие конфуцианство и Линь Бяо, прославляющие легизм. Эти школярские (либо составленные с помощью учителей) «произведения» зачитывались на классных и школьных собраниях, а также перед рабочими и крестьянами. В кампании принимали участие все учащиеся, начиная с 1-го класса начальной школы.

Критике педагогических воззрений Конфуция как источника реакционных взглядов Линь Бяо в области образования китайское руководство старалось придать «теоретический» характер. В связи с этим центральная печать опубликовала несколько статей, изобилующих цитатами из конфуцианских канонов, а также статьи из истории борьбы конфуцианцев и легистов по вопросам воспитания («Борьба между Сюнь-цзы и Мэн-цзы по вопросам образования», «О прогрессивных представлениях легистов об образовании в период ранней Цинь», «О реформах Ван Ань-ши в области образования»).

Критике подвергались такие конфуцианские положения, как «учиться ради карьеры», «обучение талантов», «врожденные знания» и т. п. Необходимо отметить, что одни конфуцианские взгляды на воспитание являлись прогрессивными для своего времени, другие справедливо отвергались. Тем не менее и те и другие имеют мало общего с принципами постановки дела образования, предлагаемыми противниками официального курса в Китае.

Теоретические измышления, преподносимые под видом критики педагогических взглядов Конфуция и Линь Бяо, очевидно, с трудом воспринимались учащимися. По этой причине с мая 1974 г. (в центральной печати с июня) была развернута критика конкретного, доступного для понимания учащихся объекта — составленного семь веков назад популярного учебника для юношества «Троесловие» («Сань цзы цзин»). Написанная во времена сунской династии, эта популярная книга для чтения неоднократно дополнялась и редактировалась в последующие века. Одна из последних редакций была произведена при гоминьдане в 1928 г. В этой книге учение Конфуция излагается в назидательных стишках, каждый из которых состоит из трех иероглифов (книга переводилась в свое время на английский, французский, латинский языки; после 1949 г. в КНР она не переиздавалась и обучение по ней не велось).

Естественно, «Троесловие» содержит немало «истин» (например, преувеличение роли личности в истории и др.), выработанных в эпоху феодализма. Однако критика этих истин в сегодняшнем Китае обнаруживает ее определенную политическую направленность. Так, бурную реакцию официальных

теоретиков вызвала первая фраза «Троесловия»: «Человек по натуре добр», так как своей гуманностью она противоречит вульгаризаторской догме, согласно которой якобы «в классовом обществе есть лишь классовая человечность». Поучительные истории «Троесловия» о выдающихся деятелях, обладавших от природы необыкновенными способностями, сурово осуждались за проповедь врожденных знаний и таланта. При этом два последних понятия смешивались воедино и отрицались, ибо признание неодинаковых способностей у людей противоречило уравнительным тенденциям. В любом случае конфуцианские догмы рассматривались как параллель «ревизионистским» взглядам Линь Бяо.

Сторонники «социалистической нови» (т. е. реформы «культурной революции») наряду с идеологическим нажимом на учительские массы сверху организовали воздействие на преподавателей снизу, со стороны учащихся. Начавшееся с конца 1973 г. и не утихавшее до конца учебного года движение хунвэйбинов за уничтожение «преклонения перед авторитетом учителя» сопровождалось призывами официальной пропаганды «открыть огонь по ревизионистской системе образования», «яд которой не вычищен до конца».

В опубликованном на страницах «Жэньминь жибао» открытом письме застрельщицы движения — пятиклассницы начальной школы Хуан Шуай — была дана гневная отповедь политработнику одного из производственно-строительных отрядов, который выражал недовольство вмешательством учащихся в учебный процесс и другими проявлениями «социалистической нови» в школах. Развенчивание «авторитета учителей», ратовавших за повышение качества обучения и установление разумного соотношения между трудом и учебой, служило важным моментом в борьбе за осуществление их линии.

1974 год в области просвещения явился в значительной мере итоговым; опубликованная в № 10 журнала «Хунци» статья «Глубокие изменения на фронте образования» подводила итоги развития образования за 25 лет, наиболее подробно останавливаясь на событиях последнего периода. Достижения Китая в области образования с 1949 г. (увеличение числа учащихся в начальных школах в 5,6 раза, в средних — в 24 раза, охват обучением в начальной, средней и высшей школе $^1/_5$ населения Китая) приписывались успеху «линии Мао Цзэ-дуна». В статье перечислялись «успехи» преобразований в период «культурной революции» (обучение «при открытых дверях», т. е. в сочетании с трудовой деятельностью; создание условий, «когда рабоче-крестьянские трудящиеся массы, стали сами принимать участие в руководстве, управлении и перестройке школы», и т. д.).

Практика показала, что было твердое намерение закреплять и развивать эти «достижения». В 1973/74 учебном году были переформированы и расширены пропагандистские отряды из рабочих и крестьян. В последние годы их роль в учебном процессе стала номинальной, а между тем непрекращающееся брожение в среде учителей требовало действенного идеологического контроля. Повсеместно в деревнях воссоздавались комитеты по управлению школами из крестьян бедняков и низших середняков, во многие учебные заведения снова были направлены рабочие отряды либо пополнены свежими силами уже существующие. В города, провинции, автономные районы разослали специальные директивы с требованием к парткомам всех ступеней обследовать деятельность крестьянских комитетов и пропагандистских отрядов из рабочих, с тем чтобы усилить их роль. В ряде провинций и городов состоялись совещания по обмену опытом работы пропагандистских отрядов.

Повсеместно были «оздоровлены» либо вновь созданы специальные органы по руководству этими отрядами (кое-где за их работой поручено следить ответственным лицам городских и провинциальных комитетов партии). Перед пропагандистскими отрядами ставится задача содействовать развертыванию кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», закреплять и развивать курс Мао Цзэ-дуна в области образования, обнаруживать и критиковать всякое проявление «ревизионистской линии». Значительно увеличивается приток в школы учителей-совместителей из рабочих, крестьян и солдат.

О том, насколько плохо прививались новые реформы просвещения, свидетельствовали не только неудачи в попытках навязать рабочим и крестьянам несвойственные им функции, но и непрекращающаяся борьба вокруг вопроса о создании пришкольных мастерских (в 1974 г. продолжалось их открытие при ряде школ). На повестку дня вновь поставлен вопрос о дальнейшей специализации среднего образования, поскольку ее осуществление в ходе «культурной революции», очевидно, представлялось недостаточным. В связи с этим на прошедших в ряде провинций и городов в конце года совещаниях обсуждались проблемы организации среднего образования. Выпускники последних лет, занимавшиеся уже по измененным программам, в какой-то степени овладевали основами технических знаний, однако не всегда получали производственные навыки, необходимые для работы в сельской местности, если их направляли туда после окончания школы. Чтобы привить им соответствующие навыки, повсеместно создавались краткосрочные курсы заочного обучения. Однако сторонникам полной профессионализации сред-

него образования этого показалось мало. В конце года на страницы печати был вынесен недоуменный вопрос некоторых рабочих: «Для чего восполнять заочным обучением то, чему можно научить в школе?» В качестве эксперимента в школах начали организовываться одно- и двухгодичные специализированные группы и краткосрочные курсы со сроком обучения в несколько месяцев либо даже несколько дней, ускоренными темпами готовящие людей, знакомых со спецификой сельского хозяйства или промышленности данного района.

Городские средние школы также призваны «повернуться лицом к деревне», т. е. в программе обучения учитывать потребности сельского хозяйства. Для этого сторонникам профессионализации представляется необходимым снова исключить из учебных программ ряд общих дисциплин, пополнив их предметами, связанными с местным сельскохозяйственным производством. Все это означает дальнейшее сокращение объема общеобразовательной подготовки.

Высшее образование. В ходе «культурной революции» ранее существовавшая система вузов была разрушена. Только в 1970 г. китайское руководство приступило к внедрению новой программы строительства вузов, основанной на «идеях Мао Цзэ-дуна». Суть реформы сводилась к следующему: исключение из программ дисциплин, не связанных с производством, или резкое сокращение их объема; сокращение сроков обучения до двух-трех лет; соединение обучения с трудом, что на практике означало закрепление за вузами определенных рабочих мест на предприятиях и в «коммунах», а также создание силами вузов своих собственных предприятий; упразднение системы вступительных экзаменов, предоставлявшей преимущества более подготовленной молодежи в ущерб «активистам»; усиление политического «воспитания».

Восстановление вузов проходило крайне медленно. В 1970 г. только 50 вузов объявили о наборе студентов; к началу 1973 г. в стране было восстановлено около 200 из 707 вузов, существовавших до «культурной революции». За три года (1970—1973), по сообщению Синьхуа, в китайские вузы было зачислено 200 тыс. абитуриентов, т. е. меньше ежегодного приема до «культурной революции» (в 1961 г.— 280 тыс.). В конце сентября 1973 г. поступило официальное заявление о новом, расширенном наборе — 153 тыс. студентов. В сентябре 1974 г. было принято 167 тыс. студентов, всего в китайских вузах в этом году занималось около 450 тыс. человек.

В течение первых трех лет занятия в вузах проходили в малочисленных по составу экспериментальных группах по

системе сочетания обучения с производством. При этом наряду с профессиональными преподавателями использовались и «преподаватели-совместители» из рабочих, крестьян и солдат, имевших опыт «классовой борьбы» и практической работы. Такая система соответствовала «идеям Мао Цзэ-дуна» о преимуществе практического знания над теоретическим (книжным), а также о необходимости постоянного перевоспитания интеллигенции.

При поступлении в вуз требовались «личное заявление, одобрение масс, утверждение руководством, проверка институтом». В 1973 г. в правила были внесены некоторые дополнения, в частности о том, что принимаемый в вуз должен иметь уровень образования не ниже первой ступени средней школы. Абитуриент подвергался так называемой проверке «аналитических способностей» с учетом практического опыта. Отдельные попытки оценить общеобразовательный уровень абитуриентов вызвали резкую критику.

Сроки обучения в вузах Китая были предельно сокращены. В последнее время они несколько удлинились: если на первых этапах реорганизации срок ограничивался 1,5—3 годами, то теперь повсеместно перешли «в опытном порядке» к обучению до трех лет, а в некоторых вузах — до трех с половиной.

До сих пор в системе образования отсутствуют стабильные учебные программы и учебники. «Революционизация» всех учебных материалов неуклонно приводила к резкому снижению их теоретического уровня.

, Вузы Китая с конца 1973 г. оказались втянутыми в кампанию «критики Линь Бяо и Конфуция», что привело к бесцельной трате времени и людских ресурсов и не могло не отразиться на процессе преподавания. Кампания затронула в особенности гуманитарные институты и факультеты, студенты и преподаватели которых вынуждены были принять в ней активнейшее участие ввиду особой роли, отводимой им в пропагандистской работе. С начала года участие технических вузов в кампании было несколько ограничено, студентов не снимали с занятий, а митинги проводили во внеурочное время.

Произошли изменения в вузовских программах. Так, на историческом факультете Ханьчжоуского университета ранее намеченный курс всемирной истории был заменен древней историей и древней философией Китая, в которых основной упор сделан на борьбу между легистами и конфуцианцами. Студенты философского факультета Пекинского университета в ходе учебы подготовили комментарии, перевод и критические работы по трактатам «Луньюй» и «Мэн-цзы».

Характерны высказывания деятелей образования в Китае

о новой методике, применяемой в вузах. Заместитель председателя «ревкома» Пекинского университета физик Чжоу Пэй-юань заявил иностранному корреспонденту: «Мы стараемся добиваться того, чтобы студенты мыслили сами. Мы даем им только основы знаний. Их поощряют к тому, чтобы они учили меньше, но лучше. Мы более не пичкаем их фактами, а стараемся добиться того, чтобы они сами во всем разобрались». Стремление привить студентам самостоятельное мышление само по себе вряд ли может вызвать какие-либо возражения, однако эта способность, судя по всему, обеспечивается на деле не современной подготовкой их в средней школе, а резким снижением теоретического уровня вузовского обучения и сугубо утилитарной его направленностью. Кстати сказать, Чжоу Пэй-юань выступал в 1972 г. против «точки зрения, согласно которой теория и производственный труд неотделимы друг от друга». В этом он видел тогда опасную тенденцию, по сути своей означавшую «ликвидацию точных и естественных наук». Но именно эта точка зрения одерживает верх в современном Китае.

«Реформа» вузов привела к резкому снижению количества студентов, страна потеряла более десяти вузовских выпусков; целое поколение молодежи было лишено возможности продолжать свое образование.

В 1973 г. была развернута кампания, начавшаяся с письма, отправленного в деревню молодого человека Чжан Те-шэна, который провалился на вступительных экзаменах в институт, а затем выступил против «ревизионистской системы набора» в вузы. Теперь «справедливость восстановлена», и Чжан Те-шэн — студент. Но, став студентом сельскохозяйственного вуза, он «почувствовал, что предметов слишком много, чтобы студенты могли самостоятельно мыслить, анализировать вопросы и хорошо усваивать пройденное». Следовательно, даже тот предельно сокращенный по сравнению с первой половиной 60-х годов набор предметов оказался трудным для восприятия молодежи, которая не получила достаточной подготовки в школе. Позднее, в январе 1974 г., на страницах китайских газет появился рассказ о некоем Чжун Чжи-мине, студенте второго курса Нанкинского университета. Сын заместителя начальника Политуправления Фурчжоуского военного округа, он поступил в университет с «черного хода», по протекции родителей. Затем он «раскаялся» и подал заявление об отчислении. Серия последующих аналогичных выступлений с заявлениями об отчислении в прессе и по радио стимулировала движение молодежи за отказ от учебы в вузах.

Силами вузов в стране создается широкая сеть краткосрочных курсов, регулярных и нерегулярных школ заочного

и вечернего обучения сроком от одного месяца до трех лет. Они призваны готовить техников различной квалификации для промышленности и сельского хозяйства, медицинский персонал среднего и низшего звена, учителей младшей школы. По-видимому, в связи с острой нехваткой специалистов китайское руководство берет курс на подготовку кадров среднего звена на базе существующих вузов. В известной степени это служит тормозом для развития высшего образования, поскольку из вузов отвлекаются преподавательские кадры и материальные средства. Очевидная стихийность в организации заочного и вечернего обучения усугубляется децентрализацией в руководстве образованием.

В 1974 г. в Китае обучалось около 300 иностранцев из 40 стран. Китай провел резкое сокращение намеченной в 1973 г. программы обмена студентами: отказался от посылки 300 студентов в Англию и другие капиталистические страны, ограничил прием иностранцев в вузы только желающими изучать китайский язык.

КУЛЬТУРНЫЕ И НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

Как известно, «культурная революция» отгородила страну от остального мира в области культурных связей. Если до 60-х годов КНР поддерживала с внешним миром активные связи, отдавая при этом предпочтение Советскому Союзу и другим странам социализма, то со второй половины 60-х годов эти связи совсем прекратились. После IX съезда КПК китайское руководство стало прилагать усилия к их восстановлению.

Восстановление культурных связей КНР с другими странами в 1971—1973 гг. шло по разным направлениям:

1) участие в международных фестивалях кино и организация кинопросмотров;

2) организация в других странах выставок, рассказывающих об «успехах социалистического строительства в КНР»;

3) гастрольные поездки артистов за рубеж;

4) посылка за границу делегаций культуры, науки и техники;

5) приглашение делегаций работников культуры;

6) приглашение видных деятелей культуры — писателей, художников, ученых, деятелей кинематографии, издательств и т. д.;

7) идеологическая обработка проживающей за рубежом китайской интеллигенции.

В 1974 г. эти направления в основном сохранялись. Из развитых капиталистических стран руководителей КНР инте-

ресовали Япония, Канада, Франция, Финляндия, Дания, Австралия, США и др.

Пекин, считая Японию своим потенциальным партнером в противодействии Советскому Союзу, развивал культурные связи с ней именно в этом направлении.

В Японии, сначала в Осака, а потом в Токио, была развернута выставка КНР, приуроченная ко второй годовщине установления дипломатических отношений с Японией. На выставке демонстрировались произведения древней и современной культуры, картины, музыкальные инструменты, украшения, книги, в частности произведения Мао Цзэ-дуна и др.

В Японии выставлялись также предметы древнего и средневекового искусства. Например, в конце мая в Токио открылась Выставка японо-китайской каллиграфии, а в начале ноября — Выставка настенной живописи периодов Хань (III в. до н. э.— III в. н. э.) и Тан (VII—X вв.). При этом китайская печать всячески обосновывала «общность культур» двух стран, идущую из глубины веков. В Японии состоялись гастроли центрального симфонического оркестра Китая. В китайских газетах отмечалось 70-летие начала учебы Лу Синя в Сэндае (Япония).

Все эти мероприятия преследовали определенную цель — показать миру не только «традиционность» дружбы соседних народов — китайского и японского, но и их «обоюдное» желание крепить ее, вместе бороться против «угрозы гегемонизма».

В мае — июне в Пекине побывала делегация японского необуддийского общества Сока-Гаккай в составе 11 человек во главе с Дайсаку Икэда, который заявил журналистам о намерении продолжить обмен между Пекинским университетом и японскими учебными заведениями. Д. Икэда совершил поездку по стране, передал в дар Пекинскому университету 5 тыс. книг по науке и технике.

КНР посетили также делегация японских ученых, работающих в области общественных наук (июнь — июль), и делегация японских археологов (июль—август), которые были приняты членом Политбюро ЦК КПК Яо Вэнь-юанем, вице-президентом АН Китая У Ю-синем и руководителем Государственного управления археологии Ван Е-цю.

Делегация «работников культуры из рабочих и крестьян Японии» совершила поездку в Пекин, Тяньцзинь, Дачжай, Сиань, Яньань, Шанхай и была принята 22 октября руководителем Общества дружбы с зарубежными странами Чай Цзэ-мином.

В китайско-американских культурных и научных связях упор делался прежде всего на научные связи. Китайская

пресса широко освещала пребывание в КНР в мае, июле и сентябре американских физиков китайской национальности Ли Чжэн-дао, Жэнь Чжи-гуна, Шэнь Юань-хуая. Их принимали Чжоу Энь-лай, Ван Хун-вэнь, Чжан Чунь-цяо, Яо Вэнь-юань, Цзян Цин, Дэн Сяо-пин, Го Мо-жо. Одна группа американских ученых-агрономов в составе десяти человек посетила научно-исследовательские учреждения КНР и «народные коммуны». Другая группа ученых — 22 специалиста сельского хозяйства и животноводства — побывала в Шанхае, Ханчжоу, Гуанчжоу, Дачжае, Пекине; они встречались с китайскими учеными, работающими в области сельского хозяйства, животноводства, лесного хозяйства [41]. 14 ноября заместитель премьера Госсовета Дэн Сяо-пин принял делегацию руководителей высших учебных заведений США во главе с проф. Л. Хайнсом.

8 июля в отделе по науке и образованию при Государственном совете КНР приняли делегацию работников образования Канады во главе с ректором университета «Британская Колумбия». Делегация познакомилась с учебными заведениями и промышленными предприятиями Гуанчжоу, Шанхая, Пекина. На международной выставке «Человек и среда» в Монреале экспонировалась выставка картин гохуа и прикладного искусства.

Китайские ученые посетили Финляндию, Данию, Францию. В Австрии и Швеции экспонировались выставки предметов материальной культуры КНР.

Особое внимание в культурных связях КНР уделялось развивающимся странам. Широко освещалось пребывание в Алжире (конец октября — ноябрь) по случаю 20-летия Алжирской национальной революции труппы Пекинской оперы (130 человек), гастролировавшей по стране с современной революционной пекинской оперой «Дуцзюаньшань». Юй Хуэй-юн, глава китайской делегации, от имени Цзян Цин передал Х. Бумедьену стихотворение в жанре «цы» «Светло и ярко над рекой», написанное Мао Цзэ-дуном, избранные китайские музыкальные арии и кинокартины «Дуцзюаньшань», «Сверкающая красная звезда».

Уханьский цирк гастролировал в Гайане, на Ямайке и в Аргентине. Китайская пресса воспользовалась даже гастролями цирка для пропаганды принадлежности Китая к странам «третьего мира», его борьбы на международной арене против «двух видов империализма», против «двух сверхдержав» [42]. Всячески рекламировались сообщения о первом выпуске суданских артистов цирка, обучавшихся в КНР.

---

[41] «Жэньминь жибао», 22.X.1974.
[42] «Жэньминь жибао», 29.IV.1974.

Китайскими послами в Мали, Замбии и в Йемене были преподнесены в дар главам государств документальные фильмы, в том числе «Звездная дорога Шаошани», «Песнь рыбаков Южного моря», «Новое поколение становится взрослым», «На строительстве железной дороги Танзания — Замбия», «Горячо приветствуем дорогих гостей из Мали» и др.

На IX международном кинофестивале детских фильмов, проходившем в октябре — ноябре в Тегеране, были представлены два китайских фильма: «Дозорные Восточного моря» и «Боксерская группа Пекинской спортивной школы, занимающаяся без отрыва от производства».

Ко времени проведения VII Азиатских спортивных соревнований в Иране (сентябрь 1974 г.) было организовано несколько китайских выставок, на которых были представлены картины, предметы прикладного искусства, произведения архитектуры. В мае открылась выставка произведений китайского искусства в Карачи. В Того, Сенегале, Перу и Мавритании экспонировалось прикладное искусство пров. Чжэцзян. Китайские газеты сообщили о создании 21 декабря общества дружбы «Того — КНР».

Китайская печать много писала о работе, ведущейся в различных странах Обществами дружбы с Китаем, по ознакомлению с бытом и духовной жизнью китайского народа. Так, в Мельбурне с 15 по 21 июля отделением общества «Австралия — Китай» штата Виктория была организована Неделя Китая, в ходе которой показывали фотовитрину, «отражающую социалистическое строительство», читали доклады, посетителей знакомили с медицинским обслуживанием в Китае, демонстрировали китайские фильмы. Деятели некоторых из этих обществ, работники культуры, ученые побывали в КНР. Так, Чай Цзэ-мин принял делегацию старейших работников общества «Австралия — Китай». Чжоу Цзянь-жэнь, заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП, принял делегацию Общества культурных связей Перу с КНР.

О визите в Китай супруги президента Филиппин И. Маркос газеты писали как о «новом развитии китайско-филиппинской дружбы».

Большое место отводилось экспонированию на выставках археологических находок, найденных во время раскопок в период «культурной революции», которые были использованы руководством для «подкрепления» их притязаний на территории соседних с Китаем государств. К примеру, в течение четырех месяцев (июль — ноябрь) такая выставка демонстрировалась в Мексике, более трех месяцев (август — ноябрь) — в Канаде.

В практике культурных и научных связей КНР с социа-

листическими странами китайское руководство проводило весьма дифференцированную политику. Наиболее активные контакты осуществлялись с Албанией. В середине года в КНР гастролировал албанский государственный ансамбль песни и пляски. Пресса много и восторженно писала об этом. 4 июля, например, «Гуанмин жибао» напечатала пространную статью Хун Инь-да о выступлениях этого ансамбля. 6 июля там же была помещена статья «Бесстрашные горные орлы прилетели», где восхвалялось мастерство албанских артистов. В ноябре — декабре в Китае демонстрировался новый албанский фильм «Девушка-горянка».

На торжествах по случаю 30-й годовщины со дня освобождения Албании в Тиране присутствовали делегация работников газеты «Жэньминь жибао» во главе с ответственным работником Чжан Чао, делегация художников во главе с Гао Цзинь-дэ. В Албанию выезжала также группа по изучению албанского языка и письменности.

Румынский национальный ансамбль песни и пляски в августе начал выступления в Пекине, куда прибыл из гастрольной поездки по КНДР. Его выступления были продолжены в Шанхае, а завершились в конце августа в Нанкине.

КНР поддерживала оживленные культурные связи с КНДР. Ван Ман-цинь, заместитель руководителя Группы по делам культуры при Госсовете КНР, принял делегацию скульпторов во главе с заместителем председателя Союза художников Кореи[43]. Посольство КНДР в Китае периодически устраивало в Пекине просмотры корейских кинофильмов. Делегация Академии наук Китая в составе шести человек выезжала в КНДР с визитом дружбы и для подписания протокола о научно-техническом сотрудничестве на 1975—1976 гг. В КНДР побывала также делегация работников образования Китая.

Министерством культуры ДРВ была организована Неделя китайского кино, посвященная 25-й годовщине образования КНР. Демонстрировались хроникальный фильм «Горячо приветствуем партийно-правительственную делегацию Демократической Республики Вьетнам» и мультипликационный фильм «Маленький горнист». В Ханое, Хайфоне и других городах ДРВ были показаны также фильмы-спектакли «Гимн Лунцзяну», «Седая девушка» и др.

Культурные связи КНР с Советским Союзом почти полностью прекратились, за исключением крайне редких протокольных мероприятий.

---

[43] «Жэньминь жибао», 23.VII.1974.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНИКА

Январь

3 января — В Пекин прибыл министр иностранных дел Японии М. Охира.

— Из Пекина в КНДР отбыл глава торговой делегации правительства КНР, заместитель министра внешней торговли Яо И-линь для подписания протокола по обмену товарами между КНДР и КНР на 1974 г.

4 января — В Пекине открылась Всекитайская выставка научно-технических достижений сельского и лесного хозяйства.

5 января — В Пхеньяне подписан протокол о товарообмене на 1974 г. между КНДР и КНР.

— В Пекине подписано торговое соглашение между КНР и Японией.

12 января — Официальные представители Китая и Таиланда подписали соглашение о закупках Таиландом 50 тыс. т дизельного топлива.

— Из Пекина в Албанию отбыла правительственная торговая делегация КНР во главе с министром внешней торговли Ли Цяном для подписания протокола о товарообмене и платежах на 1974 г.

14 января — В Пекин прибыла правительственная делегация Малагасийской Республики во главе с министром иностранных дел Д. Рацирака.

18 января — В Пекине подписаны соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве и торговое соглашение между правительствами КНР и Малагасийской Республики.

22 января — По приглашению министерства здравоохранения СРР из Пакистана в Румынию отбыла китайская делегация работников здравоохранения во главе с заместителем министра здравоохранения Цянь Синь-чжуном.

Февраль

1 февраля — В «Жэньминь жибао» приведена дацзыбао, написанная рабочими 5-й административной зоны порта Шанхая. Это первая дацзыбао, опубликованная в китайской прессе после «культурной революции».

2 февраля — Газеты «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» опубликовали передовую статью «Довести до конца борьбу критики Линя и критики Конфуция», которая явилась началом новой политической кампании. В статье говорилось, что эту кампанию «развернул и возглавил» Мао Цзэ-дун.

3 февраля — Открылось прямое беспосадочное воздушное сообщение между Москвой и Пекином.

8 февраля — В Бухаресте подписаны соглашение о сотрудничестве в области здравоохранения между Румынией и КНР и план выполнения этого соглашения в 1974 г.

— Премьер Госсовета КНР Чжоу Энь-лай направил телеграмму премьеру Гренады Эрику Гейри по случаю провозглашения независимости Гренады, в которой содержится признание Китаем этой страны.

9 февраля — По сообщению агентства ТАНЮГ, на судоверфи в Сплите спущено на воду судно грузоподъемностью 13 тыс. т, предназначенное для КНР.

12 февраля — По сообщению китайской печати, в Пекине в 1974 г. училось 364 студента из 37 стран. Больше всего студентов было из Албании (44) и Франции (30), затем из ВРП РЮВ — 25 студентов, Камбоджи — 23 студента, ДРВ — 20 студентов, Канады — 20 студентов, Кувейта, Сенегала, Перу, США — по одному студенту и др.

14 февраля — Подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между правительствами Ямайки и КНР.

15 февраля — В Софии подписано торговое соглашение о товарообороте и платежах между Болгарией и КНР на 1974 г.

— Чжоу Энь-лай встретился с первым чрезвычайным и полномочным послом Тунисской Республики в Китае Ридой Клиби.

— В Пекине подписаны торговый протокол и соглашение о торговых платежах на 1974 г. между КНР и Гвинеей.

18 февраля — Агентство Франс Пресс сообщило о подписании в Пекине французской компанией «Эртей-Эндустри» трех контрактов о поставке Китаю шести химических заводов общей стоимостью 600 млн. фр. (120 млн. долл.).

19 февраля — «Гуанмин жибао» опубликовала фотографии обнаруженной на о-вах Сиша каменной плиты с высеченными на ней иероглифами, якобы подтверждающей, что о-ва Сиша — территория Китая.

21 февраля — В Пекин с восьмидневным официальным визитом прибыл президент Республики Замбия К. Д. Каунда, который 22 февраля был принят Мао Цзэ-дуном.

— В Берлине подписано соглашение между ГДР и КНР о товарообмене и платежах на 1974 г.

22 февраля — В посольстве СССР в КНР состоялся прием по случаю 56-й годовщины Советской Армии и ВМФ.

24 февраля — Сообщалось о церемониях возложения венков «ревкомами» и отделениями Общества китайско-советской дружбы на могилы и к памятникам советских воинов в провинциях Ляонин, Хэйлунцзян, Цзилинь, Хубэй и в г. Люйда.

25 февраля — В Пекин прибыл с пятидневным официальным визитом председатель Революционного совета и председатель Совета министров Алжирской Народной Демократической Республики Х. Бумедьен.

— В Пекине подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между КНР и Республикой Замбии на 1974 г.

Март

10 марта — Премьер Госсовета КНР Чжоу Энь-лай встретился с находящимся с визитом в КНР председателем Национального собрания Кувейта Х. аль-Хонеймом.

11 марта — В Пекине подписано соглашение между КНР и ПНР о товарообмене и платежах в 1974 г. В соглашении предусматривается рост товарообмена.

20 марта — КНР и Республика Гвинея-Бисау установили дипломатические отношения.

5 февраля —22 марта — В Благовещенске состоялось 19-е очередное заседание смешанной китайско-советской Комиссии по судоходству на пограничных реках.

25 марта — В Пекине подписано соглашение о товарообмене и платежах между правительствами КНР и Венгерской Народной Республики на 1974 г.

28 марта — В Пекине подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве КНР и Объединенной Республикой Танзания.

29 марта — В Пекине открылась первая крупная австрийская промышленная выставка, в которой приняли участие приблизительно 80 компаний.

23—30 марта — По приглашению Дун Би-у и Чжоу Энь-лая в Пекине находился президент Танзании Д. Ньерере. Подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве.

Апрель

1 апреля — Введены новые таможенные правила, по которым иностранцы могут вывезти из Китая мебели и антикварных изделий не более чем на 10 тыс. юаней (около 5 тыс. долл.), причем купленных только в «официальном магазине для иностранцев». Эти ограничения не распространяются на аккредитованных в Пекине дипломатов.

— В Риеке (Югославия) со стапелей судоверфи «3 мая» сошло четвертое судно, построенное для КНР, водоизмещением 15 тыс. т, длиной 158 м, со скоростью 18 узлов в час. Здесь же для КНР построено 10 судовых двигателей мощностью 12 тыс. л. с. каждый.

3 апреля — 31 мая — В народном музее в Белграде проходила китайская выставка «Археологические раскопки в КНР».

1—11 апреля — В Пекине находился министр иностранных дел Австрии Р. Кирхшлегер.

18 апреля — В Париже состоялась беседа премьер-министра Франции Месмера с Дэн Сяо-пином и Цяо Гуань-хуа.

20 апреля — В Пекине подписано соглашение о воздушном сообщении между КНР и Японией.

15—23 апреля — В Пекине открыта выставка электрооборудования и приборов Венгрии.

16—26 апреля — В Шанхае была открыта выставка электронного оборудования и научных приборов Канады.

28 апреля — В журнале «Хунци» помещена статья за подписью Чу Лана с критикой музыки Бетховена, Дебюсси и других западноевропейских композиторов.

29 апреля — Опубликовано коммюнике об установлении дипломатических отношений между КНР и Габоном.

Май

28 апреля — 3 мая — Состоялся визит председателя Консультативного совета ЙАР аль-Ахмара в КНР. Подписано совместное китайско-йеменское коммюнике.

5 мая — В китайской печати сообщено, что в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» весной 1974 г. в деревню было отправлено около 400 тыс. китайских юношей и девушек.

6 мая — В Пекине подписан протокол 24-й сессии правления китайско-польской пароходной компании.

— Китай заключил соглашение с датской компанией о постройке восьми судов грузоподъемностью 739 т каждое для работы на морских нефтепромыслах.

11 мая — Цзи Пэн-фэй принял нового посла Чили в КНР.

11—14 мая — В Китае находился президент Пакистана З. Бхутто. Он был принят Мао Цзэ-дуном. Подписано совместное китайско-пакистанское коммюнике.

15 мая — В Пекине подписано соглашение о товарообмене и платежах на 1974 г. между правительствами КНР и СССР.

15 апреля — 15 мая — В Гуанчжоу проходила весенняя ярмарка экспортных товаров Китая, в которой участвовали коммерсанты из более чем 100 стран.

6—18 мая — Китай посетил президент Сенегала Леопольд Сенгор.

17—24 мая — В Китае находился президент Кипра Макариос.

15—26 мая — В Китае находилась делегация губернаторов американских штатов. Делегация совершила поездку по стране и была принята Мао Цзэ-дуном.

30 мая — Чжоу Энь-лай направил поздравительную телеграмму на имя Я. Арафата по случаю созыва конференции Национального совета Палестины.

31 мая — В Пекине подписано соглашение об авиасообщении между КНР и Республикой Заир.

Июнь

4 июня — В Софии подписано соглашение, регулирующее судоходство между Болгарией и КНР.

24 мая — 5 июня — В КНР находился лидер оппозиции, председатель Консервативной партии Англии Э. Хит. Он был принят Мао Цзэдуном.

6 июня — Агентство Синьхуа сообщило о совещании по обмену опытом подготовки отрядов «теоретиков» из среды рабочих и крестьян, созванном пекинским горкомом КПК. В Пекине созданы отряды «рабочих-теоретиков» общей численностью 45,6 тыс. человек.

— Новый посол Финляндии в КНР вручил верительные грамоты Чжу Дэ.

2[illegible] мая — 7 июня — В Пекине проходила французская промышленная, научная и техническая выставка.

11 июня — Китайский представитель Чжуан Янь выступил за принятие Бангладеш в ООН.

17 июня — В КНР произведен новый ядерный взрыв в атмосфере.

2[illegible] июня — Опубликовано совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений КНР с Тринидадом и Тобаго.

28 июня — Опубликовано коммюнике об установлении дипломатических отношений между КНР и Венесуэлой.

Июль

1 июля — В Пекин прибыл американский сенатор Г. Джексон. Он встретился с Цяо Гуань-хуа, Дэн Сяо-пином и Чжоу Энь-лаем.

3 июля — Между Суданом и КНР подписано соглашение о дальнейшем развитии сотрудничества в области разведки и добычи хрома (сроком на три года). В соответствии с соглашением в Судан прибудут дополнительно еще 100 китай-

ских специалистов, из КНР будет доставлено различное оборудование.

5—7 июля — В Пекине находился заместитель премьер-министра ДРВ Ле Тхань Нги и возглавляемая им делегация. Во время визита состоялись переговоры между заместителем премьера Госсовета КНР Ли Сянь-нянем и Ле Тхань Нги.

11 июля — Посол КНДР в Пекине Хен Чук Кык устроил прием в честь 13-й годовщины подписания китайско-корейского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи.

— В Гаване подписан протокол о торговом обмене на 1974 г. между Кубой и КНР.

14 июля — Правительство Кубы назначило Ладислао Гонсалеса Кархабаля чрезвычайным и полномочным послом в КНР.

16 июля — В Пекине подписано соглашение о торговле между КНР и Турецкой Республикой.

15—17 июля — В Пекине находился министр иностранных дел Турции Т. Гюнеш. Он встретился с Дэн Сяо-пином. Опубликовано коммюнике.

20 июля — В Пекине подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между правительством КНР и правительством Республики Нигер.

18—22 июля — В Пекине находилась правительственная делегация Республики Нигер во главе с заместителем председателя Верховного военного совета Республики, министром шахт и водного хозяйства майором Сани Суно Сидо. Подписано совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений.

31 июля — Новый чрезвычайный и полномочный посол ДРВ в Китае Нгуен Чонг Винь вручил верительные грамоты председателю Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Чжу Дэ.

Август

9 августа — В Пекин прибыла правительственная делегация Республики Экваториальная Гвинея во главе с министром государственной безопасности и министром — представителем президента М. З. Нтутуму.

11 августа — В Бухарест для участия в работе Всемирной конференции ООН по народонаселению прибыла делегация КНР во главе с заместителем министра здравоохранения Хуаном Шу-цзэ.

15 августа — Сообщалось об установлении дипломатических отношений КНР и Бразилии.

7—20 августа — В Пекине проходила промышленная техническая выставка Швейцарии.

Сентябрь

2—7 сентября — В Пекине состоялось совещание комиссии Комитета организации сотрудничества железных дорог. В совещании приняли участие делегации КНР, ДРВ, КНДР, МНР и СССР. Обсуждались расписания международных пассажирских поездов.

17 сентября — В Пекине открылась экономическая и торговая выставка Мексики.

19 сентября — В Пекине подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между правительствами КНР и Исламской Республики Мавритания.

21 сентября — В Пекине подписан протокол XII сессии Комиссии по научно-техническому сотрудничеству между КНР и Болгарией.

23 сентября — Между КНР и Филиппинами подписан протокол о развитии торговли.

24 сентября — В Праге подписан протокол о научно-техническом сотрудничестве КНР и ЧССР.

25 сентября — Из Пекина в Нью-Йорк отбыл глава делегации КНР на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН Цяо Гуань-хуа.

29 сентября — В «Жэньминь жибао» опубликованы перечень стран и карта мира с обозначением государств, с которыми КНР установила или восстановила дипломатические отношения. В 1974 г. такие отношения поддерживались с 97 странами.

30 сентября — Между Японией и Китаем установлена регулярная воздушная связь Токио — Пекин.

— В Пекине подписан протокол о товарообороте и платежах на 1975 г. между КНР и Албанией.

— В Тегеране подписано торговое соглашение между Ираном и КНР.

Октябрь

1 октября — Исполнилась 25-я годовщина образования Китайской Народной Республики.

2 октября — Правительства о-ва Маврикий и Китая подписали соглашение о китайском займе в 13,25 млн. ф. на строительство международного аэропорта на севере острова.

3 октября — В Пекине заключено соглашение между КНР и Лаосом, по которому КНР предоставит Лаосу помощь в размере 50 млн. юаней.

4—6 октября — В Пекине находился президент Габонской Республики, глава правительства О. Бонго. Во время визита О. Бонго встречался с Мао Цзэ-дуном, Дэн Сяо-пином и Чжоу Энь-лаем.

18 октября — Агентство Синьхуа сообщило, что в 1974 г. в китайские вузы принято 167 тыс. новых студентов из рабочих, крестьян и солдат.

21 октября — В Пекине подписано соглашение о морском транспорте и обменные ноты с Данией о создании китайско-датской комиссии для развития торговых и экономических связей между двумя странами.

26 октября — В Пекине подписано соглашение об оказании Китаем Вьетнаму экономической и военно-материальной помощи на 1975 г.

Ноябрь

1 ноября — Дэн Сяо-пин принял члена Государственного комитета Заира по делам национального образования Маболия с делегацией заирских работников просвещения.

— Руководитель Группы по делам культуры при Госсовете КНР У Дэ принял находящуюся с визитом в КНР делегацию австралийских деятелей культуры во главе с П. Кэмелом.

2 ноября — Заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяо-пин принял нового начальника «канцелярии связи» США в Пекине Дж. У. Буша.

5 ноября — Китайское народное общество дружбы с заграницей и Общество китайско-советской дружбы устроили прием в связи с 57-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

6 ноября — В Париж прибыла китайская делегация во главе с заместителем министра внешней торговли КНР Чай Шу-фанем.

— В Пекине подписан протокол 15-й сессии Комиссии по научно-техническому сотрудничеству между правительствами КНР и КНДР.

5—11 ноября — В Пекине находился премьер-министр Тринидада и Тобаго Э. Уильямс.

10—14 ноября — В Пекине находился председатель Президентского совета НДРЙ Салем Рубейя Али.

15 ноября — В Пекине подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве КНР и НДРЙ.

— В Токио подписано китайско-японское соглашение о морском транспорте.

16 октября — 15 ноября — В Гуанчжоу проходила ярмарка экспортных товаров КНР.

15 ноября — Цяо Гуань-хуа назначен министром иностранных дел КНР.

12—21 ноября — В Пекине находилась испанская торговая делегация, возглавляемая генеральным директором Управления торговой политики министерства торговли Испании Идальго де ла Кинтана.

22 ноября — В предместье Пекина открылась японская сельскохозяйственная выставка.

23 ноября — Посол Албании в Китае Б. Штулла устроил прием по случаю 25-й годовщины со дня установления дипломатических отношений Албании и Китая.

26 ноября — В Тирану отбыла партийно-правительственная делегация Китая во главе с членом Политбюро ЦК КПК Яо Вэнь-юанем.

— Президент Бразилии Гайзел подписал декрет об учреждении бразильского посольства в КНР.

— «Жэньминь жибао» сообщила об открытии линии китайской гражданской авиации Пекин — Тегеран — Бухарест — Тирана.

28 ноября — Китай и Бразилия подписали долгосрочное (на пять лет) торговое соглашение.

— Из Пекина в Иран и Румынию отбыла правительственная торговая делегация КНР во главе с Ли Цяном.

25—29 ноября — В Пекине находился с официальным визитом государственный секретарь, помощник президента США по делам национальной безопасности Г. Киссинджер. Это седьмой визит Г. Киссинджера в КНР.

Декабрь

3 декабря — Корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс сообщил, что вступило в силу англо-китайское соглашение, цель которого сдержать приток китайцев в перенаселенный Гонконг.

7 декабря — Подписано торговое соглашение между КНР и Ираном на 1975 г., согласно которому Иран поставит КНР автомоби-

ли, предметы домашнего обихода, серу, инструменты, шарикоподшипники, а импортирует из Китая рис, мясо, растительное масло, химикаты.

8 декабря — В Пекине подписано соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между КНР и Республикой Афганистан.

9 декабря — Подписан протокол соглашения о поставках из Китая в Малагасийскую Республику медицинского оборудования и медикаментов.

10 декабря — По сообщению сингапурского журнала «Эйша Ризерч бюллетин», в Пекине создана особая военная комиссия для контроля за состоянием дел в НОАК. В новый орган вошли заместитель председателя ЦК КПК Ван Хун-вэнь, заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяо-пин и командующий Пекинским военным округом Чэнь Си-лянь.

— По оценке того же журнала, золотые резервы Китая в конце 1974 г. составили 2,79 млрд. ам. долл.

12 декабря — Премьер Госсовета КНР Чжоу Энь-лай встретился с лидером демократического большинства в сенате США М. Мэнсфилдом и его супругой.

— Состоялась встреча Чжоу Энь-лая с государственным министром обороны и иностранных дел Пакистана Азизом Ахмадом.

14 декабря — Правительства КНР и Республики Гамбия установили дипломатические отношения.

— Между правительствами Румынии и КНР подписан протокол о товарообмене и платежах на 1975 г.

18 декабря — В Пекине появился новый журнал историко-теоретического направления «Исторические исследования» («Лиши яньцзю»), выпускаемый издательством «Жэньминь чубаньшэ». Он будет выходить один раз в два месяца. Подписка на журнал открыта и для иностранцев.

16—19 декабря — В Пекине находился президент Республики Заир Мобуту.

20 декабря — В Маниле открылась десятидневная китайская выставка экспортных товаров.

— Между ЧССР и КНР подписано соглашение о товарообмене и платежах на 1975 г. Товарообмен возрастет на 10% по сравнению с 1974 г.

21 декабря — В Пекине подписан протокол о взаимной поставке товаров между правительствами КНР и КНДР на 1975 г.

— В Хельсинки подписано торговое соглашение между Финляндией и КНР на 1975 г. Согласно соглашению объем торговли составит в будущем году 200 млн. финских марок.

— В Пекине подписан протокол о научно-техническом сотрудничестве между Румынией и КНР на 1975 г.

28 декабря — В печати сообщалось, что объем торговли между Чили и КНР в 1974 г. достиг 100 млн. долл. в год.

28 декабря — В Пекине подписано соглашение об оказании Китаем Республике Южный Вьетнам безвозмездной экономической помощи на 1975 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

авт. р-н — автономный район
авт. окр.— автономный округ
бас. — бассейн
б. произв. бр.— большая производственная бригада
вдхр.— водохранилище
г.— город
г. в.— горная вершина
гл. г.— главный город
ж. д.— железная дорога
ж.-д. ст.— железнодорожная станция
зал.— залив
кам. у. бас.— каменноугольный бассейн
кан.— канал
мет. комб. — металлургический комбинат
нас. п.— населенный пункт
нефтепр.— нефтепровод
нефт. пр.— нефтяные промыслы
оз.— озеро
окр.— округ
о-в — остров
о-ва — острова
пров.— провинция
прол.— пролив
рав.— равнина
р.— река
у.— уезд
хр.— хребет

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА В 1974 г.

Политика, экономика, идеология

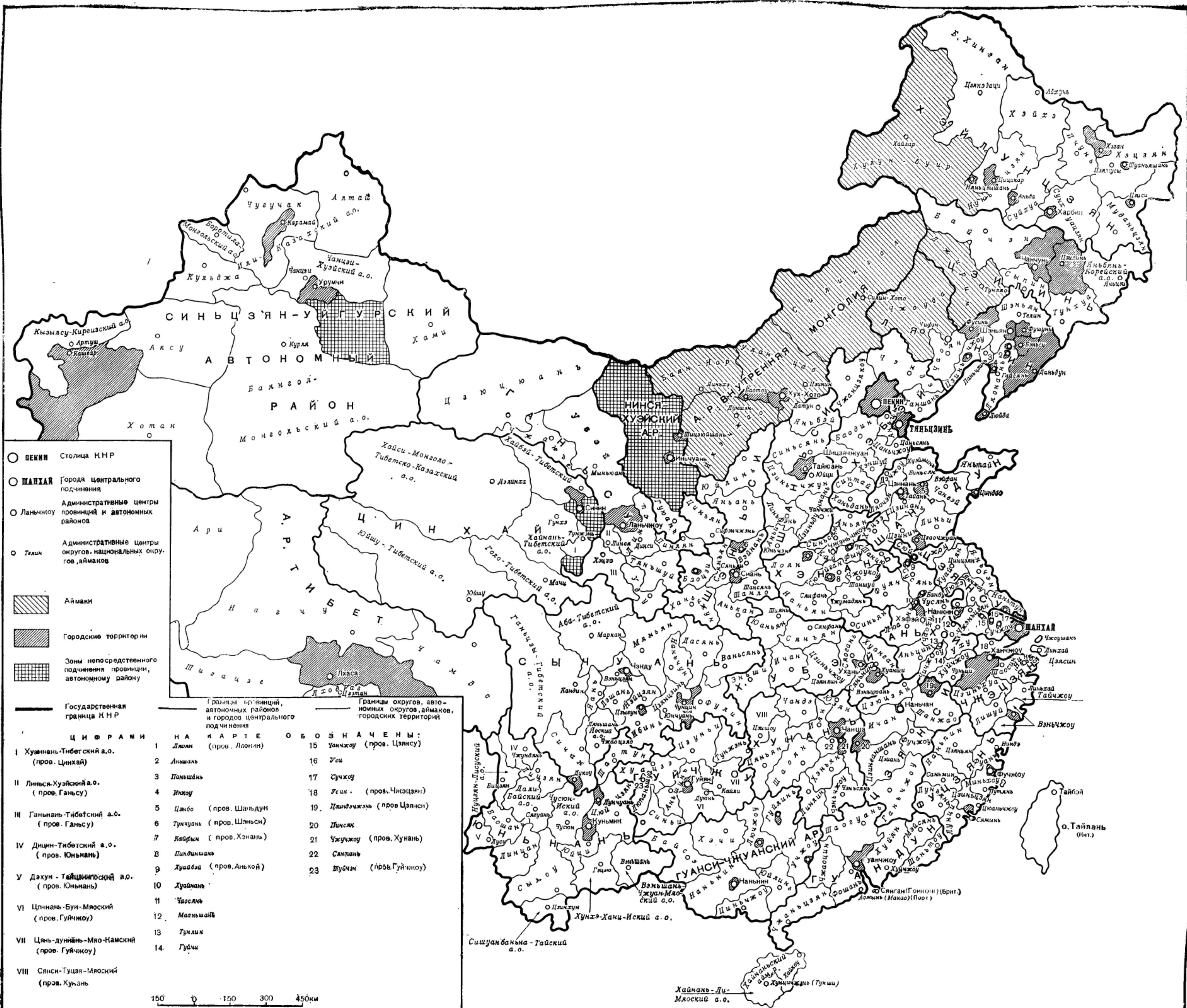
Утверждено к печати
Институтом Дальнего Востока
Академии наук СССР

Редактор *Л. В. Матвеева*
Младший редактор *Р. Г. Селиванова*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректор *Л. И. Рожкова*

Сдано в набор 8/IV 1975 г.
Подписано к печати 30/VI 1977 г.
А-02895. Формат 60×90[1]/16. Бум. № 1
Печ. л. 18,5+0,5 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 19,52
Тираж 20 000 экз. Изд. № 3917
Зак. № 1799 Цена 1 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1.

Тип. изд-ва «Коммунар»
г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 150

Административное деление КНР

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

1974